НЁМАН

3/2012
МАРТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»

Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Н. Макаренко*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *И. М. Кульбицкая*

Подписано к печати 12.03.2012 г. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,36. Тираж 3291. Заказ 682.
Цена номера в розницу 13 600 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»

ТАТЬЯНА БИРЧЕНКО

Зимний вечер

Рассказы

Горькое Майкино лето

Изумрудная вода колыхалась у мола. Глубина даже здесь, почти у берега, была приличная, метра четыре, а то и все шесть. В толще воды распластались сиреневатые блюдца медуз. Придонное течение выстроило их цепочкой и увлекало под сваи. Сухумское солнце жарило, несмотря на десять утра. Майка расстелила на молу полотенце, больше нескольких минут не высидела, прыгнула в море солдатиком, или, по-местному, бомбочкой.

— Я погружаюсь в соленую прохладу, в изумительное море, погружаюсь, погружаюсь…

Напротив мокрой Майкиной головы закачалось улыбающееся лицо Арика. А она, вылетев на поверхность, глотнула воздуха и погрозила мальчишке кулаком. Арик удобно устроился на ее полотенце, свесив ноги в холодную водичку.

Несколько лет девочка не приезжала к бабушке. Только после окончания войны родители рискнули побывать в Сухуми. Москвичка Майка почти забыла, как открывалась фантастическая панорама прекрасного белого города, и восторженно захлопала в ладоши, но когда Сухуми приблизился, закусила губу и чуть не заплакала — на въезде стояли две горелые девятиэтажки, вместо лоджий на уровне второго и третьего этажей зияли огромные дыры.

— Это с моря били, с кораблей, снарядами, — негромко сказал водитель маршрутки.

Молча Майка и ее родители смотрели на улицы с изуродованными домами. В Абхазии строили прочно, стены выводили полуметровой толщины, и коробки домов с виду были целыми, но крыши взорваны, и внутри виднелись причудливо разломанные перегородки, в некоторых домах ужасала сплошная чернота, а кое в каких пожар, наверное, заливали водой, и там сохранились даже обои на стенах. На улице Лакоба увидели трехэтажный дом, все окна были заколочены, и только из единственного распахнутого на третьем этаже окошка ветер выдувал занавеску.

— Мама, смотри, а тут живут…

— И мама печально ответила:

— Да, Маинька, да…

Бабушкин домик стоял в глубине небольшого садика, и на мгновение девочке показалось, что все страшное, увиденное только что, было сном. Но нет, разрушенные дома никуда не делись, и бабушкино худое, измученное лицо, слезы, катящиеся у нее по щекам, вернули Майку в реальность.

— Как выросла…

Родители поцеловали бабушку, а она прижала Майкину голову к груди и гладила ее волосы, но спохватившись, сказала:

— Да что же я, вы с дороги, пойдемте-ка есть мамалыгу, и рыбки я нажарила.

Проголодавшаяся Майка чуть язык не проглотила со вкусной мамалыгой, а мама достала и нарезала сухую колбасу.

— Не режь много, лучше вечером, — попросила бабушка. — А сейчас мы пойдем к морю.

Купальники, плавки, пляжные сарафанчики, папины шорты — все лежало сверху, под руками. Ноги сами несли Майку по знакомой дороге к набережной. А сзади шли родители и расспрашивали бабушку:

— Странно выглядят взорванные дома. Почему стены целые, а крыши разрушены?

— Это была прицельная война. Прилетали вертолеты абхазских войск и сбрасывали гранаты в центр крыши каждого дома, где жили грузины. Внутри все взрывалось, а стены — что им сделается? А помните Сухумский обезьянник на трех ярусах горы? Так вот, сейчас от него осталось три клетки, и обезьянки там сборные, те, которых позабирали домой люди и кормили, пока шла война. Когда начали стрелять, директор заповедника клетки открыл, и обезьянки, как малые дети, ходили по домам, стучались и протягивали лапку: дай поесть. Ну, люди, конечно, разные — кто брал к себе и кормил, а кто забил на мясо и съел. И осудить нельзя — голодно было.

— Ой, смотри: гостиница «Абхазия», какое здание огромное, а окна заколочены…

— Да, ее тоже взорвали через крышу. Грузины, в отместку. Вон, видите — в одном окне уже и деревце видно: залетело семечко, зацепилось за землю между остатками пола и пошло в рост, у нас быстро все зарастает. На девятом этаже, на подоконнике, травка появилась. А снаружи — хоть завтра заселяй. Некого только селить, не едут к нам, боятся. К родственникам — безопасно, не трогают, а чужие когда приезжают, бывает, и пропадают. Женщина одна второй год ездит — у нее пропала девочка-подросток.

— Ох, — вырвалось у Майкиной матери, — ну милиция какая-то есть ведь у вас, как так можно?

— Только что какая-то, — с горечью тихо сказала бабушка. — И хватит, не хочу больше об этом.

На эмблеме Амринского пляжа все так же плясали, опираясь на скрещенные железные хвосты, два веселых дельфинчика, и Майка готова была бежать на мол, но мама остановила ее:

— Нет-нет, пойдем на песочек, бабушка там всегда купается.

И наконец Майка вошла в сверкающее искорками море, и ничего, кроме моря, не осталось вокруг, только необъятная живая влага, переливающаяся зелено-голубыми волнами, целящаяся пеной барашков попасть на руки, на лицо, покачивающая девочку, увлекая ее все дальше и дальше от берега. Бабушка первой вышла из воды:

— Мне больше не нужно.

Скоро к ней присоединились Майкины родители, а девочку из моря было не вытянуть, пока не посинела, не вылезла. Вдруг на теплом песке увидела знакомое мальчишечье лицо:

— Арик! Как здорово, что ты тут!

Арик подрос, но лицо его мало изменилось: те же прищуренные хитроватые глазки под густыми бровями, тот же внушительный нос, тяжеловатый на худом лице подростка, та же улыбка до ушей.

— У-у, какая стала красавица! Майка, пойдем завтра на Амру. Можно, тетя Наринэ?

— Хорошо, идите. С тобой, Арик, пущу Маечку.

Когда возвращались домой, пошли через парк. Арик сорвал цветок магнолии, Майка приколола его к волосам.

— Арик, вы здесь постоянно живете, как моя бабушка?

Майка хотела спросить, не уезжала ли семья Арэна во время войны, и Арик понял, о чем был ее вопрос:

— Куда же мой отец от нашей хачапурной! Люди, как ни странно, хотят кушать всегда, — отшутился он.

Вечером отец Майки спросил:

— Ну что, девочки, отпустите меня на пару дней в Адлер? Редактор просил, чтоб я заехал. Неля, справишься?

— Раз надо, поезжай. Смотри, при переходе через Псоу осторожнее, — попросила Майкина мать своего мужа.

Утром папа уехал, а Майка с мамой пошли на пляж. Девочка купалась на Амре, мама расположилась на песке, как вчера. Майка напрыгалась с мола, наплавалась, надурачилась с Ариком, а он все рвался показать ей, с какой высоты умеет прыгать, и действительно прыгнул в море с крыши трехэтажного дома-ресторана. Во втором часу дня мама позвала дочь:

— Майя, пора домой. В два часа будет пекло, после пяти можно еще сходить. Арик, тебя это тоже касается.

Майка с Ариком быстро собрались. Возвращались мимо хачапурной, которая принадлежала родителям Арика. Он попросил подождать, зашел туда и принес несколько хачапури:

— Угощайтесь, пожалуйста.

Кораблики с сыром были вкусными, но Майка вдруг почувствовала на себе внимательный и недобрый взгляд. Из-за занавески на нее смотрел отец Арика.

В Сухуми было принято в дневное время сидеть по домам — солнце пекло нестерпимо, и после обеда девочка уснула. Она не слышала разговора отца Арика с ее матерью:

— Наринэ, я зашел сказать: не надо твоей дочке появляться рядом с моим сыном. У нее русский отец. В эту войну мы решили, что в семью будет входить только армянская кровь. У нас будут проблемы — увлечется и затоскует. Завтра я отправлю Арэна в село, к тетке. Пусть она его не ищет.

Проснувшись, Майка стала опять собираться на море, но мама сказала:

— Маечка, на пляж не пойдем, у меня от солнца разболелась голова.

А бабушка решила сходить с ними к своей подруге, которая жила во дворе дома с банком и художественной галереей. Собрали сверточек с колбаской и кофе, привезенными из Москвы, и пошли.

Длинный двухэтажный дом с верандой был знаком девочке. Подруга бабушки была тоже коренной сухумчанкой, и во время войны обе пожилые женщины поддерживали друг друга. Двор этого дома был примечателен тем, что ночью в нем дежурили автоматчики, охранявшие банк, и жильцы чувствовали себя поэтому защищенными. Майку поразила огромная кошачья стая, коты и кошки бросились к ним, мяукая на разные голоса.

— Есть хотят, я сегодня не принесла им рыбы, нога разболелась, не пошла на базар, — немного виновато сказала бабушкина подруга. — Прибились к нам чуть не все городские брошенные животные, подкармливаем чем кто может. Они не дикие, раньше жили в семьях, но куда их было везти, когда люди убегали кто в чем стоял. Один старый грузин оставил кота, Тарзана, — вон он, в стороне. Воспитанный, все понимает. Старик уж так плакал, когда прощался с ним! А кот неделю не брал никакой еды, все хозя-

ина ждал, тот его кормил из рук. Смирился потом, стал верховодить стаей. Но никогда со стола ничего не возьмет, сядет и будет в глаза смотреть, пока его не позовут. Надо посмотреть, что у нас осталось от вчерашней еды, и кошкам отнести.

Пока накрывали на стол, Майка смотрела в окошко на задний двор. Прямо под окном стояло высокое инжирное дерево, зеленые коробочки инжира сами ложились в ладони. А стекол не было ни в одном окне. Хозяйка сказала:

— Да, так и живем, застеклить окна очень дорого, летом и не надо, а зимой одеяла вешаем. Вышибло взрывной волной года три назад. Воры к нам не лезут — брать нечего.

Долго шла неторопливая беседа за столом. Старушки негромко пели старые армянские песни, Майка уже стала клевать носом.

— А куда вам идти на ночь глядя, дома вас никто не ждет, переночуете у меня. Страшно у нас ходить, когда темно.

Майке и маме постелили в маленькой комнате. Ночью по кроватям, как ураган, пронеслась кошачья стая — кошки так перебирались с одного двора на другой.

— Я вас, окаянные, — ругалась хозяйка, — нет от вас покоя ни днем, ни ночью.

Под утро Майке приснилось, что она в какой-то очень теплой комнате, но только проснувшись, она поняла, в чем дело. Прижавшись к ее спине всем хребтом, растянувшись во весь рост, рядом спал огромный кот Тарзан, поэтому девочке и стало уютно холодной сухумской ночью. Он тоже проснулся и мгновенно исчез в окошке.

После кофейку ранним утром все пошли на рынок. Неля восхитилась:

— Баснословно дешево! — и накупила всякой снеди, абрикосов, не забыла и рыбки для кошек.

На пляже Майка сначала поплавала с мамой, потом побежала на Амру. Ныряла, загорала и ждала Арика, но его все не было. Пришла с песчаного пляжа мама, постелила свое полотенце рядом с дочкиным.

— Мама, а я думала, Арик опять придет, — огорченно пожаловалась девочка.

— Я забыла тебе сказать — он поехал в село к родственникам, там надо помочь. Заходил вчера его отец, сказал, что Арэна отправляет к ним на месяц.

Майка ничего не сказала, но краски чудесного сухумского дня словно потускнели. Она вспомнила, какими холодными глазами смотрел на нее вчера отец Арика. У девочки возникло чувство своей ненужности на роскошной южной земле, ощущение того, что она и ее родители мешают кому-то в Сухуми. Майя вспомнила, как бабушка говорила за столом:

— В древних нартских сказаниях говорится: настанет время, когда люди с гор спустятся на равнину. Но кончится это тем, что они опять вернутся в горы. А что останется на равнине? Разрушенные и просто пустующие дома? Абхазского коренного населения так мало, что даже в хорошие дома некому вселяться. А лет через пятьдесят вместо города джунгли возникнут, все позарастает. Новый порт-причал построили, готовы были сдать уже, а за войну раздолбали так, что заново надо строить. Вы сюда жить не поедете… Мы, старые, доживаем, а кто здесь будет после нас?

Время тянулось очень медленно. Майка с нетерпением ждала отца, беспокойство матери передалось и девочке. Наконец, он появился, усталый, взвинченный.

— Нет, рассказывать я сейчас ничего не буду. На море, скорее на море!

И только наплававшись вволю, папа начал высказываться:

— Вы представляете, на таможенном переходе спрашиваю людей — тащат ящики с абрикосами: что они делают? Говорят: идем на Псоу. А завтра что будете делать? Отвечают: идем на Псоу. Идем! У них отсутствует будущая форма времени глагола, как у древних арабов! На часах Сухума четырнадцатый или пятнадцатый век. Какая у них промышленность? Шариковые ручки делают, а кто ими будет писать? Половина населения Абхазии грамоте не разумеют! Плохо им жилось при грузинах, при русских, а сейчас замечательно — и их селения разрушены, и грузинские. Помнишь, Гагры проезжали, какая всесоюзная здравница была! Всмятку разбиты Гагры. Дичь, гиль и запустение. На такой благодатной земле и такая разруха! Зато на всей территории Республики Абхазии ни одного грузина, ни одного мингрела, горсточка армян только и осталась. А ведь все бежавшие отсюда люди здесь родились и всю жизнь жили, дома бросили — и в белый свет! Падет, падет на головы сотворивших беду народу тяжкое возмездие. Я верю в это…

Так и проходили теперь дни: с утра и после обеда на море, как начинало темнеть — домой. Майка стала замечать многое, на что раньше бы не обратила внимания. В мусорных ящиках возле высотных домов рылись оборванные люди. В Москве бы подумала: бомжи какие-то, а здесь увидела, что у них безумные лица, ничего не видящие глаза. Бабушка сказала:

— Во время войны сошли с ума. Таких несколько человек, мы их всех знаем.

На Амру часто приходила средних лет женщина, всегда в темной одежде. Она садилась прямо на бетон мола, подальше от купающихся, опускала в море тонкую бечевку, а через некоторое время вытаскивала ее. К бечевке прицеплялись мидии, женщина собирала их и уходила.

— Это она свой обед уносит, — как-то заметил отец. И опять с горечью говорил Майкиной матери: — Помнишь, мы с тобой отдыхали в Кудепсте? Да-а, давно было, а как хорошо! И один раз пошли пешком в Адлер. Какая была красивая дорога, цветы вокруг, чудесный аромат, рай земной, да и только. А теперь посмотрел я на эту дорогу, а на ней воронки от бомб. Преступление перед Богом и перед населением…

И только море было связующим звеном прошлых и настоящих времен, неизменное и вечно меняющееся, ворчащее, словно громадный зверь, и ласковое, как прикосновение голубиного перышка, млечно-жемчужное, зелено-бирюзовое или сине-черное, вздувающееся громадными волнами, и смиряющее свой норов на следующий день, и опять еле заметно подползающее к Майкиным ногам. «Нет ничего на свете лучше моря», — думала юная москвичка и все последние дни старалась как можно больше купаться, не хотела идти домой обедать. Уже перед отъездом, чтобы разрядить обстановку, папа предложил сходить вместо обеда в художественную галерею. Майке пришлось подчиниться, она, скучая, обошла зал, но перед большим триптихом стояла долго. На левой картине триптиха летела огромная птица, а под ней между гор были нарисованы сказочные животные, ростом с гору. Справа боролись горцы со странными существами из легенд, уродливыми и могучими.

— Должно быть, дэвы должны выглядеть именно так, страшнее не нарисуешь, — легкая папина шуточка прошла мимо Майкиных ушей. Она засмотрелась на центральную часть композиции. Там на громадном троне сидела красавица в златотканой одежде, на грудь ее спускались две иссиня-черные косы, длинные, до самой земли, сверху к волосам было приколото прозрачное

покрывало, украшенное драгоценным венцом. Ее черные глаза пристально и высокомерно смотрели на людей, стоящих перед ней, словно она хотела сказать им: «Вы здесь чужие, а я была и буду всегда».

— Такова Абхазия, Апсны, золотая царевна, — словно подвел черту под отпуском отец Майки.

Сам отъезд из Сухуми Майка запомнила плохо. Когда ранним утром опаловое море засветилось в квадратике автобусного окна, на сердце у нее стало грустно. Девочка еще не осознала, что этим летом она оставила в Сухуми свое детство.

Светлый сюр

Дима рос у деда. Его мать, Ольга, дедова дочь, годами сидела во Франции, работала по контракту в издательской фирме. Четырехлетнего Димку она бесцеремонно подкинула деду Трофиму, пообещав: «Я тебе, отец, буду денег присылать много, вам с внуком хватит. Ну что тебе мешает помочь, пенсионер ведь, а мне больше не найти такой выгодной работы. И Димке у тебя хорошо заживется».

И правда, деньги Ольга присылала регулярно, на пенсию Трофим не вытянул бы внука. Димка рос, как все поселковые мальчишки, вольно, часами возился с дворнягой, прижившейся на дедовом подворье, пошел в школу, в которой рады были еще одному ученику — сельские школы при малом количестве детей закрывали, — и уже в школе обнаружился его талант к рисованию. Учительница записала его в кружок рисования, дед накупил акварельных и гуашевых красок, листов бумаги разного размера, специально съездил за этим добром в Бобруйск. Учился Митрий, как называл его дед, средне, звезд с неба не хватал, но и хулиганскими поступками особо не отличался, а пары разбитых стекол за кем из мальчишек не числилось.

Но вот его рисунки деда поражали. Сначала на них неслись пожарные машины, цокали копытами лошади, потом стали взлетать звездолеты. А среди всего разноцветного богатства глаза деда видели их с внуком любимые места на Березине, где старый да малый приладились таскать карасиков и верховодок, их ветхий дом, нарисованный с разных сторон, лохматую дворнягу Фимку, уже дряхлую и ленивую. И себя дед Трофим обнаружил на одном рисунке, и долго рассматривал свое морщинистое и заросшее злой щетиной лицо.

Только мать Ольгу внук не рисовал никогда. Об отце Димка спросил у деда только один раз, когда был совсем еще мал. Трофим не знал, что и сказать, начал что-то путано объяснять про ответственную работу в какой-то загранице, сбился и, посмотрев Димке в глаза, замолчал. Больше внук его об этом не спрашивал, а драться, когда на улице обзывали байстрюком, дрался, но не в полную силу, а как бы по обязанности.

Говорят, растут быстро только чужие дети. Митрий был свой, как сын Трофиму, но и постаревший дед неожиданно обнаружил, что мальчик вырос. Стали попискивать под окнами девчачьи голоса, вызывая Димку на улицу. Особенно старалась Лизка, напасть соседская, как в сердцах ее честил обозленный дед. Вертлявая девчонка умудрялась почти одновременно находиться в нескольких местах, а на увещевания деда: «Да отстала бы ты от парня, сходила бы в клуб, ну и в кино могла бы», — не реагировала и только смеялась. Димка же стоял в своей мастерской, как дед называл отгороженную занавеской солнечную часть зала, и кропотливо работал над очередной картиной. Подрамник они с дедом сколотили по чертежу в учебнике по изо,

этюдник дед купил для внука в магазине, заплатил дорого, но Ольга написала, чтобы на учебу денег не жалел. В восьмом классе парень попробовал писать масляными красками, и теперь дед регулярно разорялся на кобальт, сиену и так далее, а от названия «сомон» однажды даже прослезился.

После девятого класса Дима подал документы в художественное училище, был принят и получил койку в общежитии. К деду он приезжал теперь только на каникулах и на праздники. В прошлый приезд внук привез большой альбом с репродукциями Сальвадора Дали, сказал, в библиотеке разрешили взять на пару дней. Дед стал смотреть репродукции и нахмурился:

— Митрий, тебе это нравится? Вот она, — указал на женщину — «Мадонна Порт-Льигата», — это кто?

— Это Гал*а*, дед.

— И откуда ж такая, по имени непонятно.

— Русская, из Казани, дома, наверное, звали Г*а*ла, а во Франции переиначили на Гал*а*.

— И эта туда же, во Францию, — сорвалось у Трофима.

Внук стал рассказывать про Дали, что, мол, испанец гениальный, во всем мире знают и почитают, что он создал направление в живописи — сюрреализм. Что ценится в нем обман зрения, что твердое прикидывается мягким, живое — неживым и наоборот. Дед спросил:

— Чего ж он мадонну свою крючьями-то подпер?

— Это его творческая находка, вообще он столько сделал нового в живописи, что никто и сейчас догнать не может.

— А надо ли догонять-то, свое надо иметь. Вот он ребеночка на месте живота у нее нарисовал, хотел, стало быть, наследника-то.

— У него с Гал*а* не было детей.

— Вот я и думаю, негодящая, значит, баба, потому и крючьями подпер.

Димка увидел, что дед помрачнел, что Трофиму не понравился Дали, убрал альбом и предложил:

— А давай, дед, я тебе лавку починю, а то сидишь, как на насесте, еще свалишься когда.

И починил, подбил ножки крепкими брусками. Дед был доволен, хотя неприятный осадок от разговора остался.

В этот приезд Димка был оживлен, рассказывал про училище, про какого-то Ваньку, который хвалился, что переплюнет самого Дали, смеялся над ним и между делом спросил деда:

— А Лиза приехала?

— Да приехала напасть эта, вчера вышел за ворота — катит чучело на роликовых коньках, благо март не холодный, дорога очистилась.

— Деда, почему чучело-то?

— Ох, понимаешь, у нее вместо волос на голове какие-то зеленые, синие и фиолетовые ленточки торчат, мода, что ли, такая дурацкая?

— А, это «африканские косички», — сообразил внук. — Она на парикмахера учится, а девчонки тренируются прически делать.

Тут в окошке как раз и Лизкина пестрая голова мелькнула. Димка для виду потоптался по дому, но долго не выдержал.

— Пойду я на речку, погуляю.

— Сходи, сходи, внучек, — благосклонно отозвался отвлекшийся дед, — но смотри, на лед не лезь, особенно в затони, лед сейчас и гуся не выдержит, солнце его проело.

Тропинка вдоль берега уже освободилась от снега, Димка торопливо шагал по ней и за кустами краснотала скоро увидел соседку. Лиза, подняв-

шись на цыпочки, не шла, а парила в сизоватой дали, ее поднятые руки были похожи на крылья, она словно взлетала и не могла оторваться от земли, и голова ее в пестрых косичках была как в короне.

— Привет, Лиза! — догоняя ее, радостно крикнул Димка.

— Не Лиза, а Элиза. Я принцесса из сказки Братьев Гримм, и там, на острове, мои братья-лебеди, я должна лететь к ним, а не получается. Были бы у меня вместо рук лебединые крылья, полетела бы и спасла от чар злой колдуньи.

— Выдумщица ты, Лизавета, — хмыкнул Димка. — Ну как ты там, в своей парикмахерской, живешь-поживаешь?

И они погуляли по берегу, рассказывая друг другу о смешных и о не очень веселых событиях.

Назавтра Трофим никак не мог выманить внука из-за его занавески. Димка с утра поставил на подрамник загрунтованный холст и целый день провозился с новой картиной. Ночью он вставал несколько раз и что-то все поправлял тонкой кисточкой, уснул только под утро. Позавтракал без интереса и опять вцепился в свою картину. Трофим стал собирать внуку в город еды, положил сала, колбаски самодельной, вот уж и время ехать. По дороге к автобусу дед сказал:

— Ты, Митрий, не задумывайся так уж сильно. Сюрреализьм этот — мрачный он, потому мне Дали и не показался.

Внук помолчал и заметил:

— Вот все так и считают. А сюр, он и светлый может быть, я его таким хочу рисовать.

Проводив парня, Трофим вернулся домой и решил посмотреть, над чем внук так трудился. Отдернул занавеску и обомлел: прямо на него с полотна катила на роликовых коньках длинноногая Лизка, на ее голове развевались сине-зелено-фиолетовые «африканские косички», она высоко вверх взметнула руки, нет, левую руку, а вместо правой руки у нее было лебединое крыло.

Зимний вечер

Ночью сильно мело. Утром еще летали редкие снежные мухи, а потом стало подмораживать.

— Бабушка, а когда мы гулять пойдем?

— Сейчас у деда спрошу: пойдешь с ними?

— Пойду, — пробормотал муж. Сел пить чай и повернул выключатель радио. Оттуда радостно грянул детский хор: «Бабушка рядышком с дедушкой…»

«Рядышком-то рядышком, — подумал он, — а жизнь у каждого своя».

Она повела внуков одеваться. Пыхтя, дети обули сапожки, натянули рукавички. Помогла им надеть шубки, туго завязала зимние шапки. Дед уже успел одеться:

— Пошли, топтыжки.

Ни слова, ни взгляда в ее сторону, как будто она и на свете не существует. Закрыв дверь, посмотрелась в зеркало. Оттуда на нее смотрела не молодичка, конечно, но не старая, совсем не старая женщина. Молодо блестели глаза, морщинки в полутемной прихожей были не так заметны. Даже легкая седина в волосах не делала ее старухой. В свои шестьдесят с небольшим женщина сохранила стройность. Дочь подбрасывала матери одежки, не успевшие за сиюминутной модой, и вещички подходили, она носила их с удовольствием,

выглядела современно. И что за напасть, почему он замечать не хочет, что она еще молода?

Муж ее считал себя хорошо пожившим мужчиной, на свой брак смотрел как на давным-давно наскучившее дело, но менять что-то в жизни не собирался. Во всяком случае, пока.

Он привел внучат на горку, стоял, прислонившись к дереву, и смотрел, как они медвежатами кувыркаются в снегу, вылетев из санок. Дед задумчиво следил за их щенячьим весельем, опасности для внуков не было, и он переключился на свои трудные мысли. Величественная красота зимней аллеи настраивала на торжественный лад, снежный воздух разогревал кровь, пощипывал щеки, и давно ушедшая молодость словно стала возрождать старое тело.

«В сущности, как все быстро происходит — не успел оглянуться, а жизнь пролетела...»

Он вспоминал себя молодым спортсменом, яростно тренирующимся, чтобы выиграть чемпионат мира, с усмешкой думал о глупости, которую совершил, когда был в полшаге от победы: друг попросил уступить ему первенство, — мол, женюсь, квартира нужна, а ее только за первое место дадут. И уступил, разыграл фехтовальную партию в поддавки. В результате остался без жилья, долго мыкался по студенческим общагам, пока не познакомился со своей теперешней супругой, а тогда молодой девушкой, недавней выпускницей института.

И после трехдневного знакомства решил жениться, сделал ей предложение. Семья стала жить в однокомнатной кооперативной квартире, которую его жена успела построить к тому времени, родился сын, и вся их жизнь стала выстраиваться вокруг задач, связанных с его воспитанием и, выражаясь высоким стилем, взращиванием. Растили одно, а выросло другое. С их обожаемым сыном произошло то, что случается с некоторыми «комнатными» мальчиками, рвущимися в шестнадцать лет на свободу и от желания доказать всему свету, что они взрослые, калечащими свои жизни. Родителей он слушать не желал, а его друг оказался злым гением, и все закончилось колонией, поселением, а потом и тюрьмой.

Жизнь продолжалась, надо было растить дочь, родившуюся у них поздновато, когда уже стало подтягивать к пятому десятку. Дочка выросла умницей, окончила университет, с ее детьми дед и гулял сейчас.

— Ребятишки, пора домой, ну нам бабушка и задаст!

По аллее повернули к дому. Навстречу им шла дама среднего возраста, как показалось вначале, но с небольшого расстояния стали видны морщинки, усталые глаза, скорбная скобочка рта. «Седеющий фавн и бывшая нимфа», — иронически подумал мужчина и, подхватив ребят за руки, ускорил шаг.

Он принадлежал к поколению послевоенных детей, которым выпало на долю не видеть войны, детство его прошло в провинциальном городе, в построенном его отцом доме, рядом с которым стоял дом бабушки. В сущности, он был типичным представителем советского строя жизни, со всеми достоинствами и недостатками, порожденными мощной иделогической накачкой. К числу несомненных достоинств относилось его трудолюбие, он был мастеровит, разбирался в электрике, и когда супруга затеяла крутой ремонт, все выключатели переставил вниз, не вызывая мастера. Сам положил плитку на стенах кухни и на пол. Недостаток же его — мелкие недостатки бывают у всех, не о них речь — был, на взгляд его жены, ужасен: он постоянно врал. Объяснить это можно было, если вспомнить, как люди в прочное советское время говорили одно, думали другое, а прикидывали третье. Он врал всем: жене, уверяя ее, что верен ей, хотя давно связался с непристойной

компанией потрепанных девиц, работающих в поликлинике и оказывающих свои специфические услуги всем старикам, пытающимся вернуть ушедшую молодость; врал дочери, с увлечением сочиняя рассказы о небывало затруднительных передвижениях по городу, — надо же объяснить, почему на получасовую поездку у него ушло полтора часа; врал девицам, что был каким-то образом занят, когда жена сбивала его планы. Впрочем, по части вранья они ему не уступали и, в свою очередь, вдохновенно вводили ему в уши фразочки о необыкновенно возвышенных чувствах, которые будто бы к нему испытывают, перемежая свою махровую ложь не менее махровой лестью, на что состарившийся мужик оказался падок.

Странная вещь — жена его принадлежала к тому же поколению послевоенных детей, но для нее ложь оказалась невозможна. Строчка Визбора: «Они сказали — правду ищешь? Найдешь — она тебя убьет», — очень точно определяла ее состояние в новом для нее качестве обманутой жены. Она с горечью видела деградацию человека, постепенное исчезновение всех моральных принципов, необходимых ей и оказавшихся ненужными ему, испытывала тяжкое унижение, когда он буквально через ее голову разговаривал со стоящими рядом особами из компании, не оставляющей его в любых передвижениях по городу, и при этом якобы обращался только к ней. Их цель была ей понятна — они охотились за квартирой, которая после смерти ее мужа могла попасть в их жадные руки. А могла и не попасть, во всяком случае, она на это надеялась и боролась как могла. И напряженно искала причину, приведшую его к таким тяжелым для нее изменениям. В конце концов она решила, что причина эта — его страх смерти, как и большинство мужчин, ее муж оказался трусоват, а длительность своей жизни по традиции увязывал с новыми сексуальными ощущениями, иными словами, он чуть ли не благодеяние семье оказывал, когда тайком выносил из дома гостинчики для путающихся с ним девиц.

И что было делать ей, видя и понимая все это? Жизнь продолжалась, изменить что-то было невозможно. Росли внуки, нужна была помощь детям. Поэтому она гнала черные мысли прочь, вот и сейчас, вздохнув, пошла открывать двери на веселый звонок деда и внучат.

— Ух, какие вы снеговички!

Она вывела детей в коридор и стала веником сметать с них снег. Дед же с недовольным лицом отправился на кухню и уселся там перед окном. Жена знала, что он ждет автомобильного гудка одной из машин, которые возили ее противниц, он уже много раз проделывал в ответ на гудок следующее: становился в центре оконной рамы, красуясь, как на картине, и открывал большую створку рамы. Что это означало, она в точности не знала, понимала только, что он подает им какой-то сигнал. Если ему не удавалось незаметно это проделать — она специально не уходила в комнату под предлогом какой-то необходимой возни на кухне, — муж злился, начинал кричать, случалось, изрыгал ругательства, не стесняясь даже дочери.

Вот и сегодня она сняла кастрюлю супа с плиты, стала наливать в тарелки.

— Идите кушать! — позвала домочадцев.

— Я не буду, — недовольно буркнул муж и ушел в комнату.

Дети поели, она убрала со стола и осталась в кухне. Она уже привыкла к одиночеству вдвоем, но все никак не могла понять, как он мог перечеркнуть прожитые с ней тридцать пять лет и так унижать ее, прекрасно зная, что она — гордый, самолюбивый человек. Несомненно, какие-то негативные процессы начали происходить в его жизни, и она считала, что это последствия его предательства. У него опухли суставы, он был вынужден бинтовать

лодыжки и неделями ходил в тугих бинтах. А она вспомнила, как некоторое время назад он врал ей, что у него разболелась то одна нога, то другая, и бросал ее посреди улицы, чтобы иметь возможность переговорить с теми, кого она даже не хотела называть нормальными словами. «Вот и допросился у Бога болячки», — качала головой она, ноги-то стали болеть и в самом деле. Высшие силы — эту мысль было не отогнать — стали подавать ему знаки, то есть он своими действиями задел и рассердил покровителя их семьи. Например, летом, когда они вместе были на озере, мимо прошли двое парней, но только поравнявшись с ними, заговорили между собой, да так, что эти слова намертво впечатались в ее сознание. «Напрасно ты думаешь, — сказал один другому, — что так уж они млеют. Тут, друг мой, четко прослеживаются три «нет»: нет денег, нет квартиры, нет молодости». Как будто ее собственные мысли прочитали! И потом ушли молча, словно их кто-то послал сказать эти слова для ее мужа. Было много и других случаев: спотыкался, выходя из подъезда, именно тогда, когда говорил ей неправду о том, куда идет, никак не мог вылечить ухо, сколько ни промывал в поликлинике, слышал плохо, а все потому, думала она, что опять заходил к тем ведьмам.

Вспомнилась недавняя ссора, когда он стал со злостью говорить о сыне, а она, все понимая, не сдержала себя и крикнула:

— Какой он снаружи, такой ты внутри!

Почему их первенец стал таким, что произошло в переломные моменты его жизни, какие кармические долги он отрабатывал, допустимо ли полагаться на мнение Свияша в этом? Сын тоже часто врал, и теперь она сравнивала его поступки с делами мужа, и все большее сходство между ними делалось неоспоримым. Но можно ли во всем винить мужа, какие-то черты характера сына сформировались и под ее влиянием. Не взял свет, а впитал всю тень…

Она раскрыла томик Пастернака, и строчки словно вспыхнули перед глазами:

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Полной гибели всерьез… Она еще посидела на кухне, слушая, как дети, играя, звонко покрикивают друг на друга. Наконец у них стало тихо. Заглянула к ним — уснули прямо на ковре. Перенесла их в кровати, пошла в комнату к мужу. Он тоже спал, неудобно запрокинувшись, нелепо торчал острый плохо дышащий нос, щеки, запавшие из-за снятого зубного протеза, делали его лицо похожим на лицо глубокого старика. Жалость острой иглой кольнула ее в сердце. «Нет, что бы ни случилось, что бы он ни говорил и делал, я буду рядом с ним. До конца».

Она сняла фартук и села в кресло с книгой. Серое вечернее небо сливалось со светло-серым снегом. Тишина стояла в квартире, тишина и спокойствие воцарились у нее в душе.

В такие минуты человеку приоткрывается запредельная даль, и всепрощающее, ласковое прикосновение, дуновение милости Божьей стирает печаль, дает силы жить.

…Годы спустя она вспоминала тот зимний вечер как одно из мгновений безоблачного счастья.

ЮРИЙ МАТЮШКО

Я пушинкой по миру лечу

Запах из детства

Было дело — ходить за хлебом
В зимний холод и летом душным.
И желательно, чтоб к обеду
Не запаздывал хлеб насущный.

Тратой времени, и немалой,
Оборачивался порядок.
Стойко очереди стояли
Под надзором скандальных бабок.

Хлеб возили тогда на кляче,
Привозили его горячим,
И был сладостен нам, разиням,
Хлебный запах из магазина!

Был тот запах — на два квартала…
Нынче вовсе его не стало.
Нынче хлебушка не в обрез…
Вроде лучше, а дух исчез.

Сельские бабули

Все дни в прополках и в посадках,
То под дождем, то вновь в пыли.
Передник, сапоги и тяпка…
Да взгляд, землистый от земли.

Работа, в общем-то, простая:
Тут подсекать, там подгребать.
Бабульки глаз не поднимают —
Что толку: края не видать…

Под вечер их отпустит поле,
Дела откатятся чуть-чуть.
Тогда они себе позволят
Немного спины разогнуть.

Осталось под родимым кровом
Доделать, что всего родней:
Осталось подоить корову,
Осталось накормить свиней.

И пусть усталость давит книзу,
Они, двужильные, кажись,
Еще включают телевизор,
Чтоб посмотреть чужую жизнь.

Завтрак в походе

К холодам, к холодам, к холодам
Ветер северный ночью свистит.
В котелке замерзает вода,
И сознанье успело остыть.

Мы уже одолели ту грань,
За которой нет места словам.
Без эмоций встречается рань,
И привычными стали дела.

Кто-то молча костер разожжет,
Напустив на округу дымок,
Кто-то хлеб покромсает ножом,
Миски выставит в длинный рядок.

Кто-то схватит походный черпак,
Лук порезать кому-то не лень,
И глядишь — можно жить, как вчера,
А вчера был отличнейший день!

Шуточка

Какая радость — творческие муки,
Когда они захватывают нас…
Я создаю гармонию из звуков,
Затем из слов,
затем из целых фраз.

Я привожу в порядок хаос мыслей,
Я вижу все, что скрыто наяву,
И делаю гармонию из смысла
Бессмыслицы, в которой я живу.

* * *

Перечеркивали небо
Метеорные потоки.

Вспышки мыслей гасли следом,
В дебрях дремы неглубокой.

Желтый лик луны нелепой
В облаках перекосило.
Ветерок порылся в пепле
И улегся, словно псина.

Подбирался холод к телу,
И хотелось, чтобы где-то
В небе что-то загорелось
И горело до рассвета.

И еще хотелось вызнать
Тайну головокруженья,
Не меняя образ жизни,
Не меняя положенья…

* * *

Облачной полосой
Небо в закате тлеет.
Ласковый голос твой
Слышится все слабее.

Ласковый голос твой
Памятью стал вчерашней.
Окружена зарей,
Ты мне рукою машешь…

Пятится небосвод
С пятнышком-силуэтом.
Вот и пришел черед
Исчезновенью света.

* * *

Закат над крышами разлит.
Садится солнце. Запад розов.
Сырые борозды земли
Огрубевают от мороза.

Безлунье. Облачности нет.
Исчез за лесом дальний клекот,
И незаметно тает след
За пролетевшим самолетом.

И там, где дышит пустота
Среди деревьев полуголых,
Вдруг понимаешь дрожь листа,
Узнавшего предзимний холод.

* * *

Прекрасен миг взаимной страсти,
В котором гаснет все вокруг,
Когда сердца открыты настежь
И вместе думается вслух.

Слова взахлеб…
Шальная ласка…
И счастья первая слеза…

Не может блеска быть прекрасней,
Чем блеск у женщины в глазах!

* * *

Под тяжестью выгнулись сучья,
Прошел снегопад и исчез.
Сгустившись, упало беззвучье
На тихий заснеженный лес.

Замедлилось зимнее время.
Снежинки уже не кружат.
Прохладные синие тени
На первых сугробах лежат.

Дорожки и тропы покрыты
Пушистою тайною сплошь,
И жаль, что шагами со скрипом
Невольно себя выдаешь.

* * *

Когда-то люди, может быть, поймут
Что в жизни есть совсем иной отсчет.
В котором приближается к уму
Великая энергия пустот.

В ней есть непознаваемая суть,
Немыслимо большой потенциал.
Всевышним перекрыт частотный путь,
Чтоб человек пока его не знал.

Сознанье наше медленно растет.
Наш разум заполняет ерунда.
Но вечная энергия пустот
Рождает наши мысли иногда.

* * *

Никогда ни о чем не просил —
А сегодня взмолиться хочу:
Где я! Бог милосердный, спаси!
Я пушинкой по миру лечу.

Все сильнее порыв ветровой.
Где я! Боже, меня сохрани!
Потеряли сцепленье с землей
Торопливые мысли мои.

Ничего не понять, не понять
В круговерти часов и минут.
Все земное покинет меня.
Где я, Господи? Там или тут?

Тверди нет подо мной. А вокруг —
Мельтешенье космических тел…
Напрягаю и зренье, и слух.
Кто я, Господи, если взлетел?

НАТАЛЬЯ ПАРХИМОВИЧ

Цветок на северной стороне

Рассказ

Утро начиналось как обычно. Вера привычно варила себе кофе, затем шла к окну — к своему цветку. Сжав листья в маленькие кулачки, он никого не хотел радовать своим цветением, как она его ни подкармливала, ни уговаривала.

Наскоро сделав несколько глотков кофе, направлялась в спальню к больной свекрови. Это тоже было растение, за которым она ухаживала уже три года. Бессмысленный, усталый взгляд, открываемый как по команде рот навстречу ложке с йогуртом. Жалость, сочувствие стали настолько обыденными, что перестали напоминать о себе. Она тоже перестала воспринимать себя отдельно от этого умирающего домашнего мира, давно не заботясь о собственном существовании. Их жизнь, когда-то звеневшая праздниками, отошла в прошлое, оставив ее здесь, в богом забытом доме.

Когда-то, очень давно, маленькая девочка Вера, засыпая, чувствовала, как у нее за спиной отрастают крылышки. Она легко отрывалась от пола и перелетала туда, где было легко и весело, где ее любили.

Сначала она долго ждала, когда ее из круглосуточного садика заберет мама. Вера представляла мамино лицо, ее ямочки на щеках, когда она улыбалась. Тоска по ней шла рядом всегда и была естественной и привычной.

Долгие стояния в углу, куда ее за «непослушание» отправляла воспитательница, были лишь возможностью уйти «туда» и там оставаться среди окружающего ее шума. Вера фантазировала, придумывая себе новые сказки, в которых всегда присутствовала мама. Часто она так и засыпала, забытая в этом убежище.

Свое пребывание в фантазиях она сохраняла до встречи с мамой. И тогда сказка становилась реальностью, а Вера превращалась в обыкновенного ребенка, веселого и озорного.

«У вас трудная девочка, — говорила маме заведующая. — Советую показать ее детскому психологу». «Очень нервный ребенок, — говорила врач, — реагирует на все неадекватно».

Мама покупала ей мороженое, разговаривала с ней, как со взрослой. И мир становился простым и понятным.

«Потерпи, — говорила мама. — Всего одна неделя…» Да, соглашалась Вера. Надо только научиться терпеливо ждать своего счастья. И тогда снова придут нежность, забота, мамина любовь. Маму можно будет потрогать руками, и совсем не обязательно придумывать во сне волшебницу. Нельзя же все время спать… Но что-то в ней (или кто-то?) не хотело подчиняться этим уговорам, протестовало, и тогда она ловила тревогу в мамином взгляде, в ее суетливых движениях.

Воспоминания о детском одиночестве остались с нею навсегда. Она боялась его и старалась, где бы ни была, не оставаться одна.

«Это же надо! Из какого-то гадкого утенка превратиться в такую красавицу! — сказала как-то мамина подруга, поднимая в Новый год бокал с шампанским. — Замуж пора!»

Вера подолгу разглядывала себя в зеркале, не находя никаких особенных изменений.

Она мечтала о любви всегда, ей казалось, с самого детства. Рисовала в воображении своего героя. «Нужно только немного подождать».

И вот он пришел, ее герой из сказки. Это был Валентин, однокурсник. Долговязый, плечистый, «накачанный», самовлюбленный, мечта всех девчонок их курса. Но она, глядя на него «из своего угла», увидела вдруг в нем свою тогдашнюю незащищенность. Его амбиции, желание всегда нравиться говорили о закомплексованности, зависимости от окружения. Сын состоятельных родителей, он жил, подчиняясь их воле. Воспитанный в закрытом пространстве, среди «нужных» книг и «серьезной» музыки, он абсолютно не знал жизни. Валентин увидел в Вере свой идеал. Но она-то знала, что такое идеал. Это то, что мы вырастили в себе. Он — в себе. Она — в себе.

Все происходило как во сне. Стремительно, празднично, шумно отгремела свадьба. Поздравления подружек. Тревожно-неприязненный взгляд свекрови. Мамино одинокое лицо в окне, когда они уезжали.

По утрам она поливала цветы на подоконнике, попутно поглядывая на экран телевизора, в котором толстая тетка рекламировала «Комет» для унитазов. Пока она готовила завтрак, Валентин, как всегда любуясь собой, проделывал обязательные утренние упражнения с гантелями.

«Хорошо бы к этому прекрасному загорелому телу с его игрой мышц хоть капельку души…» — раздраженно прислушиваясь к его сопению, думала она.

Окна их квартиры выходили на северную сторону, и в комнатах почти не было солнца. Собравшись на работу, она в спешке распахивала дверь, и ей в лицо ударял яркий свет, льющийся из окон на лестничной клетке. Как будто включили сразу сотню лампочек.

Любившая цветы, Вера в их мрачной квартире старалась заводить комнатные растения, которые живут в плохо освещенном месте.

Валентин шел по жизни по своему раз и навсегда заведенному распорядку: дом, работа, телевизор, тренировки в спортивной секции, иногда бильярд и баня с друзьями. У него все ладилось.

Оставив на ее попечение свою больную мать, он часто разъезжал по командировкам, привозя ей наспех купленные в вокзальных киосках подарки. Он любил ее, по-своему, но его любовь уже была ей не нужна.

Вера привыкла к его частым отлучкам, постоянным нервным разговорам по телефону. Она давно догадывалась, что муж изменяет ей, и потому пыталась закрыться, защитить себя от его лжи. Все чаще ей вспоминалась деревня, где она, будучи уже школьницей, проводила летние каникулы. Там всегда было много солнца. Роща у околицы, грибной дождь. Деревенский паренек Юрка, с которым они проводили время на речке, просивший ее тогда: «Не уезжай, я покажу тебе гнездо черного аиста…» Страшная гроза, молния, ударившая в дерево. Плачущий паренек с мертвым аистенком в руках. Как предвестие ее печалей.

В этом мире, таком правильном, что-то напутано. Так не должно быть.

Она пыталась сосредоточиться на чем-то главном. Периодически перечитывала мамины письма, старалась заглушить тоску по ней.

После смерти матери Вера вернулась в свое одиночество. Оно было привычным и желанным.

Теперь, в постоянном отсутствии Валентина, все заботы о больной свекрови легли на ее плечи. Вера старалась не замечать ее неприязненных взглядов, ее нежелания принимать от нее помощь. Она жалела эту строптивую, вечно капризную и беспомощную женщину, ненужную сыну. Они остались наедине друг с другом, брошенные и одинокие. Вера понимала ее нежелание зависеть от нелюбимой невестки, ее болезненную гордость, ее стыд за пеленки и памперсы и старалась не докучать ей. Но застарелая неприязнь одной отступала перед заботой и терпением другой. И Вера услышала последнее: «Прости меня...»

Ее жизнь тоже рассыпалась на маленькие, полузабытые осколки счастья, которые уже невозможно было собрать. Она поздно поняла, что ей всегда была нужна своя тональность, но боязнь одиночества мешала слышать, ее голос заглушали чужие звуки.

Нужно было менять свою жизнь, меняться самой. Вера решилась на этот шаг легко, потому что давно была готова к нему…

Когда Вера узнала, что беременна, она не почувствовала той радости, какую обычно испытывают женщины. Скорее это был испуг. Теперь, когда она захотела все изменить в своей жизни, ей снова приходилось подчиняться чьей-то воле.

Она прислушивалась к легким толчкам внутри себя, которые теплой волной наполняли тело. Это жил, стучался в ее одиночество, просился в этот мир ее ребенок.

На решение Веры уйти от мужа рождение ребенка не повлияло. Валентин не слишком настаивал, тем более что детей он не хотел. Возобновить отношения он не пытался, заявив, что ребенка признает своим.

Тяжкое уныние, безрадостные дни сменились хлопотными и тревожными буднями, привычными для всех матерей. Весь мир теперь был наполнен голосом ее ребенка. Не чувствуя усталости, Вера жила радостными надеждами, откликаясь на детский лепет, на смех и плач сына. Она назвала его Вячеславом, в честь своего отца, ушедшего из жизни, когда ей было четыре года.

Летели счастливые дни, месяцы, годы. Посвятив жизнь сыну, она успевала везде — по дороге на работу отводила его в садик, со временем в школу. Бегала с ним в бассейн, в различные спортивные секции, на уроки английского языка. Ей хотелось успеть дать ему все, развить в нем все его способности и таланты. Она торопилась, торопилась… Украдкой любовалась им, видя, как он растет, мужает, как расправляются его плечи.

Наступил день, когда Славик, смущаясь, привел вечером к ним домой свою девушку, чтобы познакомить с матерью.

Счастье шло к ней семимильными шагами, как будто спохватившись, что так долго отсутствовало в ее жизни, стремилось воздать ей сторицей за многолетнее ожидание.

Они задумывались о будущем, о поступлении в институт и карьере юриста, когда прислали повестку из военкомата. Вера бросилась звонить

Валентину. Со слезами, впервые, просила его созвониться с влиятельными знакомыми, помочь отсрочить призыв на год, чтобы дать возможность сыну определиться.

«Мужчина должен служить! — как всегда с апломбом ответил Валентин. — Все мужики служат, и ничего. Только крепче станет. В конце концов, пусть Слава принесет родине славу!» — высокопарно закончил он.

Ее сын ушел на чужую войну. Ее мальчик, еще никогда не видевший жестокости, писал ей утешительные письма о том, какие замечательные ребята здесь собрались. Присылал фотографии, с которых на нее смотрел совсем незнакомый молодой боец с твердым, холодным взглядом и как бы забытой на лице улыбкой.

Она жила этими письмами, стала ходить в церковь, подолгу простаивая возле ликов святых, пытаясь донести до них свои просьбы-молитвы.

После тяжелого ранения Славика комиссовали. Он вернулся домой, как возвращаются мужчины после трудной, изматывающей работы, с невидящим взглядом и усталой поступью.

Мать смотрела на него, и у нее разрывалось сердце. Нежностью, заботой, постоянным присутствием она пыталась вернуть его прежнюю улыбку, добродушие. Они подолгу говорили, но разговор всякий раз был тяжелым. Рассматривая фотографии, Слава говорил:

— Это Витя. Ему оторвало обе ноги. А это Саша. Погиб в первые дни, когда попали под обстрел. Тогда почти вся рота полегла… Теперь я здесь, а они в могиле. Я не живу, я существую, как растение. Я Светке перестал писать, порвал отношения с нею. Кто я теперь — инвалид!

У него не получалось жить, и он помогал себе алкоголем. Пьяный, он кричал ей в лицо:

— Ты не знаешь, как это на самом деле! Это невозможно объяснить! Мне жить больно, на свет смотреть больно! Я не живу, я здесь просто присутствую! Они — там, а я здесь, за них…

В чем их вина, этих ясноглазых мальчиков? Почему, едва встав на пороге жизни, они должны по чьему-то приказу уходить из нее?

Война убила в ее сыне душу. Когда Вера увидела, что у него исколоты все руки, то поняла, что бессильна против того зла, с которым он уже не боролся. В отчаяньи она пыталась уговорить его лечь в больницу, нужно было хотя бы попытаться его спасти. В ответ он только устало улыбался.

И однажды он не захотел больше просыпаться…

Мерное тиканье часов, которые остались возле Славиной кровати, не могло заглушить тонко и пронзительно звенящую тишину одинокой квартиры. Достав из шкафчика пакетик с таблетками снотворного, высыпала их в стакан, медленно пошла в кухню, подставила стакан под струю холодной воды.

Резкий звонок в дверь вывел Веру из оцепенения. На непослушных ногах она подошла к двери, с трудом открыла ее.

В потоке солнечного света, льющегося из окна на лестничной клетке, крепко держась за руку молодой женщины, на пороге стоял маленький Славик.

НАТАЛЬЯ ИЛЬЮШИНА

Розы из снега

* * *

Стихи — это муки ожившей березы,
из раны дарующей сок…
Стихи — это в боль лугового покоса,
сквозь сено проросший росток…

Стихи — это слезы гнедого тумана,
еще не забывшего ночь…
Стихи — это миг пробуждения странный,
стремящийся сон превозмочь…

Кочуют по сломанным веткам виденья
исчерченных временем лиц —
А птица лесная
вещает рожденье
Еще не прочтенных страниц.

* * *

В самое жгучее вьюги мгновенье
Песней весенней в метель ворвалась —
По непослушной души мановенью
Розы из снега лепила, смеясь...

Вьюжное счастье горячей слезою
Растормошило замерзший ручей —
Я над растрепанной зимней косою
Бант завязала из вешних лучей.

В самое жгучее вьюги ненастье,
Только за ветра порывы держась,
Розовощекая девочка счастье —
Розы из снега — лепила, смеясь!

* * *

Вот так случается всегда —
Ответишь:
«Нет!»,

А в сердце:
«Да!»
Живут два разных человека
В любой души кромешном пекле.

Сегодня — светел, как улыбка,
И не страшна уже ошибка,
А завтра — грубый, точно кнут,
Его и камни обойдут.

Во всем приливы и отливы.
Мы все несчастны и счастливы,
И, может быть, закон контраста
Нам помогает очень часто:

Для серых будней — блеск фантазий,
Для чистоты — потоки грязи,
Для лета — долгая зима,
И даже глупость — для ума....

* * *

О, жалость с нежностью,
вы точно два крыла
Испуганной
и беспризорной птицы.
Движенье ветра вдруг из-за угла —
И чудо снова может повториться.

Вдруг посветлеют хмурые глаза
И трепетно улыбка тронет губы —
Так небо светится,
когда прошла гроза
И тучи мрачные
плывут на убыль…

* * *

Сверкают блестки филигранью[1].
Февральский ветер и мороз
Выводят на витринах грани
Витиеватых снежных роз,
Ночь освещая светом жгучим,
Как сотни пестрых светлячков.
Вхожу, как фея, в мир сыпучий —
В нем чудеса творить легко!

[1] Филигрань — ювелирное изделие в виде тонкой, напоминающей кружево узорчатой сетки из тонкой крученой золотой, серебряной или иной проволоки.

В нем фонари надели нимбы,
Святых апостолов затмив.
Домов размашистые глыбы,
В ночной тиши, глаза прикрыв,
Застыли мрачно и сурово...
Коней волшебных запрягу —
Я чудеса творить готова!
В любом окне огонь зажгу!..

* * *

Как искры над костром, летят мгновенья,
Горят в ночи: чем жарче — тем быстрей,
А за чертой ночного притяженья
Бегут в былое призраки коней.

Коней-секунд, минут, часов и лет —
В тот призрачный, в костре горевший мир,
Где тоненькую сломанную ветвь
Съедало пламя, словно злой факир.

Она ж, пылая в огненном восторге,
Выплясывая жаркий пируэт,
Без умолку трещала, что не горько,
А сладостно дарить последний свет.

Последний уголек в глазах открытых,
Последний миг бесхитростной любви —
Глоток последней боли недопитой
Испей до дна — и душу оживи!

* * *

Я обидела друга?
Друг обидел меня?
Отчего туго ухо
И молчанья броня?

Отчего же нависла
Тяжких дум пелена?
Отчего гложут мысли:
Как и прежде, одна...

Неужели не слышишь:
От молчания дня,
Как сосульку под крышей,
Лихорадит меня?

* * *

Порою постигаю
Свободу быть собой —
Тогда судьба иная
Встает передо мной.

Весь мир звучит иначе —
Исполнен глубины,
И даже неудачи
Значения полны.

* * *

Ты в комнату входишь с улыбкою кислой,
И будто угасла сверкнувшая искра —
Мне сразу становится странно темно,
И холодом дышит большое окно.

Брожу я по комнате, точно по клетке,
Гляжу, как сгибаются голые ветки,
Как ветер качает без жалости их…

О, как это трудно —
любить за двоих!

* * *

День с тобой в теплый улей несу,
Как душистый лавандовый мед...

День с тобой — медвежонок в лесу
Свою сладкую лапу сосет...

День с тобою — шальной метеор,
Разогнавшись, сгорает, любя...
Как лавина срывается с гор
День, который уносит тебя...

Молчаливый разлуке укор —
Меж зубами зажата губа...

Словно гулкий пустой коридор,
Длинный день без тебя...
Без тебя —
Провода натянув, день стоит
Телеграфным столбом у ворот,
На ветру обнаженно скрипит
И звонка телефонного ждет...

Надежда

Пусть надежда умрет после нас:
Ведь она умирает последней!
Сбросив тягостный плоти балласт,
Улетит она в сад заповедный.

После нас, после нас, после нас...
Пусть не плачет она над могилой —
Может, вспомнит, что в прошлом подчас
С нею вместе летать мы учились...

И взмахнут лебедино крыла,
Попрощаются с гадким утенком...
Ты, надежда, мне часто лгала...
По крутому катилась я склону,

Выбиваясь из сил, босиком,
За тобою бежала вдогонку,
Промокая под жизни дождем,
Я ловила свой луч золоченый...

* * *

Спицы искрятся, как будто зарницы,
Петля за петлю цепляя в ночи.
Шерстью овечьей вяжу я волчицу —
Память бы так же суметь приручить!

Пусть же волчица из пряжи овечьей
Облаком добрым по небу плывет.
Пусть и в последний мой призрачный вечер
Солнечным нимбом цветет небосвод!

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

Год демонов[1]

Роман

V

Приблизительно в это же самое время занятому разработкой стратегии на ближайшее будущее Константину Петровичу Злобину позвонил его давний друг, товарищ по работе в Госплане при Совмине, секретарь партбюро Института истории партии при ЦК КПБ и спокойно сообщил, что корреспондент «Правды» Горич уже третий день изучает все, что связано с созданием партизанского отряда имени Суворова бригады Барановичского объединения. «Дотошно изучает твою и твоих боевых товарищей жизнь на оккупированной территории».

— Бояться мне нечего. Крамолы он там не откопает. А за предупреждение спасибо. Обязан. И вообще, Николай, негоже раз в полгода перезваниваться. Надо чаще встречаться. Свалит, не дай бог, хворь, так локти кусать будем, что с друзьями редко сто грамм коньяка на грудь брали. Стареем. Я виноват. Обещаю исправиться, — разглагольствовал ректор, а мыслями был уже далеко от бывшего коллеги, который, как оказалось, долго помнит добро. Его дочери с помощью Злобина «выбили» квартиру.

Ректор думал о Любомире. «Наивный мальчик. Годков этак тридцать тому назад надо было ворошить тему оккупации. А ныне... почитай, все свидетели, которые могли из зависти очернить-оклеветать, поумирали. Все в точности восстановить даже самому въедливому кагэбисту не под силу. Но вот вопрос, неужели Иван Митрофанович блефанул, убоялся откровенно одернуть товарища? Каков гусь! Подстраховаться, что ли, еще раз... чтобы уж наверняка. Ведь никого из своих не убивал, не предавал по большому счету. Сумасброд, столько крови выпил. А тут еще тщеславный дурак объявился, зарабатывает на гласности дивиденды. Лишняя обуза... твою мать». Ему захотелось грубо выругаться. Сигнал секретаря не выбил Злобина из привычного ритма, но немного расстроил. Он помаленьку забывал и о своем прошлом, и о Барыкине. Но так уж устроена его натура, что самая незначительная проблема, которая отвлекала от основной цели, мешала, вносила нервозность, должна была быть немедля разрешена. «Надо забывчивому Горностаю еще раз напомнить, чтобы приструнил корреспондента. Скажи ты, какая наглость и самоуверенность! Квартиру дали, мебель по нашим каналам приобрести помогли, включили выскочку в делегацию на поездку в Аргентину, нет... зарвался щеголь. Урезонить надо, припугнуть». Дрогнул Горностай, дрогнул, факт.

В живых (во всяком случае, до Нового года) оставался основной и главный свидетель его туманного прошлого, бывший секретарь подпольного райкома, командир отряда, Герой Советского Союза Степан Степанович Зайцев. Только

---

[1] Окончание. Начало в № 1, 2.

этому человеку во всей Белоруссии ректор звонил сам в дни праздников, все остальные — и товарищи, и партийные члены, и государственные мужи — первыми поздравляли Злобина. Уверенным жестом ректор набрал номер телефона в небольшом районном городке Логойске, где доживал свой век восьмидесятилетний почетный ветеран.

Ответила жена Зинаида Михайловна, что Степан Степанович во дворе.

— Кто его спрашивает?

— Зинаида Михайловна, не узнали? А я ваш голос и через тысячу верст распознаю. Это Костя Злобин.

— Костя? Милый, добрый Костя. У нас горе. Степан Степанович перенес тяжелый инсульт. С трудом, но, слава богу, постепенно выздоравливает.

— Понял. Все понял, Зинаида Михайловна, не надо больше слов. Буду у вас примерно к пяти. На словах огромный привет. Обнимаю. Еду.

В одночасье он позвонил директорам гастрономов «Вильнюс», «Рига», отправил посыльного за отборной свининой, бараниной, колбасой, ветчиной, консервами, конфетами, шампанским и коньяком. Позвонил жене, попросил зайти в аптеку лечкомиссии к знакомой и взять все необходимое для послеинсультного лечения. Жена пыталась отнекиваться:

— Надо же знать что, нужен рецепт лечащего врача.

Он недовольно ответил:

— Черт, возьми витамины... посоветуйся с заведующей, что в этих случаях рекомендуют. Действуй. В четыре я буду дома, заберу.

Пожалуй, он впервые, едва переступив порог двухкомнатной тесной квартиры на втором этаже, ужаснулся старости и немощности, увидев тяжелого, словно наполненного водой, с огромной львиной головою Степана Степановича, стеклянные глаза которого навсегда сковала печать страха. Движения бывшего бравого командира были замедленны, он прихрамывал, тянул левую ногу. В уголках сине-белых губ скапливалась слюна. Отвечал он тихим голосом, с трудом подбирал или вспоминал слова. Память его была неустойчива. Злобин подбадривал стариков, искусственно привнося в атмосферу встречи веселье.

— Что же делать, Костя, такова жизнь. Старость видна только со стороны, а обратной дороги к молодости нет.

Они выпили с Зинаидой Михайловной по бокалу шампанского за здоровье Степана Степановича.

— Это еще, благословение Богу, что хоть понемногу, но начал самостоятельно передвигаться. Уж думала, не справлюсь одна. Дочь на Урале. Повеселел. Тайком от меня ухитряется курить. Не дай бог, помру... с кем останется, не знаю.

— Государство героев своих чтит. Определим в лучший Дом ветеранов, гарантирую. Да и вам умирать не надо. Живите долго.

— Я раньше умру... я раньше, — с трудом выговорил Степан Степанович.

Злобин заметил на его небритой щеке слезинку. «Бежать, бежать от старости. Бассейн. Прогулки. Импортное питание и вон из радиационной Белоруссии. Тут некого и нечего жалеть».

Еще минут десять поговорили о житье-бытье. Он прихвастнул: ректор, профессор, лауреат Госпремии, награжден Почетной Грамотой Верховного Совета.

— Мы со Степаном Степановичем всегда гордились и гордимся тобою, Костя, — искренне, не скрывая радости, ответила Зинаида Михайловна.

Прокуковала в настенных часах кукушечка, как бы напоминая ему, что пора перейти к цели его визита. Проведал, угостил, посочувствовал, нравственно поддержал — все складно. Он достал из папки лист бумаги и сказал, что та справка, которую когда-то давал ему Степан Степанович, затерялась в архивах

и что еще нужна копия, новая справка в связи с будущим выдвижением кандидатом в народные депутаты.

— Я без очков не прочитаю. Что подписать, Костя? — вяло поинтересовался Степан Степанович.

— Вы подписали ее тридцать лет тому назад. Записка, в которой подтверждаете, что я был связным в вашем отряде в начале войны.

— А-а... — затянул Степан Степанович, — помню... У тебя ранение? Ты на инвалидность подаешь?

— Да нет. Бог миловал. За всю войну я был однажды легко ранен.

— Где подписать?

Константин Петрович достал свою перламутровую китайскую ручку.

— Вот здесь.

С трудом, с огромным усилием, не слушались пальцы, ничего не читая, Степан Степанович поставил свою подпись. Дело было сделано. Этой подписью Злобин подворовал так необходимые ему полгода. Пора было найти зацепку, чтобы культурно откланяться. Дома, уставший, но довольный, он дописал год — тысяча девятьсот шестьдесят шестой. Только на следующий день обнаружил в дипломате коробку с лекарствами, которые забыл вчера передать Степану Степановичу. Попросил супругу отправить дефицитные лекарства по почте. Впрочем, более к этому вопросу не возвращался, не интересовался: отправила она их или нет. В душе Злобин ждал с легким озлоблением, безграничной решимостью встречи с Любомиром.

«Я и только я поставлю его на место, сбив спесь и самоуверенность». Злобин был больше чем уверен, что эта встреча один на один скоро состоится.

Любомир дальше Мурманска и Симферополя не летал. А тут — через Венгрию, Италию, Алжир, остров Зеленого Мыса, бразильский Сальвадор и, наконец, полоса аэропорта Эссейна. 25 часов Его Величество Страх увеличивал количество адреналина в крови. Все смешалось в сознании: авиакатастрофы по всему свету, постоянные угоны самолетов, бомбы, террористы, ненадежность отечественного авиалайнера. Не утешало, что делегации отданы лучшие места первого класса в носовой части самолета, что вместо простого вина в экономическом классе здесь можно опрокинуть не один шкалик марочного коньяку, что отношение бортпроводницы напоминает заботливость медсестры, которой хорошо заплатили. Не радовала экзотическая пища Алжира, Санта-Мария-до-Сол, удивительный яркий мир дождя, сменяющегося солнцем, и солнца, уступающего место дождю, вечной зелени, сошедшей с картинок времен детства. Он так и не открыл блокнот. Все думал: «Вшивые конструкторы. Неужели нельзя придумать, чтобы самолет, потерпев аварию, мог спокойно сесть в океане? Глупо. По вине техники или чьей-то безответственности лечь на дно на съедение акулам? Жутко представить. Умереть и не видеть больше ее. Ранее такой концентрации страха он в себе не наблюдал. А тут еще каприз по-аргентински: в связи с ремонтом главной полосы буэнос-айресского порта самолет посадили в Монтевидео, на землю Уругвая. Через час, измученных дальностью перелета, жарою, нервозностью, количеством выпитого спиртного, их (советских пассажиров) наконец пригласили в «Боинг-707». Долетели. Перевели дух. Радушие, внимание, дружелюбие и забота встречающих несколько развеяли усталость. Ивану Митрофановичу выделили резиденцию Санта-Фе в старом здании советского посольства, там же нашлось место и для Любомира, остальных членов делегации разместили в отеле в центре города.

Уже на следующий день пошла, как говорится, программа визита при непосредственном участии посла и сотрудников посольства. Прием в муниципалите-

те у местных властей: встреча с представителями компартии, краткая экскурсия по городу, из которой от обилия, своеобразия и новизны труднозапоминаемых на слух испанских слов крепко запомнилось одно — центральная магистраль Карриентас и мелодичное слово «Ла-Плата», так почему-то напоминавшее Любомиру имя полоцкой речки Полота. Не видно было, судя по шикарным витринам, броской рекламе, множеству машин самых последних марок, улыбчивым клиентам в черно-желтых такси, по количеству кафе, театров, баров, ресторанов, что страна, как просвещали их в Минске сведущие лекторы, вот уже двадцать лет переживает глубокий экономический кризис.

— Это аристократические кварталы, а как рабочий люд живет-борется? — поинтересовался тоном проверяющего секретарь ЦК.

Повезли к рабочим в район текстильщиков. И там бойкая торговля и множество торговых точек по типу «тысяча мелочей». Удивило, что короли города — пешеходы. За ярким внешним фасадом наблюдательный Любомир улавливал и суть характера аргентинцев, и традиции, и чувство собственного достоинства, которого так не хватало его землякам и в столице, и в родных Житковичах. И уж совсем приятно была удивлена делегация, когда увидела огромную рекламу советского цирка. Лицо Ивана Митрофановича озарилось естественной гордостью, когда директор программы (его старый друг) не без почтения доложил, что в программе несколько номеров белорусского цирка. Общительные аргентинцы, малоосведомленные о Республике Беларусь, и эту делегацию из Минска воспринимали как просто советскую или из России. При каждой новой встрече в мэрии, с представителями прессы и телевидения, с латифундистами приходилось уточнять понятие «Белая Русь». Роль царя с удовольствием «играл» Горностай, очень скоро сообразив, что представляет не только и не столько республику, сколько весь Союз, потому с глубокомысленным видом не забывал повторять тезы генерального секретаря о «перестройке и гласности». Неподдельное внимание было для его души бальзамом. Дома редко кто так напряженно и внимательно слушал его выступления.

«А этот третий мир не так уж и плох и вовсе не беден», — говорил он Любомиру, и тот соглашался. Любомир выкроил для себя несколько часов. Сносно владея испанским, он без помощи любезного корреспондента «Литературки» посетил розовый дворец Национального музея, кафедральный собор на площади Июня, проехал на метро, обменяв один аустраль на фишку. Устал щелкать своим «Зенитом», вспомнил, что слайдовая пленка на исходе, а он так сам себя на площади Конгресса и не запечатлел. Не рискнул попросить сделать это первого встречного, использовал последний кадр на дворец Кабильда. Предпоследний день был посвящен знакомству с местным сельским хозяйством — это километрах в шестидесяти от столицы. Крестьянский труд всюду тяжел, он так считал всегда. Нелегок он и в Аргентине. Он без особого восторга рассчитывал, что встретит земляка-полешука, но судьба не благоприятствовала такой встрече. Не было его среди фуэгинов, пуэльге, патагонцев, правда, назвался один поляком, скупо припомнил свое далекое прошлое. Расхожие беды, о которых они уже были наслышаны: высокие кредитные ставки, неслыханная инфляция, и конечно, постоянный дамоклов меч — угроза банкротства. Иван Митрофанович толкнул в бок Любомира:

— У нас колхозник менее богат, но более защищен.

«От этого самого богатства и защищен», — подумал Любомир.

Удивило, что фермеры запрягают в свои кибитки породистых лошадей попарно в четверки, и никто не запрягает, как славяне, тройкой. И уж совсем недоумевали члены делегации, когда им показали кладбище лошадей, которые в разные годы приносили славу и честь аргентинскому коневодству.

— По-моему, это выпендреж. Мол, коль нигде в мире нету прецедента, пусть будет у нас? — как бы советовался Иван Митрофанович с Любомиром.

Горич воздержался от комментариев, решил не заводить шефа, который уже взбодрился чудным вином из долин Мендосы и Рукумана.

В чужой стороне дни быстротечны. Ни к чему не обязывающий, беззаботный, ознакомительный, оздоровительный и познавательно-туристский визит приближался к финишу. Улыбчивые члены делегации (странно, что среди них не было ни одной женщины, — это отметили и аргентинцы) запечатлели на прощание свои улыбки на фоне водопада реки Сукия в лучах удивительно яркой радуги. Осталась последняя, завершающая визит пресс-конференция в редакции кардабской газеты «Ла Вос дэль интерьер».

Кардаба — второй после Буэнос-Айреса город, но по представлениям гостей, все же Минск после Москвы — провинция. На дежурные вопросы каждый отвечал спокойно и с достоинством — это успокаивало Ивана Митрофановича. Расспрашивали об аварии на Чернобыльской АЭС, о последствиях для пострадавших районов. Горностай владел нужной, а для несведущего человека и обширной информацией. Отвечал, словно орешки щелкал. Но вот прозвучал никак не ожидаемый в этой аудитории вопрос рыжего журналиста:

— Как относится руководство коммунистической партии к неформальному объединению «Народный фронт» и к его лидерам?

«Не иначе, агентура ЦРУ», — зло подумал Иван Митрофанович и по-отцовски положил свою руку Любомиру на плечо, мол, давай отвечай, держи марку:

— Представитель творческой интеллигенции ответит на этот вопрос.

Любомира трудно было застать врасплох, хоть он и не был готов к такому вопросу. Откуда в Аргентине, в какой-то газете, могут знать о Народном фронте, если в самой республике о нем знают немногие.

— Пока движение неформалов так называемого Народного фронта не стало массовым, по-настоящему народным движением. И общество, и партия относятся ко всем демократическим движениям, в том числе и к Народному фронту, положительно. Идет процесс активной политизации народных масс, чего нам не хватало все предыдущие годы, особенно в последнее время до перестройки. Это положительное явление. В целом многое в этом движении отвечает духу времени и новому мышлению.

Рыжий корреспондент не рискнул уточнять детали, которых, скорее всего, он и не знал.

В таком же контексте прозвучали и два последних вопроса:

— Правда ли, что прибалтийские земли оккупированы Советами? И как вы относитесь к интеллигенции, которая покинула страну в годы застоя?

На первый вопрос недовольный Горностай отвечал сам, а на второй — предоставил слово заместителю председателя Верховного Совета. В целом Иван Митрофанович был доволен ходом пресс-конференции, если бы только не этот ляпсус Любомира.

— Ну, брат, не ожидал я от тебя такого пассажа. Это где же ты слышал, читал о том, что партия и ее руководство открыто заявили о своей поддержке неформалов и так называемого «Народного фронта»? Недобитый полицай, сын его националист, небось, агент ЦРУ, задает тебе провокационный вопрос, а ты и расклеился идеологически, расплылся, как мазут по воде. Националисты, деструктивные силы, радикалы не могут быть нашими соратниками. Что скажут в центре, в Москве? Что мы лояльны и способствуем сепаратизму и антикоммунизму? Так выходит? Неужели ты не читал пасквили, листки Народного фронта? Ложь, грязь на партию, на народ, на светлые идеалы. У себя дома,

там... мы можем позволить некоторый либерализм, но представляя партию на международной арене, следует быть ой каким осмотрительным. Мы в единой связке. Взвешивай все, думай, прежде чем говорить.

Любомир весь «кипел», с трудом сдерживал эмоциональный взрыв: «Какое вы имеете право указывать мне, что, о ком и как говорить?»

Он догадывался, что его включили в состав делегации исключительно ради прямолинейной роли летописца. Первая официальная республиканская делегация в Аргентину за все семьдесят лет советской власти. Горичу отводилась роль, как в свое время Аджубею при Хрущеве в дни поездки в Америку. Горностай не мог рассчитывать на отдельную книгу, но тайно ждал от Любомира брошюры или (уже была договоренность с главным редактором «Звязды») дневника этого исторического визита. Неизвестно, хватило ли бы сил у Любомира высказать слова протеста обнаглевшему демагогу, если бы не вмешался в разговор кагэбэшник, который сопровождал делегацию и как охранник-секретарь, и как «недремлющее око госбезопасности». К Горностаю прибежал директор цирка с трагическим известием. Думали, случилось нечто на родине. Оказалось, ЧП произошло в цирке: один из акробатов беспричинно исчез, пропал без записки и телефонного предупреждения.

— Скорее всего, попросил политического убежища, — сбивчиво лепетал напуганный до смерти директор. Это было его первое зарубежное турне.

— Предпринимали попытки отыскать его? Может, напился где-нибудь в кафе, в баре, в ресторане, — побледнев, сердито отозвался Иван Митрофанович.

— Эту версию мы не прорабатывали. Вообще-то, он любитель спиртного, — директор все еще не мог прийти в себя.

— Думайте. Отправляйтесь на поиски. И чтоб завтра цирк вылетел на родину в полном составе. Распустил, понимаешь, тут всех. Небось, партийные собрания так и не проводил? Хороший ты мне сюрприз под конец официального визита устроил. Долго помнить буду, — шантажировал Иван Митрофанович.

— Мы... Я отправлю людей на поиски. Самому нельзя. Он знает в лицо всех. Черт... хоть бы язык кто знал, — растерянно бормотал директор.

— Вот Любомир Григорьевич знает испанский. Он пойдет с вами. Такое дело... надо помочь.

Любомир не нашелся что ответить, кроме растерянного:

— Я пойду, но нужен от вас человек, который знает акробата.

— Будет человек, — оживился директор. — Инспектор манежа. Способный, как пудель. Наклеит бороду, усы...

Сотрудник посольства, который вызвался помочь, предложил разбиться на две группы: кагэбэшник и он сам отправятся по улице Пуэйрадон в район Онсэ, а Любомир с инспектором манежа учинят облаву от Авенида дэ Майе и по обе стороны от проспекта.

— Перетрясите весь город и притащите мне подонка на аркане, — требовал Иван Митрофанович.

Инспектор оказался неглупым малым, смелым и артистичным. Только в одном месте на них с опаской посмотрели и хозяин бара, и посетители. Странно, не наркоманы, не торговцы наркотиками и вроде на доморощенную мафию не больно похожие... Ретировались. «Как глупо. Как все глупо. Идиотизм. Человек захотел остаться... его силою обратно и под суд». Скоморошество начинало унижать и раздражать Любомира. Уже ноги болели от усталости. Уже не надо было утомленному, обклеенному бородой с усами инспектору разыгрывать старческую походку. Бессмысленно было продолжать поиски... Ночь хоть и тепла, но в чужом городе темнота особенно неприятна. Жались к светлому центру, пошли по второму кругу. Акробата нигде не было. Это была

наивная, смешная идея. Если человек попросил политического убежища, он уже надежно упрятан. Иван Митрофанович сердился на Любомира, словно тот подзуживал артиста остаться в Аргентине. Директор предлагал заявить о пропаже властям.

— Заявите, — зло буркнул Горностай, — на самотек поставил идейное воспитание. Одни доллары на уме?

Директор, понурившись, молчал. Вся его фигура уже напоминала не громоотвод, а скорее старую усохшую оглоблю.

— Так ведь не угадаешь, что у них на уме. На политзанятиях щелкает марксизм-ленинизм в одну кассу... если б рентген придумать.

— Пустые разговоры. Дома заслушаем вашу партийную организацию по идейному и нравственному воспитанию кадров.

С неприятным осадком на душе все разошлись. Полдня было отведено на отоваривание выделенной суммы долларов. Любомир запомнил этот приказной тон секретаря, этакое самоуправство. «Я зависим, зависим от него. Ведь стоит захотеть верхушке аппарата, и мне предложат другую работу. Вот «известинцы» битые волки, очень осмотрительны и осторожны в выборе объектов для критики. Или берут уже отработанные прокурором, судом, народным контролем дела и раскручивают их, делая выводы и поучая читателя. Все они повязаны связями, льготами и привилегиями. На чьем коне едешь, тому и песенку пой. Как он нагло и самоуверенно заявил: «Мы будем возражать и не допустим публикации материалов, которые порочат имя настоящего коммуниста ректора Института экономики... кандидата в члены ЦК. Республика с трудом переходит на новые этапы перестройки. Нужны положительные эмоции, примеры. Озлобленную критику, антикоммунизм оставьте “Огоньку”». И он не нашел ничего, чтобы возразить Ивану Митрофановичу. Раздвоенность, которую Любомир замечал за собою, крепла в нем с каждым днем. Гордо плыть по реке независимости не получалось; его лодка то там, то тут давала течь. Приблизив к себе, Горностай давал понять, что он его не поставил рядом с собой, а именно приблизил.

Она была довольна, что Август не приставал к ней с пустыми вопросами, с жалобами на самочувствие. Он сочинял лекцию к очередному семинару по ИСО или МКА. Назвал ей только тему — «Сертификат средств передвижения». Воспользовавшись временным затишьем, она посидела на кухне за чашкой кофе, предаваясь воспоминаниям. Любомир был далеко, за тридевять земель, и ей было грустно. Она считала дни до его возвращения. Сшила новое платье, и ей очень хотелось поскорее показаться в нем. Пришла непрошеная вездесущая Лера и, увидев сосредоточенное лицо Августа, не стала его отвлекать новостями. Уединилась с Олесей на кухне. Втихомолку закурили «Мальборо» — угощала Лера.

— А тоби, Георгиевна, возвращаю сто пятьдесят... а сотню отдам с получки. Хоть бы собак разрешали страховать, не могу план выполнить. Слышала, на таможнях Бреста и Гродно аврал — поляки все вывозят: электротехнику, белье, водку и особливо цветные телевизоры. Я побигла в ЦУМ та купила простыню и пододеяльник. Твой трудяга пишет, пишет все... А мое алкогольное наказание не одумается до могилы. Хоть бы, подумала учора, клиническую смерть напоткав, говорят, некоторые, когда з йё выйдуть, прозорливыми становятся, як Ванга. Хоть бы на грошы взбился. Повезла бы в Польшу товар якись, там долларов нажыла б, дык няма за что тут товар купить. А коли и купить, рэкетиров боюсь. Чула? У одного кооперативщика рэкетиры забрали «Волгу». Що вин робить. Едет в Чернигов, привозить дужых козаков, тоже рэкетиров, добро им заплатив. Гэтыя черниговския поднимають сярод ночи того, хто

машину забрав, везуть до леса и примушають могилу копать. Бьють. Стоят с автоматами и кажуть, що могила останется не закопанной... Коли не оддаш «Волгу», найдем тебя и закопаем. Злякався. Отдал машину кооперативщику. Твой умница, домосед, интеллигент. Я своего сватаю в бригаду на поездку в Чернобыльскую зону. Ему не страшно. Вин и без той радиации импотент. Ой, что скажу... Страховала я одному машину «Запорожец». Таки гарны мужчина. Высокий. Петр Петрович. И так мне его захотелось поцеловать, хоч ложися ды помирай. Я аккурат соби спиральную завивку зробила... дама будь-будь. Приглянулася ему. Встретились у него. Так мне знов захотелось поцеловать Петю... коли зуд во всем теле, как говорит знакомый стоматолог, уже не обращаешь внимания, какие зубы у мужика, желтые или гнилые. Задрожал Петя весь... ну я... уступила... согрешила. В общем, перестроилась. И не жалею... еще год, пять — и старость, никакие духи не спасут кожу от запаха старости... Я раньше тебя начну стареть, я полная...

Вышел Август, помешал откровениям Леры.

— Август, здравствуй, светлая голова. Ты футбол будешь смотреть?

— Обязательно.

— Возьми и моего. Полез, алкаш, чинить телевизор и сломал. Да. Когда ты ездил в Оршу, там были в продаже масло, мыло, стиральный порошок, зубная паста?

— В Орше, как и в столице. Ничего нет.

— Во-от дожились. Нащо такая перестройка. — Лера поднялась, провела руками по своей внушительной груди, талии.

— Так я пригоню своего к футболу. Ты, Олеся, ему кричать не дозволяй. Гол забьют, так он дуреет.

Соседка, плавно покачивая бедрами, как перекормленная гусыня, ушла к себе.

— Ты мои спортивные трусы выстирала?

— Да. И трусы, и носки, — ответила Олеся.

— Меня к телефону не зови. Поставь его на кухне, чтобы не отвлекал. Позвонит Жорка Бутромеев, передай, что я ему достал презервативы.

— Складирует он их, что ли?

— Каждому свое. Может, на нос цепляет для устрашения.

Позвонили. Никита был трезв. Перед футболом ему захотелось посмотреть еще и программу «Время». Он расположился в мягком кресле, вытянув свои длинные костлявые ноги в рваных на пятках носках.

— Август, тебя не узнать. Ты усыхаешь. Бросай командировки, а не то на могиле твоей напишем: «Жертва социалистического общественного питания». — У Никиты было приподнятое настроение.

— В принципе, Никита, ты прав. Куда только власти смотрят. Нет настоящей гласности. А пресса, пресса... ужас... все как при Хрущеве и Брежневе. Вахта урожая, будни шахтеров, ночи космонавтов. Где, где научные разработки? Ведь существует НИИ Минздрава. Что может предложить наука для облегчения стула? Где схемы? Где отруби пшеничные, рисовые? Длительность цикла? Попробуй долбать уголь в забое шахтеру с расстройством желудка. О народе не думают. Здоровый народ, как у американцев, здоровая система.

— Во всем перегнули палку. Сто граммов водочки выпить, пивка — проблема. Очередь, как в мавзолей. Говорят, скоро талоны введут, — Никита был польщен, что Август поддерживает с ним беседу. — Сколько спиртное давало в казну грошей, ого-го! Нету порядка!

— Его по-настоящему никогда и не было. А еще этих недоучек баб к руководству и власти подпускают.

— О чем речь? Да они говядину от свинины отличить не умеют. У тебя в холодильнике пива нет?

— Нет.

— Жаль. Сделай громче. У меня в правом ухе серная пробка... заложило, не слышу. Как думаешь, одолеем венгров?

— Должны одолеть, если Алейников будет в ударе.

— Дай бог, дай бог.

Август сообразил, плотно закрыл дверь комнаты. Еще минута и Олеся бы не выдержала, сделала это сама. Не зная почему, вдруг села писать Любомиру письмо. «Любименький мой сударь! Не знаю, чем и как объяснить мое обращение к эпистолярному жанру, который я основательно подзабыла. Что бы я ни делала, будучи на работе, занимаясь ли бытом, я постоянно мыслями возвращаюсь к нашей встрече и думаю только о вас. Непонятное наваждение. Умом понимаю, что это во всех отношениях грех. Я забираю вас от семьи. Прошу Бога, чтобы он простил мне это. В вас я открыла неведомые мне доселе качества мужчины, человека. Мне очень импонирует то, что вы понимаете меня. Я с радостью переживаю томление, ожидание, надежду, волнения. Жду встречи. Вы мой праздник в море серых будней. Я грущу и мысленно желаю вам счастливого возвращения домой. Целую вас, сударь». Ее осенило вдохновение, она взяла с полки в прихожей сборник Северянина и дописала любимый ею в последние месяцы стих. «Всех женщин все равно не перелюбишь, всего вина не выпьешь все равно, неосторожностью любовь погубишь: раз жизнь одна — и счастье лишь одно. Не разницу характеров, а сходство в подруге обретенной отмечай, побольше верности и благородства, а там и счастлив будешь невзначай. Не крылья грез — нужней земному ночи. С полетами, бескрылый, не спеши, не лучше ли, чем понемногу многим, немногой много уделять души. В желании счастья — счастье. Повстречались. Сошлись. Живут. Не в этом ли судьба? На голубой цветок обрек Навалис, ну что ж, и незабудка голуба».

Она загорелась желанием немедленно опустить конверт в почтовый ящик. Вышла незамеченной в домашнем халате, пробежала почти квартал к почтовому отделению, опустила конверт на адрес его офиса. Ах, как ей хотелось, чтобы оно попало к адресату как можно скорее. До возвращения из Аргентины оставалось долгих три дня.

Истосковавшись друг без друга, они были ненасытны в любви, спешили, как выражались французские романтики, насладиться ее упоеньями и восторгами. Ритуал расставания становился неизменным: бессчетное количество раз они осыпали друг друга поцелуями.

— Мы, очевидно, побили все рекорды.

— Не поняла.

— За такое короткое время тысяча поцелуев.

— Вы сосчитали?

— Прикинул. Может, восемьсот, может, девятьсот.

— Удивительно.

— Догоним до тысячи и передохнем.

— Тогда вы оставите меня? — наивно-настороженно спросила она.

— Нет. Хотя говорят, ничто не вечно под Луной. Когда-нибудь...

— Не говорите. Не хочу. Не надо.

— Не буду говорить.

— Я боюсь этого дня. Дня утраты.

— И не будем об этом думать. Мы чувствуем, значит, живем. До сумерек далеко.

Ее по-детски удивленные глаза готовы были пролить слезу. Это льстило ему. Она не задумывалась более над участью страстной любовницы. Покорно готова была следовать за ним на край света. Втайне он побаивался этой открывшейся вдруг ее уступчивости. Не исключено, что и кто-то другой сможет уговорить ее. Он понял, что ревнует ее. Где эти полузабытые фурии «Тихая» да «Капризная»? Канули в Лету, не оставив даже мизерного желания возвращаться к пережитому с ними. Он спешил к Олесе, и она торопилась на свидание к нему. Ее неловкость, совестливость, стыд, окончательно испарились. Никогда она еще не чувствовала себя такой уверенной, самостоятельной, красивой. Да узнай обо всем Август — ей уже не страшен его гнев. Захочет уйти — пусть уходит. Животворное начало для нее отныне — безоглядная любовь, в которой она уже не сомневалась.

Любомир воспрял духом, что и говорить. Все бы хорошо, да вот беда — донимало его все же незаконченное дело с Барыкиным. Дальше откладывать было и подло, и грешно. В республиканской партийной газете пошел его сухой, в стиле застойного времени «Аргентинский дневник». То же самое, слово в слово, не удосужившись изменить сюжет, повторил он и на телевидении. Иван Митрофанович остался доволен: позвонил, поздравил, поблагодарил. Его фамилия фигурировала несколько раз. Позвонил и Николай Иванович (как быстро он узнал новый номер телефона), сказал, что не торопит, знает про Аргентину, читает дневник, но сообщает, что у него появился еще один обличительный факт вседозволенности ректора.

Любомир сухо пообещал, что и без этого материала достаточно, факты проверены, многое открылось и прояснилось, и что в ближайшее время пойдет первый материал в журнале «Вожык». Растроганный Николай Иванович не стал более докучать, только поблагодарил. Любомир вспомнил про свой должок и отправился на встречу с председателем исполкома, о котором неделю спустя выпустил очерк. Благодарный председатель, который, может, и не считал себя прорабом перестройки, был счастлив, ведь не о каждом пишет «Правда», и обещал дать подвижку этому вопросу. Любомир позвонил Вовику, который по непонятной причине сам не поднимал телефонную трубку.

— Ты от кого прячешься, Вольдемар, от кредиторов или от женщин? Три дня не могу дозвониться. Я твою просьбу выполнил, где твои обещания?

— Я в курсе дела. Дай мне сроку еще две недели, три... На солнце вспышки... и у меня полная творческая импотенция. К тому же участились посещения душ с других планет. Девушки, исключительно девушки. Обещали мою душу забрать в космическое путешествие, — Вовик был в своем амплуа, проворачивая неосексуальную революцию по-белорусски.

— Я тебя с ними познакомлю. Ты пока не готов к высшему космическому существованию. Ты бациллоноситель, ты в плену братоубийственных идей, лжи, поклонения чужим идеалам. Ты далек от божественного начала. Но мы тебя спасем.

— Хорошо, я тебя понимаю, но, друг мой расчудесный, пока суть да дело, пока твои души выбирают, куда лучше лететь и с кем, мне нужен фельетон, через три дня. Компрене?

— Убийца. Ты бы нашел себя во времена красного террора.

— Попроси у своих небесных посетительниц, чтобы они принесли тебе вдохновение.

— Так ты не веришь? Все. Я, бля, без шуток. Через три дня, ровно в пятнадцать ноль-ноль будет фельетон твой, — вспылил Вовик.

— Вот это мужские игры.

Осталось загадкой, кто же вдохновлял Вовика, но сделано это было безупречно. Фельетон был написан к сроку, да вот оказия, пролежал он все мыслимые и немыслимые сроки в портфеле редакции. Как говорят: то чума, то холера, а все человеку не легче. Близорукий главный редактор сатирического журнала встретил Любомира, как доброго старого приятеля, хоть они и не были особенно дружны. Не дожидаясь, главный редактор начал сам оправдываться без хитрости и недомолвок.

— Старик, не крыўдуй[1]! Я тоже хочу кушать. Поверь. Еще у нас в республике сильны консервативные силы, это, старик, не столица-матушка. У нас, как говорят, еще бдят неусыпно у Красного Знамени. Фельетон мощный. Я от этого пижона не ожидал. Но велено фельетон не пущать. Не только учитывая персону автора, который сотворил себе имидж сексуального диссидента, правда, несколько запоздало. В конце концов, мы могли дать и под псевдонимом. Дело в другом. Фельетон категорически не понравился в верхах. Особенно второму, не исключаю, что ознакомлен с ним и Первый. Сам понимаешь. Кастрировать его, переписывать, редактировать нет смысла. Мне лично звонил Иван Митрофанович. Так что уволь, братец, в противном случае уволят меня. Жена на пенсию не вышла, дочь не устроена, дача не достроена, здоровье подорвано... потом не отмоешься... запрут рядовым редактором в издательство «Беларусь», и кукуй на свои сто пятьдесят.

Любомира покоробило:

— Я все могу предположить, но как он узнал о фельетоне? Ведь существует редакционная тайна?

— Старик, с этим вопросом обратись в другое ведомство. Успокой Лапшу. Он малый говнистый, тщеславный, начнет звонить, бузить. Я остаюсь твоим другом, помни. На съезде буду предлагать твою кандидатуру в первые секретари Союза. Говорю искренне. У нас кризис лидерства во всех сферах. Ты недоволен? Тогда давай так... Пусть фельетон полежит три месяца, полгода. Все быстро меняется. Вон уже и на Первого бочки катят за Чернобыль.

— Дорога ложка к обеду.

— Не обижайся. Хоть и нет зон, не подлежащих критике, да плюрализм до нас еще не дошел. Сегодня чин, а завтра пыль. Читаю с удовольствием твою «Аргентину». Очень образно, зримо. Я всегда удивлялся твоему умению через яркую деталь выходить на обобщения. Молодец, — он удачно перешел на другую тему, дав понять, что суть разговора исчерпана.

Уже на пороге главный редактор изрек любимое выражение:

— Журналист — политик. И его кредо — гибкая мудрость. А главное, не навреди. Самому себе.

«К черту, к черту всех, — негодовал Горич. — Какое-то нервное, перекошенное общество». Он не находил оправдания и собственной пассивности и осторожности. И решил разрубить туго завязанный узел.

Злобин ждал звонка от корреспондента. Они условились встретиться в институте в одиннадцать. Горич рвался в бой, приехал раньше на пятнадцать минут. Неприятная секретарша в больших очках на мелком лице доложила о его приходе шефу. Константин Петрович умышленно задерживал в кабинете декана, который отвечал за поездку студентов на сельхозработы. Любомир, скрывая раздражение, переступил порог кабинета в начале двенадцатого. Ректор пребывал в характерной для него спокойной надменности. Сидел человек-крепость, без тени робости в недобрых глазах.

---

[1] Не крыўдуй — не обижайся *(бел.)*.

— Любомир Горич. Будем знакомы.

— Так это вы и есть? День добрый. Присаживайтесь. Извините, заставил ждать. Слушаю вас самым внимательным образом.

Любомир чувствовал: начни искать обтекаемые фразы, дипломатические ходы с таким львом, только делу навредишь. Ректор под его натиском должен дрогнуть.

— В редакцию «Правды» обратился с жалобой на вас бывший преподаватель Николай Иванович Барыкин. Очевидно, суть жалобы вам хорошо знакома.

— А-а... так вы по этому делу? Да уж знакома, не приведи господи, и суть, и муть. Еле отбились... У меня его телеграмм десятка два будет: куда только доносы не строчил — от райкома до генерального секретаря. Не жаловался разве что патриарху, а так был бы полный перестроечный набор. Решение администрации за подписью и. о. директора, я был в отпуске. Ученый совет института по этому вопросу давно, года два, три назад принял постановление, я бы, честно говоря, не хотел возвращаться к этой истории. Исключительно из уважения к вам готов выслушать.

— Спасибо. Постараюсь быть краток. Всесторонне ознакомившись с жалобой и изучив документы, касающиеся сути конфликта, я усмотрел две проблемы. Административную и нравственную. По отношению к преподавателю Барыкину была нарушена законность. Отправив человека в спешке на пенсию, даже не поставив его в известность, институт отказал ему в праве преподавательской деятельности за год до официального назначения, конкурса. Насколько я осведомлен, министерство на стороне Барыкина и готово издать приказ о восстановлении его на работе.

— Одну минуту. Извините. Если вы дотошно изучали все перипетии этого неприятного случая, тогда вам известно, что была создана комиссия в связи с жалобами от студентов на непрофессионализм товарища Барыкина. Комиссия дала отрицательный отзыв. Досрочное назначение выборов — это наше право.

— Из пяти жалобщиков четверо — мертвые души. Их не существует в природе.

— Да? Возможно, кто-то за это время и умер. Не могу знать. Я не входил в комиссию и не проверял. Даже если сейчас, допустим невозможное, министерство спустит приказ, и что же? Коллектив опротестует, не согласится с министерством... И люди правы, они не хотят подвергать себя опасности, находясь рядом с психически неустойчивым человеком.

— Я знаком с заключением академика Снежевского, был и в нашем психоневрологическом диспансере. Ловко придуманная игра с якобы необходимым заключением врачебной комиссии не имеет под собой серьезных оснований. Человек не настолько болен, чтобы им серьезно занимались психиатры.

— Не знаю, не знаю. У нас были другие данные. Может, у него и лучше со здоровьем... тогда же по всем признакам человек был просто невменяем.

— Даже тогда, когда пришел к вам, скажем так, с повинной и просил оставить его на этот злосчастный год? Тогда он был нормальный. Чисто по-человечески мне любопытно: почему вы отказали?

— Я вправе и не отвечать на ваш вопрос, но повторяю, я чист перед совестью и, уважая вас, отвечу. Воля коллектива, воля ученого совета мне дороже всего. Попроси он у меня в долг денег, пособить приобрести машину — это еще куда ни шло.

— Это был единственный такой случай в истории института?

— Отнюдь нет. Пять лет тому назад мы также назначили досрочные выборы. Это практикуется во всех вузах.

— Любопытно, что министр был близок к тому, чтобы отменить новые выборы, но по вашей просьбе не вмешался.

— Вы несколько преувеличиваете мою способность влиять на решения министра. Сейчас вы меня можете упрекнуть, коль мы коснулись человеческого фактора, что я лично ненавижу Николая Ивановича и преследую его за критику моей деятельности на посту ректора. Я даже готов согласиться и с этим. Знаете, я человек битый, все в жизни сколотил умом, талантом и силой воли. Согласитесь, это более чем неприятно, когда тебе отказывают в таланте, в заслуженном авторитете. Поставьте себя на мое место. Каково мне слышать принародно необъективную критику в свой адрес? Не только он не спал от якобы моего незаслуженного преследования, но и я призывал сон посредством снотворного. Вижу, вы сомневаетесь. У вас заготовлено нечто ударное, чтобы повергнуть меня окончательно?

— Вы угадали, Константин Петрович, Барыкин знал, что вы, мягко говоря, утаивали свое партизанское прошлое.

— И что же я утаивал? — голос Злобина слегка дрогнул.

— Барыкин выявил некоторое расхождение в фактах, которое ставит под сомнение ваше участие в партизанской борьбе в сорок первом году. Вы записали себе сотрудничество с партизанским отрядом имени Суворова с августа 1941 года, тогда как по всем документам отряд создан только в июле 1942 года. Нет ни одного свидетеля, который подтвердил бы, что вы с группой партизан организовали диверсию на железной дороге, в результате которой были взорваны и повреждены вагоны с военной техникой и убито около двадцати фашистов. Барыкин нашел копию документа 1948 года, в котором вы признавались, что работали на оккупированной территории учителем в немецкой школе. Вот всего этого, как мне кажется, вы и не могли ему простить.

— Продолжайте, продолжайте. Я весь внимание.

— Обескровленный преследованием, Барыкин написал об этом в Президиум Верховного Совета, узнав, что вас представили к награждению Почетной Грамотой Верховного Совета. И это переполнило чашу. Он всюду стал гонимым. Остается одно, восстановить свои права через суд. Основание — преследование за критику. Правда, на моей памяти таких судебных процессов не было. У меня к вам просьба. Давайте не допустим этого процесса общими усилиями. Перед тем как готовить материал к печати, я рискнул встретиться с вами, будучи уверенным, что можно и нужно разрешить все миром, без вмешательства газеты. Дайте ему возможность спокойно дослужить этот год, тогда и ваша совесть, и моя будут чисты перед невинным человеком. Я согласен, у него есть странности, свое понимание меры ответственности. Мы счастливее, удачливее в жизни. Давайте пожалеем его. Мне, ей-богу, не хочется выливать ушат грязи на республику в такое нелегкое время. Барыкин устал, он одинок, ожесточен, растерян, издерган, как говорят, нет мочи далее гнев нести. По-моему, это единственный выход из тупика.

— Спасибо за подсказку. Вы жалеете Барыкина и имеете на это право. Но правда исключает жалость. Будь Барыкин более осведомлен в тактике и стратегии партии, он бы не делал скоропалительных, провокационных заявлений о моем якобы сотрудничестве с врагом. Да, отряд был создан официально в сорок втором. Но с чего начинается отряд? С одного человека, двух, группы. Группу возглавлял Степан Степанович Зайцев, мой боевой командир, Герой Советского Союза.

— Я знаю. К сожалению, мне не удалось встретиться с ним... Совсем недавно он умер.

— Неужели? Какая потеря. Я был в Крыму на отдыхе... очевидно, меня не нашли. Пусть земля ему будет пухом. Мужественный был человек. Мне было

восемнадцать лет. Я умышленно пошел в школу учителем, чтобы не убили. Я никого не предал, не убил. Почему бы и не работать у врага, налаживая связь с партизанами? Логично? Таких примеров много. Мы в сорок третьем вербовали полицаев. С войной до конца не разберутся никогда! Вон, живой пример. Для нас долгое время генерал Власов был предателем, а ныне дело повернули так, что, почитав нашу прессу, оказывается, его предали. Он герой. Так он генерал, а я рядовой партизан. Но коль скоро вы, сочувствуя «жертве», углубленно изучали документы, то покажу вам и вот эту бумажку, которую я не сдал в партийный архив, а приберег у себя, знал, что мир состоит из завистников. Справка подписана командиром отряда; в ней четко и однозначно называется дата моего сотрудничества с подпольем — август сорок первого. — Злобин с лукавым прищуром взирал на растерянного Любомира. — Я ведь мог сказать, что был подослан в школу с целью получения разведывательных данных. Поди докажи обратное. Признаюсь, у меня есть одна особенная черта — не знаю, достоинство это или недостаток, но я никогда не меняю своих решений. С чем бы это ни было связано. С престижем, с бытовыми хлопотами, с методами воспитания детей.

Всем своим видом Любомир напоминал человека, который оперся на ружье, а оно помимо его воли выстрелило. Злобин тактично наступал.

— Мы не научились ценить настоящих героев. Испохабить святое дело, очернить незаслуженно, во-от этому научились хорошо. Как бы вы отреагировали, если бы я, к примеру, стал копаться в грязном белье? Начал бы писать во все инстанции, что вы, член партии, тайно крестили в Житковичах своего сына. Я не представляю вашей реакции по жалобе в народный контроль о том, что вы вне очереди получили трехкомнатную квартиру в пятьдесят квадратных метров в престижном районе, обставили мебелью, купленной с черного хода, да мало ли каких грехов можно отыскать у нас, грешников, но ведь никто из здравомыслящих людей не берет их на вооружение и не спекулирует, зарабатывая себе капитал правдоискателя угнетенного народа. Поверьте, не того вы защищаете. Это месть неудачника, завистника. Обидно, что вы должны тратить драгоценное время и недюжинный талант на столь незначительную хлопушку, именно хлопушку. Знаю, не понаслышке, как вас ценят в центре, как вас по-отцовски опекает Иван Митрофанович. Так стоит ли плевать в колодец? Ведь кроме всех остальных в жалобах Барыкина фигурирует и Горностай. Основная масса народа нуждается в том, чтобы ею руководили. Барыкин свое отжил. Мне и вам еще долго жить. Нами создана наука о подборе и расстановке кадров. В нашем единстве сила духа и успех перестройки. Николай Иванович — пена перестройки. Его смелость проявилась после пленума восемьдесят пятого года, а остальные семнадцать лет сидел как мышь под печью. За одно это я его не уважаю. Где была его совесть, когда вводили войска в Чехословакию, в Афганистан? Охаивать да чернить ума не надо. И еще. Он активно поддерживал общество «Память». Зачем вам наживать врагов среди еврейской прессы? Я не деспот. Понимаю и ваш долг журналиста, и вам честь дорога. Мы пойдем вам навстречу. Так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Я лично позвоню Ивану Митрофановичу, и мы восстановим лжестрадальца в партии, но о преподавательской деятельности не может быть и речи. Пока я жив, его ноги не будет в институте.

«Да, он чертовски осторожен, хитер, немного напуган, но патологически самонадеян и коварен», — подумал Любомир.

«Что, мальчишка, спесь сбита? Потерян, подавлен? Ах, как бы хотелось уложить на обе лопатки», — с сарказмом подумал Злобин.

— Восстановить в партии — это уже полдела. Есть смысл, — вяло ответил Горич.

— Вот именно! Рад, что у нас выработался консенсус. Верю в ваше блестящее будущее.

— Спасибо за добрые пожелания.

— Надеюсь, мы подружимся. Приходите в институт, познакомимся поближе. У нас есть что показать миру.

Встреча и прощание разнились, как соль и сахар. Злобин покинул свое удобное мягкое кресло, подал Любомиру руку, проводил в приемную и еще раз подал на прощанье руку.

— Искренне рад, что у нас появилось много общего во взглядах на это дело. Легкого вам пера и заслуженного успеха.

— Спасибо.

Любомир чувствовал себя гадко. Было такое ощущение, что ему наплевали в душу. Впервые задался мыслью: «А может, он прав? Игра не стоит свеч? Не на того ставлю? Как, бестия, ловко шантажирует. Закрыт основательно. Даже приказ об увольнении не им подписан. Ах, если бы не Камелия. Не унижался бы из-за квартиры, мебели... Жуткое общество. Надзор, контроль, групповщина. Социальная справедливость. Кто внушал, что она возможна через кучку распределителей вечного дефицита? Ненавижу людей! Ненавижу! Надоело! Все мерзопакостны. Бежать к ней, к Олесе. Ее руки, губы, глаза, бескорыстное сердце, естественность во всем. Боже, не дай мне ошибиться, неужели и она временно?

Фомич уловил неважное настроение шефа, решил подбодрить:

— Вчера дочка из школы принесла частушку: «В шесть часов поет петух, в восемь Пугачева. Магазин закрыт до двух, ключ у Горбачева». А? И эту. «Леня Брежнев, открой глазки, нет ни водки, ни колбаски. Нет ни мяса, ни вина. Радиация одна». Во дают детки. Или еще вот это... «Перестройка мать родная, хозрасчет — отец родной, на хер мне семья такая? Проживу и сиротой!» В мою молодость за такие слова — за шиворот да золото на Колыме мыть.

— Демократия гуляет, как пьяная баба на бульваре, — ворчливо ответил Любомир.

Фомич лихо рулил к центру. Вдруг Любомир заметил на тротуаре женщину в красно-белом клетчатом пиджаке. Она, тщетно вскидывая руку, голосовала, но «жигулята» летели мимо.

— Возьмем? — Фомич знал, что Любомир не проезжает мимо беременных женщин, женщин с детьми и инвалидов.

— Что? А?.. Нет, — Любомир умышленно повернул голову в сторону водителя, чтобы не встретиться глазами с женщиной. Не хочу никого видеть и слышать. И вообще, Фомич, надо выращивать овощи, садить бульбу, косить сено и доить корову. Политики и власти предержащие всегда будут лгать, а десять тысяч освобожденных секретарей парткомов будут им подпевать. Общество никогда не добьется гармонии, потому как сам человек по своей природе несовершенен. Отвези-ка меня домой. Чертовски болит голова.

Камелия собиралась в Болгарию, ей предстояла поездка от Союза композиторов на музыкальный фестиваль.

— Ты с машиной?

— Нет. Отпустил в офис. Поработаю дома.

— Я хотела подскочить в Театральное общество.

— Я могу вызвать. Минут через десять позвоню.

— Не стоит. Подъеду автобусом.

— Золотые Пески вам покажут?

— Надеюсь.

— Ты по-новой загоришь. У тебя тело смуглое, загар берется быстро.

— Тебя уже и мой загар, и мое тело давно не волнуют.

— Ты не права. Я устал жить.

— Устал так жить, как мы живем, или вообще жить?

— Не знаю. Духовно устал.

— Послушай Штрауса, Моцарта. Навести отца. С тех пор, как ты почти перестал дарить мне внимание, я научилась сама избавляться от тоски и одиночества.

— Не хочется ехать в Житковичи.

— Понимаю. Ты остаешься в квартире один. Ты приведешь эту даму. Я знаю. Прошу, не оскверняй нашу, мою постель.

— Глупости, — он решил не ввязываться в спор, зная, что жену не переубедить. — Тебе помочь?

— Не надо. Завари кофе. Себе можешь разогреть отбивные. На гарнир возьми помидор. Я поленилась отварить рис.

Выпили кофе. Она уехала, а он прилег на диван. Вспомнилось детство. Огромная, глубокая лужа, наподобие той, которую они объехали полчаса назад, всегда появлялась на его улице после сильного дождя. Он с хлопцами брал в руку полкирпича и становился у края калюги[1], поджидая жертву. Увидев шкета лет семи-десяти, нежно подзывали: «Эй, иди сюда. Разговор есть». Доверчивая жертва подходила к противоположному краю лужи в ожидании разговора. Вот тут Любомир с ехидной улыбочкой первым запускал в воду свой кирпич к его ногам. Вслед летело еще с полдесятка каменьев. Жертве не удавалось увильнуть, отскочить в сторону. Вода с грязью окатывала ротозея с головы до ног. Малыши и те, что спокойнее, попав впросак, часто уходили домой в слезах. Особенно не везло доверчивому и незлобивому Троне. Минуло два года, три, и вот случилось ему встретиться с Любомиром на одной свадьбе. Были они к тому времени уже в десятом классе, могли и умели выпить стакан-другой вина. Закатил удалой оркестрик вечные «страдания», с пылом и жаром рванулись гости в круг, давай плясать. Любомир был легок на ноги. Само по себе возникло соревнование. Слабые духом, а также те, кто прилично взял на грудь спиртного, сошли с дистанции. Только две пары под возгласы и свист зрителей продолжали показывать удаль и прыть. Троня со своей девушкой и Любомир с подругой. Любомир первым почувствовал, что дыхалка подводит, ноги уже выше колен сводит, но не показал вида, очень не хотелось ему уступать Троне, который хоть и пыхтел, как паровоз, но плясал отменно. «Давай, Троня! Покажи наш род невесте! Давай!» Вышла из круга партнерша Любомира, еще минута — и он покинул площадку. Казалось, сердце вот-вот лопнет. Любомир пошел в сад, чтобы его не видели, оперся на яблоню и не мог отдышаться, кололо в груди. Троня танцевал под аплодисменты еще минут пять в гордом одиночестве. «Глист, глист, он меня победил!» Больше у него не было желания оставаться на свадьбе. На свинцовых ногах, с шумом в голове он ушел домой.

Прошло столько лет, а он недолюбливал Троню и ныне. И почему эти два эпизода возникли в его сознании? Не находил причины.

Чтобы снять усталость, принял душ. Вспомнил «Тихую». Как он мог до Олеси целовать огромный рот «Тихой», с целым рядом вставных зубов? И «Тихой» и «Капризной» он отказывал в высоком женском начале. Теперь он и их презирал. Олеся... ее нежная покорность еще властвовала над ним, удерживая от цинизма и нелюбви к окружающим.

---

[1]Калюга — лужа *(бел.)*.

Не позвонил и ей, не хотел передавать любимой женщине свое прескверное настроение. Провалился в сон и спал добрых два часа. Разбудила жена. Достала из сумки письмо от сына и бутылку красного сухого вина.

— Что пишет?

— Пока, слава богу, все по-старому, — утешительно ответила Камелия, — прочти.

Без особого интереса прочел он коротенькое, информационное письмо.

— Ты так и не разогревал отбивные?

— Нет.

— Хорошо. Давай ужинать вместе. Если хочешь, можем открыть вино.

— Давай откроем. Обычно ты ищешь повод.

— Сегодня выпьем без повода. За мой отъезд. Ты перенервничал, у тебя что-то не получается?

— Разве что-нибудь когда-нибудь у меня не получалось?

— Я так почувствовала.

— Твоя интуиция на этот раз тебе изменяет, — он разлил вино в фужеры. Выпили без тоста, не чокаясь.

— Да, звонил отец. Он управился с осенними работами и готов на будущей неделе приехать.

— А, черт. Я и забыл. Напомни, чтобы я утром до девяти позвонил Романовичу.

— Хочу тебе в Болгарии купить турецкий свитер.

— Будут лишние левы, купи.

— Почему тебя все раздражает?

— Тебе показалось. Что там сегодня по телевидению?

— Очередная борьба с мертвецами — Сталиным, Брежневым.

— Надоело. Лучше почитаю.

— Как знаешь. Я пока замочу белье. Не буду заводиться со стиральной машиной.

Он взял с собой в спальню телефонный аппарат. «Интересно, ждет моего звонка или нет? Наберу-ка номер... если поднимет она, значит, ждет». Он набрал знакомый номер, трубку подняла старшая дочь и долго алекала, даже подсказывала: «Нажмите кнопку». Он нажал на рычаг. «Значит, не ждет».

Он еще не распознал и половину ее натуры. Ошибался. Она тосковала по нему и ждала телефонного звонка весь день и вечер. Удивил Август. На него такое нападало раз в три года. Принес букет роз и бутылку шампанского.

— Цветы тебе. Вино на стол.

— Спасибо. Не ожидала. Неужели наступил день, когда все планеты выстроились в один ряд? — Олеся улыбнулась.

— Не дай бог. Будет, наоборот, катаклизм. Разве я раньше не приносил цветы? Мне повысили зарплату аж на двадцать пять рублей. Все. С командировками покончено. Перехожу в другой отдел. Упаду на тахту и буду полгода отлеживаться. Все. Пора переходить, как у нас шутят, из ИТР в ИТД.

— Не поняла?

— В категорию индивидуально-трудовой деятельности. Ну вот, опять нет минеральной воды, — он открыл холодильник, — заставляй ты их работать (он имел в виду дочерей). Хочу шампанского.

— У меня все готово, — она привычно засуетилась, — есть голубцы. Достоялась в очереди за окороком.

— Скажи, у нас вылечивают отложение солей? — на минуту он вернулся к своей любимой теме, выйдя из ванной в трусах и майке.

— Пока нет.

— Только кричали, что по медицине мы на первом месте в мире. Очковтиратели. Что-то на меня все навалилось: остеохондроз, пародонтоз, радикулит. Может, в санаторий поехать? Ведь подсунут путевку в третьеразрядный дом отдыха, и не пикнешь. Надо было раньше протестовать против этой системы. Двадцать лет мы с тобой прослужили — ни на машину, ни на хорошую мебель, ни на ковры, ни на дубленки не смогли заработать. Куда все уходит? Столько нефти, газа, леса, золота... Меня ненависть разъедает.

— Обида, наверное.

— Ненависть. Я зол. Здоровье к сорока пяти положил, в общественных столовках гастрит нажил. Для чего? Чтобы дети жили в социалистической пустыне?

Олеся только слушала.

— Теперь этот великий деятель создал кооперативы. С бухты-барахты. Без контроля, без системы налогов. Скупают бутерброды у нас в столовой, везут на проспект и продают за рубль. Бизнес бизнесом, но это грабеж средь бела дня. Мы сидим за столами с девяти до шести и не видим, что творится в городе. Такое ощущение, что никто не работает. Куда ни сунься, очередь. Слышала, из Мозыря выехали все евреи? Значит, республика облучена основательно. Все ведь скрывают. Если ты истинная власть, обеспечь народ чистой пищей без нитратов и радионуклидов. У нас на работе уже заболел один сальмонеллезом.

— Ваша фирма стандартов должна следить.

— Нет. Это дело эпидемстанций, но все развращены бездельем. Все!

Он счел, что разговор на животрепещущую тему исчерпан.

— Открой шампанское сама. У меня руки дрожат. Боюсь, половину пролью.

— Я не умею.

— Я буду подсказывать. Наклони бутылку. Да не в меня целься. В сторону. Открывай заглушку. Они, шаромыжники, гонят шампанское через сутки. Никаких стандартов. Настоящее шампанское должно годы лежать в подвалах, а у нас едва успевают мыть бутылки. Потом живот пучит полночи. Отклеивай фольгу. Осторожно. Пробку крутани и подай вверх. Видишь, начинает пробку выталкивать.

— Да.

— Я подставлю фужер.

— Боюсь.

— Я подставил, а ты сразу наливай.

Пробка взлетела пулею вверх и, отколов попутно кусочек старой люстры, упала в салат. Шампанское побежало через край фужера. Август быстро отпил, облизал руку, нагнулся и слизал пролитое вино с клеенки.

— Отлично. У нас на работе, помню, Семыкина так вот полбутылки пролила.

— Надеюсь, ты там с клеенки не слизывал.

— Во-первых, я далеко сидел. Во-вторых, там все мне завидуют.

— Что ж, выпьем за твой успех. После переаттестации обещали повысить зарплату и мне. Если бы не дочь, школа, я бы пошла на полторы ставки.

— Она уже выросла. Пускай учится самостоятельности.

Они с удовольствием опорожнили фужеры с вином. В дверь позвонили. Августа перекосило.

— Как закон, только сядешь к столу, соседка тут как тут. Нюхает она, что ли, стоя у двери, черт ее знает!

— Я открою.

— Открывай. От нее и в бомбоубежище не схоронишься, — вяло ответил Август.

На Лере было новое платье и новые замшевые — с базара — босоножки.

— Ой, извиняюсь, я невовремя. Приятного аппетита. — Она заглянула, чтобы поздороваться и с Августом. — Боже мой, шампанское!

— Проходи, присаживайся, — пригласила Олеся.

— Спасибо. Что бы я без вас делала. От бокала шампанского никогда не откажусь... сто лет его не пила. Я к тебе по делу. Мне босоножки немного жмут. Примерь. Отдам по той же цене, за шо и купила.

В последние месяцы Лера читала только и исключительно рекламные объявления; она с успехом превращалась в женщину-бирку, женщину-компьютер, держала в своей маленькой головке, сидящей на широких плечах, банк данных: что, где, как продается и меняется.

— А вы еще на свой телевизор декодер не поставили?

— Милая моя, зачем он нам. Сорок лет надо стоять в очереди на видеомагнитофон «Электроника».

— А я пригласила кооперативщика и поставила. Позже будет дороже. Одна моя знакомая брала напрокат видео с кассетами... у знакомого. Пригласила меня... Доложу вам... це гарно. Я прошла огонь, воду и медные трубы, но на их Западе, особливо немцы, такое выделывают, шо нашим бабам еще ой як далеко. Вот прибыльное дело. За сутки сто рублей возьми да и выложи. А оце кажуть, большие деньги можно настругать за компьютеры. Ну, как босоножки?

— Жмут.

— Жалко. Ты в них просто куколка, как Тэтчер. За что пьем?

— За что теперь модно пить? За успех перестройки, — подсказал Август.

— Нехай так. Мой уже перестроился. С товарищем сделали на заводе самогонный аппарат, пронесли через проходную и установили в ванной. Боже мой, из чего только они эту заразу не гонят, всэ идет в ход — пшено, сухари, сахар, перловка. Вот ей-богу, налей конскую мочу, и из нее выгонят самогон. Намаялася с ним, жуть. Сосед на пятом, над нами, — цемент в дом, плитку черную в дом, стекло в дом... а мой веревку для белья на балконе повесить не умеет. Я бы его почку продала, если бы за СКВ купили. Ей-богу. Мечтает уже о безработице, хочет постоянное пособие получать. Пропьет за один день.

— Наивный или глупый... кто ему до пенсии пособие платить будет? — посочувствовал Август.

— Шо об нем говорить. Чокнулся человек. У вас добре. По-человечески. Выпили, поговорили, посмотрели телевизор, — Лере не хотелось уходить, она ждала еще шампанского, но раздался телефонный звонок. Леру искал Никита. Она его успокаивала: — Хорошо, хорошо. Не паникуй. Я все помню. Не забыла. Не паникуй. Чакай, я позвоню. — Лера вернулась к кухонному столику.

— Уже неможется. Пять минут потерпеть не может. Я ведь пробовала его бить. Вот этой рукой. Колотила, як Степан Аксинью, когда она з Гришкой слюбилася. Так вин бегае по хати и кричит: тильки не би по голови, бо дурнем зробишь, и я буду какать по всей квартире. Смех. В гробу легче было бы лежать, як с ним жити. А как все приятно начиналось. Мы разом пели в детском хоре Дома пионеров. И он, мой кареглазый Никитка, ангельским голосочком выводил: «Знают горы, равнины и реки, знает каждая травка в пути: Ленин с нами, он с нами навеки, он в суровой борьбе впереди». Благодарный зритель рыдал от умиления. Я втюрилась в солиста по самые уши. Если бы он знал, куда приведет его эта борьба... Принес вчера домой бутылку «Даляра». Меня такое зло взяло. Я его послала за бульбою, а он нясе вино. Хвать я эту бутылку, думаю, вылью в туалет к чертовой матери. Он за мной: «Отдай, не переводи добро».

Бутылка тут упала и пробила в унитазе дырку. Пошел он в домоуправление. На складе запасных унитазов нету. Обещали через неделю. К соседям наверх он стесняется ходить. Должен червонец. В строительное общежитие его уже не пускают. По пьянке там с кем-то побился. В филармонию ходить, там чистый туалет, ему нравится, но надо билет покупать на концерт. К рынку совсем далеко... едва добежал один раз. Думаю, вы люди самые добрые, все же это житейское, думаю, пойду попрошу у вас... Он придет со своим дезодорантом. Я купила в галантерее около Генштаба. Уже завтра, он звонил знакомому сантехнику, что дома Совмина обслуживает, тот обещал притащить унитаз. Акрамя вас няма до кого и звярнуться. Альбо жлобы вокруг, альбо эгоисты. Да что там туалет, они воды из туалета жалеют. Сидит, бедняга, терпит, ждет меня. Ой, мне шампанским голову закружило, забыла про него… Это дело житейское.

Олеся глянула на Августа, тот пожал плечами.

— Пусть приходит.

— Спасибо. За угощение спасибо.

— Только, Лера, предупреди, что мой туалет не вокзальный, он круглосуточно не работает, — пошутил вдогонку Август.

— Конечно, конечно! Я яго после двенадцати на улицу выгоняю. Няхай с собаками на кустах метки ставит.

И они все рассмеялись. Пятясь к дверям спиной, Лера ушла.

— Соседей, как и родителей, не выбирают, — сказала Олеся, убирая со стола.

— Они меня уже начинают своей назойливостью раздражать. Я и сам не цаца, несовершенен... Я, может, и тебя не достоин... Но я боюсь остаться один, боюсь тебя потерять. Тебе со мной скучно? Меня не хватает на многое. Я поздно опомнился, что все бежит мимо меня... и я не протестую. Не называй меня, ради бога, неудачником. Мне будет тяжело это пережить. Если у тебя есть любовник... тоже не говори. Отрицай. Мне часто снится сон, что я еду с тобой в «скорой помощи»...

С виноватым видом, в простом спортивном костюме, в тапочках на босу ногу, порог несмело переступил Никита.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, Никита. Как жизнь?

— Так. С Доски почета да прямо в безработные.

— Остроумно, — повеселел Август.

— Я... можно, покурю у вас в туалете?

— Давай. Только не проси, чтобы тебе подали зажигалку, — острил Август.

Он удалился в свою комнату. Олеся — в детскую, где допоздна засиделась за уроками младшая дочка. Вскоре дочь, уставшая и чувствующая легкое недомогание (сопливилась), улеглась в постель. Олеся, набросив на плечи куртку, вышла на балкон. Удивительной красоты и таинственности звездное небо открылось ее взору. С детства она любила наблюдать, учась распознавать созвездия, за пленительно-мерцающим светом ночных светил. Ей всегда почему-то казалось, что она родом если и не из семнадцатого столетия, то, вне сомнения, оттуда, с неизвестной планеты. У большинства людей ориентация в бездне звезд скудна: Млечный Путь, Большая и Малая Медведицы, Полярная звезда, Венера — вот, пожалуй, первичный и самый распространенный набор. Она находила созвездия Водолея, Креста, Стрельца и Козерога, всякий раз поражаясь постоянству и расстоянию мерцающих, манящих к себе точек. Узнав, что космос, дорога в нем — это путь в постоянной кромешной темноте, не верила, вот чувствовала, и все тут, что должен быть светлый коридор, веду-

щий к той звезде, где ждут душу. Она не была подавлена бессмысленностью, невозможностью постичь поражающий и пугающий сознание человека звездный шатер. Она была счастлива, что ночное небо побуждало ее и к удивлению, и к размышлению, притягивало к себе. Теперь она все старалась сверять с их с Любомиром отношениями. «Интересно, что делает он в эту минуту? Глядит ли на небо? Восторгается ли красотой звезд? Почему не позвонит, не скажет об этом? Почему?» Неискушенная в сердечных делах, она еще не знала, что роль любовницы (или любимой) сопряжена с душевными муками.

Давно ушел Никита, незаметно уснул безмятежным сном Август, а она, дожидаясь дочь со второй смены, все еще надеялась, что Любомир порадует ее таким родным голосом: «Спокойной ночи. Думаю о тебе, ручеек мой проворный».

Для влюбленного человека время замирает, он не стареет. Она решила, экономя на питании, во что бы то ни стало обновить свой гардероб. Ей хотелось чаще выглядеть в его глазах нарядной.

Любомир, встретив в десятом часу отца на шумном вокзале, сразу повез его в четвертую клинику к знакомому кардиологу. Григорий Артемович от усталости был раздражен.

— Как ты находишь Минск? Хорошеет?

— Где-то я вычитал, что славянский город украшают золоченые церковные кресты. Ты на два дня договорился?

— За день капитально проверим твой мотор, у них импортная аппаратура. Подоит твою козу соседка, если и заночуешь. Камелия в Болгарии... я один.

— Катаетесь вы уже по всему свету, — нельзя было понять, с гордостью сказал это отец или с легкой иронией.

— Пал железный занавес. Народ взбодрился.

— А мне кажется, что народ, сам того не подозревая, смирился с тем, что его подталкивают к самоубийству. Пстрички, подписанные твоим именем в газете, стыдно читать. Диву даешься: как на дрожжах растут озлобленность, неуравновешенность.

— Возможно, это трансформация в биоэнергетике человека после Чернобыльской аварии. И в Библии, оказывается, есть о ней предупреждение.

— Что мне до Библии, до астрологии. Спустись на землю. В Житковичи. Приезжает к нам один полоумный агитатор и давай бунтовать народ: кажет, вы не на том языке говорите, надо разговаривать на старом и вообще в перспективе весь район надо Украине передать. Через неделю уже другой варяг — кричит, что это исконно польские земли... надо срочно реставрировать костел и всех так называемых тутэйшых перекрестить в поляков. Ему возражает молодой человек с бело-красно-белым флажком в руках, кричит: «Долой Российскую империю. Все зло от русских!» Пять евреев осталось, так и те хотят создать свое общество, собирают деньги на синагогу, мол, Житковичи, как и Мозырь, Слоним, Бобруйск, чисто еврейские местечки. Кошмар. Демоны сеют зерна человеческой ненависти, а где твое слово? Почему ты в стороне? Торгуют родиной! Что-то там затеяли в Карабахе? Не могу правду историческую ни в одной газете прочесть. Все оплевывается. Я попробовал выступить на митинге... Кто-то из толпы обругал: «Сталинский, уступи микрофон другому!»

Любомир заведомо предполагал, что отец будет насторожен и подозрителен. Он и прежде с трудом принимал новации в политике, экономике, культуре.

— Отец, ты преувеличиваешь опасность брожения умов. Это естественное раскрепощение, поиски новой политической ориентации. Ваше поколение перестраивается медленнее, оно более консервативно.

— И ты туда же. В Англии есть партия консерваторов, и никто не ругает за консерватизм. Нельзя подвергать демонтажу структуры, которые защищают человека, нельзя разрушать вековые традиции.

— Ай, ей-богу, где ты их видишь у белорусов. Деревенские вечерки только и остались.

— Хоть деревенские вечерки защищай, но тебе, как посмотрю, все безразлично.

— Я вращаюсь во всех сферах и знаю больше тебя, извини. Партия, которой ты служил верой и правдой, находится в глубочайшем кризисе — вся, от Москвы и до окраин. Моя газета, может быть, самая консервативная, самая революционная. Хорошо еще то, что начала давать полярные взгляды на одну и ту же проблему. Мои возможности и способности ты преувеличиваешь. Таких, как я, по всему Союзу полсотни. Для руководства я рядовой корреспондент из провинции, как для меня сотрудник житковичской районки. Написал я острый очерк о нашей таможне, нашлось в нем место и собакам, которые ищут наркотики. Сейчас это практикуется. Ты не знаешь, что прежде чем собака начнет распознавать наркотики, ее приучают нюхать порошок, то есть самым настоящим образом делают из собаки наркомана. Это несчастные животные. И что же? Мой очерк завернули.

— Пса жалко, согласен, но ты забыл о людях. Тебя подменили.

— Отнюдь. Я нащупываю точку опоры.

— Долго ищешь. Твое поколение должно брать ответственность за родину на свои плечи. Заморочили голову модными оппозициями: правые, левые, консерваторы, демократы. Выбьют из мозгов опору и надежду, и все покатится к анархии. А вы какие-то аморфные, неустойчивые, холодные.

— Прежде чем лечить, надо поставить диагноз, разобраться в механизме.

— Болтовня. Сломалось колесо у телеги, — мужика не надо учить. Берет бревно, подвязывает, и поехали.

— Отец, это долгий спор. Вечером за чаем продолжим. Ты так меня, едва ступив на асфальт, прижал в угол, как профессиональный боксер. Я устал от слов, хочу жить чувствами.

— Может, перед смертью спешу выговориться.

— Не дадим умереть.

Седой ус у Григория Артемовича дрогнул.

Пока энергичный, внешне беспечный и разговорчивый доктор водил деда из кабинета в кабинет, Любомир стоял у окна в небольшой ординаторской и наблюдал за тихой улицей. Когда-то отец любил говорить: «Упала, не дожидаясь захода солнца, роса на травы, загорелся темно-коричневым цветом дикий щавель, запели свои первые песни за болотом волки, значит осень пришла». В урбанизированном огромном городе кроме желтых кленов да спелых каштанов, рассыпанных на тротуарах, других примет нет. Сколько он живет в столице, никогда не видел в ее осеннем небе стаи улетающих на юг журавлей, аистов или робких уток. Для него осень всегда была неулыбчивой, кроме этой. Удивила Олеся: принесла на свидание пшенную кашу в стеклянной банке, сунула ему в руки ложку и просила попробовать сие блюдо, не забывая похвалить: «Готовила на сливках, учти!» Каша удалась на славу. Олеся заслуживала похвалы. Счастливая улыбка не покидала ее лица. Он решил ответить сюрпризом. Притащил ей на работу в кабинет огромную дыню. Они, в отличие от большинства любовников, увлеченные друг другом, наполняли минуты, часы завидным богатством чувств, не скупясь на ласки и нежность. Находили друг в друге безобидные странности и, утрируя, иронизировали по этому поводу. Ее лицо всегда озаряла счастливая улыбка. Тревога задевала изредка, но очень больно.

«Это не может продолжаться бесконечно. Я, увы, не смогу ему родить, даже если бы и пожелала. Остается ждать, пока вырастут дети. Ужас».

Ей казалось, ситуация тупиковая. Слезы катились градом. Она делилась своим пессимизмом и с Любомиром.

Он отвечал одно и то же:

— Положимся на волю судьбы. Ничего не загадывай.

Стоя у окна, ему вдруг захотелось спуститься вниз, выйти во двор и собрать для нее в карман первые каштаны. Что он быстро и сделал.

Вскоре деловой доктор привел в ординаторскую отца, у которого на висках проступила испарина. Доктор говорил скороговоркой, как всегда он торопился:

— Сердце действительно дало сбой, но не такой уж угрожающий. Типичная для возраста ишемия. В районной больнице диагноз поставлен правильно. Желательно ограничить до минимума физические нагрузки. Выпишу лекарства.

— Мед можно? Сосуды не размягчит? — спросил Григорий Артемович.

— Что организму хочется, все в пищу употребляйте, только в меру. И мед в том числе. Даже пятьдесят граммов коньяку.

Размашистым почерком он выписал рецепт и отдал его почему-то Любомиру.

— Не уверен, все ли есть в аптеках, но постарайся раздобыть.

— В лечкомиссии будет?

— Там будет.

Григорий Артемович с особой признательностью пожал руку доктору, который, вне сомнения, ему понравился. Дед, почувствовав уверенность после осмотра столичными светилами, рвался на вокзал, ехать обратно. Любомир с трудом уговорил его хоть квартиру новую оценить, остаться. Взяли обратный билет на первый утренний рейс. В холодильнике была баранина, на столе дары крымских степей и кавказских гор. Григорий Артемович и районом, и квартирой, и ужином остался доволен.

— Елки-палки, все основное, необходимое для жизни в городе у тебя есть, сынок, не отсиживайся в кустах, трудись бессмертия ради. Возвращаясь к нашему утреннему разговору, признаюсь, никогда мне еще не было так больно за отечество. Ради чего так унижаться, доказывать всему миру, что мы уже ни на что не годны. Да славянская цивилизация одна из самых могучих. А ты молчанием потакаешь ухудшению человеческой породы и глумлению над национальным сознанием и духом народа.

— Ой, господи, где ты видишь национальное сознание?

— Пока песни свои не забыли, значит, сознание живет.

— Теперь не до песен. Структура власти, экономика, рынок, начинается борьба партий.

— У нас борьба партий приводит к гражданской войне. Я боюсь свободы, которая требует человеческих жертв.

— Где же выход, подскажи, ты много прожил?

— Значит, вот это я и буду исповедовать. Живу ко всем лояльный, и очень легко, оказывается, так жить.

— Тебе нельзя так жить. Ты совесть, можно сказать, народа. Мы, простые, может, и толпа. Хоть я и не люблю этого слова, но ты защитник добра и справедливости.

— Отец, ты вещаешь, как в добрые застойные времена секретарь обкома.

— Да уже переучиваться поздно.

И жалел, и сострадал, и сочувствовал отцу Любомир. «В нем сидит учитель, моралист, максималист, ничего не попишешь. Возможно, он и

прав, когда говорит, что добро в богатство переводить не надо, оно само переходит, но многие новые веяния и новые идеи он уже не способен генерировать».

Под конец затянувшейся беседы Любомир вспомнил, что Артем прислал им несколько своих фотографий уже в ранге курсанта военного училища. Дед достал очки и внимательно, влюбленным взглядом, всматривался в знакомо-незнакомое лицо внука.

— А мне таких еще не прислал.

— Пришлет. Тебя он больше любит, — с теплотою в голосе успокоил отца Любомир.

Утром, в спешке проводив отца, Любомир немедленно набрал номер поликлиники. Они условились о встрече. Эти два часа, проведенные в его квартире (ох, как ей стыдно было подниматься на третий этаж, ждать у двери, пока он возился с замком) были особенно счастливыми и светлыми. Жар в поцелуях не затухал.

— Ты знаешь, что мне говорят на работе?

— Что?

— Вас, Олеся Георгиевна, не узнать. Вы так похорошели, вы вся светитесь красотой.

— Они правы.

— Это правда? — смутилась она.

— Правда.

— Извини, может, я поступила опрометчиво, но мне безумно захотелось поделиться своей радостью. Двум подругам я открылась, что влюблена.

Любомир поступил наоборот: все замкнул на себе. Никому о ней не рассказывал. Да, по сути, и некому было говорить. Оказавшись без настоящего друга, он начал замечать свою замкнутость, настороженность, замшелость. Он уже готов был видеть плохой знак и в гармоничном торжестве их чувств. «Если уж все слишком гладко, тоже плохо, жди беды». Беды, которую он себе нафантазировал, не было, как не было повода для его буйной ревности. Только однажды он больно уколол ее:

— Бальзак, знаток женщин, говорил: «Одного мужчины женщине достаточно, двоих уже мало».

— Сударь, если бы я испытывала непреодолимое желание гулять, я бы делала это до вашего появления. Но почему-то Господь удерживал меня без особых усилий. Я ждала вас, сударь.

В тот день они расстались сухо и нервозно. Любомир, однако, нес в себе еще и огромный заряд примиренчества, раскаяния, побуждавшего переоценить поступок. Он позвонил и сказал одно слово: «Прости». Этого было достаточно, чтобы она еще больше прониклась к нему чувствами. Иногда он делился с ней забавными, интересными фактами из своей практики, приобщая ее к специфике своей работы. Иногда зачитывал ей письма трудящихся: грустные, смешные, негодующие и умоляющие о помощи. Утаивал лишь одно, сам не понимая до конца, почему. Дело Николая Ивановича Барыкина. Может, ему было немного стыдно, что так и не довел его до конца. В последнее время, правда, он очень сомневался в нужности таких понятий, как долг, совесть, порядочность. Какова их квинтэссенция, если утверждается противоположное: каким путем заработаны деньги, не должно никого интересовать. Сместились акценты, видоизменилась сущность ценностей, затушевалась грань между ангелами и демонами. Он уже не был первым, но не стал еще и вторым. Ах, милая Олеся, целуй, целуй еще... крепче... вот так бы и уснуть, забыться в твоих сладостных объятиях.

В этот же день, когда, воспользовавшись отсутствием Камелии, Любомир спешил насладиться любовью, Николай Иванович Барыкин получил копию постановления Бюро Центрального Комитета Компартии Белоруссии. «Протокол № 61, Параграф 14. 1. Учитывая, что т. Барыкин Николай Иванович является участником Великой Отечественной войны, его положительную научно-педагогическую работу в прошлом, активное участие в общественной жизни в настоящее время, а также то, что обвинения, предъявлявшиеся ему ранее, отпали, ограничиться обсуждением его персонального дела и сделанными ему замечаниями.

Секретарь ЦК
Компартии Белоруссии И. Горностай».

Николай Иванович прочел это выстраданное, вымученное, долгожданное письмо без радости, победного ликования триумфатора, а скорее наоборот, спокойно, как будто читал рецепт блюда из книги «О вкусной и здоровой пище». В нем почти все уже перегорело. Он перестал ходить к киоску покупать по утрам «Правду». Чувствовал, что Любомир недоговаривает, темнит. Это очень раздосадовало Барыкина. Любомир позвонил, поздравил с восстановлением в партии, с победой. Сказал, что это все, что он смог сделать, употребив слово «пока», что, мол, не теряет еще надежды одолеть министерство, а с ним и ректора. Барыкин сухо поблагодарил и выразил желание забрать свою зеленую папку, обосновав просьбу тем, что документы ему понадобились. Любомир быстро согласился, не уговаривал и не настаивал оставить у него все материалы: «Хорошо. Приезжайте завтра. Если мне что-нибудь понадобится, я вас найду».

Судьбе было угодно, чтобы они больше не встретились. Когда Николай Иванович приехал в редакцию, Горича не застал, а зеленую папку ему передала учтивая и любезная секретарша. Он еще не думал, как распорядится материалами, куда их определит. Укрепилось недоверие ко всем институтам власти. На Любомира он не затаил зла. Вроде человек старался помочь, во всяком случае, делал вид, что старается. Заставил ЦК дрогнуть. Только поздно. Барыкин разуверился в «уме, совести и чести» организации, в которой состоял сорок лет. Теперь он полагался только и исключительно на собственные силы.

Последние пять лет зима посещала Минск неохотно. Случалось, что новогодние елки, которые по традиции устанавливали в оживленных местах города, сиротливо мокли под частым дождем. Песня настоящей вьюги слышалась разве что в зимних эпизодах художественных фильмов с экрана телевизора, где ее искусно имитировали звукооператоры. Снег не успевал закрепиться на асфальте: его или съедала оттепель не без помощи тысяч шин автомобильного хозяйства, или разносило поземкой к оградительным щитам новостроек, к кромке тротуара. «Опухали» от мокрого снега только электрические провода.

Притаилась на время любовь. Они встречались реже, чаще перезванивались. Но все еще не могли друг без друга. К тому же, заболела Камелия. У нее беспричинно начались частые головные боли, сопровождавшиеся постоянным (особенно по вечерам, среди ночи) шумом в голове. Она проходила лечение в барокамере. А он нежданно-негаданно был вовлечен в грандиозное по размаху и небывалое доселе мероприятие. Бесснежной, сырой зимою восемьдесят девятого года исподволь, с оглядкою, с опаскою, несмело началась избирательная кампания на новый манер. Несведущие в политике простаки, зашоренные неустроенным бытом последних лет домохозяйки, рабочие, лояльная к власти интеллигенция — все открыли для себя новое, доселе непонятное иностранное слово «альтернатива». Свободные, всенародные, демократические — это при-

вычно, проходили, а вот альтернативные выборы — это уже напускало туману, требовало расшифровки. Именно это слово вскоре клином врезалось в сознание избирателей, стало едва ли не основополагающим. Все остальное не имело значения, ушло в тень. Кажется, еще совсем недавно Иван Митрофанович, не жалея сил, мотался из одного конца республики в другой, с одного отчетно-выборного собрания на другое. Престиж партии угасал, выборы оставляли последний шанс возродиться, укрепить доверие. Надо было показать, что и в партии начинаются здоровые процессы. При непосредственном участии Горностая и с его тонкой подачи было заменено более одной трети руководителей всех рангов в райкомах и обкомах, наполовину обновили состав цехкомов и парткомов. Впервые он остро почувствовал нездоровое брожение умов — не всюду удалось провести на руководящие должности своих проверенных кандидатов. Зачастую все решалось спонтанно, остро, бурно и хаотично. Что поделаешь, он соглашался с мнением рядовых коммунистов, поддерживая их выдвиженцев. Время подбора депутатов окончилось, а чтобы выиграть выборы, надо просчитать много вариантов. Он был доволен поездками: отлично знал настроение своих будущих избирателей и проблемы, которые их волнуют. «Все, все надо будет учесть в предвыборной платформе».

Он был в списках кандидатов, которых должны выдвинуть от общественной организации — республиканской Коммунистической партии. И вдруг, когда выходили на финишную прямую, Первый снял его кандидатуру, отговорившись тем, что и без того много претендентов из центрального аппарата. Что толку сетовать, Иван Митрофанович привык действовать, добиваться своих целей. Путь в депутаты через прямые тайные альтернативные выборы не усыпан ни розами, ни ромашками. То там, то тут он слышал иронию простого народа, что это будут не выборы, а пощечина руководителям. «Да найдем мы тебе альтернативную пешку», — успокоил друга Злобин. А тут еще оказия. Опьяненные гласностью, некоторые ретивые коммунисты требовали правды о бюджете Компартии республики. Такого не было никогда. Иван Митрофанович немедля отреагировал, не дав зародиться буре, подготовил с управляющим делами ЦК обширную информацию о бюджете и попросил Любомира дать ее в «Правде». Приход и расход были составлены безупречно и надежно. О привилегиях и льготах ни слова. В конце сногсшибательный финал: «В связи с аварией на Чернобыльской АЭС с целью содействия ускорению по ликвидации последствий исключить из плана строительство центральной поликлиники, а также зданий под райкомы в семи районных центрах». Московские партийные иерархи информацию отметили как умную и своевременную. Ему позвонил один из самых высоких и приближенных к первой особе. Вот тут Ивана Митрофановича на волне похвалы и осенило. В доверенное лицо он определит себе Любомира Горича! Умница, талантливый человек, он не только составит предвыборную программу, но и с блестящим ораторским искусством будет представлять его на встречах с избирателями. Он пригласил корреспондента к себе в кабинет и по-отцовски, сердечно, уважительно изложил Любомиру свою просьбу. Горич опешил. Он не знал, что за этой просьбой кроется, но простота Ивана Митрофановича развеяла сомнения.

— Ты первый, к кому я обратился за поддержкой. Поверь, это не ответная просьба за восстановление в партии Барыкина, о котором ты хлопотал... Не вижу, кроме тебя, на кого можно опереться. Все мы, аппаратчики, немного заскорузлые, прямолинейные. Мало личностей. В тебе есть, наблюдаю давно, умение видеть явление, проблему человека в контексте других проблем и реалий. Высшие чины, у нас в этом плане тупоумие, должны опираться в своей деятельности на мудрых советников. Если меня выберут, я уйду в парламент,

возможно, возглавлю Верховный Совет. Хочется послужить не словом, а делом. Уж что-что, а чем живет народ, как он живет, я знаю. Так я могу рассчитывать на твою помощь?

Взгляд его излучал благодушие.

— Я согласен, — словно находясь под гипнозом, ответил Любомир, не испытывая, однако, радости от этого сговора.

— Спасибо, друг. Я не ошибся. Тут я набросал некоторые тезисы... просмотри, оцени их своим ясным умом. Сфотографируй ситуацию. Вот тебе мой дачный телефон. Кстати, у моей дочери в эту субботу именины. Я вас приглашаю с супругой к себе. Часиков этак в пять. Ты бывал в Дроздах?

— Не доводилось.

— Я пришлю за вами машину. Оставь мне свой новый адрес.

Любомир положил на стол свою визитную карточку.

— О, и по-английски на карточке? Правильно. Надо выходить на международную арену. Значит, договорились. В субботу встречаемся у меня.

Камелия восприняла эту новость восторженно. Он и не подозревал, что в ней, независимой, иногда просыпалась зависть к женам и детям властей предержащих. Ее отец, крупный профсоюзный лидер, все же чувствовал себя среди кандидатов в ЦК и Политбюро мелкой рыбешкой, она это помнила. В семье часто говорили о том, какую обслугу имеют высокие чины, охраняемые кагэбистами. Камелия уговорила мужа по этому поводу купить новый костюм. «К такому человеку едем. Папа когда-то в молодости работал с ним вместе». Любомир невольно поддавался ее восторженному настроению, не пытаясь урезонить, мол, это человек средних способностей, службист, который по отработанному ритуалу партии к шестидесяти достиг полагающейся ему по возрасту и выслуге лет партийной высоты. Трагедия поколения отца, да и его, в том, что они боготворили высших партийных чиновников, не задумывались об их таланте. Априори казалось, что утвержденный на пост первого секретаря обкома талантлив, как лауреат государственной премии, а уж первый секретарь ЦК мудрец, гений, цвет нации. Лицемеры всех рангов возносили имидж борцов за идеалы до космических высот. Сколько восторгов излили политические обозреватели центрального телевидения казенным целовальникам! Он за всю свою журналистскую практику столько эпитетов не использовал, сколько они умудрялись выпалить за неделю визита вождя в зарубежье. Должность и талант: как часто замечал он в этом сочетании дисгармонию. Камелия... что уж судить... женщина остается женщиной. Но ведь и в нем идолопоклонство до конца не изжито. За вечер он состряпал Горностаю предвыборную программу: кратко, доходчиво, с полным набором нужных фраз. Разместил по абзацам.

«Цель политической платформы кандидата в народные депутаты СССР:

1. Социальная справедливость.
2. Благосостояние народа.
3. Экологическое равновесие.
4. Духовная свобода граждан.

Средства:

1. Демократизация политических структур.
2. Обеспечение социальной справедливости и гарантированная оплата по труду.
3. Возрождение рынка как оптимального регулятора экономики».

К месту вставил отрывки из якобы состоявшегося где-то выступления кандидата: «Экономика, развивающаяся в ущерб социальной сфере, по существу бессмысленна. Всякие экономические и социальные реформы обречены на неудачу, если не сопровождаются реформами в области права и политики».

Нашлось место и лирике: «Уважаемые товарищи избиратели! В канун ответственного момента в жизни нашей страны, в период революционной перестройки убедительно прошу Вас найти несколько минут времени, чтобы ознакомиться с тем, что меня до глубины души волнует».

Любомир в пересказе биографии кандидата на первом месте поставил фразу о том, что дед секретаря ЦК пал жертвой сталинской коллективизации. Затронул проблему отношения к инвалидам, воинам-афганцам, женщинам и детям-сиротам, роль семьи в общественном воспитании подрастающего поколения. Это было подчеркнуто в тезисах Ивана Митрофановича красным карандашом. Заканчивалось это развернутое воззвание перечнем заслуг и наград кандидата, его обязательностью следования выдвинутым обещаниям:

1. Быть всегда с людьми. На деле реализовать свою позицию, свои убеждения, твердо отстаивать их, уважая оппонентов.

2. Выработать и принять дополнительные меры по выполнению программы «Жилище—2000». Только социалистический путь развития республики в составе обновленной федерации. Каждой семье в Белоруссии — индивидуальный радиометр — дозиметр! (И это было подчеркнуто красным карандашом.)

Работой своего доверенного лица Иван Митрофанович остался доволен. Пока все ладилось. Одно настораживало: где баллотироваться? Идти наобум по нынешним временам было рискованно. Могли запросто прокатить высокий партийный чин. Хотелось быть уверенным в победе. И вот когда они со Злобиным, похожие деятели, но не похожие темпераментами, сошлись за рюмкою коньяка, ректор обрадовал:

— Попытаешь счастья на периферии. Есть альтернативная пешка. На родине моего двоюродного брата. Его сына выдвинули кандидатом. Не знаю, какую попросят мзду...

— Не без этого.

— За два дня до голосования он снимет свою кандидатуру.

— Железно?

— Думаю, надежно. Ты останешься в бюллетенях один.

— Кто он?

— Механизатор. Работник толковый. Быть политиком, депутатом ведь не всем дано, это искусство. Он четыре года стоит в очереди на квартиру и пять лет на «Жигули». Да помоги ты ему в житейском плане, он самолично пойдет по хатам местечка агитировать за тебя.

— Гарантии?

— Девяносто девять процентов. Я уже переговорил с ним.

— Меня не подключай. Я не должен участвовать и что-либо предпринимать.

— Уж как не знать. Он ради машины лыжи навострил в депутаты.

— С машиной поможем. С квартирой сложнее. Будем прорабатывать. Как ты себя чувствуешь?

— Дел невпроворот. И время, и силы — все отдаю предстоящим выборам.

— Моя помощь в чем заключается?

— Через своих людей в избирательной комиссии определи мою кандидатуру в спокойный территориально-избирательный округ. Только чтобы не было конкурента из священнослужителей. Наш народ наивен, думает, что попы смогут накормить его. Казна государственная будет чахнуть, а ихняя богатеть.

И вроде протестовать грешно, к любви зовут, к смирению, к обузданию греховных страстей. Вот ведь хитро — и народного контроля нет, никто не в силах проверить эффективность их программ. Они были гонимы, по ним соскучились, мы набили оскомину, потому во всех округах попы победят. Так что уволь меня от соперничества с ними, остальное беру на себя.

«Свои люди» подобрали Злобину округ в районе автомобильного завода. Округ, в котором были расположены два общежития института, два ресторана, восемь магазинов, общежития кооперативного техникума, устраивал ректора. Группа поддержки, возглавляемая преданным Дорофеенко, широким фронтом наперегонки кинулась агитировать слои населения за своего кандидата, который в случае избрания обещал наконец-то всем счастливую и бесхлопотную жизнь. Компьютерная и множительная техника института работала без выходных. Листками-воззваниями, обращениями к избирателям, биографией с огромным портретом, программами кандидата засеяли не только округ, а почитай, полгорода.

Барыкин вдумчиво, как он привык делать все, знакомился с программами.

«Хозрасчет без демократии — утопия! Голосуйте за К. П. Злобина. Известный экономист, профессор, лауреат Государственной премии, ректор института знает, как безболезненно для рабочих и интеллигенции перевести экономику на рыночные отношения».

Лавируя, соглашаясь с диаметрально противоположными определениями, Злобин, умело варьируя тезисы в зависимости от обстановки и аудитории, убийственно критиковал линию партии, обещал восстать против привилегий партийных боссов. Это всегда проходило под аплодисменты. Как правило, возгласы одобрения вызывало и это: «Без демократизации политической структуры некому будет отнять власть у бюрократов и перестройка неизбежно закончится новым застоем!»

Злобин умел чувствовать аудиторию, не робея, не колеблясь, быстро находил с нею общий язык. Диктовала атмосфера — он призывал: «КПСС — в равные условия», а ветеранам, пенсионерам бросал клич: «Не позволим шельмовать КПСС!» Он обещал оставить половину заработанной валюты у предприятий, студентам обещал повысить стипендию вдвое. Не забывал подчеркнуть, что он будет требовать полной хозяйственной самостоятельности предприятий. Злобин входил в раж. Вся семья жила ожиданием выборов, дочь и жена поочередно дежурили у телефона. Квартира превратилась в еще один штаб кандидата. Вскоре на предвыборных щитах появились и первые портреты конкурента Злобина. С иезуитским спокойствием Дорофеенко на собственной машине проехал по вечерним улицам и левой рукою начертал на портретах соперника своего шефа одно-два убийственных слова: «Болтун», «Пьяница», «Агент КГБ», «Антисемит». Писал на тех плакатах, которые не смог сорвать. Два райкома партии поддержали кандидатуру ректора. Начинающие только осознавать всю трагедию афганской авантюры, воины-интернационалисты, пригретые райкомом и военкоматом, выступили со своим обращением в поддержку ректора: «Мы, воины-интернационалисты, хорошо знаем вклад тов. Злобина К. П. в развитие нашего движения, увековечивания памяти наших товарищей, борьбу за права инвалидов и семей погибших. Мы поддерживаем его кандидатуру в народные депутаты. Призываем отдать свои голоса за К. П. Злобина, который достойно представит и защитит наши интересы».

Константину Петровичу приснился вещий сон: будто он на белом коне въезжает в актовый зал своего института. Предчувствия были самые светлые и омрачились только однажды: когда Дорофеенко доложил, что не к месту и невовремя всплыл у избирательных участков Барыкин.

Иван Митрофанович, наоборот, решил пролезть в депутаты без шума и показухи, тихо и незаметно. У Горностая не было злобинской уверенности. Просыпался среди ночи в холодном поту: а вдруг, негодник, не глядя на подаренную машину, возьмет да и не снимет свою кандидатуру? Председатель избирательной комиссии и тот клятвенно успокаивал: «Снимет! Не сомневайтесь!» Чванливый провинциал уповал на высокий чин Горностая, веруя, что тот поможет разом решить все проблемы.

Он угодливо раскрыл и тайну выборов:

— Мы, Иван Митрофанович, в кабинах положим только карандаши. Пущай вычеркивают, потешаются. А мы, актив, заинтересованный в вашем избрании, резинкою сотрем. Гарантируем необходимое количество голосов.

Идея понравилась Горностаю, и он поделился ею со Злобиным, на что ректор не без улыбки ответил, что эту методу он подсказал председателю комиссии. И они оба остались довольны друг другом. Подсознательный страх, нечистоплотность, подлог еще больше сблизили их. Решительность, надменность и самоуверенность больше были присущи Злобину.

За два месяца до выборов Любомиру позвонил Барыкин и, все еще надеясь, что корреспондент не оставил дело ректора, сообщил, что в институт зачислен студентом племянник Дорофеенко по чужому аттестату и чужой характеристике.

— Это свежий факт и веская улика. Будем думать. Пока с этой избирательной кампанией до всего руки не доходят.

— Так в том-то все дело, что ректор рвется в депутаты! — не выдержал Николай Иванович.

— Неужели? Я и не знал, — признался Любомир.

— Вмешайтесь в это дело. Самоубийство допускать таких людей к власти. Это будет похлеще итальянской масонской ложи.

— Будем думать. Спасибо, что предупредили.

Факт этот уже не возымел прежнего действия на воинственную натуру Любомира. Нечто подобное когда-то исследовал Вовик Лапша, и Любомир надолго запомнил не возымевший силы фельетон. Вовик крыл матом всех. Ему хотелось насолить ректору, проректору, но все осталось за семью печатями и почти безнаказанным. Виновны члены приемной комиссии, приглашенные на время сдачи экзаменов педагоги со стороны. И в коридорах власти тихо погасили конфликт.

Он давно не виделся с Вовиком и потребности во встрече не чувствовал. Вовик заметил одиноко стоявшего на троллейбусной остановке Горича и забрал его в свою старенькую, но от того не менее престижную «Хонду».

— Старик, ты пехом? Уволился из газеты?

— Пока нет. Наша машина на ремонте.

— А... Я свою не жалею. Гоняю и зимой, и летом. Мне тебя по-человечески жаль. Не знаю, чем ты живешь?

— Как ты учил, любовью.

— Отлично. Я для себя сделал открытие: любовь управляема страстью, а страсть недолговечна. Меня с одной хватает на год, и адью — без слез и сантиментов. Зажигай сердце новым увлечением.

— Не все такие любвеобильные.

— Приходи в мой центр. У нас уже готовы разработки в этом направлении.

— Я немножко другой. Доверяюсь природе. Не хочу, чтобы кто-то вмешивался и направлял мои эмоции, корректировал их.

— Чудак. Мы помогаем природе.

— Не уговаривай. Тайна двоих — это священная тайна, тут меня не переубедишь. Всякое вмешательство — от демона.

— Да ты на себя давно в зеркало глядел? Какой ты ангел? Твой портрет пора в роддоме вешать. Глядя на него, женщины скорее будут рожать, от страха.

— Остроумно. Разве не способен кто-то, кроме самого человека и Бога, вернуть его назад, в ангельское состояние?

— Заумно вещаешь. Я тебе подскажу другой путь. Начни с того, что сперва выйди из партии, ты сразу почувствуешь облегчение.

— Для меня последние года три уже роли не играет, в партии я или нет.

— Выйди. Конформизм — явление положительное, но он не может длиться бесконечно, до пенсии. Выбирать надо из трех зол и всегда помнить, что бомба убивает не только царя, но и мальчика с корзиной.

— Из каких?

— Пожалуйста. Раньше, в старину, обществом правили три С — Сенат, Синод и Синагога. А сегодня тоже три С — Свободноконвертируемая валюта, Секс и Синагога. Лови момент удачи, ориентируйся среди этих направлений. Куда тебе?

— Давай к зданию ЦК.

— Подъезд перекрыт, я тебя высажу у Дома офицеров.

— Добро.

— Пока, старик, и помни: место главного редактора моей эротической газеты пока еще тебе обеспечено, но времени у меня мало.

— Не понял?

— Хочу мир поглядеть. Соблазн велик: неужели все до примитивизма одинаковы и ничего нового в природе человека нет?

Раньше Любомир с иронией воспринимал друга, а в эту последнюю встречу в его филиппиках видел и трезвые мысли. Идущий позади пожилой человек шумно высморкался. Любомир оглянулся и узнал своего университетского профессора. Ускорил шаг, до противного не хотелось выдавать себя и о чем-либо говорить с добродушным старичком. Отупение, отстранение от мира, что ли, не мог понять. Уже неделю он не звонил и Олесе.

Хлопоты обрушились на нее лавиной. Шла первая волна гриппа. Как назло, на ее участок приходилось пятьдесят процентов больных детей. До десяти-пятнадцати больных принимала она в поликлинике да еще столько же навещала на дому. А тут еще занемог и Август. Десять дней он лежал в больнице. Обострилась язвенная болезнь. «Уж не знаю, не мои ли грехи падают неприятностями на семью», — подумала она, с особенной заботой ухаживая за мужем. Успевала, находила свободную минутку, привозила ему домашнюю пищу, сидела рядом в больничном холле у огромного фикуса. «Грешно ведь вдруг так оставить его и уйти к Любомиру? Ведь грешно. Господи, за что мне такая сладкая мука послана?»

Август, напуганный болезнью, — ему все мерещилось, что хворь его перерождается в рак, — пригорюнился, позабыв свою чванливость, потянулся к жене.

— Ты устаешь, вижу. Вот выпишусь... помогать буду. Все. Отныне чтобы картошку из магазина не носила. Ты хотела норковую шапочку. Мне там премиальные идут. Купишь.

— Да где ее теперь найдешь? Когда они в продаже свободно лежали, денег не было, а теперь их с огнем не сыщешь.

— Купи на рынке шерстяной платок.

Она сочувственно улыбалась. Очень редко в эти дни возвращалась мыслями к Любомиру. Подумала невзначай: «Если бы не встречались, не звонил вот так месяц, два... смогла бы забыть? Наверное, да».

Но вот он звонил на работу, и она, позабыв обо всем на свете, с учащенным сердцебиением начинала жить ожиданием сладкой неги, удивляясь, что, оказывается, ничто в ее душе не умерло, а только притаилось на время.

До выборов оставался месяц. Николай Иванович садился у «Детского мира» на трамвай и полчаса ехал в район Серебрянки, еще пять минут шел к крыльцу большого универсама. Часа два присматривался, «прицеливался» и рискнул в одиночку агитировать избирателей не голосовать за его обидчика. Метрах в двадцати от него, за столиком у рекламного щита молодые люди (очевидно, студенты) из группы поддержки ректора раздавали прохожим листки с биографией и программой своего шефа. К тихому протесту Николая Ивановича мало кто прислушивался. Чудак? Юродивый? Бывший зек? Не понимали, кто он и чего конкретно хочет.

— Кончай, старик, горло надрывать. Все равно гады партийные победят. Пойдем пивка попьем, — уговаривал Барыкина человек средних лет в летней кепке (зимой) и ветхом пальтишке. Постояли минуту около Николая Ивановича две домохозяйки, послушали, в знак согласия закивали головами и удалились. Может, и не слушали, а передохнули, поставив к ногам по две больших сумки с провизией.

Злобин «пускал пыль в глаза». Снабжение универсама улучшилось на глазах.

Николай Иванович протоптался на одном месте часа три. Начинало смеркаться. Он замерз. Не рассчитал. Надо было ехать все же в валенках. Утреннее солнце ранней весны обманчиво. На следующий день оделся по-северному. Митинговать пришлось недолго. Трое подвыпивших парней нагло турнули его с крыльца, едва удержался на ногах, не упал. Перед этим один из них больно ударил под дых. Зародилось сомнение: а не подосланы ли они группой поддержки? Выяснять отношения не было сил и желания. С головной болью он с трудом добрался домой в переполненном трамвае. Жить не хотелось, но и умирать было рано. Он составил лаконичное обращение с доказательной критикой в адрес кандидата в депутаты, заключив крик души словами: «Если вы проголосуете за К. П. Злобина, вы совершите ошибку, вы откроете дорогу к власти карьеристу, приспособленцу и аморальному человеку, для которого не существует суда совести. Подумайте!»

Весь вечер он стучал на пишущей машинке как одержимый, словно предчувствовал, что опаздывает. Нездоровый был у него сон, неглубокий, беспокойный, раза три просыпался, глядел на будильник — скоро ли утро? Так ему не терпелось вернуться к универсаму и действовать!

Выехал раненько. Спешил опустить свои листки в почтовые ящики избирателей до утренней почты. К девяти часам обошел домов десять и, казалось, не устал. Слегка болела голова да ныла старая рана в бедре. В задубелых от утреннего холода руках оставалось еще пять экземпляров его послания. Девятиэтажный дом стоял в глубине двора. Ему очень хотелось, чтобы оставшиеся пять листков попали в почтовые ящики и этого огромного дома. Может, тот, кто прочтет, передаст другому. Только теперь, на полдороге к дому, он почувствовал, что страшно устал. Движению мешало все: тяжелая обувь, шарф перехватывал дыхание, кожушок сковывал руки, шапка сжимала голову... к тому же мокрый снег слепил глаза. Он успел опустить один листок. Дошел-таки до цели. В безлюдном подъезде почувствовал вдруг острую боль за грудиной... Он осел у почтовых ящиков и уже не смог самостоятельно подняться. На его беду долго, минут пятнадцать, никто не входил и не выходил из подъезда. Пробежали двое ребятишек и не обратили внимания — может, пьяный лежит.

Обнаружила его в беспамятстве почтальонша. Позвонила в квартиру на первом этаже, и они со старушкой-пенсионеркой вызвали «скорую помощь». Увы, «завести» его остановившееся сердце старательному молодому реаниматору было не под силу.

Через два дня Николая Ивановича Барыкина хоронили за казенный счет силами домоуправления. Дочь приехала за час до последнего прощания, а вторая жена, сославшись на недомогание и высокую температуру, вовсе не пришла. Секретарь парторганизации договорился с военкоматом, и по просьбе последнего выделили в помощь солдат, которые не только вынесли гроб, но и произвели над могилой оружейный салют.

Любомир узнал о смерти Н. И. Барыкина из короткого некролога-соболезнования в газете «Вечерний Минск». Первая реакция: «Может, однофамилец?» Вечером, с трудом различив цифры (он зачеркнул номер телефона) в записной книжке, позвонил. В квартире покойного засиделись дочь, племянница и соседка. Не представляясь, Горич поинтересовался Николаем Ивановичем. Ему подтвердили, что Николая Ивановича похоронили, больше ни о чем он не стал расспрашивать. Камелия включила телевизор, и по странному стечению обстоятельств с экрана зазвучала его любимая увертюра из оперетты Штрауса «Летучая мышь». Стыда, что не исполнил долг перед Николаем Ивановичем, не чувствовал. Эхо слабенького звоночка совестливости едва доносилось до его души. Любомир все еще не мог выйти из восторженного состояния, с которым воротился из совместной поездки с Иваном Митрофановичем. Выступил Любомир перед огромной аудиторией просто блестяще, очень убедительно и эмоционально живописал трудовые и человеческие качества будущего депутата. Представил Горностая как жертву, а не соучастника застойной системы. Растрогал своим выступлением Ивана Митрофановича:

— Умница. Я ведь вышел из простого народа, как я могу быть ему врагом. Плоть от плоти. Надо, надо противостоять желтой прессе. Нет безгрешных людей. Лидер тот, кто, впитав горький опыт истории, не повторит ошибок. Это мое кредо.

Лучи чужой славы, оказывается, тоже греют. Уже на второй план отходит роль Горностая в уничтожении Барыкина. Все помаленьку забывается. Смерть облегчила груз ответственности. Позабыть бы все поскорее. Хотелось больше времени проводить с Олесей. Как долго они не виделись, как соскучились. Он забывал прикосновение ее губ, доверительно-добродушный взгляд, белозубую улыбку. И эти постоянные при встрече приятные ему слова: «Может, вы, сударь, разлюбили меня? Я вам наскучила?» — «Нет, сударыня, и еще раз нет! — поглаживая ее густые пепельные волосы, отвечал он. — Я утомлен предвыборной кампанией и безучастен к простой жизни. Вы мой праздник, мое вдохновение».

Сестра Олеси Катя уехала в санаторий, и они спокойно провели в ее квартире два часа. Ласки Олеси не потухли, были так же естественны и горячи, но он уловил едва заметное волнение. Что-то ее беспокоило. Заварил кофе он, а она сделала бутерброды с адыгейским сыром.

— Что случилось, сударыня, вы поссорились с Августом?

— Мы с ним почти не ссоримся. Ничего изменить нельзя. Я заранее оплакивала день, когда мы должны расстаться. Вам нужна молодая девушка... Она вам родит... Я смирилась со своей незавидной участью. Мне несладко. Я нерешительная. Я готова ко всему. Если мой узнает, он, скорее всего, уйдет. Может, изобьет. Вы вернули мне радость жизни... не хочу вас терять.

— Ни к чему этот пессимизм. И это все тревоги?

— Не совсем. Случай, о котором поведала мне моя медсестра, потряс меня до глубины души. Я без вашего, сударь, согласия дала ей слово.

— Интересно. Я слушаю.

— Я впервые столкнулась с подобным, хоть она сказала, что это уже не имеет никакого значения, не играет роли, потому как человека уже нет в живых. И сама медсестра унижена, разочарована в людях, в справедливости. Я ее понимаю. Я ей пообещала, не называя, сударь, вашего имени, что у меня есть отличный знакомый, умница, талант непревзойденный, смелый журналист, который в силу своего характера и принципиальности не оставит дело этого человека без огласки невзирая на то, что человек умер. Для него, сказала я ей, нет запретных и закрытых тем, нет авторитетов, даже если сам Бог поступит неправильно, против правды, он восстанет и против Бога.

— Умно. Мне приятно слышать это от тебя. Как никогда я чувствую в себе прилив сил и вдохновения.

— Я знала. Я ее убедила. Я с трудом, но убедила, она никому не верит. И она поверила. Во-от, — Олеся достала из целлофанового мешочка папку. — Она ее принесла вчера. Вот эту папку с бумагами умершего, как она сказала, убиенного системой. Это ее родной дядя. Я весь вечер читала эти обжигающие листы и ужаснулась. Неужели такое возможно в нашем обществе? Неужели наш человек бессилен и беззащитен перед сильными мира сего? Я думала, оговор, мафия, террор — это все там, за бугром, в загнивающем капитализме. Чили, Южной Африке, Италии... Вы должны помочь. Я знаю, уверена, что это потрясет и ошеломит вас, как и меня.

— Что бы там ни было, я гарантирую, что это увидит свет через семь дней на страницах моей газеты, — спокойно и уверенно подвел он черту после ее темпераментной речи.

Олеся (почему-то руки ее дрожали) развернула газету, в которую была завернута зеленая папка. Ему показалось, что он где-то эту папку уже видел.

— Вот. Здесь вся жизнь человека, который верил, что правда и истина должны торжествовать. В конце телефон его племянницы, моей медсестры.

Любомир развязал серо-белую завязку, открыл и опешил: на первой странице было написано «Н. И. Барыкин», номер телефона и домашний адрес.

— Я почему-то верю в успех. Мы должны победить, — загорелась Олеся.

Он заметил для себя, что она употребила слово «мы».

— Ты умница. Хорошо. Я детально со всем ознакомлюсь, и мы... все обмозгуем.

Он и не заметил, что тоже употребил слово «мы». Обычно он заключал коротким самоуверенным «я». Ему было стыдно признаться, что он с этим делом великолепно знаком.

— Я горжусь вами, сударь.

Она поцеловала его.

— Не перехвалите.

— Нет, горжусь и все...

До выборов оставалось две недели. Он не советовался с Камелией, она потеряла интерес к его работе. Пелена идеологической химеры развеивалась, к нему возвращалась решительность. Он просчитывал разные варианты: и остановил свой выбор на старом друге, корреспонденте «Литературки», который совсем недавно вышел из партии. Позвонил ему и вкратце обрисовал свою будущую статью. «Если принесешь завтра, она увидит свет за два дня до выборов. Через неделю этот номер уже будет сверстан». В третьем часу ночи статья была готова и начисто отпечатана. Всю ее пронизывал мощный эмоциональный заряд, который не смогла вытеснить оголенная, суровая правда... Он писал,

как в былые времена, душой и сердцем. Рефреном проходила боль за жизнь простого человека, который прожил ее честно, с верою и ответственностью перед Богом, не сомневаясь, даже в горькие минуты унижения, что найдутся другие, которые будут жить по тем же законам. На них, совестливых и гордых, держится Отечество.

Эпилог

Теперь уже, дорогой читатель, трудно судить: возымела ли действие статья Горича, или предопределил исход Его Величество Случай.

Попалась писулька Николая Ивановича в руки бузотеру, завсегдатаю пивных ларьков заводскому грузчику, успевшему и в тюрьме посидеть, и страну поглядеть. Его с корешами со ступенек гастронома не столкнуть, неровен час, и зубов недосчитаешься. Не понравился крутому грузчику кандидат в депутаты «сытой мордой и хитрыми глазами», понравилось предупреждение Барыкина, в котором местный скандалист распознал, очевидно, знакомый и ему крик души. Грузчик смело и открыто в присутствии группы поддержки «выдавал» перед собравшимися кандидату. Никто не знает, из чего складывается неудача, удача распознается и самим человеком. Кандидатура Злобина в первом туре не набрала необходимого количества голосов. Последовало переголосование, в котором он проиграл беспартийному инженеру двадцати шести лет. Относительно чисто, без альтернативы — сдержали слово, — прошел в депутаты Горностай, как и большинство его коллег из аппарата. И это, не исключено, добило завистливого ректора. Быстротечная форма рака, саркома, в одночасье свела его в могилу. Пережил он Барыкина всего-то на каких-нибудь полгода. Возглавить комиссию в Верховном Совете Горностаю не удалось, его не избрали и в состав этого совета. Унывать не пришлось. К осени он, к радостному удивлению семьи, получил от партии новое назначение: послом в одну из азиатских стран. Остался доволен, но не простил Любомиру, что тот, как предатель, изрядно пощипал и его в той предвыборной статье в «Литературке». И Любомир не больно-таки убивался, потеряв расположение и покровительство секретаря. Его негласно отдалили от партийной верхушки, слегка пожурил шеф, мол, надо было посоветоваться с ним, но и это не играло существенной роли. Горич подошел к зениту жизни. Он не искал в себе новое, неизвестное, он медленно возвращался к естественному своему «я». Переписал, чтобы помнить, в свой блокнот мудрое изречение Николая Ивановича: «На земле есть суд гражданский, людской, есть суд совести и суд Бога. И не прожить никому и дня, чтобы не ответить за свою жизнь перед этими тремя судами».

Любомир не сомневался в истинности этих слов, трагизм был в другом: как поздно приходят люди к пониманию их смысла.

Перевод с белорусского Натальи МАРЧУК.

Будьте верными детской сути...

Свое первое стихотворение Изяслав Котляров опубликовал 55 лет назад, и именно в нашем журнале, который тогда назывался «Советская Отчизна». А ровно 50 лет назад в мартовском номере «Немана» появился и его первый перевод с белорусского. Это было стихотворение Язэпа Пущи «Дома».

Вообще переводы — труд, как известно, неблагодарный. Рядовой читатель редко обращает внимание на имя переводчика, а яркие образы, которые тот иногда придумывает и вкрапливает в текст оригинала, относит к заслугам автора. Да и критика не часто балует своим вниманием представителей этой профессии. Неудивительно, что для многих перевод — в первую очередь, дополнительный заработок, занятие второстепенное, от случая к случаю, отчего к нему и соответствующее отношение.

Но есть писатели, которые переводят не по заказу, для них это потребность посредством другого языка поделиться понравившимися произведениями, радостью встречи с хорошей литературой. Именно к ним относится Изяслав Котляров — один из самых преданных переводчиков белорусской поэзии на русский язык. Причем в этой ипостаси он сотрудничает не только с «Нёманом», но и с популярными российскими изданиями: «Литературной газетой», «Нашим современником» и другими, что делает его труд еще весомее и значительнее.

Представляя переводы И. Котлярова в рубрике «Три моих поэта», мы, конечно же, знаем, что его поэты в современной белорусской литературе исчисляются десятками. Поэтому надеемся, что данная публикация — всего лишь одна из — между прошлым и будущим на страницах «Нёмана».

От редакции

ПИМЕН ПАНЧЕНКО

* * *

От надежды к испугу
Безоглядно живешь.
Словно конь тот, по кругу
Все идешь и идешь.

Иногда вдруг рванешься —
На целебный глоток.
Полетишь — и вернешься
Все на тот же виток.

И надеешься, веришь,
Что еще впереди —
И поэзии верность,
И преюные дни...

Ложь подобна недугу,
Ну а истина все ж
В том, что снова по кругу
Ты идешь и идешь.

Дни как будто безвольны, —
Жизнь несут под уклон,
За последний, безмолвный,
За земной небосклон.

Сам не верю я чуду.
Я, который везде, —
Вдруг развеюсь повсюду —
По клочку, по слезе.

Схема жизни

Трудимся, грезим, мечтаем о лучшем.
Век догоняем, героями ходим.
Солнцу подобны, хмуры, как тучи.
Что-то теряем. Что-то находим.

Вечно влюбляемся. Плачем, смеемся.
Редко бываем в согласии с миром.
Ссоримся. Миримся. И расстаемся.
Дней не хватает. Недели транжирим.

Любим детей. Потакаем им. Тешимся.
Радуют дети и все же пугают.
Грянет беда — да такая, хоть вешайся.
Ну и наследники нам подрастают!

Верим, что лучшее все-таки сбудется,
Жизнью родителей жить не желаем.
Стонем. Хохочем. Клянемся на будущем.
Там, где намусорим, — не убираем.

Прячем улыбку. Злимся и шутим.
Тупим способности, хитрости точим.
Жен обманув, их же сами и судим.
Хвалим далекого. Ближнего — топчем.

Грозно горланим. С глупцами якшаемся.
И голосуем. И протестуем.
То обнимаемся с другом, то маемся.
Делим добычу и тару пустую.

Не замечаем, а чуткими кажемся.
Память сменяется вскоре забвеньем.
Быстро возносимся. Катимся, катимся.
Все у нас есть, ничего не имеем.

Сложное манит своей простотою.
Шумно бушуем и тихо сгораем.
Жаждем покоя, не знаем покоя.
Молча болеем. И умираем.

* * *

На невзгоды свои не жалуйтесь,—
Не бывает побед без невзгод.
Просто помните, что рождаетесь
Каждый месяц и каждый год.

И во взглядах своих любимых,
И в глазах друзей и коллег,
И непризнанных, и гонимых,
И влюбленных в веселый смех.

Будьте верными детской сути, —
Все мы счастливы только в ней.
Не старейте — рождайтесь, люди,
Каждый день в каждом новом дне.

ТАИСА БОНДАРЬ

* * *

Так радостно любить и все, и всех!
Смеется дождь. Танцуют тени ветра.
А воздух, весь уже промокший где-то,
Еще скрывает звездный пересверк.

Но взгляд, второй — и светлячок тепла
Вот-вот и впрямь цветочком звездным станет.
Тропинки смолкнут. Тишину затянет
Так влажно тяжелеющая мгла.

А сон (ему и не успеть за мглой)
По своему загадочному праву
Меняет явь, — иль что казалось явью,
Совсем другою — чистой, неземной.

Трепещет все, вот-вот и зазвенит,
Хотя ничто еще не стало звуком...
Живу глазами. Ощущаю духом.
И жажду одного: любить! любить!

* * *

В порыве моей слепоты,
Пьянея моею тревогой,
Душа обращается к Богу
Из бездны ночной пустоты.

Годами с беспамятных пор
Сомнения — против удачи...
Не вечность, так ветер оплачет
Погасший, беззвездный простор.

А путь с ежедневной заминкой?
А душу, которую чту?
Сочувствие и доброту
Кто ей возвратит хоть слезинкой?

Преемник? Потомок мой? Бог?
Светает так тихо, так долго…

Душа обращается к Богу,
Не зная, что Он ей помог.

* * *

Мы! Все мы — посланники Неба
На огненно-тусклой Земле,
Вскормленные почвой — не хлебом,
Трудом, что мы отдали ей.
Чтоб только узреть беспристрастно
За тысячью жизней земных,
Как в темной утробе пространства
Рождается огненный миг.

Иль огненный Бог... Я не знаю.
Я знаю: замкнется спираль —
И высь, до сих пор неземная,
Откроется сердцу, как даль,
Что замкнута в точку начала
Эонов из жизней других.
Загадка догадкою стала,
Прапамять — предчувствием их.

Мы! Все мы — посланники Неба, —
И помним о том или нет, —
Без жажды духовного хлеба
Не будет насущный в цене...
Не равность и даже не ровность, —
По-разному делит Господь, —
Но в ком умирает духовность,
В том в прах рассыпается плоть.

СОФЬЯ ШАХ

* * *

Вот и конец весны. Начало лета.
И занимает от волненья дух, —
такая зелень пышная вокруг,
доверчивость ликующего цвета.

Такая синева над белым светом!
Движенье красок, бликов перепуг,

извечные заботы у пичуг, —
так просятся опять в венок сонетов...

О Господи, а я и не могу
туда, — где только синева и солнце,
где разнотравье радуг на лугу.

В моей зелено-голубой сторонке,
в песчинке каждой здесь, на берегу, —
незримый цезий, незаметный стронций.

* * *

Хочу с тобою, мама, повидаться,
а как — теперь не знаю и сама, —
лежит вокруг еще одна зима,
в которой этой встречи не дождаться.

А хатка наша впрямь едва стоит,
в сад окнами уже и не глядит,
не удержала крыша черепицу...

Там быть — лишь снова душу сиротить.
Там быть — себя глушить, слепить, судить,
винить других или самой виниться.

Но если б не душа, что так болит
и детство так сама в себе хранит,
я не могла бы прошлого стыдиться...

Да что теперь об этом говорить!

* * *

Естественный, порывистый, несломный,
неистовый и гордо молодой —
он чутко стал душевной полнотой
и голосом застенчиво укромным.

Иль Богом-Господом самим дареный,
или таким и впрямь воспитан мной, —
мой дух — он и небесный, и земной,
то изумляющий, то изумленный.

Он окрыляет, и бодрит, и светит,
он держит на земле и путь мой метит,
себя не забывает он вершить.

О том, что дух мой смог уже немало,
я все же не однажды подтверждала.
Дай Бог еще не раз так подтвердить!

Перевод с белорусского Изяслава КОТЛЯРОВА.

ЗИНАИДА КРАСНЕВСКАЯ

Как я работала свахой

Сентиментальные воспоминания

Эти две реальные истории объединяет не только и не столько время, хотя обе они случились в те самые 90-е годы, которые с легкой руки Надежды Кондаковой чуть позже все стали именовать «лихими». Эти истории объединяют и не одни лишь чувства, хотя обе они, несмотря на свой видимый *happy end*, все же скорее грустные, чем веселые. Пожалуй, связующей нитью, собравшей воедино два сюжета, тут выступил Его Величество Случай. Тот самый случай, который, как известно, может с легкостью вознести любого из нас до небес, а следом, если ему заблагорассудится, тут же мимоходом втоптать в грязь. Недаром один весьма умный человек, только не помню кто, весьма проницательно заметил, что время и случай — это два величайших тирана на свете. И вот как эти тираны распорядились судьбами двух очаровательных молодых женщин, наших бывших соотечественниц, обитающих ныне далече от родных пенатов.

«Белые розы»

Немного теплее за стеклом, но в злые морозы
Вхожу в эти двери, словно в сад июльских цветов.

Каждая эпоха имеет свое музыкальное сопровождение, свой саундтрек, выражаясь по-нынешнему. И громоподобные звуки Марсельезы, и торжественно-величавая мелодия вердиевского хора из оперы «Набукко» (которую, кстати, многие патриотически настроенные итальянцы даже предлагали в конце XIX века сделать национальным гимном новой объединенной Италии), и хватающий за душу марш «Прощание славянки», и трогательные переливы вальса «На сопках Маньчжурии», и проникновенные строки «Вставай, страна огромная…», — все это, конечно же, конкретная историческая эпоха, реальное время с только ему присущим ритмом и музыкальным оформлением.

Было таковое оформление и у довольно короткого временного промежутка, вошедшего в анналы отечественной истории под названием «перестройка». И было оно, это музыкальное сопровождение, таким же неоднозначным и противоречивым, как и сама перестройка с ее реформой государственной системы, затеянной, как это у нас обычно водится, сверху, а потому уже изначально обреченной на провал при молчаливо-ироничном попустительстве на то низов.

Как ни парадоксально, но дуализм общественного сознания нашел свое отражение и в песнях, которые народ считал на тот момент любимыми. С одной стороны, все мы были в те годы не прочь влиться в мощный хор наших молодых сограждан, с энтузиазмом подпевавших Виктору Цою: *«Перемен, мы*

ждем перемен». А с другой стороны, у многих еще на памяти, как в буквальном смысле слова «млела» вся страна от сладкоголосого пения юного Юры Шатунова из сверхпопулярного в те годы ансамбля «Ласковый май», который своим нежным голоском озвучивал весьма немудрогелистые вирши собственного же сочинения.

Белые розы, белые розы — беззащитные шипы.
Что с ними сделали снег и морозы, лед витрин голубых?

Рассказывали даже такой презабавный случай, связанный с поистине вселенской славой, обрушившейся на группу детдомовских подростков, в одночасье покоривших слушателей в возрастном диапазоне от пяти и до девяноста пяти лет. Известному ленинградскому писателю Александру Житинскому, автору бестселлера тех лет, романа «Летающий дом, или Разговоры с милордом», предложили вступить в писательское объединение ярко выраженного либерального толка под названием «Апрель», на что маститый литератор якобы мгновенно отреагировал так: «Благодарю за честь! Но лучше я в «Ласковый май» подамся!»

Само собой, многие (и я в том числе!) стеснялись своего увлечения песенками Юры Шатунова. Как же, как же! Мы ведь регулярно филармонии посещаем, ходим на всякие серьезные концерты, по крайней мере, двух или трех абонементных программ, а тут, извиняюсь, какие-то «Белые розы» с примитивным текстом и с весьма банальным проигрышем. Но стоило мне заслышать первые такты этих самых «Белых роз», мелодия которых лилась тогда из каждого окна и в обязательном порядке исполнялась во всех концертах по заявкам, стоило мне услышать первые фразы, как я ничего не могла с собой поделать. Замирала на ходу и стояла как вкопанная, до тех пор, пока не заканчивалась песня. Просто гипноз какой-то!

А люди уносят вас с собой, и вечером поздним
Пусть праздничный свет наполнит вмиг все окна дворов.

Кстати, сии волшебные чары не развеялись и до сих пор. Ибо сравнительно недавно, совершая вечерний променад вместе со своим псом, я услышала уже изрядно подзабытую мелодию, звучавшую в салоне одной из припаркованных на стоянке машин. И снова мы с Рамиком внимали этим сладостным звукам до тех пор, пока в воздухе не растаяли последние слова песни. Вот такой вот «новый сладостный стиль» запустили в обращение ребята на волне перестройки, который обволакивал тебя посильнее всяких опиумных паров.

А потому, оглядываясь в прошлое, возьму на себя смелость высказать предположение, что именно соловьиные трели солистов «Ласкового мая», наряду с мощной психологической обработкой населения всякими разными Кашперовскими и Чумаками, вкупе с душераздирающими южноамериканскими сериалами, впервые замелькавшими на наших телевизионных экранах в те же самые годы, стали той мощной анестезией, с помощью которой все мы, некогда единый советский народ, как-то почти безболезненно пережили и перестройку, и последовавший за ней распад великой страны с заполыхавшими зловещим огнем национальными окраинами. Да и о чем плакать-то было, когда даже богатые, как выяснилось, тоже плачут. А у них, горемычных, проблемы, не в пример нам, и серьезнее, и обстоятельнее!

Однако о белых розах. Точнее, о том, как эти самые белые розы выпорхнули из песни и залетели в мой дом. Для чего нужно снова мысленно перенестись в злополучные 90-е годы. Сегодня, с высоты прошедших двадцати лет, то время лично мне представляется причудливо фантасмагоричным и

даже в каком-то смысле ирреальным. Да и было ли все это, размышляю я порой, когда на меня нападает очередной приступ возрастной бессонницы. В одночасье обнищавшие, лишившиеся работы, растерянно мечущиеся люди, пытающиеся зацепиться хоть за что-то в бурном потоке тех самых перемен, которых еще совсем недавно мы все так наивно жаждали, забыв о том, что мудрые китайцы целых три тысячи лет тому назад предупреждали: «Не дай вам бог жить во времена перемен». И вот дождались перемен и тихо ахнули.

Вокруг закипела странная, непонятная жизнь, очень смахивающая своим невиданным многоцветием на какой-то диковинный праздник. Только вот большинство народа оказались чужими на этом празднике нарождающейся новой жизни. Как говорится, вас тут не ждали! Воистину, то было время, когда бал правили бандиты, шулеры, авантюристы (один Мавроди чего стоит!), краснобаи и мерзавцы всех мастей, когда буквально из воздуха лепились многомиллионные состояния и снова вошло в обращение совершенно забытое на ту пору слово «олигарх». Пришлось освежать свою память, лезть в словарь иностранных слов, где черным по белому объяснялось, что олигархия — это такая власть немногих, то есть политическое и экономическое господство небольшой кучки богатеев, прибравших к своим рукам все рычаги государственного управления.

Лично для меня апофеозом всеобщего распада и печальным символом тех страшных лет стала картинка, подсмотренная поздней осенью 1993 года в Москве. Когда в самом центре бывшей столицы растаявшего, словно сон, Советского Союза, на Ломоносовском проспекте, почти напротив главного корпуса МГУ, я собственными глазами наблюдала на автобусной остановке, как большая серая крыса деловито роется в горах мусора (Москва тогда напоминала одну большую свалку), не обращая никакого внимания на снующих людей. И это невиданное мною доселе соседство сверхосторожного в своих повадках животного и брезгливых в своей массе людей, молчаливо принявших это соседство, помнится, потрясло меня до глубины души. Ибо оно красноречивее всяких слов свидетельствовало о том, что связь времен действительно распалась, как о том когда-то сказал Шекспир. И вполне возможно, навсегда. Однако о белых розах, и как всегда издалека.

Мои добрые отношения с одноклассницей Олей мало чем напоминали обычную женскую дружбу. Мы редко перезванивались, еще реже ходили в гости друг к другу, почти никогда не поздравлялись с праздниками, не вели душещипательных разговоров «за жизнь», как это водится между женщинами, и тем не менее, упорно не теряли друг друга из виду и всегда были в курсе того, какие важные события случались в жизни каждой из нас. Оля, потомственный педагог (ее мама Зоя Ивановна тоже преподавала в нашей школе), работала учительницей младших классов и растила прехорошенькую дочку, такую же милую, с такой же нежной перламутрово-розовой кожей и золотистыми кудряшками, какими она сама запомнилась мне еще по школьным годам. Семейная жизнь у доброй, покладистой Оли как-то не задалась, и она растила свою девочку одна, не сильно рассчитывая на помощь бывшего мужа, имевшего «одну, но пламенную страсть» к спиртному, которая и свела его в могилу.

Лиля, как звали дочку моей школьной подруги, выросла самой настоящей красавицей, «переплюнув» мать, что говорится, по всем параметрам и направлениям. Длинноногая, с копной белокурых (не крашеных!) кудрей, с огромными выразительными серо-голубыми глазами, она, при всех довольно банальных стереотипах своей красоты, ни капельки не была похожа на безликую блондинку в духе куклы Барби. Очаровательной делало ее то самое

насмешливо-ироничное отношение к жизни, которое я так любила и люблю до сих пор у ее матери, та же безмерная доброта и полное отсутствие капризности, которой отличаются многие хорошенькие девушки.

Итак, только-только распустившаяся роза и масса охотников сорвать сей бутон. А тут еще и первая любовь так удачно подоспела. Едва выпорхнув из школы, Лиля в буквальном смысле слова выскочила замуж за одноклассника, а по совместительству еще и призывника, который был категоричен и неумолим: только штамп в паспорте сделает его счастливым и поможет достойно отслужить полтора года на благо родины. Наградив юную невесту статусом жены, молодой муж отбыл к месту несения службы, а жена, очень скоро обнаружив себя «в положении», приготовилась к несению уже своей службы. В положенный срок на свет появился очаровательный малыш, такой же белокурый и голубоглазый, как и его мама. Отслужив, папа вернулся домой к семье, но тут завертелась та самая мутная круговерть первых постперестроечных лет и, как писал когда-то Михаил Булгаков в своем знаменитом романе, *«тьма закрыла Ершалаим»*. Работы не было, перспективы найти ее тоже были ничтожны, бюджетники, к коим относились и школьные учителя, перестали регулярно получать зарплату. Словом, безнадега!

А еще… А еще добродетельных мать и дочь стали откровенно пугать замашки молодого мужа. Какие-то сомнительные типы зачастили к ним в дом, парень не очень обременял себя поисками работы, но регулярно исчезал куда-то на несколько дней, потом снова появлялся, когда с деньгами, чаще — без.

— А вдруг он связался с какими-нибудь бандитами, — делилась со мной своими страхами школьная подруга. — Работать не хочет, пристрастился к спиртному, Лильке ни в чем не помогает. Есть он дома, нет его, все одно. Пользы — ноль!

Я сочувствовала, но с советами не спешила, зная, какое это трудное дело — строить совместную жизнь, да еще в таких непростых условиях. К тому же, пустяшное это занятие — советовать другим, особенно когда и собственная жизнь пошла наперекосяк.

Промучившись в супружестве пару лет, Лиля в конце концов решилась на крайние меры и выставила мужа за дверь, после чего тьма стала только гуще. Алиментов нет, да и откуда им взяться, если бывший супруг в буквальном смысле этого слова растворился без остатка на необъятных просторах бывшей родины. А с маленьким ребенком на руках не сильно разбежишься в поисках работы. Даже пресловутым челночным бизнесом, в который, словно в омут, бросились толпы безработных инженеров и прочей интеллигентской публики, не займешься. Ибо садика для маленького Сашки нет, а бабушка каждый день при деле, сидит в своей школе с утра и до позднего вечера.

Наша Лиля была молодцом: она не чуралась никакой работы. Засучив рукава, мыла полы в каком-то там учреждении, которое в духе времени стали гордо именовать офисом, разносила телеграммы, убирала чужие квартиры, летом продавала фрукты и овощи с лотка. То есть хваталась за любую подработку, могущую принести в семейный бюджет пару-тройку лишних рублей. Рубли моментально исчезали в продуктовых магазинах, и острая нехватка денег снова подступала к горлу и душила мать и дочь. Сколько бы еще продолжался сей кошмар, сказать трудно. Но тут в дело вмешался тот самый случай, о котором мы говорили выше.

Однажды моя подруга случайно столкнулась на улице со своей бывшей ученицей. В отличие от добитой жизнью Оли, молодая женщина светилась благополучием и довольством. Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, что все у нее, выражаясь современным языком, в шоколаде, и даже

более того. Действительно, недавняя комсомолка лихо вписалась в новую экономику, создала весьма прибыльное дело на ниве брачного бизнеса и теперь пребывала в полной уверенности, что жизнь прекрасна, причем для всех без исключения. Выслушав унылую исповедь первой учительницы, женщина (надо отдать ей должное!) моментально преисполнилась самыми благими намерениями помочь и вытащить Олю и ее дочь из пут нищеты. И тут же предложила свои услуги.

— Дайте мне, Ольга Александровна, фотографию дочери и короткую биографическую справку о ней на английском языке, а я отправлю все это в международный банк данных. Вот увидите! Мы в два счета устроим личную жизнь вашей Лильки! Еще спасибо потом скажете!

Поколебавшись какое-то время, осторожная Оля все же решилась принять предложение ученицы и в конце концов дала дочери зеленый свет на проведение брачного эксперимента. Какое счастье, что в те далекие годы мы еще ничего толком не знали ни о международных борделях, ни о сутенерах и проститутках, ни о том, как и где используют наших красивых девушек в качестве секс-рабынь, и прочее, и прочее. Что вполне естественно: ведь сей, рентабельный во все времена, бизнес находился у нас тогда еще в зачаточном состоянии. Переживал, так сказать, этап своего становления, а потому рядовые обыватели, к коим относились мы с Олей, и не были наслышаны обо всех этих мерзостях. Я говорю «мы» вполне сознательно, ибо отныне и впредь все, что касалось англоязычной составляющей предприятия, было возложено на мои плечи.

Итак, я сочинила на английском языке короткую, но весьма информативную справку, руководствуясь старым как мир принципом: говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Мы не утаили наличия Саши, которому тогда шел уже четвертый годик. Мы не стали медитировать об искусстве или изображать из себя скучающую и пресыщенную жизнью барышню. Мы написали то, что есть: что постоянной работы у нас нет, что мы перебиваемся случайными заработками, не получаем никакой материальной помощи от бывшего мужа и что наша главная цель — не поглазеть на мир с обилием его зарубежных красот, а создать полноценную семью и обрести в этой семье обычное женское счастье.

Льщу себе мыслью, что именно конкретика наших требований (ведь текст послания принадлежал лично мне) сыграла свою решающую роль в дальнейшем развитии событий. Хотя, конечно же, это не так. Весь фокус заключался в том, что Лиля не только красива, но еще и потрясающе фотогенична, что, согласитесь, бывает не так уж и часто. А потому с фотографии, которую мы приложили к биографической справке, смотрела на потенциальных женихов не просто очаровательная блондинка, а настоящая Мэрилин Монро, причем в кубе. Естественно, женихи не заставили себя ждать, и письма пошли сплошным потоком. Раз в неделю мать и дочь с сынишкой за руку приходили ко мне домой и приносили очередной ворох корреспонденции, которую мне предстояло прочитать, перевести, отсортировать ненужное и выдать свои компетентные рекомендации по поводу прочитанного.

От обилия штемпелей и разноцветных марок рябило в глазах. Италия, Германия, Швеция, Франция, Швейцария, Англия, Ирландия, Соединенные Штаты, из этих стран поступила первая партия откликов. Потом пошла уже настоящая экзотика: Бразилия, Мадагаскар, Перу, Катар, Объединенные Эмираты, ЮАР и даже Австралия с Новой Зеландией в придачу.

Я, в те годы уже фрилансер, зарабатывающий себе на жизнь переводами любовных романов в духе моей любимицы Барбары Картланд, погрузилась

одновременно и сразу в десятки таких романов, но уже не придуманных изобретательными авторессами, а самых настоящих, реальных, правдивых как сама жизнь. И даже, как сказала бы знаменитая героиня Льюиса Кэрролла по имени Алиса, *as large as life and twice as natural*. Что в переводе означает, что полученные нами письма повествовали об историях, во много раз превосходящих своей достоверностью скучную действительность.

Что правда, то правда! Многие письма напоминали своей предельной искренностью наиоткровеннейшие исповеди. Они были насыщены подробными описаниями ярких событий и забавных мелочей, иногда трогательных, иногда тривиальных. Некоторые изобиловали назидательными сентенциями и даже философскими размышлениями, другие были по-старомодному скучны, но все равно чтение сих эпистол почти никогда не оставляло меня равнодушной. Жалею, что не сохранила их для какого-нибудь профессионального литератора. То-то хватило бы ему материалов для художественных размышлений и для создания всяких-разных сюжетных коллизий.

Но была и другая сторона медали. Тягостный это труд — читать чужие письма, доложу я вам, дорогие читатели! Даже в силу необходимости, даже по просьбе кого-то, как в моем случае. Это весьма энергозатратное занятие, тяжелое, прежде всего, с моральной точки зрения. Ведь ты, что говорится, без звонка и спросу вторгаешься в чужую жизнь и узнаешь секреты, вовсе не предназначенные тебе. Но так уж вышло, что именно за чтением писем от «зарубежных» мужчин в возрасте от двадцати пяти и до пятидесяти с хвостиком я впервые задумалась над тем, что же есть одиночество в современном мире. В современном западном мире, если уж быть совсем точной, с его комфортом, массой бытовых удобств, которые нам и не снились в те годы, с его предельно насыщенной социальными контактами повседневной жизнью, с путешествиями, свободным перемещением по всем странам и континентам и обилием иных возможностей. Разумеется, западный мир я знала в те годы лишь по книгам да по весьма редким контактам с людьми «оттуда» на всяких официальных мероприятиях. И вдруг выясняется, что пресловутая «атомизация» общества, о которой не перестают талдычить современные западные философы, странное отчуждение людей друг от друга в мире райского изобилия, где бал правят деньги и только деньги, все это — не досужая выдумка какого-то мыслителя, а — увы и ах! — свершившийся факт.

Зачем он так выплескивает свою душу, недоумевала я, откладывая в сторону очередную исповедь, написанную мелким убористым почерком на семи или восьми страницах. Неужели и в Сан-Паулу можно грустить, удивлялась я, читая меланхоличные и, к слову, весьма поэтичные размышления соискателя из далекой Бразилии. Из Бразилии, которая с детских лет лично мне рисовалась средоточием вечного праздника, длящегося круглый год. Красочные карнавалы, зажигательные ритмы самбы, бесконечные золотые пляжи Копакабаны. Недаром ведь именно туда так неистово рвался всей душой Остап Бендер! И недаром наши туристы, сидя у костров, самозабвенно распевали на все голоса: *«А я хочу в Бразилию, в Бразилию, в Бразилию, к зеленым берегам!»*

И вот, нате вам, пожалуйста! Человек пишет пространное послание незнакомой молодой женщине за десять тысяч верст от родного Сан-Паулу и с грустью сообщает ей о том, как он одинок, как тоскливо ему долгими летними вечерами одному в большом шумном городе, где никто никого не знает и никому ни до кого нет дела. Помню, письмо бразильца меня очень растрогало. Но поскольку цель нашего предприятия была все же сугубо практической, то я твердой рукой отложила письмо в сторону, мысленно посочувствовав

жителю экзотического Сан-Паулу. Нет уж! В Бразилию с ее зелеными берегами мы нашу Лилю точно не отправим!

Досконально изучив и проанализировав кипы зарубежной корреспонденции, я в конце концов остановила свой выбор на трех адресатах и пригласила к себе Лильку для судьбоносного собеседования.

Француз из Канн покорил меня тем, что, во-первых, он француз, во-вторых, потому что он из Канн (я моментально представила себе, что Лиля будет смотреться на набережной Круазетт не хуже любой кинозвезды). В-третьих, потому что он с истинно галльской галантностью прислал Лильке не только письмо, но и небольшую бандероль с пузырьком духов и прочей приятной молодой женщине мелочевкой. А в-четвертых, потому что за строками письма я почти зримо увидела живого человека: учитель музыки, подрабатывает вечером в каких-то кафешках игрой на гитаре, помогает растить сына от первого брака. Правда, царапнула и насторожила одна деталь: жена сама ушла от него вместе с маленьким ребенком и предпочла даже уехать из Канн. Как известно, от хороших мужей жены сами не уходят, но я тут же постаралась заглушить свои сомнения. Все же француз!

Немец из Ганновера привлек меня арийской обстоятельностью. С дотошностью заправского бюргера он уже во первых строках своего письма стал интересоваться размерами обуви Лили и ее маленького сына. Да и про другие размеры не забыл уточнить. Ни дать ни взять, заботливый муж, пишущий *майне фрау* из дальней командировки, удачно совпавшей с сезоном распродаж в местных магазинах.

Итальянец, обитающий на острове Сардиния (на тот момент остров ассоциировался у меня исключительно с консервами «сардины в масле») понравился своей открытостью. Не скрою, его письмо показалось мне самым искренним из всех. Роберто (так звали нашего итальянца) предельно честно рассказал о себе все. Что он развелся с женой, потому что у них долгие годы не было детей, что, впрочем, не мешает ему помогать своей бывшей половине материально до сих пор, что он старше Лили на целых тринадцать или четырнадцать лет, что у него большая и дружная семья (две сестры и три брата), что родители еще, слава богу, живы, что у него собственная фирма, в которой он и работает. Занимается установкой сигнализации в частных помещениях и офисах. И вообще, он был единственным на тот момент «женихом», который сразу же поставил вопрос ребром. Не откладывая дело в долгий ящик, Роби пригласил Лилю вместе с сыном к себе на лето в Кальяри, пообещав потрясающе роскошный отдых и ей, и ребенку. Дескать, у него на море дача и своя яхта. В те годы мы еще были мало наслышаны о всяческих куршавельских безумствах своих доморощенных миллиардеров, да и имя Абрамовича еще не успело стать нарицательным. А потому услужливое воображение тут же нарисовало мне картинки сладкой жизни в духе того, что я читала в свое время о некогда популярном мультимиллиардере, греке Онассисе. Море, яхта, пальмы… Словом, вот она райская жизнь, протяни только руку, и она твоя.

Итак, жребий брошен, и кандидаты определены. Я написала три обтекаемых ответа приблизительно одинакового содержания и велела Лильке снести их на почту. Отправили и затаились в ожидании. Ответные листы от всей троицы не заставили себя ждать.

Француз довольно банально витийствовал о любви, немец настойчиво продолжал интересоваться размерами и прочими материальными атрибутами бытия, итальянец…

А итальянец вдруг превратился в поэта, и Лилька что ни день стала получать от него пространные послания, написанные тем самым «новым сладост-

ным стилем», который изобрели, конечно же, отнюдь не дети из «Ласкового мая». Его — страшно подумать! — еще в XIII веке запустили в обращение именно итальянцы: молодой Данте и его друзья Гвидо Кавальканти и Гвидо Гвиницелли. Как известно, *«дольче стиль нуово»* отличает особое изящество и музыкальность формы. Оставалось только разводить руками в немом изумлении, удивляясь тому, как быстро приобрел означенные качества радиоинженер из Кальяри (наверное, этот стиль у всех итальянских мужчин просто в крови), но факт остается фактом. Письма нашего «Ромео» были исполнены самой высокой поэзии, они дышали чувствами, они действительно были сладостны и пьянили своими неуемными восторгами. Разумеется, эпистолярный жанр быстро наскучил темпераментному жителю Апеннин, и он затребовал у Лили телефон. После чего стал регулярно названивать в Минск. Как именно общались между собой наша Лилька с ее весьма троечным знанием английского языка в рамках школьной программы и сгорающий от желаний Роби — сказать трудно. Но ведь общались! И разговаривали, по словам моей подруги, часами.

Правда, случались и казусы. Во время одного из сеансов связи Роби сообщил, что послал Лиле розы. А она по простоте душевной решила, что это очередная фигура речи ее поклонника. Впрочем, Лиля и вообще толком не поняла, то ли итальянец ее саму сравнил с розой, то ли он посылает ей открытку с розами. Каково же было удивление обитателей скромной минской квартиры, когда в один прекрасный день им позвонили в дверь и на пороге показался посыльный с огромным букетом белых роз.

Женщины ошарашенно уставились на посыльного, а он, взглянув на интерьер, тоже с некоторым удивлением проговорил:

— Вам доставили розы из Италии. Попрошу расписаться в получении.

Вечером того же дня шикарные цветы (все двадцать одна штука!) перекочевали в мой дом. То-то удивлялись соседи, жители частного сектора по 2-му переулку Глаголева, глядя на странную троицу, двигавшуюся в направлении моего дома: маленькая, сухонькая женщина, красивая статная барышня с огромным букетом белых роз и прелестный ребенок в красной непромокаемой курточке с капюшоном: в тот далекий мартовский день накрапывал холодный, совсем не весенний дождь. Потом, разумеется, все соседи в обязательном порядке отметились у меня дома. Приходили полюбоваться розами. Ведь голландского цветочного изобилия в Минске еще тогда не наблюдалось.

Конечно, я немного покочевряжилась, отнекивалась и все такое. Говорила, что не возьму сей роскошный дар, адресованный вовсе не мне, на что Лиля неожиданно суровым тоном изрекла:

— Нет! Это именно ваши розы! Потому что если бы не вы, то никаких роз не было бы и в помине.

Поразмыслив немного, я пришла к выводу, что девочка в чем-то права, после чего с легким сердцем водрузила букет к себе на стол. Вопреки утверждению великого Гомера о том, что все прекрасное недолговечно, розы простояли на удивление долго, недели две, пожалуй. Что наводило на мысли об их некоторой искусственности. Но стоило наклониться к цветам поближе, и ты тут же улавливал легкий, слегка сладковатый аромат, который невозможно спутать ни с каким другим запахом на свете.

Кто выдумал вас растить зимой, о белые розы,
И в мир уводить жестоких вьюг, холодных ветров?

Белые розы подвели окончательную черту под непродолжительным, но весьма интенсивным периодом заочных ухаживаний, и наша брачная

операция вступила в свою завершающую фазу. На очередном военном совете было решено, что для проведения первой очной ставки на итальянской территории Лиля отправится одна, без Саши, а там посмотрим, что и как. В июне мы проводили Лилю самолетом в Рим, где ее должен был встречать Роби. Ровно через месяц красивая, еще более похорошевшая Лиля с изумительным средиземноморским загаром, который, как и запах роз, не спутаешь ни с каким другим, вернулась домой, забрала с собой Сашу и в конце лета снова улетела в Италию. На сей раз навсегда. Наша Лилька вышла замуж.

Еще через год в Италию отправилась уже ее мама, моя подруга Оля, чтобы собственными глазами увидеть, как устроились ее самые дорогие на свете люди, дочь и внук, в этой далекой и в общем-то враждебной ей Италии, так внезапно и бесповоротно сделавшей ее одинокой. Увиденное страшно разочаровало Ольгу Александровну: дача на море оказалась небольшим и весьма непрезентабельным летним домиком с душем во дворе, то, что гордо именовалось яхтой, судя по всему, тянуло лишь на обычную рыбацкую лодку, зять и вся его многочисленная родня утомляли своим слишком шумным и экзальтированным поведением, и прочее, прочее. Одно не вызывало сомнения: все эти темпераментные, разговаривающие исключительно на повышенных тонах итальянцы с самого начала приняли Сашку, как своего родного внука и племянника, а Лилю — как дорогую невестку и свояченицу. Впрочем, все свои *pro et contra* моя Оля благоразумно оставила при себе. Лиля снова была «в положении», и что-то менять в ее жизни было уже поздно.

И вот прошло много лет. Сашка вырос, стал уже совсем взрослым молодым человеком. Красивым молодым человеком, добавлю я, весь в мать, покоряющий своим блондинистым видом сердца многочисленных юных Джульетт из Кальяри. В свой последний приезд в Минск Лиля продемонстрировала мне на своем навороченном мобильнике целую россыпь фотографий нашего Саши. Вот он в обнимку с очередной подружкой, милой темноволосой девчушкой, которая с обожанием уставилась на своего кавалера, а вот он в Милане, в каком-то шикарном автосалоне, на фоне роскошного алого феррари, с забавным ирокезом на голове. А вот на море с младшим братом, с отцом, снова с подружкой, но уже с новой.

— А он у нас вырос настоящим бабником! — гордо комментирует снимки Оля и с лукавой улыбкой добавляет: — Интересно, в кого бы это?

Сашка окончил какой-то технический колледж и подвизается у отца на его крохотной фирме, где, кстати, трудится и сама Лиля. А мне так хотелось, чтобы его выучили на юриста или на врача! Но что-то там у них не срослось в этом направлении. Огорчает еще и то, что Саша совершенно забыл родной язык, и при встречах общаемся мы с ним исключительно на английском.

Младший Антоша (его так и записали в мэрии — не Антонио, а именно Антоном) — хорошенький черноглазый подросток, весь в отца: то-то Роби души в нем не чает! И лишь легкая улыбка, с которой мальчик запечатлен в обнимку с мамой на праздновании дня города, выдает в нем сына нашей Лили. Сама Лиля…

А что Лиля? Как говорится в таких случаях, время над ней не властно. В каждый свой приезд в Минск она покоряет нас своей броской (теперь уже и в самом деле броской!) красотой, белозубой улыбкой, нежной, словно подсвеченной изнутри кожей. Вот что значит благодатный морской климат и свежие морепродукты круглый год! И в каждый очередной ее приезд я вижу, как все дальше и дальше дрейфует наша красавица Лилька от родных

славянских берегов. И в манерах, и в общей линии поведения, и в отчаянной жестикуляции, которой сопровождается буквально каждая фраза, и в легкой гортанности произносимых звуков все больше итальянского и все меньше — увы! — белорусского. Ах, какая женщина, восклицают наши мужчины, глядя ей вслед, и я молча соглашаюсь с ними. Однако упустили, голубчики, свое счастье, и ничего тут уже не поделаешь. Долгие годы Роби мечтал о такой же красавице дочери, но время ушло, и теперь у него другие, не менее широкомасштабные планы.

— Ладно! Сашку, судя по всему, охомутает одна из наших местных красоток, — делится он своими соображениями с женой. — Но вот Антошу мы обязательно женим на белоруске! И только!

— Так тому и быть! — милостиво соглашаюсь я, когда меня ставят в известность о столь далеко идущих замыслах. — Подыщу вам еще одну прелестницу, уже из числа внучек своих многочисленных друзей и родственников. Чего-чего, а такого добра, как красавиц, у нас хватает!

Всякий раз Лилька везет мне в качестве презента заморские вкусности: настоящие итальянские маслины, ароматный кофе, терпкое вино, мой любимый пармезан. Плюс еще книги об Италии с красивыми цветными иллюстрациями.

Я тоже дарю ей — главным образом книги. Вот уже несколько лет, как у меня нет никаких проблем с подарками для Лили. Я покупаю ей опусы популярных ныне Дарьи Донцовой, Татьяны Устиновой и иже с ними. Лиля их просто обожает. Рассказывала мне, что в ее уже ставшем родным Кальяри некая предприимчивая жительница Украины даже открыла небольшую книжную лавку, в которой торгует литературной продукцией исключительно от Донцовой. И стоят там эти книжки в разноцветных бумажных обложках совсем даже не дешево: от десяти до двадцати евро. Рачительная и уже по-западному экономная Лилька не часто может позволить себе подобные незапланированные траты, а потому моим подаркам она радуется, как дитя.

— Неужели покупают? — вполне искренне удивилась я, выслушав рассказ о книжной лавке.

— Еще как! Уходят влет, как горячие пирожки. Ведь наших же на Сардинии пруд пруди! Половина Украины и вся Молдавия в придачу.

Мне импонирует, что для Лильки жительницы независимых ныне государств Украина и Молдова, отправившиеся на заработки в Европу, — все еще «наши». Кстати, после такой информации у меня пропадает всякое желание гнобить плодовитую Дарью Донцову, обвиняя ее во всех мыслимых и немыслимых литературных грехах.

Пусть себе пишет на здоровье свои сказочки, размышляю я на досуге, потягивая настоящее итальянское кьянти. Донцовские опусы имеют такое же отношение к классическим детективам, как я — к солистам балета Большого театра. Но ведь читают же! А значит, кому-то там, на чужбине, Донцова помогает справиться с очередным приступом ностальгии, скрашивает одиночество, и, кто знает, быть может, именно ее книги облегчают всем этим женщинам совсем даже не простую жизнь вдали от родины.

И я снова погружаюсь в меланхоличные раздумья о том, как все же сладок дым отечества для тех, кто покинул его навсегда. И мне почему-то делается жаль и нашу красавицу Лильку, и сотни других красавиц, разлетевшихся по белу свету в поисках своего счастья. Ах, если бы не эти белые розы, думаю я с запоздалым раскаянием. Это они во всем виноваты. Только они!

Кенгуру

Красивая диванная подушка из шерсти золотистых мериносов с выбитым профилем кенгуру и надписью по периметру на английском языке “AUSTRALIA” свидетельствует, что у истории с розами имеется свое продолжение. Сиквел, по-нынешнему. Не знаю, почему так возлюбили это иностранное словечко наши отечественные кинематографисты всех мастей и возрастов, когда без устали клепают продолжения своих более чем средних, я бы даже сказала, гораздо ниже средних, экранных шедевров, гордо именуя при этом их сиквелами. А вообще-то исходное значение английского слова *sequel* — это *продолжение книги*, второй том, так сказать, или новый, как в нашем случае, рассказ на прежнюю тему.

Я глажу рукой шелковистую поверхность подушки и буквально физически ощущаю идущее от нее тепло. Австралия! Бог знает, где она находится. Можно сказать, на другом конце света! И так отрадно сознавать, что на этом другом конце света ныне у меня есть родная душа. Но обо всем по порядку.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы проводили Лилю с сынишкой в Италию, а письма по ее старому минскому адресу продолжали идти, и поток их не иссякал. Как-то раз ко мне на пару минуточек заскочила Оля и прямо с порога извлекла из сумки увесистый сверток зарубежной корреспонденции.

— Я вот что подумала, — начала она несколько осевшим голосом, выдававшим многолетнюю педагогическую практику. — Ведь у тебя же масса знакомых, и у многих взрослые дочери. Отдай им это. Авось отыщут что-нибудь интересное и для себя. Я уже пораздавала кучу писем всем Лилькиным подружкам и бывшим одноклассницам. Так они же по-английски не понимают. И как они там станут переписываться!

— Как-нибудь станут! — флегматично отреагировала я, опасаясь в глубине души, что ко мне приближается очередной пелетон девиц, коим уж замуж невтерпеж. Тем более за иностранца.

— Да, пусть сами выпутываются! — согласилась со мной подруга. — А ты помоги кому-нибудь из своих. Вдруг в этой пачке писем прячется чье-то счастье.

Я без всякого энтузиазма забрала протянутый мне сверток и тут же забросила его в письменный стол. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. На столе у меня стояла расчехленная пишущая машинка с вправленным в нее чистым листом бумаги: я как раз трудилась над переводом очередной любовной саги и даже, если мне не изменяет память, выбилась из довольно жесткого графика спущенных сверху сроков. Словом, времени на устройство судеб знакомых и детей знакомых не было. Его катастрофически не хватало и на устройство собственных дел.

Прошло, наверное, пару месяцев, прежде чем злополучный сверток снова попался мне на глаза, и в один из свободных вечеров я с большим опозданием приступила к разбору почты. Как всегда, пространные исповеди о себе и о своей жизни, перемежающиеся довольно стандартными предложениями к продолжению письменных контактов с целью развития личных отношений, и все такое в том же духе.

Кто ж так знакомится, подумала я с нескрываемым осуждением в адрес иностранных корреспондентов и вдруг вспомнила, как сама в классе пятом или шестом имела двух друзей по переписке (*pen-friends*, как любила выражаться наша англичанка): девочку Власту из Праги и мальчика Пауля из Дрездена. Мы оживленно обменивались марками, значками, фотографиями

артистов, и на этом, пожалуй, все. Наша учительница английского языка, инициировавшая движение любителей переписки с зарубежными сверстниками, руководствовалась, конечно же, исключительно высшими педагогическими целями: дескать, такое общение поможет детям больше узнать о мире, а заодно и подстегнет к более интенсивной работе над языком. Наверное, она была права, но отлично помню, что мои собственные письма были такими же ходульными и безликими, как и те, что я перебирала в свете настольной лампы почти четыре десятилетия спустя.

Неожиданно мое внимание привлек пухлый продолговатый конверт с яркой маркой, изображавшей кенгуру. Я машинально взглянула на обратный адрес и удивилась. Сидней, Австралия. Надо же, какое забавное совпадение! Последние несколько недель я корпела над переводом романа с душещипательным названием «Паутина страсти», действие в котором разворачивалось на далеком зеленом континенте среди тамошней экзотики: роскошные ранчо, живописные лагуны, интригующие названия незнакомых городов: Перт, Нортем, Эсперанс, и разумеется, любовь без конца и края, как и положено в таких литературных историях.

Так что же торопится сообщить нам о себе уже вполне реальный обитатель далекой Австралии, подумала я и решительным движением разорвала конверт. На стол выпали четыре или пять листов плотной бумаги с набранным на компьютере текстом.

Письмо незнакомого Майкла Робинса своей обстоятельностью сразу же вызвало у меня в памяти классические английские романы в духе Чарльза Диккенса. Оно было таким же пространным и, не поверите! — таким же захватывающе интересным. Молодой человек двадцати восьми лет от роду подробно живописал всю свою жизнь. Рано потерял мать. Остался старшим ребенком в семье, где помимо него еще трое детей: две сестры и брат. Помогал отцу растить младших. Смог заняться собственным образованием лишь после того, как все дети стали на ноги, а сестры были, к тому же, еще и выданы замуж. Окончил Сиднейский университет и трудится в крупной издательской фирме инженером по компьютерам.

Я внимательно скользила глазами по тексту, набранному, по-моему, самым мелким шрифтом из всех имевшихся на тот момент в арсенале первых компьютеров, и чем дальше, тем больше прикипала душой и сердцем к незнакомому мне парню. Перевернув последнюю страницу, я уже точно знала, кому вручу сие послание, растрогавшее меня своей неподдельной искренностью и ненадуманной глубиной чувств. Да, я вручу его Людмиле! И только ей!

Меня не смутило даже то обстоятельство, что письмо-то ведь было адресовано вполне конкретной избраннице. Хорошенькой голубоглазой блондинке, кардинально отличавшейся от моей новой кандидатки не только внешностью, но и тем, что англичане определяют весьма емким словом *background*, имея в виду всю совокупность факторов, определяющих предшествующий отрезок жизни. Тут и происхождение, и воспитание, и образовательный ценз, и прочее, и прочее. А, пустяки, самонадеянно решила я. Если мальчишка действительно так глубок, как это мне показалось при чтении письма, то он по достоинству оценит предложенную ему «рокировочку», выражаясь языком тогдашнего Президента России Бориса Ельцина.

С мамой моей потенциальной претендентки на замужество я многие годы проработала в одном из крупнейших научно-технических объединений нашей республики. Я трудилась переводчиком, а Зоя Сергеевна — инженером-химиком в центральной заводской лаборатории. Мы не часто пересекались по долгу службы, но не заметить эту хрупкую изящную женщину,

всегда с безукоризненной прической и макияжем, всегда благоухающую свежестью, словно первый майский цветок, было просто невозможно. Вначале, движимые обоюдной симпатией, мы лишь здоровались при встречах, потом как-то незаметно для себя перешли на общение, обмениваясь на ходу всякими культурными и прочими новостями, а при случае — и более обстоятельными разговорами о жизни.

Зоя Сергеевна, конечно же, была интеллигенткой до мозга костей, кстати, в самом хорошем смысле этого слова. Что неизбежно создавало вокруг нее некоторую полосу отчуждения. Воспитанная, немногословная, всегда неизменно любезная со всеми, с несколько холодноватой светской улыбкой на аккуратно подкрашенных устах, она многих попросту отпугивала этой своей недоступной светскостью и рафинированной воспитанностью. Не скрою, наши женщины ее откровенно недолюбливали. Обзывали гордячкой и шушукались по углам, что своей, на зависть непреходящей, молодостью Зоя Сергеевна обязана исключительно каким-то там пластическим операциям, ради которых она специально ездила или даже летала в Москву. Действительно, глядя на ее точеную фигурку, на нежное личико и сияющие здоровьем и молодостью глаза, трудно было поверить, что у этой женщины уже совсем взрослая дочь. О которой, кстати, она с особым удовольствием рассказывала мне при каждой встрече.

Свою единственную дочь Зоя Сергеевна с мужем, оба интеллигенты в третьем или четвертом поколении, растили с трепетной нежностью, словно редчайшую заморскую орхидею. Девочка получила блестящее образование. Она окончила с золотой медалью английскую спецшколу и музыкальную восьмилетку при консерватории по классу виолончели. С первой же попытки поступила в мединститут (в строгом соответствии с почти вековой семейной традицией по линии родственников со стороны отца), избрав себе какую-то редкую специализацию в области ухо-горло-нос. Параллельно с учебой в вузе ходила еще и на курсы немецкого языка в тогдашнем Доме офицеров.

С будущим отоларингологом я познакомилась, когда она училась уже на курсе четвертом. Людмила (или Мила, как звали ее домашние) собиралась в летний студенческий лагерь в одной из европейских стран, и ее мама попросила меня проверить, не подзабыла ли дочь практику устной английской речи.

Мила понравилась мне, что говорится, с первого взгляда. Честно признаюсь, именно она в первый и в последний раз в жизни заставила меня преисполниться сожалениями о том, что у меня самой нет и уже никогда не будет такой замечательной дочери. Хотя вряд ли моя собственная дочь, имейся она у меня, выдержала бы соперничество с представшей передо мной девушкой, которая смело могла бы пропеть строчки из популярной в те годы песенки:

Ах, какое блаженство
Знать, что ты — совершенство…

Рыжеволосая, зеленоглазая, с тяжелыми медно-золотыми кольцами естественно вьющихся кудрей (словно с картины Тициана, невольно восхитилась я), изящная в своей юной хрупкости, такая же миниатюрная, как и ее мама, она была прелестна, прелестна и еще раз прелестна.

А если присовокупить к этому безупречные манеры, серьезную речь, умный взгляд, то можно понять мои неуемные восторги, которые, впрочем, я отнюдь не торопилась высказывать вслух.

Людмила стала бывать у меня дома. Незаметно пролетели студенческие годы. Успешно защитив диплом и подтвердив свою квалификацию в интер-

натуре, девушка вдруг неожиданно для всех засобиралась в Германию. Бойфренд, который и сманил ее в это рисковое предприятие, судя по всему, сумел-таки нарисовать ей райские кущи будущего процветания в Европе. Дескать, у него там куча родни, и все и везде схвачено.

Тщетно я отговаривала ее от столь опрометчивого шага. Убеждала, что работы по специальности в Европах она не найдет, потому что для того, чтобы устроиться врачом за границей, ей придется еще несколько лет учиться в тамошних университетах, а после подтверждать свою квалификацию, уже в соответствии с требованиями той страны, где они с молодым человеком решили осесть для дальнейшей совместной жизни. А ведь жизни вне занятий своей любимой медициной Мила себе и не мыслила.

Но кто и когда слушает голос разума, особенно, если у тебя любовь? Молодые люди уехали. Как они там мыкались, бог знает. Но через год с небольшим Людмила вернулась домой. Одна и, судя по всему, ни с чем. Еще одна любовная лодка вполне предсказуемо разбилась о быт. На мой вопрос, чем она занималась все эти месяцы в благополучной Германии, последовал лаконичный ответ:

— Стригла газоны.

Что ж, и такой опыт может на что-нибудь сгодиться, подумала я и не стала растравлять девочке раны дальнейшими расспросами. Тем более что и у нас за это время много чего произошло. Уезжала Люда из одной страны, а вернулась, на свою беду, уже в совсем другую. История в очередной раз сделала крутой вираж, вытряхнув многих своих пассажиров на обочину, а сама умчалась вперед, не сильно сожалея о сломанных жизнях и разбитых судьбах тех, кто остался лежать в кювете.

Дома Мила застала сплошной разброд и шатания. И настроения, близкие к апокалипсическим. Мама сидела без работы (попала под первую волну массовых сокращений), НИИ, в котором трудился отец, тоже дышал на ладан и в прямом смысле этого слова доживал последние дни. Все семейные сбережения сгорели в ходе знаменитой «павловской» реформы. Одним словом, голые, босые, но свободные. Правда, свобода получилась какой-то неприкаянной, по принципу: я свободен, я ничей. Нет, не о такой свободе мечтал наш интеллигент, честя на чем свет застойные времена в ходе кухонных посиделок. Совсем не о такой!

Но, как говорится, не потопаешь, так и не полопаешь. А потому родителям Людмилы пришлось забыть о статусе высокооплачиваемых ИТР, которым они гордились еще вчера, и начать зарабатывать себе на хлеб челночным бизнесом. Зоя Сергеевна проторила дорожку в Москву. Бог миловал, и мне не пришлось видеть собственными глазами, как бывшая «дама» торгует сметаной и творогом на площади перед Белорусским вокзалом. А ведь это же было!

Помню, как долго болело у меня сердце, когда в январе 1994 года, встречая свою московскую подругу, я случайно столкнулась на перроне уже нашего вокзала с молодым человеком, которого в бытность моей работы на «Интеграле» все называли восходящей звездой номер один в области микроэлектроники. Вадим (он трудился в одном подразделении со мной) самостоятельно разработал нечто такое, что вопреки сформировавшейся на излете советской власти порочной практике отдавать все лавры в первую очередь начальству именно ему в качестве поощрения была прислана из союзного министерства новенькая «Лада». И вот обладатель престижной награды катил перед собой тележку, уставленную доверху блоками сигарет, и при этом затравленно озирался по сторонам, чтобы — не дай бог! — не встретить знакомое лицо. Будь оно проклято, то время, искалечившее судьбы стольких людей! И не дай бог никому пережить его снова.

Началась долгая и мучительная эпопея с трудоустройством. Первое, что сообщили ошарашенной медичке по ее возвращении на родину, так это то, что отоларингологов у нас в стране хватает. Более того, наблюдается их явный переизбыток, как и в случае с ИТР. Промучившись несколько месяцев без работы и потеряв всякую надежду устроиться по специальности, Мила, наконец, прибилась к станции «Скорой помощи». Потянулись трудовые будни врача на «скорой». Сутки дежурство, двое дома, из коих одни уходили на то, чтобы отоспаться, да и просто восстановить силы. Тяжелый, в том числе и чисто психологически, изматывающий, неблагодарный труд. Это только в нынешних сериалах идиллически изображаются всякие приключения, которыми якобы изобилует работа бригад «скорой помощи». А на самом деле — это постоянные стрессы, грязь, вонь, бесконечные смерти, оскорбления со стороны возбужденных родственников, которые в первую минуту изливают все свои негативные эмоции на тебя, как на виновника смерти близкого человека, постоянный риск встречи с откровенно неуравновешенными, а то и вовсе буйными пациентами.

А в промежутках между сменами Людмила еще бегала в какую-то больницу на другом конце города, где ей подфартило-таки найти подработку по специальности на пол- или четверть ставки. Она очень дорожила этими, тоже в основном ночными дежурствами, панически боясь окончательно потерять свою основную квалификацию.

Работа, работа… А в итоге мизерные деньги, когда покупка даже лишней пары колготок превращается уже в проблему вселенского масштаба. И, разумеется, никакой личной жизни.

— А когда? — удивленно взмахивала она длинными ресницами. Но все чаще в глубине ее зеленых глаз я читала недоуменный вопрос: почему? Почему жизнь, которая обещала так много, вдруг оказалась столь несправедливо суровой к ней? И где то «прекрасное далеко», о котором она когда-то с таким энтузиазмом распевала в школьном хоре? Куда оно умчалось, и в каких краях его искать? Постепенно недоумение стало сменяться отчаянием, но тут, слава богу, подоспело австралийское письмо.

— Знаешь, — сказала я Люде, вручая послание от Майкла Робинса, — никаких матримониальных планов на твой счет я не строю. Не волнуйся! Просто возьми и почитай на досуге. Думаю, тебе понравится его исповедь. А если сочтешь нужным, ответь. Вдруг жизнь преподнесет тебе сюрприз в виде бесплатной поездки в Австралию. Там ведь очень красиво! — Я мечтательно закатила глаза, и перед моим мысленным взором мгновенно предстала героиня переводимого опуса. Утонченная блондинка, восседающая в шикарном вечернем туалете на террасе такого же шикарного загородного особняка. Кино, да и только! — В конце концов, хоть на живых кенгуру посмотришь! — припасла я напоследок самый веский свой аргумент.

Как рассказывала мне потом Людмила, моя инициатива вызвала у нее откровенный скепсис. А потому она, сама о том не подозревая, с точностью повторила все мои действия, то есть сунула послание в самый дальний ящик стола и тут же постаралась забыть о нем. Но в один прекрасный день, после очередного изматывающего дежурства, в котором как назло сошлось все что только можно: смерть и истеричные вопли родственников, пьяная драка с последующим спасанием напившегося до чертиков дебошира, а в довершение всего — злая собака, набросившаяся в одной из квартир на прибывших по вызову и перепугавшихся до смерти членов бригады, она вернулась домой, извлекла на свет божий письмо и тут же настрочила ответ.

Наверное, не менее искренний, потому что ровно через две недели, в половине третьего ночи, ее разбудил звонок. В первое мгновение Люда подумала,

что это внеурочный вызов на ночное дежурство: дескать, кто-то из коллег заболел или случилось какое-то ЧП. Каково же было ее удивление, когда она услышала в трубке английскую речь. Звонил Майкл. Парень долго извинялся, с опозданием сообразив, что он не совсем точно рассчитал разницу во времени, и все время задавал полусонной Людмиле совершенно непонятный ей вопрос:

— Неужели ты и в самом деле врач?

Видно, для выбившегося из низов австралийца это был верх житейской карьеры, и, как много позже поведала мне Людмила, он поначалу посчитал, что девушка просто набивает себе цену, пытаясь выдать желаемое за действительное.

И закрутилась обычная карусель, связанная с поездкой за рубеж. Виза, паспорт, валюта… Мила уехала в сентябре, когда в Австралии только-только начинается весна. И, как оказалось, уехала навсегда. Вышла замуж. Перед Новым годом заглянула ко мне домой Зоя Сергеевна. Пришла поздравить, а заодно и принесла показать свадебные фотографии дочери. Ослепительно прекрасная невеста в окружении многочисленной австралийской родни. Даже на фотографии было видно, с каким неподдельным восторгом и изумлением взирали на Людмилу жених и собравшиеся гости, словно они лицезрели перед собой не живую женщину из плоти и крови, а некую райскую птичку, ненароком впорхнувшую в их сад.

Зоя же Сергеевна, напротив, показалась мне растерянной и даже подавленной.

— Не знаю, не знаю, — все время повторяла она, нервно комкая в руках носовой платок. — Эта свадьба… так сразу… и так далеко…

Спустя пару месяцев она снова пришла ко мне. Попросила написать письмо зятю. Вид у нее был еще более расстроенный. Люда уже устроилась на работу, сообщила она мне первые новости «оттуда». Трудится фасовщицей в крупном супермаркете. Обещали после испытательного срока перевести в продавщицы. Ни о какой врачебной практике мечтать пока не приходится. Нужно подтверждать свой диплом госэкзаменами уже в австралийском высшем учебном заведении. Для чего желательно закончить, по меньшей мере, четыре-пять курсов на медицинском факультете в любом из местных университетов. Например, в Сиднейском. Естественно, за деньги, которые еще надо заработать. А потому пока не до учебы.

Судя по всему, это известие повергло Людину мать в шок. Она стала запальчиво повторять мне все то, что я и так хорошо знала. О том, что в их семье вот уже несколько поколений интеллигенции. Дедушки, бабушки, тети, дяди, племянники — все врачи, педагоги, ученые, инженеры.

— Напишите моему зятю, что я не мыслю свою дочь вне профессии врача. Ведь этому делу отдано столько сил и лет. Напишите ему, что его жена — такая тонкая и рафинированная девочка. И вообще!

Зоя Сергеевна взмахнула рукой, вложив в этот взмах все недосказанное, и тут же безвольно опустила руку. В ее взгляде, обращенном ко мне, я прочитала откровенную неприязнь. Кажется, предприятие, затеянное с самыми благими намерениями, грозило обернуться одними лишь неприятностями. Во всяком случае, лично для меня. Еще бы! Разве для того моя давняя знакомая холила свой лазоревый цветочек, свою зеленоглазую фею, чтобы та в итоге оказалась за тридевять земель от родного дома и прозябала в далекой Австралии в качестве обыкновенной продавщицы в самом заурядном супермаркете?

Пришлось проявить характер. Я категорически отказалась выполнить просьбу Зои Сергеевны, сославшись на то, что в случае чего Люда и сама отлично справится с функциями переводчика и переведет мужу письмо мате-

ри, написанное по-русски. Правда, если сочтет нужным. И посоветовала не торопиться с выдачей судьбоносных рекомендаций.

— Негоже нам с вами поучать незнакомого мужчину, как именно ему строить совместную жизнь с молодой женой. Да еще в Австралии! — сказала я примирительным тоном. — И потом, позвольте вам заметить, Зоя Сергеевна, что вы, оказывается, плохо знаете собственную дочь. Людмила — не из тех, кто останавливается на полпути или бросает начатое. Потерпите пару лет и сами увидите: все у нее образуется. И именно так, как вам хочется, в строгом соответствии с семейными традициями. Поверьте мне, именно так и будет!

Кажется, мне не поверили, потому что на какое-то время я потеряла Зою Сергеевну из виду. Прошло, наверное, года два, прежде чем в один из вечеров раздался звонок и я услышала на другом конце провода знакомый голос. Оказывается, Люда исхитрилась каким-то образом выслать матери бандероль с книжками для меня. Естественно, на английском.

В этот свой приход Зоя Сергеевна напомнила мне ту, прежнюю Зою Сергеевну, которую я знала и любила еще по годам совместной работы. Она снова стала невообразимо молодой (право же, есть такой счастливый тип женщин, над которыми время не властно!), сверкала глазами, оживленно улыбалась и, судя по всему, была вполне довольна нынешним положением дел.

В суммированном виде новости из Австралии были таковы. Людмила, как я и предполагала, поступила на медицинский факультет Сиднейского университета, изрядно поразив на собеседовании местных эскулапов своими знаниями. Потому что ее сразу же зачислили на четвертый курс. Правда, пришлось досдавать кучу экзаменов за три предыдущих курса, но все это, слава богу, уже позади. Она учится на дневном отделении, вечерами подрабатывает все в том же супермаркете, они взяли с мужем кредит на учебу, и все у них пока хорошо. Вот даже прислали приглашение матери посетить Сидней, оплатили медицинскую страховку и авиабилеты в оба конца.

Австралия не очень впечатлила разборчивую Зою Сергеевну, хотя зять с дочерью постарались повозить ее по стране. Зеленый континент показался ей пыльным (как назло, то лето в Австралии выдалось на редкость засушливым и все знаменитые австралийские газоны выгорели дотла), очень провинциальным и весьма заурядным. Местная экзотика — океан, кенгуру и прочее, оставила ее совершенно равнодушной. А вот зять понравился! А еще она со смехом рассказала мне, что нужно было забраться на другой конец света, воистину к черту на кулички, чтобы в один прекрасный день столкнуться на сиднейской улице носом к носу с нашим бывшим соотечественником и бывшим коллегой по работе, эмигрировавшим в Австралию в далеком 1972 году. Забавная встреча, лишний раз наглядно продемонстрировавшая женщине, что земля мала, очень мала, и все мы, живущие на ней, в общем-то родня.

Семейный уклад молодой семьи тоже произвел на Зою Сергеевну самое положительное впечатление. Огорчало лишь одно. Дочери уже за тридцать: пора бы родить. Но о детях пока речи нет. Прежде надо окончить университет и получить вожделенный диплом.

— Мама! Ты забыла, что я врач! — убежденным тоном отрезала ей дочь на поставленный в лоб вопрос. — Я знаю предельные сроки, знаю свои возможности и особенности своего организма. Постараюсь уложиться до наступления критического возраста. Обещаю!

Слава богу, уложилась! И на радость всем и вся родила сына, которого назвали Ричардом. А что! Ричард Робинс — звучит красиво. Счастливая бабушка на всех парах снова унеслась в Сидней помогать нянчить малыша. Люда уже трудилась в качестве интерна в одной из муниципальных больниц,

а правила там очень и очень жесткие. Никаких тебе декретных отпусков. Через три недели после родов изволь появиться на работе. Иначе…

Никаких «иначе» быть не могло, и Зоя Сергеевна почти год провозилась с внуком, а по возвращении домой поделилась планами на будущее.

— Надо прибиваться к одному берегу! — с грустью сказала она мне при очередной встрече. — Мы с мужем уже не молоды, и у нас не хватит ни сил, ни здоровья мотаться в Сидней на свидания с дочерью. А Люда — это все, что у нас есть и что держит нас на этом свете. А теперь вот еще и внук. Видно, займемся переездом в Австралию. Продадим здесь квартиру, дачу, а там, на месте, что-нибудь придумаем. Желательно, чтобы и вместе, то есть недалеко друг от друга, но одновременно и врозь с молодыми. Но это уже как получится.

— Как же это? — в первую минуту я даже растерялась от столь сногсшибательной новости. — Вы же говорили, что вам Австралия совсем не нравится.

— Да разве в Австралии дело? — запальчиво возразила мне Зоя Сергеевна. — Главное, чтобы рядом. И потом, я за этот год уже притерпелась к тамошним порядкам, пообвыкла. Знаете, эта самая Австралия очень похожа на нашу Белоруссию. Тоже, можно сказать, одна большая деревня. Так не все ли равно, в какой деревне жить!

Что ж, оставив сие безапелляционное суждение на совести моей героини, скажу вот что. Как ни грустно в том сознаваться, но провинциализм нашего бытия («житие мое», как вздыхал известный герой Михаила Пуговкина в известной кинокомедии) — это, пожалуй, даже не констатация факта, а так, скорее общее место. А потому не стану распространяться на эту тему в рамках истории совсем о другом.

Через какое-то время мои знакомые уехали. Уехали, движимые одним, но святым чувством. Любовью к единственной дочери, которая, конечно же, вполне достойна такой всепоглощающей родительской любви. А мне на память о них остались Людины подарки — подушка с кенгуру, книги и фотографии. Иногда я беру в руки австралийские снимки и долго рассматриваю их. Мой самый любимый — это Мила, запечатленная на фоне океана. Впрочем, если мне не изменяет память, то возле Сиднея плещутся уже не океанские волны, а воды Тасманова моря. Но все равно на фотографии видна бесконечная водная гладь ярко-бирюзового цвета, и рыжеволосая Людмила с непривычно короткой стрижкой, заметно похудевшая, заметно повзрослевшая, но все равно такая же милая, милая, милая… Дай ей Бог всего в этой далекой Тмутаракани, куда я так опрометчиво ее отправила! Или все же не опрометчиво, а?

Вместо эпилога

В рассуждениях многих религиозных философов и богословов рефреном повторяется мысль о сакральных смыслах человеческой истории. Хотя, если внимательно вчитаться в строки их сочинений, то по всему выходит, что сакральное значение имеет не только всеобщее развитие человеческой цивилизации, но и каждая отдельно взятая жизнь человека на этой земле. В том числе и наша с вами жизнь, дорогие читатели.

Впрочем, нам, грешным, суетливо мечущимся в рамках заурядных событий обыденного существования, нет времени на размышления о столь высоких материях.

Но если такая минута все же выкраивается, то можно немного и пофантазировать. Например, вспомнить известное пророчество афонских старцев о русском народе. Разумеется, в широком смысле этого слова, в том понимании, как это подразумевалось в дореволюционном выражении «русский мир», включавшем в себя все православные народы, населявшие бывшую царскую империю.

Так вот, согласно этому пророчеству, русские (читай, плюс белорусы и украинцы) — это третий богоизбранный народ, которому суждено подхватить древко знамени православной веры, выпавшее из рук духовно одряхлевших греков. И вот когда это случится, тогда дивный свет Христовой истины, говорили афонские иноки, озарит из России весь мир и просветит все народы, живущие на земле. А для этого Господь промыслительно пошлет заранее в рассеяние часть русских, которые разбредутся по всему белу свету.

История XX века — это в том числе и история того самого рассеяния многочисленных русских, белорусов, украинцев, которые, кто по своей воле, а кто и вынужденно, отправились странствовать по дальним и ближним пределам. Так, в моей семье бытует предание о том, как наша бабушка еще в далеком 1912 году буквально на коленях умолила деда не уезжать в Америку, куда вознамерилась отправиться целая группа белорусских мужиков в поисках призрачного счастья на чужбине. И умолила-таки. Дед, всегда терявший стойкость при виде женских слез, дрогнул и остался дома. А двоюродные братья его вместе с другими односельчанами уехали, да так и затерялись где-то на обширных американских просторах. Потом пошел отток людей уже по политическим мотивам: первая волна эмиграции, вторая… Наконец грянул почти массовый исход «наших», коим ознаменовался конец прошлого столетия. Тысячи людей сдвинулись с привычных, насиженных мест и разъехались по самым разным странам. И среди них сотни, тысячи наших молодых соотечественниц.

Вот я и думаю. А вдруг именно эти женщины, так безрассудно смело шагнувшие в неизвестность в поисках семейного счастья, может, именно они, кто удачно, кто не очень, устроившие свою судьбу на чужбине, нарожавшие там детей, а некоторые уже и дождавшиеся внуков, может, они и стали, сами о том не подозревая, женами-мироносицами последних времен, взвалившими на свои хрупкие плечи тяжкое бремя просветления погрязшего в грехах человечества. Что ж, если это так, то две женщины, отправившиеся в рассеяние с некоторой помощью от меня, они, уверена в том, справятся с высокой провиденциальной миссией, возложенной на них самой историей. Они не подведут.

«На берегу непройденного лета...»

Наверное, нет такого культурного белоруса, кто не знал бы имя Янки Сипакова, замечательного поэта, прозаика, переводчика, лауреата Государственной премии Беларуси, заслуженного деятеля культуры Беларуси. Он автор более чем полсотни книг, среди которых: «Лірычны вырай», «Па зялёную маланку», «Крыло цішыні», «У поўдзень да вады», «Вочы ў вочы», «Веча славянскіх балад», «Тыя, хто ідуць», «Наталенне смагі» и другие. Его лирически проникновенные, философские произведения изучают в школах и вузах, по ним пишут научные работы.

В январе писателю исполнилось бы 76 лет… Этот талантливый, интеллигентный, всегда открытый и очень скромный человек еще недавно жил и творчески трудился рядом с нами, писал и издавал книги, строил новые планы, дарил всем свои мудрые мысли и щедрые чувства.

Так горько думать, что его больше нет на этом свете… Весной прошлого года лиричная душа его отлетела в неминуемую вечность, которую он некогда так старательно пытался рассмотреть издали.

На земле он, кажется, одновременно был и счастливцем, и страдальцем. Потому что нес крест своей великой любви к жизни, к литературе, к родному белорусскому языку — тяжелый крест своего неприкрытого непокоя и совестливого творчества.

Ему был в радость долгий кропотливый писательский труд, и он очень много успел сделать.

Он многое любил… Место, где родился, — свои родные Зубревичи, шумную деревню в семьдесят дворов; широкий Днепр и могучую Двину; милые сердцу города юности — Оршу и Шклов; всю свою щедрую, «бесконечно дорогую и ненаглядную Беларусь»…

Весь мир любил, много стран повидал, весь бывший Советский Союз объехал… Космически мыслил, обозревая столетия, — и слышал, как прорастает зерно в земле, как стучат сердца деревьев; знал даже, «какие разные глаза у цветов».

И женщинам, коллегам по работе, любил дарить цветы в праздник. Я прекрасно это помню, потому что больше тринадцати лет работала рядом с Иваном Даниловичем в редакции, сначала журнала «Беларусь», потом «Гаспадыні».

Кажется и сейчас: вот он откроет дверь, войдет со словами: «Добры дзень вам, гаспадынькі!» — и солнечно улыбнется, а мы, обрадованные встречей, весело спросим о его жизни-«селявивочке»… На что он традиционно-оригинально ответит: «Жах, які цуд!» или, победно взмахнув рукой, оптимистично запоет: «Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Дружелюбный, внимательный, нежный, какой-то по-детски восторженный, добрый и искренний, Иван Данилович навсегда останется для нас в своем слове: в повседневном, легком, шутливом — и в творческом, весомом, выстраданном, где он, мудрец из мудрецов, выше всех прожитых «дней за спиною», выше суеты и мелкой повседневности; выше боли и печали, выше всего, что так неожиданно и горько случается.

И в этом вечном слове он будет продолжать «веселиться, грустить, тревожиться, радоваться, мечтать...». В слове своем — он будет жить.

Валентина ПОЛИКАНИНА

ЯНКА СИПАКОВ

Он с песней родился для песни

* * *

Почему в юности я не собирал дни,
Когда их было так много…
Какая бы сейчас была у меня коллекция!
Можно было бы открыть свой музей
Или, во всяком случае, хотя бы выставку.
Вот они, дни —
Задумчивые и развеселые,
Беззаботные и заплаканные…

Сейчас только — осиротелый, без юности —
Понял, что тогда,
Когда я плакал, —
Нужно было смеяться,
А когда смеялся —
Плакать…

* * *

А земля,
Наверное, потому и круглая,
Чтобы никто
Не мог сесть в центре
Или в каком-то удобном углу
И презрительно сказать другим:
— Мы — избранный Богом народ,
А вы — наши рабы…

Люди,
Не давайте делать землю угловатой!

Невольник

Боже мой, вызволи ты меня из неволи сердца:
Видно, сейчас, это самая великая роскошь
и наслаждение —
Ничего не чувствовать…

Ирония

А иногда кажется,
Что мы, люди,
Скоро уже не сможем заново отыскать
Теплый и ласковый огонь,
Дом,
Сад
Или обыкновенную улыбку, —
Отыскиваем все больше бомбы да бомбы:
Атомные, водородные…
Некогда нам!
Да и нужно ли заниматься
Такими мелочами, как, например, огонь,
Нам,
Таким умным…

* * *

Homo sapiens!
Пули ищут твою грудь,
Мины мечтают о твоих ногах,
Бомбы — о твоих домах и подземных тоннелях…
Ну, неужели же ты, чудак,
Еще не понял,
Что уже наступило время,
Как сказал один мироискатель,
На всех перекрестках земли
Прибить вывески:
«Охота на людей запрещена!»

* * *

Представляете, земляне,
что может быть
еще более неуместное
и еще более ужасное, чем это:
одни люди
настойчиво лезут на какой-то пригорок,
а другие — тоже люди —
вместо того, чтобы подать им руки,
бросают в них
гранаты,
пули
и свою ненависть…
На нашей земле,
вы знаете,
такое бывает нередко.
И на войне это называется
очень точно:

«Занять высоту»…
Представляете, земляне,
что может быть
еще более неуместное
и еще более ужасное,
чем война!

* * *

Родина, дай мне однажды
забыть тебя,
расстаться с тобою,
потерять тебя, —
Чтобы я, задыхаясь от ностальгии,
мог, негодник,
еще больше понять,
как я люблю тебя…
Родина, если и ты любишь меня,
не карай так сурово,
не дай мне
такого несчастья —
потерять тебя…

* * *

Слушаю песню кузнечиков.
Слушаю только как музыку.
Я не хочу понимать их язык
И не хочу дознаваться,
О чем они
Так вдохновенно разговаривают…
Потому что,
Как же больно мне будет,
Если я, узнав их язык,
Растерянный и оскорбленный,
Вдруг пойму,
Что они совсем не поют,
А всего только
Ссорятся меж собою.

* * *

Из песен я родом,
Из осени поздней,
Где вечера и ночи —
Долгие-долгие, как одежда женщин,
А песни — грустные,
Как последние промерзшие цветы под окнами…
Женщины крошили капусту

И пели, подшучивая.
С ними пела и моя мать.
Я из песни родился.
Немножко полежал молча,
прислушиваясь:
Песня была для меня такой своею,
Такой знакомой —
Сколько уже вечеров от рождения
Я слышал ее!
И я запел…
А женщины удивились:
— Смотрите, плачет.

Я и теперь никак не разберусь:
Неужели они и правда не поняли,
Что я пою?

* * *

Когда тебе где-то за полдень,
Ты, попрощавшись с небом,
Отяжелевший,
Все чаще и чаще
Начинаешь ходить по земле
И забываешь даже,
Что у тебя все еще есть крылья…
И только изредка вспомнишь,
Случайно дотронешься до их культей:
Вздрогнешь, ужаснувшись,
И скорее отнимешь руку —
Словно от раны…

Ответ на анкету

— Что такое счастье?
— Это дети,
Которые во всех странах мира
Под праздничным, не обманным
И совсем не страшным небом
Радостно и улыбчиво
Машут ручками поездам —
Поездам, которые уже забыли,
Что можно спешить на фронт
И тихо, осторожно возвращаться оттуда —
С ранеными…

Сонет любви

Чего стыдиться? Ты в моем сонете,
Как в брошенном оазисе, одна.
Сокрытая от взоров, не видна
Всем циникам, каких полно на свете.

Ты мне и издали, любимая, видна,
На берегу непройденного лета.
Одежда вся твоя — венок из света,
По волосам — струится тишина.

О, явь моей негаснущей надежды,
Иной тебе не надобно одежды!

Клянусь беречь от ночи до видна
Твою застенчивость от пошлости и быта.
Так не стыдись меня. Поверь, что ты одна
В моем сонете бережно укрыта.

Перевод с белорусского Валентины ПОЛИКАНИНОЙ.

НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА

Повседневность

Повседневность — скучное слово, серое, как мартовский снег, как обращенная во двор стена дома, как стоптанные домашние шлепанцы. Она течет то размеренно, то суетливо и утекает, как вода сквозь пальцы. Оглянешься назад — все смутно, размыто, порой кажется, абсолютно бессмысленно.

Но есть одно волшебное средство преображения, когда повседневность становится чудным калейдоскопом, зданием с тысячами светящихся окон, когда она искрится юмором, предлагает неожиданные откровения и радость узнавания, увлекает занимательными историями. Театр, кино, фотография и, конечно, литература способны открыть красоту, философию и мудрость повседневности.

Ты берешь в руки книгу и начинаешь следить за простой историей, которая могла бы произойти в соседней квартире или на соседней улице. Там нет захватывающих приключений, путешествий во времени или детективных загадок. Но эти герои повседневности — одинокие, нервные, нелепые, неуверенные, несчастные — вызывают интерес, сочувствие, симпатию.

Сегодня, дорогой читатель, мы знакомим тебя с современным немецким взглядом на повседневность. Может быть, ты узнаешь в персонажах известных писателей Германии, которых мы представляем, кого-то из своих знакомых или даже себя, проживешь с ними их историю, и они станут тебе близкими, понятными людьми.

Юлия САВРИЦКАЯ

ШТЕФАН ХАЙМ

Всегда виноваты мужчины

Я помню. Было такое время, когда я ходил веселый, с легким сердцем, или, по крайней мере, в уравновешенном состоянии духа, а теперь я постоянно думаю, что я снова сделал не так, и в голове звучит голос моей жены: посадил пятно на рубашку, откуда это пятно, в шкафу же достаточно чистых рубашек, и эти старые штаны с пузырями на коленях, вечно ты ходишь, как оборванец, особенно когда мы выходим в люди, ты просто не можешь самостоятельно за собой следить… И во мне что-то начинает разрастаться, я не знаю что, но когда я рассказываю об этом своему другу, профессору Менделю, известному знатоку человеческих душ, он говорит: это твое сознание вины. Если все идет наперекосяк, должен же кто-то за это ответить, и кто это может быть по положению вещей? — только ты. Да и вообще, всегда виноваты мужчины.

И я ощущаю, как чувство вины все больше заполняет мой внутренний мир, и я говорю себе, что должен обмозговать, как с этим справиться, чтобы не вечно все через пень-колоду, чтобы человечество меня любило и уважало, а особенно — моя жена. И я спрашиваю ее: что я должен сделать, дорогая, чтобы не стать совсем уж никчемным, ведь был же я раньше настоящим мужчиной, что называется, мировым парнем, делал тебя счастливой уже с самого утра так, что твои глаза светились, но теперь первое, что ты делаешь, когда просыпаешься, ты сетуешь на то, что я снова сделал не так: не выключил отопление и не поставил молоко в холодильник, хотя без конца сную по кухне, занимаюсь неизвестно чем и только тебе мешаю.

И я обещаю ей, что, право, постараюсь, клянусь Богом, и она увидит, что все станет лучше, но она не должна меня постоянно обвинять во всем, я этого не выдержу, просто покончу с собой.

Покончить с собой! — восклицает она. Если кто-то в этой семье и наложит на себя руки, так это она, и кто будет виноват? — я: ни одна женщина на земле этого не вынесет — мужчину, который ничего не видит, который сваливает на свою жену все заботы и хлопоты, а сам носится со своими бредовыми идеями вместо того, чтобы делать то, что ему говорят, и кто потом должен все расхлебывать? — она.

Но я же ее люблю, вот что самое странное. В ней что-то есть, иногда один лишь взгляд, одно движение пальцев у моего лица, такое нежное, и сердце тает над солнечным сплетением, и я думаю, ведь она же единственная, кто имеет для меня значение, и почему я только все время говорю не то, все время попадаю против шерсти, если бы я только знал, как у нее эта «шерсть» растет, чтобы я мог правильно себя вести. И я думаю, может быть, у меня что-то отсутствует: инстинкт или нерв, какая-то химическая реакция, которая помогала бы мне не сбиваться

с курса, держаться на гребне волны, чтобы не напороться на подводные камни многочисленных проблем и не сесть на мель со своими благими намерениями, которая вела бы меня, как штурман, от самого завтрака и до вечерних новостей, чтобы я нигде не споткнулся.

С завтрака все и начинается. Если я разрезаю булочку, она у меня крошится, у меня, у моей жены — никогда, а если я булочку кусаю, она крошится еще больше, и я вижу, как жена смотрит вниз на ковер. Я тут же нагибаюсь и начинаю подбирать крошки пальцами, а она говорит, оставь, все равно все не соберешь, и почему она может есть и не крошить, говорит она, а я нет, может быть, я должен держать свою голову над тарелкой или тарелку под своей головой, любой другой мог бы сообразить, говорит она, и чувство вины снова переполняет меня, а я благодарю Бога, что на ковре приземлились всего лишь крошки с поджаристой стороны, а не кусочек с абрикосовым джемом, вы когда-нибудь пробовали отскрести абрикосовый джем с ворса восточного ковра? Но этого моя жена не знает, что я еще нахожу счастье в моем несчастье, она только знает, что сразу после завтрака она должна притащить пылесос, я бы мог сам его принести, говорю я, и убрать эти крошки, но этого она не хочет, мужчина вроде меня может разве что испортить пылесос, и кроме того, будет лучше, если я спокойно посижу в стороне и не натворю никакой новой беды.

А после завтрака, когда я уже собираюсь идти к своему компьютеру работать, я вдруг всей кожей ощущаю, как тихо вокруг, и думаю, ну, ради Бога, ты же не можешь вот так оставить ее одну после того, как она тебе накрыла такой завтрак: яйца, сыр и все остальное, иди наверх, к ней, думаю я, и спроси, может быть, ей что-нибудь нужно, чем-нибудь помочь. И вот она лежит на кровати, и я знаю, что ей грустно, потому что я интуитивно чувствую человеческие настроения, и я знаю, что я должен обнять ее и просто посидеть с ней, но она просит сделать одолжение, оставить ее в покое: я все время хожу за ней, контролирую, говорит она, хочется иногда и отдохнуть от меня. И я вижу, что снова совершил ошибку, что мне нужно было держаться в стороне и подождать, пока она сама меня не позовет, или рассказать ей что-нибудь, что-нибудь интересное, чтобы ее отвлечь, но что я могу ей рассказать, чего она еще не знает, я и так уже рассказал ей все, кроме того, что сам забыл, не то чтобы у меня уже болезнь Альцгеймера, но в возрасте порой не все держится в голове, например, что звонила ее подруга Анна, и снова во мне начинает расти сознание вины.

Итак, я хочу ей что-нибудь рассказать, чтобы она отвлеклась от моей вечной вины, и я ложусь к ней на кровать, она справа, я слева, и начинаю рассказывать, как видел по телевизору репортаж о птицах на Северном море, которые задыхаются из-за того, что их тела пачкаются нефтью, и как меня тронула эта история, потому что я довольно чувствительный человек и переживаю за всякую тварь, что господа судовладельцы и капитаны кораблей, алчущие все большей наживы, закрывают глаза на то, что нефть попадает в воду, и англичане тоже жадные: английские насосы качают нефть со дна Северного моря, и через их прохудившиеся трубы и вентили она вытекает прямо в воду, оседает на перьях птиц и жабрах рыб, и я лежу и жду, что она скажет что-то сочувственное типа «несчастные животные!», но она говорит и смотрит на меня при этом, как на монстра, она говорит: ты виноват в том, что птицы выбрасываются на пляж со склеенным нефтью оперением, мертвые или на последнем издыхании.

Я теряю дар речи: как так я, у меня что, есть корабль, из которого я мог бы выплескивать нефть в Северное море и сгубить половину птичьего мира, я тихо лежу здесь рядом с тобой, как ты хотела, и рассказываю тебе про зло

в этом мире, что должно навести тебя совершенно на другие мысли, но она отвечает: ты такой же тип, как эти судовладельцы и капитаны, может быть, ты уважаешь меня или природу? — ты топчешься в саду по анютиным глазкам, которые я только что посадила, и еще до того, как я успеваю возразить, что ненарочно, она говорит, молчи, у тебя нет совести, и ты виноват в смерти бедных птиц, и я думаю, что, может быть, и вправду немного виноват с этими анютиными глазками, да и с этой нефтью тоже, есть ведь такая вещь в суде, как ассоциативная вина, в конце концов, мужчины виноваты всегда.

А прошлой осенью наша госпожа доктор предложила сделать прививку от гриппа, мол, все это делают, под кожу впрыскиваются мертвые вирусы, чтобы организм повысил свою сопротивляемость против живых, которые можно случайно вдохнуть где-нибудь в транспорте, и мы сможем таким образом здоровыми и невредимыми пережить холодное время года; но, боже мой, стоило жене сделать прививку, как она тут же заболевает гриппом, возможно, эти вирусы, которые наша госпожа доктор ввела ей под кожу, были еще недостаточно мертвыми или организм моей жены имеет какую-то специфическую чувствительность к мертвым вирусам и реагирует на инфекцию, словно они живые, здоровые и ядреные, во всяком случае, она снова утверждает, что в ее болезни виноват я, потому что, если бы я тоже заболел от прививки, я бы не сидел в кабинете госпожи доктора и не наблюдал бы с холодной улыбкой, как она колет иглой под кожу моей жене, и не говорил бы при этом: будь отважной, моя дорогая, ты должна через это пройти.

Да, конечно, всегда виноваты мужчины, я это знаю, и вы тоже это знаете, глубокоуважаемый. Например, вы ждете важного гостя, и ваша жена накрывает на стол: кофе и пирог, который она специально испекла, и фрукты, которые она сама вырастила в саду, но гость не идет. Гость опаздывает, и мы сидим за столом и ждем, моя жена и я, и моя жена говорит, сколько раз, говорит она, сколько раз я накрывала стол для твоих гостей, для тебя, варила кофе, пекла пирог и готовила все что полагается? А потом еще сидела и поддерживала разговор с твоими гостями, говорит она, шутила и очаровывала, налаживала отношения, а что делал ты, извини? Ты только сидел за столом, набивал брюхо, сербал из своей чашки и выглядел так, словно умираешь от скуки. Сколько раз?

И я спрашиваю в ответ, неужели я так ужасен?

И она говорит, да, ты так ужасен.

И я размышляю над тем, что она сказала, и думаю, что в какой-то степени она права, я действительно не всегда выгляжу настолько блестяще, насколько бы хотел, я не слишком остроумен и элегантен, но что я могу поделать, это моя жизнь, я не смог приобрести глянец и шарм, у меня были совсем другие заботы, поэтому, если к нам приходят гости или мы куда-то выходим, на прием или обед, я привык полагаться на свою жену, потому что она обладает прямо-таки талантом сердечности и завязывания отношений, и я почти готов согласиться с ее критикой в мой адрес, но тут наконец приходит наш гость, и моя жена начинает блистать, а я сижу за столом со своим чувством вины и снова выгляжу так, будто смертельно скучаю.

Или, например, вы собираетесь на конгресс. Конгресс по случаю юбилея или просто так, чтобы напомнить человечеству, что было сто лет назад и как далеко мы шагнули с тех пор, и организаторы конгресса ищут какое-нибудь место, симпатичный ландшафт, горы вокруг, может быть, озеро или река рядом, солидный отель, но за это вы должны подготовить доклад, и кроме того давать интервью, ваше лицо будет мелькать по телевизору, и это все для вас и вашего сопровождения оплатят организаторы

конгресса, билеты, питание и напитки, и вы вспоминаете, что нормального отпуска в этом году ведь не было, и решаете ехать туда, но не на самолете: в аэропорту всегда беготня и толчея у кассы и на регистрации, и в магазине такс-фри, а на теплоходе из морского порта, в каюте, и гулять по палубе корабля туда-сюда, качаясь на волнах, даже, возможно, обедать за столиком капитана, потому как вы же едете на конгресс в качестве почетного гостя, и все прекрасно организовано.

И вот вы поднимаетесь на борт теплохода, багаж доставляют в каюту, и ваша жена сразу же говорит: наверное, ты хочешь, чтобы я потеряла сознание, ты же знаешь, что я страдаю клаустрофобией, к тому же в этот момент каюта начинает вибрировать от того, что внизу завелись корабельные механизмы, и ее сердце уходит в пятки, и если она упадет, говорит она, а то и вовсе умрет посреди моря, то она завещает зашить ее тело в парус и выбросить за борт, а я говорю: ты что, хочешь, чтобы тебя сожрали рыбы? И она отвечает: да, пусть меня сожрут рыбы, а я говорю: надеюсь, до этого не дойдет, а она возражает: именно этим и кончится, и кто будет виноват в моей преждевременной смерти посреди моря от клаустрофобии и от этой страшной вибрации в этой крошечной келье?

И она указывает на меня острым пальцем, как общественный обвинитель, и я говорю: кто может быть виноват? — я.

Слава богу, в этот раз моя жена не умерла и не стала кормом для рыб, но того страха и волнений, которые я пережил, я не пожелаю и врагу.

Или вот история, как я лежал в больнице с моим кишечником. Меня уже месяца два беспокоил живот, и в конце концов госпожа доктор, наш семейный врач, сказала, что хотела бы меня обследовать, что она даст мне направление в крупную клинику к одному профессору, он мне подробно объяснит, что они будут со мной делать, какие давать таблетки и свечи, как я должен буду пить воду и другие жидкости, чтобы промыть мое нутро, чтобы они могли ввести в мой кишечник зонд, длинный, гибкий, с линзой на конце, чтобы все увидеть и сфотографировать, и какой мне сделают укол, чтобы я ничего не почувствовал, никакой боли; я выслушал и боязливо сказал, но, пожалуйста, только не амбулаторно, и профессор согласился, хорошо, оставайтесь у нас на пару дней, таким образом я оказался в больнице.

Моя жена навещала меня после обеда каждый день, по-своему очень мила и заботлива, приносила цветы и все, что мне было необходимо: лосьон после бритья и щетку для моего зубного протеза, но когда я рассказал ей, что профессор после ультразвука сказал, возможно, что-то не в порядке с моей поджелудочной железой, она сразу воскликнула, что всегда это знала и предупреждала меня, но я ее не слушал и не пил по два с половиной литра жидкости в день, чая или минеральной воды, или сока, которые я в моем возрасте должен выпивать дополнительно, чтобы не заработать обезвоживание, осложнение на поджелудочную железу и почечную недостаточность в придачу, и если я умру, кто будет виноват?

Ну, кто, говорю я — и чувствую, как становлюсь совсем маленьким и безобразным, вжимаюсь в мою больничную кровать со своим комплексом вины, а моя жена с любовью и заботой расставляет в вазе прекрасные цветы, которые она принесла; и я говорю: если я умру и увижу ангелов там наверху, я им скажу, что сам виноват, что стал им обузой раньше срока, и что моя жена тоже ангел, как они там наверху, почти во всех отношениях, и моя жена спрашивает: ты собираешься разговаривать с ангелами? Откуда ты знаешь, что у тебя будет такая возможность, может быть, ты будешь вовсе не наверху, а где-нибудь в другом месте, потому что на этом свете ты не хотел меня слушать.

Или еще пример. Я всегда был склонен мерзнуть: когда другие уже потеют от скудного солнца, на которое мы можем рассчитывать в этой стране, и обтирают лоб платком, я говорю, что люблю тепло и спокойно переношу и гораздо большую температуру, а когда прохладно, осенью или ранней весной, и другие резвятся на природе, а набегавшись, краснощекие возвращаются в дом, я мерзну даже в своей комнате рядом с батареей и ставлю регулятор на максимум, пока не придет моя жена и не спросит: ты сошел с ума? Ты хочешь, чтобы я задохнулась? Если ты мерзнешь, надень кальсоны и толстый синий свитер, который я тебе как раз для этого и подарила, но оставь в покое, ради бога, регулятор отопления.

И я отвечаю, что ненавижу кальсоны: всегда остается промежуток между их нижним краем и верхним краем носков, и кроме того, тебе не нравится, говорю я ей, когда я заправляю толстый синий свитер в брюки, а сверху надеваю подтяжки. А моя жена возражает: не нужны тебе подтяжки, с твоим животом брюки и так держатся, а я говорю: нет, они падают, а я хочу, чтобы мои штаны сидели плотно, и моя жена говорит: ты сам виноват, что они падают, чем только ты постоянно не набиваешь свои карманы: футляр со слуховым аппаратом и перочинный нож, и пилюли, и портмоне, и ключи, и черт знает что еще, любые брюки будут сползать, а я отвечаю: я ношу в карманах то, что мне нужно в течение дня, и я бы все-таки хотел, чтобы в моей комнате было тепло, если можно, я мерзну… И я знаю, что снова во всем виноват, что бы я ни говорил и ни пытался ей объяснить, вина остается на мне.

Но порой она может устроить сюрприз, моя жена, я вам расскажу, уважаемый, чтобы вас тоже не застали врасплох, мужчина всегда должен быть начеку с женщинами, говорю я, чтобы не получить инсульт или инфаркт.

Итак, я сижу после обеда в своем большом кресле у нашего круглого стола и думаю, как я виноват, что все еще не позвонил нашему общему другу Клаусу, который собирается осчастливить нас своим визитом, заодно вспоминаю, что я мог еще сделать не так.

И вдруг происходит то, о чем я вам говорил, уважаемый, а именно сюрприз. Моя жена немного наклоняется вперед, словно хочет быть ко мне чуть ближе, касается моей руки кончиками пальцев и начинает говорить: как было бы хорошо, мягко говорит она, если бы мы и дома беседовали так задушевно, как тогда в больнице, хотя бы пару минут каждый вечер, она говорит, что все равно любит меня и что я ее единственный человек, больше у нее никого нет, и я смотрю на нее и пытаюсь проглотить комок в горле, и говорю ей, что тоже хочу беседовать с ней, и не только вечером, а все время, и что она тоже мой единственный человек, и в этом мире, огромном Вавилоне греха и насилия, мы должны крепко держаться друг за друга, она и я, и говорю, как сильно я ее люблю. Но потом я снова начинаю говорить о моей вине, как всегда, потому что постоянно живу с этим чувством, но в этот раз я говорю об этом по собственной воле, от всего сердца и из самой глубины души, и говорю ей, как мне жаль, что я никогда не показываю, как сильно я люблю ее, как она мне близка, и что это и есть моя единственная настоящая вина, только моя.

ГАБРИЭЛЬ ВОМАН

Испанский студент

Снова застучала ее печатная машинка, звук, перемежающийся то и дело паузами — что-то стопорилось. Он слышал эту аритмию. Впрочем, это не должно обозначать ничего особенного: никто не может быть в наилучшей форме весь день. Ее методично продвигающийся мыслительный аппарат наткнулся на подводные камни — нужно немного подумать. Йенс-Петер говорил себе, что такие заминки естественны для Лариной работы (как, впрочем, и для его тоже, только он лучше умел с ними справляться), потому что, во-первых, день на день не приходится, а во-вторых, она все-таки не готовый текст набирала, как секретарша на дому. Однако, несмотря на очевидную причину, слышалось в этих задержках, сменяющихся отчаянным треском, что-то нерешительное, что никак не дает сосредоточиться. Игра воображения? У него самого было слишком много дел, чтобы еще разбираться с проблемой жены, если она, конечно, существует. И он попытался отмахнуться от тени, смутившей хорошее настроение.

Однако, вскоре Лара уже стояла возле его стола. Йенс-Петер работал на персональном компьютере, который ей очень нравился, и он надеялся, что жена просто пришла немного посмотреть: процесс использования мышки казался забавным и совершенно загадочным. Она ему не мешала. С помощью компьютера Йенс-Петер мог довольно быстро и без особого умственного напряжения из двух старых лекций составить новую, что он как раз и делал. Поэтому на свой вопрос, не мешает ли, Лара услышала: ничуть, можешь спокойно оставаться.

— А мне мешает, мне мешает! — решительно повторила она.

— Что же, что мешает? — Он понял, что жена имела в виду не собственный визит, а нечто, что тяготило ее саму. Оставалось уже не так много времени, чтобы закончить доклад. Речь шла о соискательстве на должность. Лара хотела получить кафедру — великолепно оснащенную, в университете ее мечты, с прекрасным видом на озеро из будущего, если все пройдет удачно, служебного кабинета.

— Он. Он мешает. Он не дает мне спокойно работать.

За закрытыми окнами под палящим солнцем в плавящемся от зноя саду полол сорняки студент-испанец — среди шести тысяч благородных растений, которые должны в скором времени покрыть зеленью весь участок в тысячу двести квадратных метров и за которые хозяйка выложила кругленькую сумму. Команда из пяти молодых садовников и одной практикантки, изучающей ландшафтный дизайн, ранней весной в течение нескольких дней втыкала зеленые пучки в тяжелую почву и точно так же мешала ей жить — Лара все время проявляла никому не нужное сочувствие, но в то же время не была готова на какие-либо жертвы, если дело касалось ее личного времени или освежающего меню. Когда щедро оплаченная и избалованная кроме того чрезмерными чаевыми компания отбыла, территория имела довольно аккуратный вид: пока еще немного похожая на поле, с растениями, посаженными на одинаковом расстоянии друг от друга, — личное

пространство для роста и размножения. Тогда Лара думала: теперь у нас есть сад, о котором я всегда мечтала, со специальными газонными растениями, которые знающие люди считают настоящей находкой, потому что они не доставляют никаких хлопот тем, у кого не особенно много времени заниматься своим участком. Как преподаватели высшей школы Лара и Йенс-Петер Хоххаймеры могли себе позволить очень многое, только не то, что требовало вложения труда, отнимающего время и силы от их профессиональной деятельности — уже ведение домашнего хозяйства само по себе было определенной проблемой. Через положенное время земля покрылась плотным зеленым ковром, в образовании которого гораздо быстрее и успешнее, чем благородные растения, приняли участие разные сорняки. Собственно говоря, газон выглядел красиво — с маленькими желтыми и голубыми цветочками там-сям, намного привлекательнее, чем первоначальная картина — отдельно стоящие клочки будущего вечнозеленого великолепия на фоне неприглядной коричневой земли.

— Снова становится похоже на картофельное поле, — сказала Лара, сравнивая основательно выщипанные студентом пятачки с зарослями вокруг.

— Жалко сорняков? — Муж советовал ей быть благоразумной. Не в первый раз. Все повторяется. Сейчас начнется старая песня: участок слишком большой, не думаешь ли ты, что мы сделали ошибку, Йе-Пе, вернее Джи-Пи — если атмосфера беседы была доверительной, она произносила начальные буквы его двойного имени по-английски.

— Мы просто слишком затянули с этим делом, — кивнул он в сторону окна и взялся за мышку, но Лара, не обращая на это внимания, продолжила:

— Мы хотели иметь сад, который не требует хлопот.

— Это только первый год. Пока кустики не разрастутся и не закроют всю поверхность. Я же тебе говорю, мы слишком долго волынили, поэтому все так сильно заросло сорняками.

Они действительно слишком долго тянули, уже сами почти пропали в этих дебрях, когда, наконец, собрались позвонить в центр занятости при университете. Лара сделала это, и через два дня появился студент-испанец. Июль, и для садовых работ слишком жарко — об этом Лара не подумала. Безжалостное лето: уже в полшестого утра солнце начинает метать свои жгущие лучи, как сигнальные ракеты, меж ребер жалюзи — нужно было рано вставать, чтобы по крайней мере до десяти часов впустить в дом немного свежего воздуха — позже снаружи становилось жарче, чем внутри, последний рекорд — тридцать семь градусов в тени. По ночам температура редко опускалась ниже двадцати трех градусов, и то это было где-то между четырьмя и пятью часами утра. Лара постоянно ныла: если бы мы хотя бы находились в какой-нибудь интересной стране! Но здесь! Йенс-Петер не стонал, но он и не знал такой интересной страны, ради которой можно было бы примириться с таким зноем. Ему к тому же не повезло со спальней — она прогревалась гораздо сильнее, чем комната жены, находящаяся в подвальном этаже. Среднесуточная температура — двадцать пять градусов.

Женщина-диспетчер из центра занятости спросила у Лары имя, адрес и номер телефона.

— Хохемер?

— Хоххаймер, — поправила Лара немного раздраженно. Хотя эта дама с неприятным голосом не имела никакого отношения к самому университету, Ларе все же казалось, что ее имя, по крайней мере, та должна знать, раз она выполняет услуги, пусть как нижестоящее звено, для университета.

— Хохаймер.

— Хоххаймер! Хох плюс хаймер!

— Тс-с-с! — прошептал Йе-Пе.

Наконец диспетчерша повторила фамилию правильно и спросила, какая необходима работа и сколько времени она предположительно займет.

— Речь идет всего лишь о прополке, но немного ума при этом тоже не помешает! — Лара засмеялась, чтобы привлечь на свою сторону беспартийно-нейтральную, бездушно-официальную, экономящую на любом соучастии женщину. Описала работу: нужно уничтожить сорняки. Нанимаемый студент или студентка должны суметь отличить два сорта, точнее… там множество сортов сорняков и только два тех растений, которые должны остаться, — они никак не могут разрастись по всей поверхности.

— О боже, как обстоятельно, — пробурчал Йе-Пе рядом с трубкой. — Называй вещи своими именами. Газонные растения. Поймет даже ребенок.

— Как вы сказали? — переспросила женщина.

— Ах, — Лара опять засмеялась, — это мой муж, он лежит здесь, рядом со мной…

Господи, как это звучит! Лара засмеялась снова. Женщина в телефонной трубке промолчала, и Лара представила ее себе как тупую неповоротливую корову, и то, что Йе-Пе, в этот момент, разумеется, никакой не Джи-Пи, недовольно хмыкнул, казалось совершенно лишним. Он лежал с газетой на софе, она сидела с мобильным телефоном в кресле — все прилично, обеденная пауза, на которую имеют право два работника умственного труда. Но однако же, как это звучит: он лежит здесь, рядом со мной! Для этой тетки с ее скучными, педантичными, монотонными вопросами звучит определенно: два лодыря валяются в постели, в то время как она вынуждена потеть в душном бюро у телефона, если только перед ней не стоит такой, как у Хоххаймеров, большой вентилятор с мягко вращающимся белым пропеллером, который разгоняет теплый, спертый комнатный воздух и вводит в заблуждение кожу — легкий ветерок — тем не менее все-таки освежает.

— Мы работаем по ночам… — Лара хотела подправить положение, но вышло еще хуже. Двусмысленное дополнение к первой непристойности? Наверняка диспетчерше представляется постельная сцена из MTV. Естественно Йе-Пе пробурчал что-то безрадостное. Так, пора возвращать уважение. Лара произнесла прохладно: мы сами из университета, правда, мы не студенты, мы учим студентов. До Лары вдруг молниеносно дошло, что эта женщина на проводе вообще ничего не думает и не представляет, ей все до лампочки. Кроме того, сколько времени осталось до конца службы.

— Тебе нечего оправдываться, — проворчал Йе-Пе. — Не говори глупости и переходи к делу.

— Это вопрос времени. Время — это единственное, чего нам постоянно не хватает, — сказала Лара в трубку. На этот раз, как ей показалось, вполне корректно: коротко и выразительно, несколько прохладно-отстраненно, нейтрально-вежливо.

— Мы сразу же вывесим ваше предложение, и в течение ближайших дней кто-нибудь обязательно откликнется. Вы определились с размером оплаты?

Об этом Лара уже думала, во всяком случае, о минимуме, но сказала: окончательно — нет; мы раньше с таким делом не сталкивались. Господи, ну что, эта лапша сама не понимает?

— Прополка сорняков — не слишком приятная работа, — позволила себе комментарий диспетчерша, кажется, даже засмеялась. Это сделало бы ее более человечной, доступной, если бы само замечание не показалось неуместным, даже бестактным, просто обидным. Женщина добавила, что у нее тоже есть сад, и эту работу она тоже не любит, снова засмеялась, но быстро вернулась к деловому тону: итак четырнадцать-пятнадцать за час работы — вам подходит? Меньше мы не можем предлагать, это минимальный тарифный разряд. При прополке.

— Да. — Лара шепнула цену Йе-Пе, он кивнул. — Да, подойдет.

— Если работник понравится, вы можете добавить что-то сверху, порекомендовала дама, как опытный консультант.

— Ну, с этим как-нибудь разберемся, мы тоже знаем, как понравиться! — выпалила Лара, чтобы опустить советчицу на землю, а заодно и будущую рабочую силу, но прежде всего — чтобы приободриться самой.

Уже на следующий день после предварительного телефонного звонка перед дверью Хоххаймеров стоял работник. Он говорил быстро и отрывисто, как по мобильному телефону, его имя они не разобрали, но поняли, что он испанец и изучает здесь биологию. Чтобы развеять напряженное выражение лица парня и наладить доверительные отношения, Лара с располагающей улыбкой заметила, что его специальность родственна предстоящей работе — выдергиванию сорняков. Кажется, студент так не считал — никак не отреагировал. В своем легком как пух шифоновом платье Лара не без удовольствия чувствовала себя полуобнаженной, что Йе-Пе не приветствовал, а студент, похоже, оставил без внимания. Он был довольно маленького роста. Хотя Хоххаймеры несколько раз бывали в Испании, они имели вполне общепринятое представление о тамошних мужчинах — статные и черноволосые. У парня были коротко стриженые каштановые волосы, слипшиеся от пота на узком черепе — еще и работать не начинал, — впрочем, он ведь приехал на велосипеде. Лару удивило и смутило, что студент пожаловался на жару (уже в одиннадцать часов утра было тридцать два градуса, и столбик термометра не собирался на этом останавливаться). Но — разве он не испанец? Лара переложила на мужа необходимость разъяснить фронт работ будущему биологу, имевшему несколько смятенный и рассеянный вид. И наконец, оба получили возможность вернуться к своим рабочим столам под шелестящие вентиляторы, чтобы продолжить свои труды не только по ночам, но и днем, с небольшим перерывом на обед.

Однако Ларе не удалось снова впасть в это прекрасное привычное состояние — в великолепном и уникальном единении с собственным мозгом найти укрытие и спасение от всего остального мира в своем докладе, в котором еще было что развивать и шлифовать, если она хотела выйти на место номер один в команде претендентов, а она хотела, ой, как хотела! Парень, там снаружи, на раскаленной земле, — вот кто беззастенчиво вмешивался в ее рандеву с работой. И вот спустя какой-то час она снова стоит над душой Йе-Пе с удивленным и как будто обиженным выражением на белокожем, раскрасневшемся лице, обрамленном волосами, потерявшими свежесть от жары:

— Послушай, Джи-Пи, студент опять хочет пить.

— Что ты следишь за ним все время!

— Вовсе нет! Ты разве не слышал, как он звонил? Просто позвонил в дверь и спросил: у вас есть что-нибудь попить?

Нет, Йе-Пе утверждал, что не слышал звонка, вероятно, он был полностью погружен в работу — продолжал составлять коллаж из лекций на компьтере (пользуясь мышкой!). Не может быть, подумала Лара, но не разозлилась, а его совет — сконцентрируйся и тоже не будешь слышать его звонков — пропустила мимо ушей.

— Ты что — хочешь, чтобы он мучился от жажды? Может быть, это вообще бесчеловечно — заставлять его работать в такую жару.

— Его никто не заставляет. Он хочет заработать денег. Страдать от жажды он, разумеется, не должен. Просто выстави ему на садовый столик запас питья — все эти энергетические и прохладительные напитки, которые ты недавно купила, — я к ним даже притрагиваться не собираюсь. Выстави ему. Только не пиво.

— Но снаружи все моментально превратится в кипяток, а он, конечно, предпочел бы что-нибудь холодное. — В ней заговорило милосердие,

но Лара знала так же хорошо, как и Йе-Пе, насколько скрепя сердце она отрывала от своего драгоценного — время для студента — пусть и вызывающего сочувствие, но на самом деле главным образом отвлекающего и мешающего.

— Кстати, он не выглядит особенно смущенным — звонит как-то требовательно. В нем есть что-то дерзкое. Словно хочет дать понять, что ему что-то не нравится. Довольно странный.

— Ну да — гордый испанец! — вставил Йе-Пе.

— И спрашивает он не деликатно, а довольно прямо — как-то грубо. — Лара выдавила, подражая студенту: — У вас есть что-нибудь попить? Тут ему не коррида, а я — не бык!

— Человек захотел пить — это можно понять. — Похоже, Йе-Пе слушал жену не совсем внимательно.

Перекусывая в обед — китайский суп из пакета, йогурт и кофе, Лара сказала:

— Его жажду я понять могу, но почему он не принес ничего с собой?

— Вероятно, он не сталкивался раньше с садовыми работами, не подумал.

То, что студент не разбирается в этом деле, постепенно становилось ясно: парень уже в третий раз вырвал культурное растение (дорогое, между прочим!), вернее — третье по счету, которое заметил Йе-Пе.

— Получается, я ему сочувствую, а он мне мешает, — сказала Лара.

— Он мешает тебе, когда ты ему сочувствуешь и когда он тебя о чем-нибудь просит. Как всегда! Лара, дорогая, ты просто не привыкла заниматься кем-то другим, кроме себя! — Йе-Пе не собирался сейчас деликатничать и заходить издалека. Оба уже имели возможность убедиться на опыте, что она не обладает способностями руководить людьми.

— Никто же не подойдет к нему!

— И тебе не надо! Занимайся своей работой, и все! Ты же заметила — он сам является, когда ему что-либо нужно! А я постараюсь впредь прислушиваться к звонку и выходить к двери первым.

— Я хотела бы быть любезной, правда, но — не получается. Он не улыбается, а ухмыляется — как-то недружелюбно.

— Наверное, это что-то национальное. Я же тебе уже сказал — гордый испанец. Расслабься.

— Я-то спокойна. Просто представляю, что он думает о нас. Особенно гостеприимными точно не находит.

— Этот студент здесь не в гостях. У нас небольшой трудовой договор, установлена определенная сумма вознаграждения. Кроме того, он тоже уже не маленький ребенок. Бога ради, Лара, не начинай снова со своими чувствами! Или снова будет, как с этим невыносимым ветераном вечерней гимназии, с этим господином Турмом, или с толстой госпожой Пацак, ведь так ее звали — Пацак?

С тех пор прошло уже столько лет. У Йе-Пе потрясающая память, когда дело касается Лариных ошибок. Господин Турм — в его объявлении стояло «делаю все» — и госпожа Пацак были единственной попыткой организовать какую-то регулярную помощь в домашнем хозяйстве четы Хоххаймеров.

Тогда они снимали квартиру на Цеппелин-аллее, и в обязанности господина Турма входило всего лишь выносить в контейнер старую бумагу (газеты, журналы, упаковку от бандеролей с книгами) и пустые бутылки, а также раз в неделю закупать по списку воду, пиво и консервы. В результате он не делал практически ничего, кроме того, что грузил Лару своими бесконечными эксцентричными умозаключениями по поводу социального добра и зла, перераспределения имущества и утопичного справедливого

общества. А госпожа Пацак, которой было поручено раз в две недели делать генеральную уборку тогда гораздо меньшей квартиры, уже после второго вымытого окна изнуренная валилась на кушетку и начинала жаловаться на лишний вес — следствие нарушений в работе ее эндокринной системы, а также на свою невестку, просила кофе, чтобы поднять упавшее давление, и бутерброды, и скоро Лара уже знала все о нелегкой судьбе каждого члена семьи Пацак и столько же об их страстном хобби — каждые выходные проводить в прицепе-даче в одном определенном кемпинге. Как раз когда в повествовании госпожи Пацак подошла очередь появиться ее соседям, Лара дружелюбно и «по поручению» Йе-Пе сообщила: мы хотим попробовать справляться с домашним хозяйством самостоятельно, ну, вы понимаете. Госпожа Пацак ничего не поняла и обиделась.

От гнета домашней прислуги приходилось страдать в основном Ларе, в то время как Йе-Пе досадовал, полагая, что жена сама виновата (ну, хорошо, не одна она, конечно) в том, что поиски домработницы постоянно дают сбой. Он желал ей только добра и поэтому в воспитательных целях, в конце концов этому нужно просто научиться, предоставил Ларе процесс улаживания рабочих отношений и увольнения.

— У нас же здесь не оптовая торговля прохладительными напитками, — продолжила Лара в очередной перерыв на чашку кофе.

Йе-Пе посчитал благоразумнее не отвечать на это замечание, чтобы не делать его предметом подробного разговора. Он хорошо знал жену и поэтому, хотя и помнил о ее цейтноте, не стал также спрашивать, как продвигается работа: во-первых, Лара не любила обсуждать процесс, пока не достигала хотя бы его середины, одновременно впадая в эйфорию удачи, а во-вторых, он и так видел, что продвигается плохо.

Лара решила наполнить бутылки из-под минералки обычной водопроводной водой. Почему, подсознательно пытаясь оправдаться, возмущенно спрашивала она себя снова, почему этот студент не позаботился о себе сам, не принес с собой ничего. Он же лучше знает свои привычки и потребности в питье, не ребенок, наверняка уже работал где-то, не у них же в первый раз. Хотя, возможно, в саду на такой жаре впервые. А может быть, другие в подобной ситуации предлагают напитки, а то и кормят. Все-таки она и Джи-Пи неопытные работодатели. Наверное, в глазах парня это выглядит жестоко. С искусственной улыбкой Лара водрузила бутылку с водой из-под крана на садовый столик. Испанец сказал только: да. И с задержкой в несколько секунд: спасибо. На минуту ей стало его жалко, но только на минуту.

На обратном пути к своему письменному столу Лара заглянула в комнату мужа. Он перебирал бумаги, закончив, вероятно, свой пазл из лекций.

— Я не могу спокойно работать, когда этот парень там вкалывает при тридцати шести градусах на солнце.

— Как раз чтобы спокойно работать, ты и хотела нанять кого-нибудь в качестве помощника. Теперь он у тебя есть.

— Почему он не перейдет в тень — там тоже есть что полоть. Я уже говорила, но он не реагирует — такой рассеянный. Слушай, а куда он ходит в туалет?

— Это его дело.

На следующее утро студент явился в оборванных джинсах с бахромой и с рюкзаком. Почти на час позже, чем договаривались.

— Ну, вы все-таки пришли? — Слова Йе-Пе прозвучали как-то снисходительно-приветливо, по-отечески.

Свой собственный облик в глазах студента Лара видела как привлекательный, лукаво улыбающийся, светлый образ — воздушная, почти обнаженная блондинка, излучающая прохладу при тридцати градусах в одиннадцать утра, при появлении которой ему непременно должна явиться

в воображении его испанская сумрачная родня женского пола и заставить невольно сравнивать: ее, Лару, с его недовольной матерью и тетками — старыми девами в черном с ног до головы. Но студент, похоже, ничего не замечал, припарковав велосипед (новенький, блестящий) и стащив с плеч рюкзак, объяснил в своей отрывистой, строгой манере говорить, что он не спал всю ночь.

Лара сразу подумала, что это из-за вчерашнего: парень вполне мог получить солнечный удар.

— Да, в жару тяжело спать, — сказала она внятно, даже чересчур, неестественно выговаривая слова — для иностранца. — Мы тоже плохо спим уже месяц.

Йе-Пе указал студенту сегодняшний кусок — в тени. Но вскоре, выглянув в окно, супруги обнаружили работника снова на солнце — на незаконченном вчера участке.

— Он своенравный, — заметил Йе-Пе.

— Вероятно, систематичный.

— Тем не менее он должен делать то, что я ему указал.

Лара тоже так считала. Выйдя чуть позже за почтой, она увидела на садовом столике наполовину опустошенную литровую бутылку кока-колы. Надеюсь, в рюкзаке есть еще одна, — подумала Лара с облегчением, почувствовав себя одновременно как-то угнетенно.

Она больше не могла разобраться в состоянии своей души, не справлялась с формулировкой собственных идей, не ладила с самими идеями, перепечатывала заново целые пассажи из сделанного вчера. Просто это было не очень удачное совпадение во времени — мучающийся от жары студент с голым торсом и доклад, от которого так много зависело: университет ее мечты — хотя и в другом городе, но есть удобная электричка — без пересадки, рабочий кабинет с видом на озеро, кафедра и соответствующая зарплата, штат лучших ассистентов. Уже прикинула, что ее не будет дома всего два-два с половиной дня в неделю, включая время на дорогу, — все идеально, и довольно ранний успех — заведующая кафедрой в сорок четыре года при том, что академическая карьера среди женщин все еще исключение.

Три предложения сложились неожиданно относительно гладко, но уже в четвертом Лара пять раз ошиблась, хотя оно не было особенно длинным. Студент работал почти под самым ее окном: то нагибался, то садился на корточки. Его ноги в спортивных туфлях, должно быть, уже сварились. Кожа на торсе была гладкой, без волос, цвета молочного шоколада, а там, где у Лары был маленький животик, у него была плоская впадина. Лара считала себя действительно стройной, а этот маленький, мягкий, круглый животик, который пропадал только утром перед завтраком в положении лежа, Джи-Пи очень любил. Она мысленно представила себе диалог с мужем: «У студента там вмятина (в то время, как Джи-Пи гладит и целует ее живот)». — «Он ведь юноша, а у девочек — маленькие сладкие животики». — «Лучше бы у меня тоже ничего не было (скользнув рукой вокруг пупка между маршрутами губ Джи-Пи). Я бы хотела иметь фигуру, как у юноши». — «Ну, что ты (весело смеясь), такой вариант мне не подходит…» и так далее.

Господи, я все время отвлекаюсь!

Около двух часов дня в сумеречной из-за опущенных жалюзи кухне появилась Лара — Йе-Пе как раз собирался открыть банку консервов. На ежедневный открытый вопрос, кто первый сдастся и приготовит перекусить — сначала нужно еще придумать, что именно, сегодня отвечал он. Чудесно, я как раз собиралась… — с воодушевлением начала Лара.

Кулинарный ответ Йе-Пе назывался «Мясо по-техасски». К нему прилагались початая вечером бутылка вина и неизменный йогурт на десерт.

Запасы продуктов таяли на глазах, но идти за покупками — нет, только не это — слишком жарко.

— Немилосердное солнце. Наш участок напоминает мне сегодня израильский ландшафт, — сказала Лара. — Сорняков больше нет, только эти дурацкие полуживые газонные растения. Что-то они слишком редко сидят. Может быть, студент кое-где случайно и их выдергивает?

— Более чем вероятно, — ответил Йе-Пе.

— Могу себе представить. Тут еще годами будет оставаться пустыня.

— Хм. Сегодня скорее похоже на субтропики — душно и влажно.

— Я имею в виду эту картину, — Лара указала подбородком в сторону окна, мимо которого как раз брел студент, волоча два пластиковых мешка, переполненных репрессированными сорняками, предназначенными в биоотходы. В ближайший понедельник Хоххаймерам наконец не придется смущаться перед мусорщиками из-за скудного количества с трудом собранных биоотходов, отправляемых на переработку. (Лара ответственно скребла по сусекам каждое воскресенье, и это вызывало у нее раздражение, портило настроение.)

В этот второй день пребывания студента в доме Йе-Пе дважды был смущен и озадачен, причем не без помощи Лары. Выглядело это довольно комично.

— Зачем ты вывесила свой пеньюар за дверью. Там же без конца снует этот парень.

— О, Джи-Пи, не делай такое лицо! — засмеялась Лара. Было около четырех, она стояла посреди кухни и наливала кипяток в чашку с кофе. Йе-Пе смотрел недоуменно. Лара спокойно объяснила, что ее ночные сорочки или другие интимные вещи не имеют никакого значения, потому что студенту на них абсолютно наплевать.

Йе-Пе был оскорблен. Белье жены, ее крошечные трусики все еще волновали его, были чем-то глубоко сокровенным. Лара была тронута, но эту чувствительность она находила немного странной и смешной.

Джи-Пи! Кажется, он серьезно боится, что этот кусок сиреневой материи на крючке там снаружи может вызвать у парня какие-то фантазии о его хозяйке.

— Дорогой, да мы для него — ископаемые!

— Все равно, это нехорошо.

— Я в матери ему гожусь. Если бы я рано начала… Подожди-ка, если ему примерно двадцать два, тогда я родила бы его в... Она почувствовала себя вдруг намного моложе, совершенно молодой, двадцатидвухлетней — так чудесно.

В то время как Йе-Пе, не дожидаясь кофе и бурча что-то под нос, удалился к себе, Лара решила проверить, как обстоят дела снаружи, и заодно по пути занести мужу чашку. Когда она вышла к студенту (все-таки без особого удовольствия — как всякий раз), чтобы порекомендовать работать в тени, он ответил, что солнце на него не влияет.

— Ну да, вы же испанец. — Настроение Лары моментально поднялось. — Собственно говоря, это лето — ваше, не наше. Просто пекло для нас. А вы привыкли.

— Я с севера Испании, — уточнил студент в своей манере — отрывисто, почти резко: нейтральное сообщение прозвучало как отставка. — Такая жара не характерна для нашего климата.

— В таком случае перебирайтесь все-таки в тень. Мы вам не раз предлагали. Тень постоянно перемещается, а сорняки повсюду. — В ответ студент попросил попить.

Когда Лара позже снимала ту самую пресловутую ночную рубашку, парень как раз заворачивал за угол — на этот раз только с одним мешком, —

Йе-Пе уже с первого дня установил, что он не умеет рационально работать. А очевидная склонность к систематичности ни разу не завела его в тень. Хозяйка улыбнулась работнику скорее из приличия, но в некоторой степени и с воспрянувшим желанием выглядеть в мужских глазах стройной и удивительно юной. Неожиданно он улыбнулся в ответ, в первый раз, и сказал:

— Да, эта работа тяжелая. Но я еще молодой.

— Это видно, — ответила Лара дружелюбно. Она стояла перед входной дверью с вешалкой, на которой болтался почти сухой маленький сиреневый пеньюар, с таким же минимумом материи на теле и щедро улыбалась, прикрывая глаза от слепящего солнца ладонью.

— Я могу это делать целый день, я же еще молодой. — На верхней губе слева у него было какое-то утолщение.

— Конечно, — сказала Лара и зашла в дом. Ей было внутренне непросто закрывать каждый раз за собой дверь, как бы отгораживаясь и перекрывая человеку доступ, хотя этому действию сразу предусмотрительно было дано объяснение: дверь не оставляется открытой и даже прикрытой только для того, чтобы не допустить повышения температуры внутри. Впрочем, похоже, заботы Хоххаймеров студента не интересовали. Он не был настолько чувствителен, чтобы не воспринимать как должное ограниченный контакт с работодателями. Все-таки он не очень симпатичен и не располагает к сочувствию. Это ощущение Лара мысленно дополнила язвительной приправой: он же еще молодой!.. Это его проблемы — когда и куда мочиться.

Во второй раз Йе-Пе был выбит из колеи и на самом деле разозлен, когда Лара зашла к нему в кабинет и прошептала (как будто студент мог слышать через закрытые окна, жалюзи и задернутые гардины):

— Сейчас я заметила, как он уже во второй раз выдернул культурное растение.

Йе-Пе встал из-за стола с видом человека, готового без лишних слов перейти к делу, но тут же его решительность увяла, и он лишь раздраженно спросил:

— Почему ты сразу ему на это не указала? Ты же снуешь вокруг него каждые пять минут!

— Я не могу.

— Да-да. Ты можешь только выступать в роли милой молодой хозяйки. Сама доброта! Конечно, очень удобно.

— Не такая уж милая и добрая — я даже ни разу не предложила ему сама питье! Лара была на грани признания в подмене питьевой воды водопроводной, что безусловно не понравилось бы Йе-Пе. Он был слишком порядочен для чего-то подобного. По сути это был обман, и возможно, студент его заметил.

Немного позже испанец потревожил супругов снова. Он позвонил в дверь и спросил, нельзя ли ненадолго воспользоваться туалетом.

Итак, все-таки.

— Разумеется. — Лара показала, куда. Она не могла отдать себе отчет, почему ей это неприятно. А мальчишка застрял там на целую вечность.

— Вот тебе и ненадолго.

— Оставайся поблизости, — сказал Йе-Пе. Я не хочу, чтобы он тут шастал по дому.

— Но мне нужно работать!

— Ты уже целый день профукала. Несколько минут тебя не спасут.

Через двадцать минут Лара появилась у Йе-Пе с иссякшим терпением: что он там делает так долго? Может, у него солнечный удар? И высчитывать ли потом такую большую паузу из почасовой оплаты? Наконец студент вышел и торопливо проследовал в сад.

— Не входи туда, я сам, — сказал Йе-Пе, имея в виду уборку туалета после гостя. «Ах, такие мелочи портят всегда настроение», — думала Лара, пытаясь снова сконцентрироваться на своем докладе о структурных техниках повествования, роли рассказчика и смене перспективы.

— Сегодня он опять без рюкзака, — сердито пожаловалась мужу Лара на третий день. Принес с собой только банку кока-колы.

— Он, наверное, думает, что у нас тут склад этой синтетической ерунды, — проворчал Йе-Пе, на этот раз разделяя мнение жены. — Ты ему не говорила, что мы обычно ничего подобного не держим?

— Неизвестно, насколько хорошо он понимает беглую разговорную речь, — предположила Лара. Я сказала, что это остатки с дня рождения, он ответил: «Все в порядке».

После обеда на чашку кофе заглянула соседка, вручив как входной билет корзинку перезрелых абрикосов. Что с ними делать, господи? Ведь сразу нужно перерабатывать. Кто этим будет заниматься?

— Очень мило с твоей стороны, тысяча благодарностей! — сказала Лара, видя перед собой не столько маленькие цыплячьего цвета плоды, сколько там-сям коричневые пятнышки на них. Эти — тронутые гнилью — она просто выбросила бы на месте, чертыхнувшись: «Приносит нам всякое дерьмо».

— Если вы спросите мое мнение, то из самых зрелых можно сразу сварить варенье или компот, а из остальных получится восхитительный пирог. Во всяком случае, я делаю так.

— Да, только знаешь, я работаю над докладом по литературоведению, нет времени на кухню, — сказала Лара. «И мы не спрашивали твоего мнения, — подумала она враждебно. — Нас вовсе не интересуют твои советы».

Йе-Пе, правда, выглядел довольным, что было связано с самим фактом подарка. Все, что приходило в дом само по себе, вызывало в нем чувство удовлетворения. Он не был жадным, но то, что ему ничего не стоило, сразу приобретало некоторую ценность и автоматически — его симпатию.

Соседка продолжала дальше таким же образом — «если вы спросите мое мнение», несмотря на то, что ее не спрашивали. И все про фрукты. У нее была другая концепция сада, которая позволяла лакомиться с весны: земляника, клубника, вишня, и вот теперь — абрикосы. Правда, и жила она здесь дольше — на доведенном до идеала еще предыдущим владельцем участке земли. Урожай абрикосов в этом году был такой обильный, что соседка не справлялась с его переработкой: переполненные соком плоды шлепались на землю и томились в духовке стоящего в зените лета, на которое перешла ставшая, наконец, общей тема разговора.

— Дождя, похоже, не предвидится, — констатировала Лара. — Где-то идет, судя по прогнозу, но у нас — степь. Меня уже тошнит от этого солнца.

Джи-Пи старательно рассмеялся, чтобы разрядить обстановку: если спросить на самом деле если-вы-спросите-мое-мнение-соседку, то поведение Лары она наверняка назвала бы эксцентричным.

Гостья подошла к окну и, раздвинув планки жалюзи двумя пальцами, некоторое время наблюдала за работой студента оценивающим взглядом знатока. Затем снова плюхнулась в кресло перед своей чашкой кофе, энергично теребя ткань на животе — вентилировала тело. Ее платье очень свободного покроя было широко вырезано на груди и вокруг подмышек, благодаря чему сверху открывался вид на пышную плоть в бледно-розовом бюстгальтере, которая напомнила Джи-Пи вареный лосось — одно из любимейших его блюд, находящееся во временной отставке из-за этой проклятой жары.

— Сразу видно, что парень ничего не понимает в этом деле, — кивнула Если-вы-спросите-мое-мнение в сторону окна.

— Он изучает биологию, — натянуто засмеялась Лара, чувствуя себя совершенно несчастной. В этот момент она как раз представляла, как вечером мелко порежет два-три абрикоса и зальет в пиале сладким молоком. Вот только когда она, наконец, сможет сосредоточиться на своем докладе?

— Биология — это еще не ботаника! Вы спрашивали, занимался ли он ботаникой?

— Насколько я поняла, он хочет специализироваться на технологии производства продуктов питания, — сказала Лара, пытаясь выключить виртуальный проектор, регулярно выстреливающий в сознание слайды с видами университета ее мечты, которые так душевно отвлекали от этой скучной, досадной знойной действительности.

— Откуда ты все знаешь? — Джи-Пи превратился в Йе-Пе.

— Что «все»?

— Ну, про продукты питания и все остальное.

Вечно его дурацкое недоверие, стоит мне только проявить к кому-нибудь внимание, — подумала Лара, но тут же вспомнила собственное поражение в истории с господином Турмом и госпожой Пацак — Йе-Пе имел основания к подозрению — и выдавила короткий смешок.

— Когда мальчик представился и сказал, что изучает биологию, я заметила, что это как раз сопутствует работе в саду, с чем он не согласился, потому что ботаника — не его специальность, ну и так далее. Неужели ты не помнишь? Тогда он и рассказал о своей будущей профессии, — Лара попыталась убедить мужа, что он тоже присутствовал при этом разговоре, но это прозвучало как-то несерьезно. Да еще эта фермерша тут сидит и наслаждается предвкушением чужой ссоры.

Этим летом с его стабильной экстремальной температурой бывали моменты, когда Ларе внезапно казалось, что она близка к помешательству. Сегодня утром во время исполнения упражнения утренней гимнастики — уже в третий или четвертый раз — Лара испугалась, что не сможет остановиться и так и будет бесконечно вращать правой ногой.

— Ну вот! С таким же успехом он мог бы изучать астрофизику! — торжествовала Если-вы-спросите-мое-мнение. — За те три минуты, пока я смотрела, он вырвал два полезных растения — совсем бестолковый.

— Уже говорили ему. Представь себе, от нас это тоже не ускользнуло.

— Несмотря на то, что у нас абсолютно нет времени глазеть в окно, — пробурчал Йе-Пе.

— Если такое случится, он обещал их снова вкопать.

— Посадить, — поправил Йе-Пе.

Несмотря на то, что супруги все еще сердились друг на друга, для чего, собственно говоря, не было причины, ни один не выдал соседке, что еще в первый день они обнаружили в куче сорняков пару дорогих благородных растений.

— Ну, те два, что я заметила, он, во всяком случае, не посадил назад до сих пор. Гостья не поленилась встать, чтобы приподнять жалюзи (солнце уже ушло на другую сторону) и удостовериться в собственной правоте. — Но даже если все-таки — вряд ли они приживутся в иссушенной почве.

— А мне уже наплевать. Абсолютно наплевать! — воскликнула Лара от всей души.

— За что мы тогда ему платим? Зачем мы вообще его пригласили? — спросил Йе-Пе.

— Попробовали — приобрели опыт. А на будущее — больше не будем пытаться сдерживать природу. — Лара встала, держа в руках пустую чашку из-под кофе. — Вот и все.

— Если вы так поступите, то скоро на самом деле будете жить, как ты выразилась, в степи, — строго возразила фермерша и примирительно добавила: — Вы не должны опускать руки. Первый год всегда тяжело.

— Я говорю Ларе то же самое, — вздохнул с облегчением Йе-Пе, благодарный за поддержку.

Лара тоже ухватилась за возможность получить почти профессиональную помощь:

— Послушай, поговори с мальчишкой. Дай ему указания насчет вырванных растений, и вообще, все, что считаешь нужным. У тебя это лучше получится. — Лара интуитивно почувствовала, как это польстит Если-вы-спросите-мое-мнение — дать ей почувствовать собственную важность, необходимость, незаменимость, дать возможность применить на практике накопленный опыт, проявить врожденные способности.

Соседка без проблем меняла одну домработницу за другой в поисках наиболее подходящей, негодных выставляла тотчас и без угрызений совести, кроме того постоянно опробовала разнообразную рабочую силу во всех уголках своего дома и участка (Лара подозревала, что она чуть ли не через день обращается в городское бюро по трудоустройству или центр занятости при университете). Если ее газон стриг филиппинец, а на мытье окон миниатюрная тайка сменяла иммигрантку из Польши, хозяйка имела полное право заявить: никто не может меня обвинить во враждебности к иностранцам, но… если вы спросите мое мнение, большинство из того, что для меня действительно важно, они просто не в состоянии понять. Соседка была прирожденной дрессировщицей.

Йе-Пе улыбнулся и кивнул в сторону жены:

— Да, работодательница из Лары — неважнецкая, ну, ты сама знаешь.

— Милосердие с определенной долей трусости не позволяют мне быть достаточно требовательной. Но ведь правда жалко его — там, на этом пекле. — В этот момент Лара снова вспомнила о водопроводной воде в бутылках из-под минералки. Она была уверена: при всей своей домашней жесткости Если-вы-спросите-мое-мнение никогда бы не сделала что-либо подобное.

— О каком милосердии ты говоришь? Прошу прощения, сколько парень получает в час?

— Пятнадцать, — ответили Хоххаймеры хором.

— Ну вот. Вполне нормальный тариф. Вам что-то от него нужно, ему — от вас, вы отдаете и получаете, и он отдает и получает. Ты — мне, я — тебе. Все абсолютно просто.

— Да, но отдавать ведь благодетельнее, чем брать. — Лара подумала, что сама делает и то, и другое с одинаковым удовольствием.

Соседка встала, отнесла свою чашку в кухню и вышла в плавящийся сад.

— Уф-ф! — выдохнул Йе-Пе.

— Теперь я уже совсем не уверена, что это была удачная идея — натравить ее на несчастного мальчишку.

— Ну, ты сама не знаешь, чего хочешь! — не выдержал Йе-Пе.

Проблема порядком надоела и утомила, и он решительно вернулся к работе с намерением нагнать потерянное время, чтобы все-таки выполнить дневную норму, в то время как Лара чувствовала себя потерянной, обделенной и преданной. Побрела на кухню. Взяла пару абрикосов и швырнула в мусорное ведро, даже не взглянув толком, тронутые порчей или хорошие: ей было все равно, главное — избавиться, скомкала газету и запихнула туда же. Раздражение немного улеглось, она сделала над собой усилие и вышла на балкон. Босая, сразу обожгла ступни о плитку на полу. Солнце атаковало, зажало тело в свои клещи. Дышать тяжело, как в парилке, — горло перехватывает. Преодолев внезапный (как утром во время гимнастики) панический страх сойти с ума, застрять в раскаленных тисках и в конце концов задохнуться, Лара подошла к перилам, чтобы увидеть соседку и студента. Фермерша непрерывно вещала, энергично указывая руками в различных направлениях, пока испанец не взялся за шланг и не перетащил

разбрызгиватель в тень. Лара невольно засмотрелась на веерообразный фонтан — волшебный влажно-воздушный павлиний хвост, покрывающий медленно, методично, терпеливо участок газона спереди назад, обратно и снова назад, и почти забыла о том, как невыносимо здесь находиться. Снова перевела взгляд на пару внизу: теперь, присев на корточки, соседка что-то показывала студенту. Можно было не сомневаться, что ее здоровая жизнеспособность подействует на парня успокоительно, и хотя энергичная дама определенно находилась в своей стихии укротительницы домашней прислуги, возможно, она представится ему вызывающей большее доверие, чем Хоххаймеры, и даже милой. Лара попробовала не думать вообще ни о чем. Испугалась внезапно подступившего ощущения пустоты в перегретой черепной коробке и вернулась в комнату. Здесь было прохладно, хотя перед выходом на балкон казалось, что душно.

Соседка заглянула в дверь, чтобы коротко попрощаться. К собственному удивлению, Лара пожалела, что та уже уходит, несмотря на то, что совсем недавно — за чашкой кофе — в голове только и вертелось: исчезни наконец!

— Было очень мило с твоей стороны помочь, спасибо за все. Может, еще посидишь — еще осталось много кофе в термосе — до вечера хватит.

— Я не представляю, как вы выдерживаете. Какое у тебя давление? Если вы спросите мое мнение, вы потребляете слишком много кофеина! — Кофе гостья больше не хотела, но получить заслуженную похвалу и дать пару ценных советов — это святое, время найдется всегда.

— Где твой муж?

— Наверняка снова за компьютером. Лекцию он уже закончил, но его попросили еще подготовить два доклада для иностранных студентов — сейчас как раз время летних курсов, насколько тебе известно. Вот такие у него каникулы.

— Ну, небольшой отпуск все-таки будет? У меня так совсем нет. В этом году я хочу подарить Хансу-Йохану воздушную прогулку на ДС-3 сороковых годов, ну ты знаешь. Настоящий английский ветеран. Вмещает двадцать восемь пассажиров. Час полета стоит 7840 швейцарских франков на всех. Ханс-Йохан слышал, будто бы бывших пилотов допускают к штурвалу. — Если-вы-спросите-мое-мнение картинно вздохнула, чтобы подчеркнуть значительность собственной жертвы ради такого подарка, и перешла снова к делу:

— Парнишка должен больше пить. Сама подумай: на солнцепеке быстро наступает обезвоживание.

— Ну да, он постоянно просит. — Лара опять почувствовала раздражение. — Это вообще нормально, что они ничего не приносят с собой?

— В том-то и дело, — многозначительно взлетели вверх брови.

— Диспетчер из центра занятости ничего не говорила насчет питания.

— Если вы спросите мое мнение, такие мелочи улаживаются мимоходом, как получится. У тебя дефицит напитков?

— Мы с головой в своих бумагах, я в цейтноте, да и ехать за покупками в такую жару… — Лара запнулась, прочтя на лице соседки, как несерьезно и нелепо звучат ее оправдания.

Лично она ездит на своем гольфике в город каждый день, а раз в неделю — на рынок. Жизнь продолжается независимо от того, умер ли кто-то, или погодные условия экстремальные. Она готова одолжить Ларе ящик минералки. Пиво ему давать не стоит: днем да в такое пекло.

Лара поблагодарила. Перешли к прощанию. Конечно, она не забудет передать привет Йе-Пе. Договорились, завтра утром кто-то из них зайдет и заберет ящик с водой. Всего наилучшего. Лучше некуда. Мне очень жаль. И спасибо за прекрасные абрикосы! Ну и что, что паданки. Сыплются с веток, как мертвые птицы…

Птицы не умирают у всех на виду, подумала Лара. Было бы неплохо что-нибудь выпить: заход солнца и легкий хмель примиряли ее с этим невыносимым летом.

В комнату мужа заглядывать не стала. Сначала немного алкоголя, чтобы заглушить неприятные ощущения — легкую дурноту, шуршащую внутри после визита соседки, и страх надвигающейся катастрофы. Пиво и джин справились со своей задачей вполне, однако доклад продвигался вперед не слишком скоро. На этот раз виной тому были опечатки. Идей — в избытке, но Лара путала или вовсе теряла буквы в каждом втором слове. Представив, что завтра утром увидит эту улику своего сегодняшнего легкого опьянения, это клеймо позора, она сдалась и свернула работу. Бросив взгляд за окно на загорелую блестящую от пота спину студента и следуя внезапному порыву, набрала телефонный номер Если-вы-спросите-мое-мнение. С аппаратом в руках в нетерпении прошлась туда-сюда по комнате, пока соседка не ответила:

— Госпожа Зендлинг слушает. — Это представление фамилией ее скучного мужа всегда казалось комичным и недостойным, как будто лишало женщину собственного «я» и ставило в один ряд с его моделями самолетов.

— Это я, Лара. У меня к тебе еще одна просьба, правда, большая.

— Да? — радостно-любопытно.

— Слушай, ты можешь его отослать? Дай ему сотню, и пусть исчезнет. Сделаешь это для меня?

— Могу я узнать: ты обсудила этот вопрос с мужем? — осведомилась строго Если-вы-спросите-мое-мнение, наслаждаясь собственной строгостью и выказывая живейший интерес — эти двое милых полоумных, сами того не подозревая, устроили ей настоящий праздник! Но к делу — серьезно, из самых лучших побуждений и только во благо дружественных соседей: — Но парень не так уж плох! Теперь, когда я ему все растолковала…

Я не хочу одалживать у тебя воду и не хочу больше его видеть, подумала Лара. Фонтан на газоне по-прежнему распылял свои размеренные изысканные веера вверх-вниз, вперед-назад. Внезапно Лара почувствовала внутри абсолютное спокойствие — в первый раз за эти три идиотских, испорченных дня.

— Так ты говорила с Йенсом-Петером об этом? — настаивала соседка — если бы спросили ее мнение, то сложившуюся ситуацию она назвала бы чреватой последствиями глупостью.

А Лара в этот момент мысленно праздновала победу. Она получила вожделенную кафедру. Она смотрела на павлиний хвост фонтана, старательно поливающий все эти благородные газонные растения и оставшиеся сорняки в придачу, но видела перед собой прекрасное озеро — из окна своего нового служебного кабинета.

— Конечно, я поговорила с ним, — ответила Лара.

ДОРИС ДЁРРИ[1]

Манна

В воскресенье утром без четверти шесть Лили зовет меня. Ее крик врезается в мой сон, как нож циркового метателя. Мозг пронзают молнии, желудок сводит спазм, сердце трепещет. Не открывая глаз, я жду следующего крика. Проходит несколько минут, и как раз когда мои мышцы расслабляются и я снова начинаю погружаться в темный пуховый сон, она завывает, как волк. Я скатываюсь с постели и плетусь, как зомби, по холодному паркету в ее комнату. Сладковатый запах детского сна и ночной неожиданности бьет мне в нос. Я открываю один глаз. Она стоит за барьером взятой напрокат кроватки и протягивает ко мне руки.

— Доброе утро, злая колдунья, — говорит она, — я Белоснежка.

Я переношу ее в свою постель. Дверь в гостиную открыта. Джим лежит на диване, его голые вялые руки свисают. Теперь он почти всегда спит на диване. Мы даже перестали это обсуждать. До рождения Лили, почти три года назад, мы даже не представляли, что можем провести хотя бы одну ночь раздельно. Три года назад мы многое себе не представляли. Наша совместная жизнь начиналась, как маленький, медленно катящийся снежный шарик, на который теперь налипает все: каждый спор, каждая банальность, каждое сомнение, и он становится все больше и разгоняется все сильнее, так, что когда-нибудь этот огромный ком подомнет под себя и раздавит все.

По вечерам, поцеловав Лили на ночь, мы вместе убираем игрушки, наводим порядок на кухне и, обессиленные, расходимся в разные комнаты. Он смотрит телевизор, я читаю, часто засыпаю, даже не пожелав ему «спокойной ночи». Иногда — редко — мы находим друг друга в темноте, как два случайных прохожих, чьи пути нечаянно пересеклись. Даже лучше, когда мы при этом как чужие. Если я очень устала, то только и думаю: «Давай скорей, я хочу спать». Если раньше я думала только о еде, то теперь — только о сне.

— Поспи еще немного, — говорю я Лили. Она ластится ко мне.

— Молока, — шепчет она мне на ухо.

— Сейчас, — отвечаю я.

— Молока, — повторяет она.

— Подожди чуть-чуть, еще совсем чуть-чуть, — бормочу я, пьяная ото сна.

— Молока! — орет она.

Натыкаясь головой на лампу, я встаю, бреду на кухню, одним махом выплескиваю холодное молоко в кастрюльку, удивляясь сама себе, как набила руку, точно угадывая, сколько молока войдет в бутылочку — до капли. Становясь матерью, человек открывает в себе странные способности. Я включаю плиту, опускаю палец в молоко и жду, пока оно не подогреется до комнатной температуры. Вот так и стою: с закрытыми глазами, в ночной рубашке с коричневыми кенгуру на зеленом поле, палец в молоке. Я вижу себя со стороны в этой позе, как гипсовую статую в музее. На маленькой металлической платформе, на которой закреплена моя левая, слегка отставленная нога, написано: МАТЬ.

---

[1] From: Doris Dörrie. Mitten ins Herz.

— Сока, — говорит Лили, когда я вхожу в комнату с бутылочкой, — я хочу сока.

Всучив молоко дочери, я снова ложусь в кровать. Она швыряет бутылку на пол. Ей повезло, что она не вылилась.

— Я тебя предупреждаю, — говорю я.

— Я хочу сока! — ревет Лили.

— Таким тоном не просят, — говорю я и приношу ей стакан сока.

Лили не берет, отворачивается.

— Я тебя предупреждаю, — повторяю я.

— Я хочу молока.

— Ну так возьми и принеси себе.

Я ложусь опять. Голова гудит, глаза болят. Она плачет прямо мне в ухо, разъяренная, дрыгает ногами и попадает мне в живот. Я вскакиваю, хватаю ее, зажав под мышкой, как сумку, отношу в детскую и, оставив в кроватке, захлопываю за собой дверь. Она неистовствует.

Дрожа от бешенства, я снова иду в постель и кладу себе на голову подушку.

Она орет громче. Громче, чем когда-либо, как будто только что обнаружила какой-то прием, позволяющий использовать голосовые связки на полную мощность.

Я слышу в прихожей тяжелые шаги Джима. Злой, он рывком открывает дверь детской и рычит:

— Что здесь происходит?!

Лили молниеносно переключается:

— Папа, — всхлипывает она, — папа.

Я представляю, как она сейчас жалобно протягивает к нему ручки. Я слышу, как он пытается увещевать ее: он устал, я устала, утром, когда другие спят, нельзя кричать.

— Почему? — спрашивает Лили.

— Потому что сегодня воскресенье, — отвечает Джим.

— Но ведь уже светло, — возражает Лили.

— Все равно, — говорит Джим.

Лили громко плачет.

Джим заходит ко мне и спрашивает, не разрешу ли я ей вернуться ко мне в постель.

— Молока, молока! — кричит из детской Лили.

— О господи, — стонет Джим, — который час?

Он наклоняется надо мной, придавливает мою ногу под одеялом.

— У меня болит живот, — орет Лили в ярости, — я хочу молока!

Джим вручает мне ее, как посылку. Без звука дочь оборачивает ко мне лицо: на ее щеках слезы, они застыли на месте, как стеклянные бусины.

— Мама, — говорит она тихо, — молока.

Я сползаю с кровати на холодный пол и приношу бутылочку.

— Если ты не будешь пить, оно исчезнет, — добавляю я.

— Куда? — спрашивает дочь.

В шесть часов двенадцать минут я лежу в гостиной на ковре. Я младенец. Лили — моя мать. Джим на диване с закрытыми глазами, лицо поделено на две половины — старую и молодую: одна щека примята подушкой. Я вижу Джима старым безмолвным человеком, пугаюсь, слегка касаюсь рукой его щеки. Уловка срабатывает: неприязнь сменяется нежной симпатией, так же, как мы теперь, бывает, иной раз без желания обнимаем друг друга в надежде, что из этого объятия возродится прежнее знакомое чувство. Затаив дыхание от страха, мы прислушиваемся, как будто рядом что-то умирает. Куда бы мы ни бросили свой взгляд вокруг, у всех пар, которые мы знаем, уже мертво. У них у всех дома смерть. Они наблюдают за нами с многозначительной улыбкой и ждут — умрет и у нас.

Лили задирает ночную рубашку и прижимает мою голову к груди:

— Соси.

Я вдыхаю ее нежный кисловатый детский запах, и внезапно меня захлестывает, как ослепительный свет, ощущение счастья.

— А теперь спать, — говорит Лили, идет к двери и с грохотом захлопывает ее за собой.

Я знаю, что теперь, чтобы не испортить игру, я должна плакать. И я реву громко, как умею. Джим стонет и переворачивается на другой бок. Дочка приоткрывает дверь и просовывает руку сквозь щель.

— Ты видишь мою руку? — спрашивает она из-за двери. — Я здесь.

Я продолжаю кричать, Лили возвращается.

— Ну, что опять? — спрашивает она, подбоченясь. — Сейчас я рассержусь, предупреждаю тебя.

Она копирует мою интонацию, но ей не хватает моей эмоциональности, злости. Лили смотрит неуверенно. Я ору дальше и дрыгаю ногами.

— Ну, что ты хочешь? — спрашивает она тихо и гладит меня.

Без сомнения, она лучшая мать, чем я.

— Я малыш-монстр, — отвечаю я.

— Мама-монстр, — поправляет лаконично дочка и садится на ковер.

В доме абсолютная тишина — воскресная тишина. Мы молча рассматриваем спящего Джима. Двое взрослых и ребенок воскресным утром. Я не могу вспомнить, как я сюда попала.

— Мы хотим организовать вылазку, — тормошим мы Джима.

Тот бурчит что-то.

— С тобой, — добавляет Лили.

Полтора часа понадобилось нам, чтобы выбраться из города. Я распеваю кровожадные детские песенки про застреленных лисичек, зайчиков и кукушек, про задохнувшихся, утопленных, заколдованных и съеденных негритят, шесть раз подряд читаю вслух одну и ту же детскую книжку и сто раз здороваюсь с куклой-бибабо.

— Хочу мороженое! — кричит Лили.

— Попозже, — отвечаем мы с Джимом в один голос.

Я вижу только его затылок, черные кудри на воротнике его кожаной куртки, тонкие уши, уверенную руку на руле.

— В шурум-бурум домишке, — бубню я монотонно.

— Пой красиво, — приказывает Лили.

— Поют и танцуют мышки, и лают улитки в домишке…

Мы действуем Джиму на нервы. Я действую ему на нервы. Я вижу это по тому, как он дышит: длинный осознанный вдох и выдох, вдох и выдох.

В темпе улитки мы продвигаемся вперед. Я вижу других матерей в других машинах, они поют, разинув рты, раздают конфеты, уговаривают визжащих детей. Отцы за рулем смотрят стоически-молча перед собой.

Почему я должна петь? Я тоже хочу помолчать, погрузиться в себя, словно в горшок с медом. Почему всегда только матери должны говорить, петь, ругать и утихомиривать?

— Пой дальше, — просит Лили.

Мы въезжаем в туннель и попадаем в пробку. Джим закрывает окна и глушит мотор.

— Прости, — говорю я, — эта вылазка была идиотской идеей.

Он ничего не отвечает.

— Поехали дальше! — кричит Лили, потом затихает.

Я тоже молчу, уставившись в темные бетонные стены тоннеля вокруг нас. Поодаль светится зеленая лампочка с изображением маленького человечка, бегущего к выходу. Лили смотрит на меня, ее большие глаза блестят в темноте. Каждый ждет наедине с самим собой.

— Нузей, — шепчет Лили, и только я знаю, что она имеет в виду музей, куда мы с ней вдвоем столько раз сбегали по воскресеньям зимой, когда маленькая

квартирка превращалась в преисподнюю, а погода не позволяла пойти на улицу гулять.

Там есть одна световая инсталляция: совершенно темное помещение, горит лишь один слабый зеленый огонек. По мере того как там находишься, начинает казаться, что он становится ярче. Через какое-то время можно уже различать контуры других посетителей, а потом даже их лица.

Между прочим, то, что мы с Джимом все еще вместе, я отношу на счет этой инсталляции. Именно там у меня появилась надежда, что мы когда-нибудь выйдем из окружающей нас темноты и увидим себя такими, какие мы есть на самом деле, и поймем, что мы все-таки любим друг друга.

Один раз в музей пришел африканец со своим немецким другом. В темное помещение он не пошел, как его друг ни уговаривал. «Нет, — смеялся он, — туда я не пойду, это опасно, нет и еще раз нет».

Дверца кабинки закрывается с легким толчком. Канатная дорога приходит в движение. Люди переговариваются в ожидании. Кабина медленно поднимается, открывается вид вокруг. Справа проплывают замки Нойшванштайн и Хоэншвангау, Альпийское озеро сияет, как огромный голубой глаз, перед нами горы, позади долина.

Мы добираемся наверх. У сувенирной лавки перед витриной морозильника Лили бросается на землю и кричит:

— Я хочу мороженое!

— Так — нет, — отвечает Джим.

— У меня болит живот, — плачет она, — я хочу мороженое!

— Если болит живот, мороженое нельзя,— подчеркнуто спокойно говорит Джим.

Я вижу, как пульсирует сонная артерия у него на шее.

— Дорогой, — говорю я тихо, — лучше купи ей это мороженое, иначе начнется ад на земле.

Он зло смотрит на меня:

— Почему я всегда получаю от тебя нож в спину?

— Бедный ребенок, — вставляет проходящая мимо пожилая женщина.

Джим рывком поднимает продолжающую свое выступление брыкающуюся Лили, сажает ее себе на плечи и направляется прямиком к кресту на вершине горы.

— Я хочу мороженое! — визжит Лили и колотит Джима кулачками по голове.

Спотыкаясь, я плетусь по крутой каменистой дорожке позади них. Как горошину в туфле, чувствую я при каждом шаге раздражение Джима, вижу его в складках рубашки и по тому, как он, опустив голову, ожесточенно переставляет ноги.

Навстречу нам попадаются веселые, смеющиеся дети с веселыми, смеющимися родителями. Они смотрят на нас с осуждением, я опускаю глаза, и мы продолжаем наш путь молча, с ревущим ребенком на руках. Крест еще далеко.

— Что мы там наверху не видели? — спрашиваю я так тихо, что Джим вполне может сделать вид, что не слышит.

Он останавливается и смотрит на меня. С его лба стекают капельки пота, которые я бы, конечно, промокнула, если бы в этот момент любила его.

— Хорошо, — говорит он, — пойдем обратно?

— Я не знаю, — бормочу я.

Мы оба молчим.

— Я хочу мороженое, — скулит Лили.

— Если мы сейчас вернемся, то, по крайней мере, не попадем опять в пробку, — говорю я.

— Как хочешь, — отвечает Джим равнодушно.

Я отворачиваюсь, чтобы не ударить его кулаком в лицо. Мне хочется бить их обоих. Бить, пока они не замолчат, не перестанут двигаться, не станут мне чужими.

— Ты же не хочешь туда, я же вижу, — говорю я.

Он смотрит в сторону. Его профиль на фоне голубого неба выглядит весьма импозантно. Я знаю, что он сейчас мечтает снова стать холостяком, одиноким мужчиной, который поднимается на гору, когда захочется ЕМУ.

— Это была неудачная идея? — спрашиваю я тихо.

Осознав сразу суть вопроса, он медленно поворачивает голову. Я жду ответ, как неотвратимую пощечину.

— Я не знаю, Ханна, — говорит он наконец и задумчиво смотрит на меня, — я просто не знаю.

У меня в ушах набухает звук, он нарастает до тех пор, пока не превращается в пронзительный свист, как в испорченном телевизоре.

Джим стоит с опущенной головой, не шевелясь, — как лошадь. Он ждет, что решение приму я и вину на себя приму тоже я. Вину за все несчастья. В судьбе трех человек. Свист в моей голове становится выше, выше, еще выше, это уже не звук, а только одна боль.

— Хорошо, — восклицаю я, — пойдем дальше. Все дальше и дальше, пока от нас ничего не останется.

Без звука он разворачивается на каблуках и поднимается по узкой тропе. С опущенной головой я тяжело иду следом, видя перед собой только пятки его механически передвигающихся ботинок.

— У меня болит живот, я хочу мороженое! — ревет Лили.

До вершины горы она повторяет эту фразу еще шестьдесят семь раз. Я считаю про себя, пытаясь оставаться безучастной, считаю, как считают машины на оживленных перекрестках или деньги у банковского окошка. Я поражаюсь ее настойчивости и выдержке.

Джим останавливается так внезапно, что я чуть не налетаю на него. Поднимаю голову. Мы наверху.

Вдали блестят ледники. Воздух разреженный и сладкий на вкус. Открывающийся вид перехватывает дыхание.

Рядом с белым крестом, заслоняя панораму, медленно извивается в танце обнаженная по пояс женщина. Двое молодых людей в зеркальных солнечных очках и бейсбольных кепках в недоумении уставились на нее. Другая женщина, с нанизанными на длинные седые пряди волос бусинами, продает разложенные на платке травы и кристаллы. Джим ставит Лили на землю и достает сигарету. На меня он не смотрит.

— У меня болит живот, — повторяет Лили, — я хочу мороженое.

Я решительно направляюсь к седой женщине и спрашиваю, есть ли у нее что-нибудь от боли в животе. Она рекомендует мне «манну», отламывает от длинного темно-коричневого засушенного стручка маленький кусочек и дает Лили, остаток сует мне. Лили кладет кусочек в рот, начинает жевать, затем выплевывает и с воем бросается на землю. Седая выглядит обиженной. Она наблюдает за Лили, как за странным животным, потом, показывая на гологрудую, говорит, что мы должны спросить у Йеллы, она умеет делать массаж.

Держа Лили за руку, я направляюсь к танцующей. Ее бюст выглядит далеко не таким молодым, как издалека. Она заканчивает сложное па и подходит к нам.

— Боли в животе, — говорит Йелла, наморщив лоб. — Твой ребенок посылает тебе какое-то сообщение.

— Да, — соглашаюсь я, — о том, что у нее болит живот.

Йелла поднимает брови и меняет тон на деловой.

— Положи руку ей на солнечное сплетение, — советует она, — а вторую на солнце.

Я смотрю на нее, ничего не понимая. Йелла подходит к Лили, чтобы показать наглядно, что она имеет в виду, но Лили начинает истерично визжать. Тогда Йелла кладет правую руку на живот мне, а левую вытягивает высоко над головой в направлении солнца.

— Дай энергии солнца проникнуть в твоего ребенка, — говорит она.

— Я хочу мороженое, — ворчит Лили.

За свой совет Йелла хочет денег.

— Сколько? — удивленно уточняю я.

— Во сколько ты сама оцениваешь мой совет.

Чтобы ее не обидеть, я предлагаю двадцать марок. Йелла, кажется, шокирована.

— Двадцать марок, — сопит она недовольно, но я, всучив ей деньги, хватаю Лили за руку и ретируюсь.

— Ты еще не заплатила за манну, — кричит мне вслед седая, — семнадцать пятьдесят!

Кипя от негодования, я оплачиваю и манну.

Сидя на камне, Джим наблюдает за мной с ухмылкой. Я подхожу и протягиваю ему сухой стручок.

— Вот, — говорю я, — манна. Манна небесная.

Он откусывает кусок, жует и улыбается мне легко и неожиданно, все шире, улыбкой, предназначенной именно мне.

Я валюсь на землю, протискиваюсь между его ног и кладу голову ему на грудь.

— Манна для Ханны, — говорит он и проталкивает маленький кусочек мне между губ.

На вкус это похоже на древний пыльный инжир. Я закрываю глаза, на черном фоне мельтешат красно-оранжевые точки.

— Я хочу мороженое, — доносится голос Лили.

— Если она повторит еще хоть раз, — шепчет Джим мне на ухо, — то я за себя не ручаюсь.

— Семидесятый, — бормочу я, — это был семидесятый раз.

Я кладу голову ему на ногу и вдыхаю с джинсов запах стирального порошка.

Толстая женщина в шортах и футболке, с огромной золотой сумкой через плечо, пыхтя, взбирается на вершину горы, останавливается возле нас, смахивает со лба мокрые от пота волосы. Золото ее сумки искрится и слепит глаза, я зажмуриваюсь, отворачиваюсь, прячу лицо у Джима на груди.

— Я хочу мороженое, — слышу я Лили издалека.

— Семьдесят один, — говорит Джим, и его голос вибрирует.

Он гладит меня по затылку. Я расстегиваю одну пуговку на его рубашке и, закрыв глаза, целую его грудь. Мое тело тает. Я чувствую его дыхание в своих волосах. Джим кладет руку мне под платье на грудь. Я чувствую, как напрягается его тело, вдыхаю запах его кожи, от которого у меня внезапно выступают слезы. Тоненькие ручейки из глаз стекают ему на грудь. Крепко, крепко, крепко сжимаю я веки и проваливаюсь в темноту. Совершенно отчетливо я вижу нас троих, Джима, Лили и себя, словно сфотографированных со вспышкой на фоне черной стены. Мы беремся за руки и прыгаем все вместе в безмолвную мягкую черноту. Мы падаем все глубже. Мы не чувствуем страха.

Лили издает истошный вопль. Как удар током, пронзает он мое тело. Я вскакиваю.

— Лили! — ору я, еще не успев открыть глаза.

Она держит в руке мороженое на палочке красно-оранжевого цвета — оно светится, как маленькое солнышко, — и осторожно протягивает к нему язык.

Толстая женщина закрывает свою золотую сумку и кивает Лили. Кряхтя, на вершину добирается лысый мужчина в красной клетчатой рубашке и останавливается рядом.

Толстая женщина еще раз, молча, открывает свою золотую сумку и протягивает ему покрытую ледяными каплями банку пива. Мужчина вскрывает банку, пьет, стонет от удовольствия и восклицает:

— Ах, как же хорошо здесь наверху!

Перевод с немецкого Юлии САВРИЦКОЙ.

Сближал народы и культуры

Рышард Капустинский родился в Пинске 4 марта 1932 года. Пинск тогда входил в состав Польши. Его родители были учителями начальной школы, постоянного места не имели, поэтому снимали квартиры в разных местах. Но дом, в который въехала семья Капустинских, когда Рысеку исполнилось три месяца, к счастью, сохранился. В 2007 году, к 910-летию Пинска, на доме, где жил будущий выдающийся польский журналист, писатель и поэт Рышард Капустинский, установлена мемориальная доска.

В 1940 году будущий журналист и писатель с сестрой и матерью, которая распродала все, что можно было продать, чтобы купить лошадь, на подводе выбираются из советского Пинска в центральную Польшу, где и находят отца, мобилизованного в сентябре 1939-го в армию.

Военное детство, Варшавский университет, работа спецкором Польского информационного агентства «ПАП» в странах Азии, Африки и Латинской Америки. С блокнотом репортера Р. Капустинский побывал практически во всех «горячих точках» планеты, был свидетелем 27 революций, 12 войн, 12 раз приговаривался к смерти…

Широкую известность Рышард Капустинский снискал еще в начале 60-х прошлого столетия благодаря своим непревзойденным репортажам. Статьи и очерки тех лет сразу же после публикаций в прессе выходили отдельными книгами: «Буш по-польски», «Черные звезды», «Киргиз слезает с коня», «Еще день жизни» и другие. Лучший польский журналист XX века, почетный профессор Варшавского и Краковского университетов, обладатель премии принца Астурийского «За творчество, способствующее сближению разных народов и культур», дважды номинировался на соискание Нобелевской премии, автор многих книг, которые и после смерти Рышарда Капустинского переводятся и выходят в разных странах.

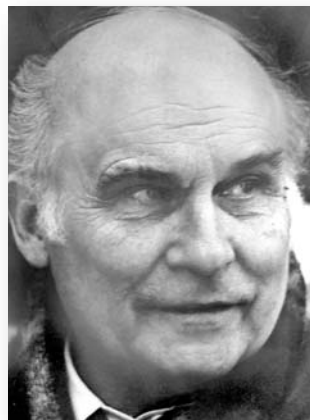
Мировую известность Рышарду Капустинскому принесли книги «Цезарь» (1978) — о падении режима царя Хайле Селласье в Эфиопии и книга «Шах-ин-Шах» (1982) — о дворе последнего иранского шаха Резы Пехлеви.

В 1989—1991 гг. Рышард Капустинский много раз бывал в СССР, он проехал более 60 тысяч километров, провел почти две тысячи бесед. Созданная на этой основе книга «Империя» закрепила за Капустинским еще большую славу писателя-документалиста. В 1994-м «Империю» публикует журнал «Знамя». Книга открывается главой «Пинск, 39», в которой глазами семилетнего мальчика описаны ужасы начала Второй мировой войны. При жизни писателя «Империя» была издана более 20 раз, «Цезарь» — более 30, «Шах-ин-Шах» столько же. Их автор стал самым переводимым польским писателем XX века.

Рышард Капустинский сегодня известен миру и как поэт. Кстати, именно благодаря стихам, опубликованным в польском еженедельнике «Сегодня и завтра», и был, что называется, замечен талантливый юноша. Эта публикация стала отправной точкой дальнейшего, без преувеличения, большого творческого пути репортера, писателя и поэта Рышарда Капустинского. И хотя при жизни он издал всего два стихотворных сборника «Записная книжка» (2005) и «Законы природы» (2006), поэтическому творчеству Рышард Капустинский всегда уделял особое, трепетное внимание.

Умер Рышард Капустинский 23 января 2007 года в Варшаве. Похоронен на кладбище «POVOAZKY» на «ALEE ZNANYCH».

Валерий ГРИШКОВЕЦ

РЫШАРД КАПУСТИНСКИЙ

Застывшее пламя

* * *

Я так далеко ушел от себя
что уже ничего не могу сказать
относительно собственного «Я»
что чувствую
когда мокну под дождем
или когда превращаюсь
в стебель сухой травы
выжженной солнцем
не могу отыскать
самого себя
описать свою личность
назвать ее
дать гарантию
что существую

* * *

Может быть «наивысшее»
высказывается молчанием?
Как космос?

Слово
это мираж
попытка поймать
неуловимое

есть подозрение
слова
как фальшивые дорожные знаки
ведут в тупик
вводят в искушение

Проволока

Ты пишешь о человеке в тюрьме
я о тюрьме в человеке
у тебя колючая проволока вьется снаружи
у меня проволока клубится в каждом из нас

думаешь эта разница такая уж большая?
это две стороны одной и той же муки

люди на остановке на улице Вольской

Скульптор из Асганти

В пне тысячелетнего дерева
ищет пару глаз

режет
долотом снимает первый слой
ничего не находит
сверлит

все более нетерпеливый
смотрит но
ничего не видит
отдирает деревянное веко
но не находит зрачка

добирается до сердцевины

натыкается на пару глаз
не может оторваться
повергнутый в ужас

* * *

Уходя в Варшаву
сказал
ничего не бойся подумаю и о тебе
надо только оглядеться что и как

через год написал
приезжай
что-то наклевывается
сидел в кабинете с орлом на стене
лоск и все такое
пани Боженка принесла два кофе
нарезанный лимон
в такую погоду весьма хорошо
пей
день стекал водой по стеклам
люди на остановке прятали головы
прятали себя

можешь начать уже завтра
ничего сверхъестественного
только бы зацепиться

конечно будь осторожен
в этом здании везде скользко
неосмотрительный шаг и лежишь
высшая школа езды

его смех был невеселым
потом вызовем Генку и Владика
порядочные ребята
пусть поживут приличной жизнью

когда будет нас больше
пробьемся
надо только докопаться до того
указал пальцем куда-то за стену
хмуро сдвинув брови

видимо тот все еще был силен
еще мог уложить на лопатки

поэтому сразу перешел к наставлениям
го-го смеялся
можешь быть
уверен
тебе не грозит дисквалификация
слишком пассивна твоя позиция на мате

* * *

Памяти А. С.

Пустое место?
но я вижу
линию головы
плеч
бедер
несмотря на возраст стройный силуэт

смотрит
большие темные глаза
остальное воздух

Законы природы

В этом месте земля прогибается
образуя долину
по которой бежит река

узкое русло
ищет большую воду

это видно даже на школьных картах
хочет погрузиться в морские глубины
погибнуть в зеленых пучинах

и вот уже становится океаном
грозным и опасным
поглотит смелого
безрассудного
потерпевшего кораблекрушение

останутся законы природы
после жизни смерть
в конце солнечной долины
Стикс и ледяной мрак

в пропасти океана
тонет какая-то следующая река

* * *

Поэзия — святыня
в ее прохладе
ум начинает разгораться

стихи —
застывшее пламя

* * *

Кобальтовый хребет реки
медленно передвигается в зарослях
как изнуренное животное
что несет свою раскачивающуюся тушу
в сторону невидимого водопоя

Смерть

Находится где-то рядом
где-то здесь ходит
кружит и вертится
всегда в движении
с собственным списком адресов

у нее крепкое сердце
не жалуется на усталость
не впадает в депрессию
нет у нее времени на хандру
образец здоровья

у нее хорошее зрение
зря надеяться что не заметит

у нее хорошая память
не обольщайся что вдруг забудет

она внимательна
очень собранна
само совершенство

расставаясь подала мне руку
пальцы были вялые как падшие листья
в жаркий летний день
меня пронзил холод осени

* * *

Корни располагаются вертикально
исчезают в земле
углубляются долбят отверстия
их быт невидимый и темный
пробуют раздвинуть песчинки
камни скалы
проникнуть сквозь лаву и минерал

выброшенные на поверхность
бездействуют усыхают
их суковатые пальцы вытянуты в небо
их молитва сбивчива
ее нельзя понять
опыт корня:
жизнь
проникновение в глубину

Ламполла, 24. 01. 2006

Надо мной хмурое небо
передо мной сквер с пальмами
а дальше залив
сгорбленный рыбак распутывает сети
море замкнутое в себе
молчащее и серое
Ресторан
Официант разносит красное вино
улицы пусты
редко проезжают автомобили
(«на улице в авто записываю
чтобы ничего не потерять» — Чеслав Милош)

Перевод с польского Валерия ГРИШКОВЦА.

ВЯЧЕСЛАВ АФАНАСЬЕВ

В поисках славянских древностей

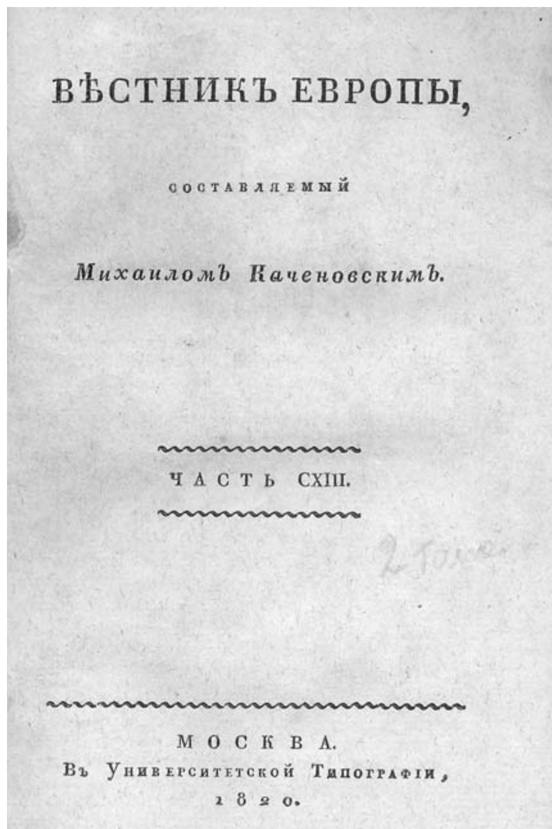
Каждый раз бывая в Москве, а одно время по работе мне приходилось ездить туда часто, я непременно посещал букинистические магазины, что находились на Кузнецком мосту, где порой меня радовали каким-нибудь раритетом. Благодаря этим визитам мне посчастливилось приобрести несколько редчайших изданий, об одном из которых я и хочу рассказать.

Помнится, это было в «Лавке писателей». Зная мое увлечение, хозяин магазина предложил мне ознакомиться с комплектом журнала «Вестник Европы» за 1820 год. Основанный в самом начале XIX века Н. М. Карамзиным, этот журнал пользовался большим спросом у образованной русской публики. Но особой популярностью это двухнедельное издание стало пользоваться в то время, когда редактором был Михаил Каченовский — ординарный профессор, доктор философии, действительный и почетный член разных ученых обществ. Было это с 1805 по 1830 годы, с небольшими перерывами в 1808—1809 и 1813—1814 годы. Зная приверженность Михаила Трофимовича к славистике, и особенно популяризации им достижений зарубежных и русских ученых в этой области, в частности, И. Добровского, Б. Линде, Г. Бандке, В. Караджича, А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, М. Бобровского и других, я, долго не раздумывая, приобрел комплект этого журнала и не раскаиваюсь, несмотря на его высокую цену.

Дело в том, что уже в 17-м и 18-м номерах этого комплекта под рубрикой «Изящные искусства, наука и литература» был помещен материал, который привлек мое внимание своим необычным названием: «Извлечение из плана путешествия по России для отыскания славянских древностей». Ему предшествовало небольшое редакторское вступление, написанное, по-видимому, самим М. Т. Каченовским, которое я привожу здесь полностью: «Сочинитель сего плана, г. Ходаковский, удостоился получить вспоможение от щедрот Монарших и в скором времени приступит к исполнению своего полезного предприятия. Сообщив редакторам других журналов копию с плана, он желает, чтобы статья его была напечатана и в Вестнике Европы. Разные причины не дозволяют нам поместить план г-на Ходаковского во всей полноте его; но мы воспользовались дозволением почтенного Автора сделать некоторые поправки в слоге и предлагаем статью его в сокращении. Желающие прочитать план сей в полноте, без всякого исключения, найдут его в «Сыне Отечества» текущего года. Весьма неохотно повторяем то, что уже напечатано в другом журнале; но почтенный Ходаковский желает, чтобы Российская публика, если можно, повсюду была предуведомлена об ученом его путешествии и чтобы полезные его изыскания находили себе нужную помощь и благоприятство. Рдръ».

Поскольку редакция «Вестника Европы» не сообщила никаких биографических сведений об авторе публикуемой ею статьи, моей первоочередной задачей стало узнать как можно больше сведений о Ходаковском, личность которого мне тогда ничего не говорила. В результате многолетних поисков мне удалось собрать очень много материалов и документов о жизни и деятельности этого человека, которые я предлагаю вашему вниманию.

Настоящая фамилия Ходаковского — Чарноцкий, а имя — Адам. Родился он 4 апреля 1784 года в деревне Подгайнов Минского воеводства, в семье мелкого шляхтича Якуба Чарноцкого. Рано лишившись матери, мальчик был отдан отцом на воспитание в семью богатого родственника Ксаверия Чарноцкого в Слуцкий уезд, где и получил домашнее начальное образование, затем продолжил учебу в Слуцком католическом училище. В 1801 году переехал в Минск, работал домашним учителем, самостоятельно изучал право. В 1802—1804 годах проходил юридическую практику в Новогрудке, в конце 1805 года сдал экзамен по юриспруденции. С 1807 года он работает помощником управляющего у новогрудского воеводы тогдашней Гродненской губернии графа Юзефа Неселовского и одновременно изучает местные архивы, собирая разнообразные исторические и этнографические материалы.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

составляемый

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ CXIII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1820.

Титульный лист журнала «Вестник Европы» № 18 за 1820 год.

Однако в марте 1808 года, подозреваемый в намерении вступить в нелегально сформировавшееся в Варшавском герцогстве польское войско, Адам Чарноцкий был арестован и отправлен под конвоем в Гродно, потом переведен в Петербург. Здесь он отбыл девятимесячное тюремное заключение, после чего был переведен в Новгород, где решением суда он был лишен дворянства и осужден на пожизненную солдатскую службу. Определили Адама Чарноцкого во 2-ю дивизию генерала Глазенапа, которая дислоцировалась тогда в Омске.

По дороге в Сибирь Адам ведет дневник, куда записывает свои наблюдения над жизнью, бытом и обычаями встречавшихся ему народностей, сведения об археологических памятниках, отмечает места залегания полезных ископаемых. Свой дневник Чарноцкий озаглавил «Путешествие против воли». Вот что писал об этом дневнике И. Лелевель в своей книге об Адаме Чарноцком в 1856 году: «Это подлинные записки Ходаковского о его жизни. Все, что не соответствует этим сведениям, является вымыслом, а биография Ходаковского, написанная для Полевого, — чистейшая выдумка». Здесь же Лелевель делает предположение, что дневник Ходаковского был передан в Варшавское «Общество друзей наук» Лукашем Голембевским, библиотекарем, родового имения князей Чарторыйских. Хранящееся в архиве Ходаковского письмо В. Белоусова от 21 декабря 1820 года подтверждает это предположение. В этом письме Белоусов писал Ходаковскому: «8 декабря отправил пакет, приложенный Вами к первому письму в Варшаву на имя Голембевского». В настоящее время дневник Ходаковского утерян. Выражая надежду, что он может отыскаться в Петербурге, И. Лелевель писал: «Он заслуживает опубликования. В нем ничего нет, что обижало бы Россию. Для нас же он был бы неоценим».

После нескольких лет скитаний по России Ходаковскому удается бежать в Польшу, или как ее называли тогда, Княжество Варшавское. Некоторое время он

служил в армии Наполеона, а с ноября 1817-го по июнь 1818 г. путешествовал по Западной Украине и Приднепровью, где под своим именем Чарноцкий, а позднее под псевдонимом Ходаковский собирал и изучал фольклор. В перерыве между путешествиями Ходаковский живет в Кременце и в Ворончине, у поэта Л. Кропиньского, знакомится с библиотекой Т. Чацкого в Порыцке, посещает Волынь, Киев. В Кременце происходит его знакомство с Голембевским, Л. Ширмой, К. Сенкевичем, Фр. Рудзским и Адамом Чарторыйским. Ходаковский посещает оживленный центр тогдашней духовной жизни г. Вильно, хочет лично познакомиться с профессором Бекю и ректором Виленского университета Ш. Малевским. Но их встреча не состоялась.

До нас дошло письмо Бекю к Ходаковскому от 19 августа 1819 года. Оно проливает свет на самую начальную стадию научной деятельности Ходаковского, раскрывает роль в его судьбе Адама Чарторыйского, попечителя Виленского университета. Профессор Бекю, в частности, сообщал: «Князь согласился на предоставление его (научного плана) университету, но до этого необходимо составить программу путешествия, то, что уже написано и готово, переслать или лично отвезти в университет. Для облегчения дорожных расходов дал тебе 303 зл., которые я передал пану Рогальскому. Подтверждение об их получении вышли пану Добровольскому. Кроме того, князь передал мне для тебя дополнительные средства на случай, если вельможный пан в ближайшее время не сможет дождаться одобрения своего путешествия. Теперь же, сударь, делай то, что тебе надлежит, и старайся возместить время, потерянное из-за напрасного отъезда из Кременца».

Некоторое время спустя Чарторыйский радушно принял Ходаковского в своем имении в Пулавах, предоставил ему возможность ознакомиться с книжными коллекциями своего имения и снабдил его небольшой суммой денег на дорогу. Князь Чарторыйский решил связать Ходаковского с каким-нибудь научным центром — Кременецким лицеем или Виленским университетом, чтобы дать ему «базу и осуществлять постоянный контроль над его занятиями». Речь шла о том, чтобы определить Ходаковского сотрудником какой-либо из этих библиотек. Но планы Ходаковского были иными. Вот что он писал С. Бандке в одном из писем 1818 года: «Я задумал обозреть всю историю славянского рода и вывести из нее ряд новых наблюдений, столь необходимых для объяснения первоначальной истории Севера и истока нашей национальности». В ответном письме С. Бандке от 19 февраля 1818 года сказано: «Все, что Вы пишете о ляхах, очень истинная и верная правда».

С самого начала в своих научных разысканиях Ходаковский исходил из необходимости сравнительного изучения древней истории славянских племен. Вот что писал он об этом поэту Л. Кропиньскому в августе 1817 года: «Если я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет. Именно потому, что в прошлом каждый писатель и исследователь ограничивался только своим языком и областью, касающейся истории своей родины, он ничего не мог заметить».

Видное место в научных планах Ходаковского занимал фольклор. Во время своих странствий ученый собрал около 12 тысяч народных песен, преданий, из них почти 2000 украинских. Записывая песни и народные предания в разных городах и местностях Польши, ученый отметил почти полное отсутствие их в Кракове и обвинил в этом католическое духовенство, которое уничтожило все остатки старины. Олицетворением косности были для Ходаковского иезуиты. В письме своему родственнику Каролю, датированном 13 июня 1817 года, Ходаковский писал: «Если бы не “Общество Христа”, которое прервало ученые занятия поляков почти на полтора века, вероятно, и среди нас был бы свой Макферсон, еще до Красицкого».

Дальнейшую судьбу Ходаковского определила его встреча с Адамом Чарторыйским в 1818 году. Князь посоветовал ученому охарактеризовать собранные им материалы и изложить планы будущей исследовательской работы в специальной программной статье. Так возник первый научный труд Ходаковского «О

славянстве до христианства», который при содействии А. Чарторыйского был опубликован в виде статьи в кременецком журнале «Cwiczenia naukowe» (1818, № 5). Статья сразу же привлекла внимание как польских, так и русских ученых. В 1819 году ее перепечатал «Pamietnik Lwowski», а в «Pamietnike Warszawskim» был опубликован хвалебный отзыв о ней В. Суровецкого. В письме к Фр. Рудзскому от 13 сентября 1818 года известный русский библиограф, журналист и переводчик В. Г. Анастасевич писал «О славянстве до христианства»: «Это небольшая работа в сто раз весомее восьми томов некоего придворного историографа (Карамзина. — *В. А.*), который приукрашивает там, где не хватает красоты материи». В этом же письме Анастасевич сообщил о своем намерении перевести и издать статью на русском языке. Но этот замысел осуществлен не был.

Сам Ходаковский оценивал свой первый научный труд как «руду, которая лишь со временем, в более удачливых руках, сможет дать чистый и богатый металл», но, сознавая актуальность статьи, он в то же время писал С. Бандке: «Это наскоро сделанный набросок, к тому же общий и железным стилем написанный. Но стиль — не главное. Дело — в его сути».

Статья «О славянстве до христианства» была первой попыткой дать общую картину славянского быта в дохристианский период, и главное, наметить пути его изучения. Здесь автор впервые указал на народно-поэтическое творчество как «драгоценный источник» для изучения прошлого славянских народов. Свое рассуждение Ходаковский заканчивает целостной программой, предусматривающей сочетание археологических, этнографических и фольклорных изучений.

Вскоре статья Ходаковского была представлена на обсуждение в Виленский университет, но здесь ее встретили неодобрительно. Большинство членов ученого совета университета вынесло суровый приговор первому научному плану Ходаковского: его обвинили в нападках на христианство и католическое духовенство. В восхвалении языческой старины. Этим ученым претило преклонение Ходаковского перед народной поэзией.

Тогда Адам Чарторыйский посоветовал Ходаковскому уточнить и разъяснить ученым университета свои научные планы. Летом 1818 года Ходаковский составил докладную записку и отправил ее на имя ректора Ш. Малевского. Со своей стороны князь Чарторыйский специальным предписанием обязал университет оказывать Ходаковскому возможную поддержку. Он высоко оценивал статью «О славянстве до христианства», называя ее «смелой», и отметил: «Это нить или просто указание источников, где нашу древность искать можно». Университету предлагалось помочь Ходаковскому осуществить его путешествие.

Не полагаясь на свое собственное мнение, ректор Ш. Малевский передал статью Ходаковского на отзыв Яну Снядецкому, профессору астрономии, в прошлом ректору Виленского университета. Отзыв последнего был крайне недоброжелательным: «У автора много энтузиазма, но мало рассудка», — заявил Снядецкий, который считал, что судить о польской древности можно лишь изучив в первую очередь предысторию самой Польши. Ян Снядецкий писал, в частности: «Весь план этого паломничества, которое предпринял автор, ведет к домыслам и историческим романам, а не к фактам, основательно объясняющим начало нашего народа».

В письме Шимона Малевского Адаму Чарторыйскому от 8 октября 1818 года критический отзыв ученого совета был изложен так: «Приверженность этого человека трудному и тяжелому труду исключительна, подобное встречается редко. Но поскольку в плане нет определенной системы и порядка, а у автора — нужной подготовки, опасаюсь, — не будет ли труд этот напрасным. Статья его в «Pamietniku Lwowskim» не одобрена. Господа Ян и Енджей Снядецкие и Юндзил недовольны ею».

Повторное письмо князя Чарторыйского к Ш. Малевскому от 4 марта 1819 года не смогло изменить решение университета.

Ходаковский очень болезненно воспринял отказ виленских ученых. В письме к Л. Кропиньскому он зло заявил: «Три педанта из Виленского университета

гордятся наукой, однако чужой и уже готовой, которой не всякий мог дать что-нибудь от себя. Эти трое, в упоении от своего совершенства, считают мою работу напрасной, не находят в ней ни системы, ни порядка, ни даже необходимой подготовки». Письмо заканчивалось словами: «Сам Христос не поладил до конца с “докторами”, и я тоже не в силах вернуть их под знамя народности».

Отказ виленских ученых не остановил Ходаковского. Он апеллирует к варшавскому «Обществу друзей наук», к С. Сташицу. Но неудовольствие членов этого общества вызвало то обстоятельство, что Ходаковский слишком сурово отзывался о служителях веры христианской, обвиняя их в уничтожении памятников старины и примет народности у славян. Однако, несмотря на содержавшуюся в замечаниях критику, в заключении указывалось, что «энтузиазм автора и его дальнейшие разыскания завоюют ему подлинную славу и благодарность у всех народов славянских». Варшавское «Общество друзей наук» избрало Ходаковского своим почетным членом, но за исключением Сташица, Суровецкого, Лелевеля и Раковецкого, не поддержало его планов. Не найдя сочувствия в среде польских ученых, Ходаковский обращает свои взоры к России.

Весной 1819 года он был уже в Гомеле, где написал свою вторую статью «Рассуждения касательно русской истории». В ней ученый повторил ряд положений из своей предыдущей статьи «О славянстве до христианства» и настаивал на необходимости изучения живой славянской старины, указывая при этом, что «источники такого изучения следует искать не в книгах, а что они рассеяны по всему пространству земли нашей» и требуют многих пожертвований и особенно «посвящения сему делу». Помимо этого, в «Рассуждении» Ходаковский сделал ряд критических замечаний на только что изданную «Историю государства Российского» Карамзина. В том же, 1819 году, «Рассуждение» увидело свет в журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы». Н. М. Карамзин поблагодарил Ходаковского за те замечания, которые показались ему дельными, и использовал их в примечаниях к своей «Истории».

Заручившись рекомендациями князя Адама Чарторыйского к канцлеру графу Н. П. Румянцеву, в конце 1819 года Зориан Доленга-Ходаковский отправился в Петербург. Здесь он познакомился с рядом влиятельных лиц того времени — адмиралом Шишковым, Уваровым, Магницким, Сестренцевичем, Кукольником и Карамзиным. Вольное общество любителей российской словесности избрало его своим членом. Н. М. Карамзин поддержал планы Ходаковского и в письме к князю А. Н. Голицыну выразил надежду, что «своими разысканиями, описанием городищ и лексиконов, собиранием произведений народного творчества путешественник окажет немалую услугу русской истории».

18 марта 1820 года Ходаковский представил А. Н. Голицыну «Проект ученого путешествия по России», который вскоре поступил на рассмотрение Научного комитета Академии наук. После благоприятного отзыва Н. М. Карамзина и рецензента Н. И. Фуса, который признал за автором пространную начитанность в русской и польской истории, обширные познания по географии славянских земель и счел его путешествие полезным для отечественной истории, А. Н. Голицын доложил Александру I. Путешествие Зориана Доленги-Ходаковского было санкционировано правительством.

В обширном трактате, каким явился «Проект ученого путешествия», Ходаковский впервые изложил свою систему городищ и свои намерения: «…исходить Россию в четырех направлениях и лично осмотреть те места, от которых произошли местные названия славян; исследовать главные областные наречия; наблюдать и изучать обряды, игры, песни; нанести на карту городищные насечки и тем определить пределы Древней Руси, собирать все, что может служить объяснению древности — монеты, посуду, письменные памятники и т. д.». Именно этот-то «Проект» и опубликовал журнал М. Т. Каченовского «Вестник Европы», который оказался в моем собрании.

Для выполнения намеченной программы Ходаковскому определили 4 года. Получив от русского государства 3 000 рублей серебром и грамоту от Александра I

на право археологических раскопок, в августе 1820 года Ходаковский начал свое знаменитое путешествие по России. В записке к попечителю Петербургского учебного округа Д. П. Руничу от 10 августа 1820 года он писал: «Зориан Доленга-Ходаковский намерен отправиться в дорогу 12 числа нынешнего месяца, чтобы посещать внуков Радогоста (Бога гостеприимства у западных славян и сербов. — *В. А.*) на Святой Руси, собрать сокровища старины и оправдать все предложенное им».

Портрет Зориана Доленги-Ходаковского. Художник К. Прек (1818 год).

Пока Ходаковский находился в пути, ведя свои научные исследования, в журнал «Вестник Европы» стали поступать отклики на статью Зориана Яковлевича «Проект ученого путешествия…». В моем комплекте оказались и номера тех экземпляров, в которых были помещены эти отклики. Так, в № 20 «Вестника Европы» было помещено письмо некоего читателя Михаила Макарова, в котором он писал: «С большим удовольствием прочитав в 17-м и 18-м номерах «Вестника Европы», издаваемого на сей 1820 год, Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей Славянских, предпринимаемого достопочтеннейшим Г. Доленгою-Ходаковским, душевно желал бы, по любви моей ко всему отечественному, а в особенности по страстной охоте моей до всего принадлежащего к Славено-Русским древностям нашим, сообщить через вас будущему путешественнику и мои некоторые замечания о городищах и других старинных урочищах, разметанных в неизвестности по разным сторонам Русским, в плане его, кажется, неупомянутых, но для изысканий его, может быть, необходимых». Далее, на четырех с лишним страницах идет подробный перечень городищ и курганов различных губерний Российской империи. В этом же номере «Вестника Европы» вслед за статьей М. Макарова, на странице 311-й читатель А. Бояркин дает подробное описание городища «на реце Сарре», что находилось в пятнадцати верстах от города Ростова.

Не могу пройти мимо письма читателя А. Глаголева, помещенного в «Вестнике Европы» в 21-м номере. «Прошу вас, милостивый государь, поместить в Вестнике Европы для любителей Русских древностей и мою Записку о городищах, курганах и других старинных насыпях, находящихся в Тульской губернии. Я не думаю, чтобы почтенный Ходаковский счел за необходимое обозреть все такого рода памятники. Рассеянные по пространству Российской империи, которые почти везде однообразны и о коих коренные жители могут дать самое темное понятие; по крайней мере, иметь о числе и положении их сведение не только полезно, но и нужно всем занимающимся отечественною нашею Историей». А. Глаголев приводит несколько десятков уездов с подробным описанием курганов и легенд, связанных с ними. Вслед за этим письмом идет «Другая записка для г-на Доленги-Ходаковского» уже знакомого нам Михаила Макарова, в которой он описывает древности по уездам Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний. В заключение Михаил Макаров настоятельно просит: «Прошу не оставить без внимания и моей догадки: я полагаю, что не все городища должны быть городами; ибо слово городище собственно происходит от горожу, а городить можно и тын, и села, и деревни!»

В архиве Зориана Доленги-Ходаковского, хранящегося в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, есть очень много писем, связанных со сбором археологического, этнографического и фольклорного материала. Это многочисленные обращения Ходаковского к отдельным лицам и ответы ему. Иллюстрировать характер подобных обращений может его письмо к попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Корнееву (ранее минскому губернатору. — *В. А.*) от 18 июня 1819 года, которое заканчивалось словами: «Во имя Святой Руси всех молю дабы благоволили способствовать мне своею наукою и местными сведениями».

К великому сожалению, мы не располагаем абсолютно точным маршрутом путешествия З. Доленги-Ходаковского, но известно, например, что он посетил Тверь и Новгород. В последнем Ходаковский встретился с известным ученым П. И. Кеппеном, с которым он был знаком еще по Петербургу и который одобрительно отзывался о деятельности Ходаковского. Они вместе внимательно осматривали новгородские монастыри, церкви и другие памятники старины.

О ходе путешествия Ходаковский сообщает в своих письмах к В. М. Попову. В первом из них он пишет, что «не склонен забавлять читателя своей личностью и даже предметом, который еще не совершенен и о котором судить можно лишь после многих соображений и личной проверки», во втором — что уничтожил, как несовершенное, свое донесение, написанное им в Новгороде.

Весной 1821 года Ходаковский представил князю Голицыну первый отчет о своих трудах. Он поступил на рассмотрение Н. Фуса, который на этот раз дал менее благоприятный отзыв. От Фуса отчет и карта Ходаковского были переданы Н. М. Карамзину. В письме к князю Голицыну от 23 декабря 1822 года Николай Михайлович выразил свое согласие с Фусом.

Из поездки по северу Ходаковский возвратился в Белокаменную. Живя в Москве в 1821—1823 годах, ученый напряженно работает над составлением общей карты «славянского городства», словарем географических названий и картой славянских племен. В основу этих работ легли собственные наблюдения Ходаковского, а также сведения, полученные им в Московской канцелярии и с различных мест России.

В своем дневнике известный русский историк М. П. Погодин 5 апреля 1822 года сделал следующую запись: «Видел Ходаковского, Калайдовича. Было приятно находиться между людьми деловыми». Из другой записи Погодина видно, что Ходаковский был непременным участником заседаний только что созданного литературного общества Раича. 24 февраля 1823 года М. П. Погодин записал: «Ужас, что читали. Видел Ходаковского. Как бы стыдились говорить с ним». Смысл последних слов Погодина становится понятным, если вспомнить, что «Донесение о первых успехах путешествия З. Доленги-Ходаковского, из Москвы, 1822 года» не встретило поддержки русских ученых. В постановлении Ученого комитета Императорской Академии наук указывалось, что, хотя «опыты Ходаковского и любопытны, но польза оных весьма посредственна и отнюдь не такова, чтобы она могла вознаградить значительные издержки, и что доселе ни один пункт нашей истории не получил новых и достопримечательных обогащений, каковых при ограниченном предмете исследований Ходаковского и впредь ожидать не можно». Государственная субсидия научных исследований была прекращена.

Но ученый-энтузиаст не прервал свои научные разыскания вплоть до самой смерти. До нас дошла записная книжка Ходаковского, содержащая заметки о М. В. Ломоносове, в частности, к его знаменитому трактату «О пользе книг церковных», который Ходаковский перевел на польский язык. Это свидетельствует о том, что ломоносовский текст содержал ряд положений, напоминавших в известной мере Ходаковскому его собственные мысли, изложенные в статье «О славянстве до христианства».

Последние годы жизни Зориан Доленга-Ходаковский провел в Твери. Здесь, лишенный возможности продолжать свои научные опыты, без средств к существова-

нию, в 1825 году Ходаковский скончался. Некролог, помещенный в газете «Северная пчела», гласил: «Мы получили на сих днях известие, что почтенный изыскатель славянских древностей З. Я. Доленга-Ходаковский скончался в прошедшем ноябре месяце в Тверской губернии. Бумаги его находятся в Москве, у одного приятеля. Желательно, чтобы оные не были потеряны для нашей литературы».

Действительно, оставшиеся после него бумаги, документы, материалы, письма и т. д. ожидала любопытная судьба, которая заслуживает отдельного специального рассмотрения.

Живой интерес вызвали в России песни, собранные Ходаковским. Часть их купил у вдовы Ходаковского известный фольклорист и историк М. Максимович. В 30-е годы этими песнями заинтересовался Н. В. Гоголь, который 9 ноября 1833 года писал Максимовичу: «Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал быть с вами и пересмотреть их вместе…» И далее: «Я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песен…» М. Максимович удовлетворил просьбу Н. В. Гоголя и отослал ему «две толстые рукописные книги», которые, по мнению известного украинского литературоведа С. Красильникова, и были рукописями с песнями, собранными Ходаковским.

Дважды имя З. Я. Доленги-Ходаковского упоминает А. С. Пушкин. В 1836 году восемь строф из вступления к поэме об Езерском были опубликованы под заголовком «Родословная моего героя (отрывок из сатирической поэмы)». Вот этот отрывок:

…Новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.

В примечании сказано: Ходаковский — «известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад».

Второй раз Пушкин назвал Ходаковского в статье про «Слово о полку Игореве», готовящейся к печати в конце 1836 года: «Ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Игореве». «Это свидетельство того, — пишет литературовед Ф. Прийма, — что Пушкин видел в Ходаковском не самоучку и не чудака, а ученого, мнение которого о знаменитой поэме он считал значительным».

Не исключено, что Пушкин постарался понять и теорию «славянского городства» Ходаковского. Любопытен в этой связи начальный вариант названия «Бориса Годунова»: «Комедия о настоящей беде Московскому государству», о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Ворониче». Известно, что трагедия готовилась в Михайловском, но памятник XII—XVII вв. Воронич у Тригорского назван, безусловно, для того, чтобы придать заглавию исторический колорит. Значит, городище воспринималось Пушкиным правильно, как свидетель былых веков, как современник ставших основой драмы событий. А это значит, что А. Пушкин не только держал, но и читал те номера «Вестника Европы», где в 1820 году печаталось «Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей Славянских» Ходаковского.

АЛЕКСАНДР КАРСКИЙ

Академик Карский[1]

Вступительная лекция

В «Формулярном списке» Е. Ф. Карского записано: *«Назначен лектором русского языка при Императорском Варшавском Университете с. . . Февраля 1»*. Однако подписано это назначение было, скорей всего, позже — очевидно, 8 или 9 февраля. В протоколах заседаний Совета Варшавского университета имеется такая запись: «*Предложения г. Попечителя Варшавского Учебного Округа*… 8. От 9 февраля № 1955 о назначении причисленного к Министерству Народного Просвещения надворного советника Карского, с 1 февраля с. г., на должность лектора русского языка в Варшавском Университете, с жалованием по 2000 р. в год». Надо полагать, Е. Ф. Карский в первой половине февраля, тогда же, когда бумага за № 1955 пошла в университет, также был письменно извещен о состоявшемся назначении. Но до окончательного устройства в Варшаве необходимо было последовательно пройти еще несколько этапов.

Вопрос о назначении лектора был заслушан на Совете во вторник 23 февраля и принят к сведению. Е. Ф. Карский в это время, вероятно, находился уже в Варшаве и усиленно готовился к своей вступительной лекции, которую предстояло прочесть в присутствии маститых профессоров в ближайшую субботу, 27 февраля. Такова давняя университетская традиция — каждый вновь принятый на факультет обязан показать будущим коллегам свои научные и лекторские способности. Это же требовал и Устав Варшавского университета.

В феврале Евфимий Федорович находился в Варшаве, скорей всего, без семьи. Возможно, именно тогда он подобрал меблированные комнаты на улице Сенной в доме № 8. Это рядом с Маршалковской. Отсюда было недалеко и до центра города, и до университета. Жилье, видимо, выбиралось самое скромное, поскольку положение молодого ученого было еще весьма неопределенным.

Помимо подготовки к предстоящей лекции у него была масса дел. В типографии Варшавского Учебного Округа (Королевская, 13) продолжало набираться окончание VI главы его исследования «К истории звуков и форм белорусской речи» для очередных номеров «Русского Филологического Вестника». В конце работы указано: «Варшава. Февраль. 1893 г. Е. Карский». Вероятно, отмечено время сдачи последних исправленных корректур. Параллельно готовилось и отдельное издание книги — и выйти она должна была гораздо раньше завершения журнальной публикации. Кроме того, тогда же Е. Ф. Карский побывал в редакции газеты «Варшавский Дневник», где, по просьбе П. В. Шейна, передал для главного редактора, известного писателя В. В. Крестовского, часть II (I тома) «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Об этом он позже сам напишет собирателю белорусского фольклора: *«Ваша II ч. «Материалов» вручена Крестовскому еще в феврале*

[1] Продолжение. Начало в № 9, 10, 2010 г., № 8, 12, 2011 г. Публикуется в авторской редакции.

этого года: при мне же она передана самому Крестовскому, находившемуся тогда в соседней комнате» (из письма от 25 ноября 1893 г.). Как видим, В. В. Крестовский не счел нужным побеседовать с неизвестным ему господином из Вильны.

А как встретили Евфимия Федоровича варшавские профессора? На факультете о его уровне уже составилось довольно ясное представление, ведь не так давно он успешно сдал здесь магистерские экзамены. Специалисты, несомненно, знакомы были и с составленной им «Грамматикой древнего церковнославянского языка», неоднократно читали они и его публикации в «Русском Филологическом Вестнике». Можно предположить, что особенно радушно приветствовал своего давнего автора редактор-издатель этого научного журнала — Александр Иванович Смирнов, и. д. ординарного профессора университета.

Следует заметить, что Императорский Варшавский университет был укомплектован сильным профессорским составом. Деканом историко-филологического факультета в 1893 году был известный историк Николай Николаевич Любович, славянскую филологию и древности читали ординарные профессора — Константин Яковлевич Грот, сын известного академика, и поляк Феодор Францевич Вержбовский. Сравнительное языкознание преподавал профессор Григорий Константинович Ульянов, он же временно занимал и кафедру русского и церковнославянского языка и истории русской литературы — то есть именно ту, на которую намечался Е. Ф. Карский. Несомненно, интерес представляли такие уважаемые в научных кругах фигуры, как философ Генрих Юрьевич Струве и историк Дмитрий Владимирович Цветаев, брат выдающегося московского профессора-искусствоведа Ивана Цветаева. На факультете Евфимий Феодорович встретил хорошо знакомого по Нежинскому институту Григория Эдуардовича Зенгера, знатока латыни и античной древности. Кажется, совсем недавно первокурсник Карский отвечал ему на экзамене по истории, а вот теперь экстраординарный профессор Г. Э. Зенгер, возможно, будет оценивать его вступительную лекцию.

Для своей первой лекции Е. Ф. Карский выбрал фундаментальную тему — «Главнейшие течения в русском литературном языке». Обзор построен очень умело и просто. В кратком вступлении сформулирована главная задача университетского курса русского языка — не повторение, а продолжение гимназического курса с целью добиться осмысленного усвоения языка и понимания его особенностей в сравнении с другими, родственными. Затем докладчик приступает к сжатому, но очень точному рассказу о тех этапах, которые прошел литературный язык в своем развитии, от зарождения письменности до сочинений современных писателей. При этом, что характерно, особое внимание уделено периоду параллельного существования двух литературных языков — в Московской Руси и в Литве. Фактически вся середина лекции отведена рассказу о западнорусском языке XIV—XVI веков, и это, несомненно, для Императорского Варшавского университета было в новинку. В частности, лектор сказал: «Собственно в основу западно-русского литературного языка легли чисто народные стихии, но они были затемнены со временем пришлыми влияниями. Он выродился из белорусского наречия, которое к концу XIV и началу XV века уже довольно рельефно обрисовалось среди других говоров». Тут, разумеется, был упомянут и славный переводчик Библии, первопечатник Франциск Скорина. Отметив ведущую роль западнорусского языка в Литовском государстве, законодательно закрепленную в Литовском Статуте 1588 года, докладчик далее повествует о его дальнейшей непростой судьбе, о различных воздействиях и наслоениях, а затем о вытеснении его из государственной сферы, что и привело постепенно к упадку. В заключительной части своего выступления Е. Ф. Карский лишь вкратце перечислил известные этапы развития другой ветви русского литературного языка — от Петровской эпохи, через реформаторство Ломоносова, Карамзина, Крылова, до Пушкина, который «указал надлежащее место для всех стихий литературной речи, сделав анахронизмом всякий спор о стиле».

Речь получилась весьма содержательной, дающей полную и объективную картину развития русского литературного языка, а в определении значения его

западной ветви — даже новаторской. В то же время по форме она легка и потому понятна слушателям даже без специальной филологической подготовки. Поэтому неслучайно Совет университета на своем заседании 13 апреля 1893 года рассмотрел вопрос «…12. О разрешении напечатать в «Варшавских Университетских Известиях» вступительную лекцию лектора Карского п. з. «Главнейшие течения в русском литературном языке» и принял положительное решение. Речь была опубликована очень быстро — уже в IV номере университетских «Известий», вышедшем из-под типографского станка в последний день того же месяца.

После удачного прочтения лекции не осталось никаких сомнений: Е. Ф. Карский в Императорском Варшавском университете пришелся ко двору. Только теперь он пишет нижеследующее прошение на имя ректора:

Варшава, 1893, 27 февраля

Прошение.

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство войти с ходатайством к кому следует и выдать мне прогонных и подъемных денег, по положению для семейных, от С.-Петербурга до места последней службы, до г. Варшавы.

Бюрократическая машина во все времена работает неторопливо: деньги были начислены только в начале октября, о чем имеется запись в «Формулярном списке о службе»: *«Назначены ему прогоны и путевые издержки 600 руб. . . . Октября 5».*

А ведь то, что Е. Ф. Карский пришелся в Варшавском университете, что называется, ко двору, стало ясно сразу же после его первого выступления. Понимал это и сам новичок. Видимо, об этом он и сообщил в тот же день, 27 февраля, П. В. Владимирову. Послание это пока не обнаружено, но по ответу киевского профессора легко догадаться о его содержании: *«…От души поздравляю Вас с успешным устройством в Варшаве, о чем я узнал из Вашего письма от 27 февраля…»* (письмо от 14 марта 1893 г.).

Кстати, из публиковавшихся в «Варшавских Университетских Известиях» отчетов о метеорологических наблюдениях можно узнать, какая погода была в Варшаве в последние дни февраля 1893 года (по европейскому григорианскому календарю шел уже март). В субботу, 27 февраля (11 марта по новому стилю) рано утром выпал снег, днем температура была около 0°. А на следующий день, 28 февраля, после полудня подул южный ветер — и в понедельник, 1 (13) марта, заметно потеплело, днем было до +12°. Снег растаял. Ощущалось приближение весны. И, надо полагать, у Евфимия Феодоровича настроение тоже было весеннее.

Переезд в Варшаву

К отъезду из Вильны все давно было готово. Укладывать вещи труда не составило — их было не так уж и много. Главную ценность представляли, несомненно, тщательно подобранные по тематике книги и номера журналов, а также рукописи, копии памятников письменности из Виленской библиотеки и Архива древних актов, важные выписки на карточках. Бережно сохранялись сшитые тетради с конспектами лекций и первыми курсовыми работами, дорогие как память о годах учебы в Нежинском Историко-Филологическом институте. Аккуратно упакована была, конечно, и пока еще тоненькая пачечка писем от известных деятелей отечественной науки — от П. В. Шейна, от профессоров Р. Ф. Брандта, М. И. Соколова, П. В. Владимирова.

Кстати, в начале марта было получено еще одно, очень важное письмо от Р. Ф. Брандта. В последних строках читаем:

«Из письма, полученного мною только что от Будде, узнаю, что Вы назначены лектором в Варшаву, — примите мое душевное поздравление.

Ваш Р. Брандт.

Когда Вы едете в Варшаву и на каких условиях?» (из письма от 3 марта 1893 г.).

Несомненно, письмо это было отправлено еще в Вильну. Но, возможно, к этому времени Е. Ф. Карский с женой и четырехлетним сыном уже перебрался в Варшаву.

Профессор Е. Ф. Карский в кругу семьи.
Сидят:Ефим Карский, дочь Наташа. Стоят (слева направо): младший сын Сергей, старший сын Евгений, жена Софья Николаевна.
Варшава. 1906 или 1907 г.

Точная дата переезда семьи не установлена. Письмо профессора Р. А. Брандта могло быть переадресовано и отправлено вдогонку.

Письма этого Е. Ф. Карский дожидался, видимо, с огромным нетерпением, поскольку оно содержало ответы на его вопросы о возможности и сроках магистерского диспута в Москве, а также о количестве экземпляров своих работ, которые необходимо было представить к защите.

Вот что писал Р. Ф. Брандт: *«...Работу Вашу считаю вполне достойною магистерской степени, только диспут желательно бы отложить на осень: весною мне предстоит докторская диссертация по Славяноведению — Петра Алексеевича Лаврова, по истории Болгарского языка; и предполагаемый второй оппонент, Всеволод Федорович Миллер или Матвей Иванович Соколов — из коих первый был вместе со мной оппонентом на недавнем диспуте Евгения Федоровича Будде, а второму придется участвовать в диспуте Лаврова, — едва ли согласится на близкий срок. Что до количества экземпляров, то 60-ю можно обойтись...»* (из письма от 3 марта 1893 г.).

Надо полагать, ответ этот не обрадовал Е. Ф. Карского. Во-первых, откладывание защиты на осень, естественно, отодвигало и занятие вакантной кафедры. Пока не защищена диссертация, нельзя было рассчитывать на профессорское место и соответствующее жалованье, а значит, и на достойные условия жизни. А ведь к лету в семье ожидалось прибавление…

Вторая проблема возникала с обеспечением защиты требуемыми экземплярами обеих книг. Впрочем, первая книга — «Обзор звуков и форм белорусской речи» — имелась в необходимом количестве и тревоги не вызывала. Что же касается второго труда — «К истории звуков и форм белорусской речи», то к тому времени выяснилось, что удастся сброшюровать совсем мало полноценных экземпляров книги. Работа эта печаталась много лет, с 1890 года, и по какой-то причине имелось очень мало оттисков ее начальных глав.

Таким образом, лектору Е. Ф. Карскому еще предстояло решить несколько сложных проблем для того, чтобы можно было с полным правом войти в профессорскую

среду и занять желанную кафедру. Пока же, в марте 1893 года, он, по всей видимости, стремился поближе познакомиться с университетскими порядками и освоиться в новой обстановке.

Императорский Варшавский университет был одним из 9 университетов Российской империи, и действовал он на общих для всех подобных учебных заведений основаниях, то есть преподавание велось на русском языке. Это вызвало неудовольствие польской интеллигенции. Вообще положение Императорского университета в Варшаве нельзя назвать простым и безмятежным. Патриотам представлялось неудачным само его возникновение в 1869 году на месте Главной школы (учрежденной в 1862 году как продолжательнице польского университета, существовавшего прежде по Уставу 1818 года). Основные обвинения были — в русификаторских тенденциях, в сведении польской тематики всего лишь к одному разделу в курсе западнославянских народов, в запрещении преподавать и публиковать в университетских «Известиях» статьи на польском языке. Действительно, § 6 Устава гласил: «В Императорском Варшавском Университете, как в преподавании, так и во всех вообще испытаниях, сочинениях, на публичных актах и в делопроизводстве употребляется Русский язык».

Правительство не жалело средств для того, чтобы создать на западной окраине притягательный образ просвещенной Империи. В год приезда Е. Ф. Карского на университетской территории, прямо напротив главного корпуса (бывшего дворца вельможи Казимеровского), продолжалось возведение огромного библиотечного здания в псевдоклассическом стиле. Из-за развернутой стройки с ее лесами и ограждениями трудно было с первого взгляда оценить красоту старого университетского комплекса в Краковском Предместье.

Е. Ф. Карский тогда еще, конечно, не подозревал, что ему предстоит пройти стремительный путь — от лектора до ректора этого университета — всего за 12 лет! Не представлял он себе и тех трудностей, с которыми придется здесь столкнуться…

Лектура русского языка

Спустя полтора месяца после блестящей вступительной лекции на заседании Совета университета 13 апреля было принято решение «…11. О назначении лекций лектора Карского на понедельник от 1 до 2 ч. и пятницу от 1 до 2 ч.» (ВУИ. 1893. VII. Сокращенные протоколы заседаний Совета Императорского Варшавского Университета за первое полугодие 1893 г. Заседание 13 апреля.) В марте по какой-то причине заседание Совета не состоялось, этим, видимо, и была вызвана проволочка при рассмотрении, казалось бы, очевидного вопроса.

О том, в чем заключалась деятельность лектора русского языка, можно узнать из более позднего письма самого Е. Ф. Карского, адресованного А. В. Михайлову, претендовавшему на эту освободившуюся должность (фрагмент публикуется впервые): *«Разные Ваши недоумения по части лектуры мне очень понятны, так как 2½ года тому назад они являлись и у меня. Лектура русс. языка существует только в Варш. университете, но не существует никаких определенных программ преподавания; учреждена эта лектура тогда, когда в университет поступали лица, учившиеся в польских заведениях и поэтому плохо знавшие русский язык. Теперь дело изменилось: везде в гимназиях здесь тот же уровень познаний, что и в Империи, поэтому и задачи лектора несколько иные: надо не только совершенствовать студентов в русском языке, но и сообщать им кое-что новое, в сравнении с тем, что они вынесли из гимназий. Поэтому и курс Ваш для студентов, будучи общеобразовательным, в некоторых отделах даже элементарным, в то же время должен быть выше гимназического, служа более научным уяснением его… Что касается фармацевтов, то это лица — выгнанные из IV класса гимназий: для них читается элементарный курс, как для учеников гимназий III—IV классов; их можно переспрашивать, давать диктанты, вообще как в гимназии… Что касается студентов, то я читал им всем одно и то же (по 2 часа в неделю, целый год), но тут было некоторое неудобство, так*

как то же, что было читано филологам и юристам, еще раз приходилось читать математикам и медикам… Читать сводно всему I курсу Университета невозможно потому, что в авдитории было бы 500 человек, а такой авдитории нет, да и расписание лекций трудно устроить таким образом для всех факультетов. Оба курса фармацевтов слушают вместе (2 часа)...» (из письма от 11 апреля 1895 г.).

К этому письму имелись приложения: «Все сказанное будет для Вас более ясным, если просмотрите посылаемые с сим программы мои и моего предшественника (П. Кулаковского)… Курсы обыкновенно литографируют, так как трудно подыскать подходящее пособие» (из письма от 11 апреля 1895 г.). Интересно, что рукопись «Лекций по грамматике русского языка» (1893/4 академического года) и литографированная «Программа по Русскому языку для испытания фармацевтов Императорского Варшавского Университета в 1893 / 4 а. г.» сохранились в архивном фонде академика. Работы эти никогда не учитывались в библиографии трудов ученого. Благодаря им можно составить ясное представление о лекторской деятельности Е. Ф. Карского на первых порах его пребывания в Варшавском университете.

Приведу сведения о количестве и составе обучающихся в Варшавском университете той поры. «Студентов и посторонних слушателей к 1 января 1893 г. числилось: студентов 1068 и посторонних слушателей 108 (в том числе 99 фармацевтов). В 1893 г. поступило: из гимназий 242, из духовных семинарий 7, из других учебных заведений 1… К 1 января 1894 г. находилось студентов 1085 и посторонних слушателей 67 (в том числе 57 фармацевтов)». (ВУИ. 1894. VI. Извлечение из Отчета о состоянии и деятельности Императорского Варшавского Университета за 1893 г.) При этом в явном большинстве были поляки (624, т. е. 57, 5%) и евреи (216,19,9 %). Православных на всех четырех факультетах оказалось всего 192 (17,7 %). Студенты в основном происходили из разночинного городского люда (531 человек). Детей дворян и чиновников насчитывалось 426, детей лиц духовного звания — 47. Выходцев из крестьян (38 человек) было даже несколько более, нежели из купечества (22).

Факультеты существенно различались по численности. Самым многолюдным был, разумеется, медицинский факультет: число обучающихся здесь составляло до половины всех студентов университета, но велик был и отсев. Так, в весеннюю сессию 1893 года из 246 первокурсников успешно сдали экзамены лишь 120 юношей.

Численность юридического факультета доходила до одной трети общего количества студентов, весной 1893 года готовились стать юристами 347 человек, но из 105 первокурсников весной не выдержали испытания и были отчислены 29. На физико-математическом факультете имелось два примерно одинаковых по численности (60—70 студентов) отделения — собственно математическое и отделение естественных наук (тут изучалась химия, минералогия, ботаника, зоология и т. п.). На этом факультете, как правило, после I и II курса отчислялось за неуспеваемость около половины обучающихся.

Самым маленьким был историко-филологический факультет. Здесь весной 1893 года обучалось всего 36 студентов: на I курсе — 12 (из них успешно прошли испытания только 5), на II курсе — 8 (после экзаменов осталась половина), на III курсе — 4 (все успешно перешли на последний курс), а выпускников было 12 — и из них 11 получили дипломы действительных студентов, а единственный круглый отличник — кандидата.

Подсчеты показывают, что лектор Е. Ф. Карский весной 1893 года начал читать лекции по грамматике русского языка для 423 студентов и 106 будущих фармацевтов, из которых в дальнейшем продолжили учебу лишь немногим более половины.

Поиск оппонентов

Разумеется, уже тогда, в начале 1893 года, назначая Е. Ф. Карского лектором, руководство университета в перспективе видело его на кафедре церковнославянского и русского языков. Эта кафедра фактически пустовала: недавно, в 1892 году, приня-

тый на нее экстраординарным профессором магистр славянской филологии Московского университета П. А. Лавров, отправившись в заграничную командировку, задержался там и так и не приступил к чтению лекций, а от жалованья своего, естественно, отказался. По всему было видно, что он не собирается служить в Варшаве и подыскивает себе другое место, да вот только прежде хочет защитить докторскую диссертацию в Москве. Вскоре он подаст прошение и будет уволен.

Однако, чтобы занять желанную кафедру, как уже указывалось, Е. Ф. Карскому нужно было, согласно Уставу университета, получить степень магистра. И он упорно продвигался к намеченной цели: в последней книжке «Русского Филологического Вестника» за прошлый год (№ 4, т. XXVIII, дозволен цензурой 19 декабря) началось печатание заключительной VI главы его диссертационного труда «К истории звуков и форм белорусской речи».

Публикация в журнале затянется еще на много месяцев: по какой-то причине № 1 (тома XXIX) за 1893 год, с продолжением последней главы, будет дозволен цензурой только 7 мая, а № 3 (тома XXX) с окончанием вообще выйдет в конце сентября. Но на внутренней стороне обложки книги «К истории звуков и форм белорусской речи» указано: «Дозволено Цензурою. Варшава, 11 марта 1893 года». И то, что Евфимий Федорович уже в середине марта имел на руках экземпляры своего труда и начал активно искать себе оппонентов, ясно видно из сохранившихся в его архиве ответов знакомых профессоров.

Поздравив Е. Ф. Карского с успешным устройством в Варшаве, профессор П. В. Владимиров продолжал: *«...Буду ждать от Вас книг: Обзора и Очерка по 5 экз. Ректор сообщил мне, что для диспута потребуется той и другой книги до 100 экз.; но, может быть, это число можно уменьшить до 60—70. Во всяком случае, придержите вторую книгу в возможно большем количестве и пустите ее в продажу в самом небольшом количестве. Между нами, мне писал А. И. Смирнов по Вашей книге. Будто Вы получите всего 50 экз.? Это мало, хлопочите — больше. Я не считаю необходимым, как пишет А. И., раздавать теперь Вашу книгу лицам помимо Университета...»* (из письма от 14 марта 1893 г.). И уже через 5 дней П. В. Владимиров получает обе книги! *«По получении Вашей посылки с книгами я тотчас же передал один экз. нашему декану, проф. Славянской филологии, Флоринскому, который и согласился быть Вашим вторым оппонентом, попросил дать ему необходимый срок (до первых чисел мая) для прочтения диссертации. Затем я был у Ректора, проф. Фортинского. Ректор находит, что Вы можете подать прошение о допущении Вас к диспуту с приложением удостоверения о том, что Вы выдержали магистерский экз...С своей стороны, я постараюсь в апреле представить вполне благоприятный отзыв о Вашем труде. Но вот что несколько останавливает Ваше дело. По постановлению Совета требуется раздать всем наличным членам его — по экз. каждой диссертации (а всех членов Совета по крайней мере 60), затем считайте наш факультет: 15 проф. и 5 приват-доцентов. Положим, профессора входят уже в число членов Совета; да для рассылки в университеты и ученые учреждения потребуется несколько экз. Итак — необходимо, по крайней мере, 80—90 экз. Жаль, что Вы не отпечатали «К истории звуков etc.» экз. 100 или более. Книга, несомненно, пошла бы и в продаже хорошо. Но если это дело уже непоправимо, то я с Ректором уговорился устроить дело таким образом: спросить Совет о возможности ограничиться меньшим количеством экз. Вашего труда. Конечно, это затянет Ваше дело, но другого выхода нет. Я уже предлагал раздать членам Совета только Ваш «Очерк»* (ошибочно вместо «Обзор». — *А. К.*) *с приложением для некоторых «К истории звуков»; но это может вызвать впоследствии, при утверждении Вас в степени Советом, препятствия»* (из письма от 19 марта 1893 г.).

А вскоре пришло письмо из Юрьева от ректора университета профессора А. С. Будиловича: *«Очень Вам благодарен за экземпляр Вашей диссертации. Не сомневаюсь, что она вполне заслуживает искомой степени, но диспут у нас вряд ли возможен, особенно теперь, весною. Прежде всего возникает для Вас и нас затруднение от недостаточного числа представленных экземпляров: их у нас требуется*

много, кажется, 250, так что в этом отношении Вы не могли бы здесь обойтись с 50 экз.» (из письма от 22 марта 1893 г.).

Итак, выясняется, Е. Ф. Карский искал возможность защитить диссертацию одновременно по трем направлениям: в Москве, в Киеве и в Юрьеве. И везде возникало осложнение из-за недостаточного количества второй книги, и везде не удавалось организовать диспут в ближайшее время, уже этой весной. Но все-таки в Киеве, благодаря любезности и расторопности П. В. Владимирова, ход дела представлялся наиболее перспективным. И вот в конце марта, вероятно, числа 24, а может 25 или 26, Е. Ф. Карский направляет в Киевский университет официальное прошение о допущении к диспуту.

Вскоре пришло очередное послание от П. В. Владимирова: *«Ваше письмо от 26 марта застало меня больного… Ректор говорил мне, что получил от Вас прошение. На днях я передам ему 2 экз. Вашего труда. Теперь Вам бы следовало еще написать нашему декану Тимофею Дмитриевичу Флоринскому о том, что у Вас не хватает экз. второй книги. Напишите ему, что Вы представили прошение Ректору, что просите его не отказаться быть вторым оппонентом и что у Вас теперь налицо столько-то 1-й кн. и столько-то 2-й. На основании этого он будет делать доклад в факультете, а затем уже пойдет дело в Совет»* (из письма от 3 апреля 1893 г.).

А через неделю от П. В. Владимирова поступило другое письмо, в котором речь шла уже о переносе диспута на осень: *«Прошение Ваше (с приложением 2 экз. от меня) поступило от Ректора в факультет, который обратится в Совет (когда он соберется) о том, чтобы разрешить Вам ограничиться меньшим количеством экз. диссертации против установленного. Тем не менее я приступаю к изучению Ваших трудов, о которых, полагаю, представлю вполне благоприятный отзыв. Но вот в чем вопрос: 1) как разрешит Совет? 2) когда назначить время Вашего диспута? Если первое пройдет благополучно, то второе придется отнести после ваката, на осень, не позднее начала сентября»* (из письма от 10 апреля 1893 г.).

Делать было нечего, пришлось смириться с предлагаемым сроком защиты.

В Киеве держали слово и не затягивали решение вопроса. Уже 12 апреля на заседании историко-филологического факультета было принято решение ходатайствовать перед Советом университета о разрешении Е. Ф. Карскому представить меньшее количество экземпляров его работ. Но вот Совет университета собирался с удивительной нерегулярностью: после 24 февраля следующее заседание состоялось только 28 мая. Приведу фрагмент из протокола:

«Слушали: представление историко-филологического факультета от 12 апреля за № 30 о разрешении магистру Евфимию Карскому доставить меньшее, против положенного по правилам, число экземпляров его диссертации («Обзор звуков и форм белорусской речи», Москва, 1886 г., с приложением: «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава 1893 г.), именно 50 вместо 80, ввиду невозможности увеличить количество экземпляров ее иначе, как изготовлением второго издания, что потребовало бы как больших расходов, так и продолжительного времени.

Определили: принимая во внимание мотивы, изложенные в означенном представлении факультета, разрешить г. Карскому доставить меньшее, против положенного по правилам, числа экземпляров диссертации».

Итак, главное затруднение было преодолено лишь в конце весны. Зато теперь окрепла уверенность, что осенью, после каникул, диспут непременно состоится. Но до этого было еще далеко.

Впереди ждало насыщенное событиями жаркое лето.

Рождение второго сына

В июне 1893 года чета Карских никуда не выехала из Варшавы на отдых. Софья Николаевна была на последнем месяце беременности. Как водится в таких случаях, было и радостное ожидание, и тревоги, и множество мелких неотложных дел.

Решено было поменять квартиру. Прежняя, на Сенной улице, после приращения семейства стала бы маловатой. Подготовка к предстоящему переезду тоже доставляла массу хлопот.

Тем временем университетские профессора почти все разъехались — кто на дачи, кто в научные командировки в различные европейские страны. Для Варшавского университета, самого западного в Империи, летние заграничные командировки были самой обычной практикой. Ехали в основном в Германию, в Австро-Венгрию, в Италию, реже во Францию и Англию. Тем летом только с историко-филологического факультета отправились за границу с научными целями 7 профессоров (Г. Э. Зенгер, Д. В. Цветаев, Ф. Ф. Вержбовский, Г. Ю. Струве, С. И. Вехов, П. А. Кулаковский, декан Н. Н. Любович) и один доцент (В. И. Езбера). С физико-математического факультета пустились в вояжи еще больше — 10 человек. Пятеро поехали в Рим, на Международный Медицинский Конгресс, от медицинского факультета, да еще четверо от этого же факультета в другие дальние страны. Только юристы выглядели поскромнее — всего четыре профессора отправились изучать западную юриспруденцию. Получается, 22 ординарных и экстраординарных профессора отправились в оплаченные университетом зарубежные командировки, да плюс к ним еще несколько доцентов и ординаторов!

Решил отдохнуть за границей — но уже за свой счет — и профессор А. И. Смирнов, редактор-издатель «Русского Филологического Вестника». Проследить во время его отсутствия за ходом хлопотных редакционных и издательских дел он попросил одного из наиболее продуктивных авторов журнала, а с недавних пор и коллегу, лектора университета Е. Ф. Карского. Тот согласился. Это был его первый опыт работы в редакции солидного научного журнала. Несомненно, полезный опыт.

Вот что писал А. И. Смирнов молодому ученому А. А. Шахматову (письмо ранее не исследовалось и не публиковалось):

«9 июня я выезжаю в Швейцарию.

Ваша статья почти набрана вся, ждем возвращения корректур, чтобы окончить набором присланное...Набор будет производиться и без меня, проверять корректуры будет теперешний лектор Евфим Федорович Карский... Я дам г. Карскому адрес Ваш для посылки Вам корректуры и для высылки неск. экз. оттисков всей Вашей диссертации. Что же касается всех остальных экземпляров, то они будут высланы в Москву по данному Вами адресу, который, пожалуйста, и сообщите г. Карскому (Сенная, № 8, а с 1 июля Кручая № 35)» (из письма от 6 июня 1893 г.).

Тем летом и завязалась переписка между Е. Ф. Карским и А. А. Шахматовым. В середине июля от молодого автора поступили бандероль с рукописью и письмо.

Милостивый Государь

Евфимий Федорович!

Обращаюсь к Вам, согласно письму Александра Ивановича, с покорнейшею просьбою продолжить печатание моей работы по рукописи, которую Вы получите одновременно с этим письмом. Продолжение я не замедлю выслать. В корректурах буду аккуратнее, так как прошлая моя неаккуратность объясняется тем, что мне в Июне и Июле приходилось подолгу не бывать в месте моего постоянного пребывания. Если печатание не может состояться теперь же, очень Вас прошу, не откажите меня об этом уведомить двумя строчками.

Готовый к услугам Алексей Шахматов.

Речь в письме идет, несомненно, о крупной научной работе А. А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики», в то время печатавшейся в «Русском Филологическом Вестнике» из номера в номер. Работа эта вышла в Варшаве в конце 1893 года отдельной книгой и в качестве магистерской диссертации была представлена к защите в Московском университете. Оппонировали Ф. Ф. Фортунатов, Р. Ф. Брандт, В. Ф. Миллер и Ф. Е. Корш. Интересно, что в результате выступления оппонентов двадцатидевятилетнему ученому была сразу присуждена степень докто-

ра русского языка и словесности. Приятно, что к редактированию и публикации этой выдающейся работы приложил руки и Е. Ф. Карский. К сожалению, письма его той поры к Алексею Шахматову не сохранились.

28 июня 1893 г. на свет появился второй сын Евфимия Федоровича. Назвали его Сергеем.

Тут же подошло время переезжать на новую квартиру. О том, как все непросто было тем жарким летом (а температура воздуха днем часто переваливала за 30°С), сколько дел навалилось разом, говорит хотя бы такой факт: крестили новорожденного спустя почти два месяца после рождения, 24 августа, то есть уже после возвращения Евфимия Федоровича из Вильны, с IX Археологического съезда. В семейном архиве сохранилось Свидетельство, выданное из Холмско-Варшавской Духовной Консистории 24 апреля 1902 года (в год поступления Сергея в приготовительный класс 1-й Варшавской гимназии). В этом документе говорится: «…в метрической книге *Свято-Троицкой, Подвальной в городе Варшаве, церкви, Холмско-Варшавской епархии, за 1893 год,* в части *первой о родившихся*, в статье под № *43*, записан акт следующего содержания: *тысяча восемьсот девяносто третьего года июня двадцать восьмого дня родился и того же года августа двадцать четвертого крещен Сергий. Родители его: Лектор русского языка ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета, надворный советник Евфимий Феодорович Карский и законная жена его София Николаевна, оба православного вероисповедания. Воспреемниками были: Ординарный профессор ИМПЕРАТОРСКОГО Варшавского Университета, статский советник Александр Иванович Смирнов…*».

Очень любопытная деталь — выступление редактора «Русского Филологического Вестника» А. И. Смирнова в качестве крестного отца. Это подчеркивает дружеский, доверительный характер отношений, установившийся между маститым профессором и молодым ученым, лектором Е. Ф. Карским, лишь недавно появившимся в Варшаве.

IX Археологический съезд в Вильне

Еще 11 апреля Е. Ф. Карский, недавно зачисленный в штат Варшавского университета, написал ходатайство о командировке, без пособия, в Вильну, на IX Археологический съезд. На заседании Совета университета 13 апреля этот вопрос рассмотрели, после чего было принято решение ходатайствовать перед окружным начальством об удовлетворении просьбы. В конце концов разрешение было получено. Позже в отчете о состоянии и деятельности университета появится такая запись:

«V. В отчетном году были командированы с ученою целью следующие лица:

а) По историко-филологическому факультету:

…8. Экстраординарные профессора: Созонович, Филевич и лектор русского языка Карский — в г. Вильну, в качестве депутатов от Варшавского Университета на имеющий быть там Археологический съезд».

Несомненно, к открытию съезда уже был выпущен сборник «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда» с подробным библиографическим очерком Е. Ф. Карского «К вопросу о разработке старого западно-русского наречия». К выступлению на съезде молодой ученый подготовил другую работу, названную им «Что такое древнее западно-русское наречие».

Е. Ф. Карский приехал в Вильну утренним поездом в воскресенье, 1 августа, и остановился в гостинице Нишковского. Об этом промелькнуло сообщение в «Виленском Вестнике»:

«Список депутатов, приехавших 1 августа:…Карский Евф. Федор. — г. Нишк. № 4».

В номере Евфимий Федорович жил не один, к нему подселили священника Евфимия Сецинского из Каменец-Подольска, которого даже не было в опублико-

ванном несколькими днями ранее списке депутатов. Впрочем, тезки, видимо, легко нашли общий язык. Кроме них в этой гостинице обосновались и некоторые другие участники съезда, например, сам президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, известный московский профессор Д. Н. Анучин. Думается, небесполезным было для Евфимия Федоровича и знакомство с другими соседями — представителями белорусских губернских статистических комитетов А. П. Сапуновым (из Витебска) и М. В. Фурсовым (из Могилева).

Торжественное открытие IX Археологического съезда состоялось 1 августа, в 4 часа пополудни, в актовом зале 1-й мужской гимназии. Выступали официальные лица, депутаты от различных организаций. Продолжалась эта процедура недолго, всего полтора часа. Городская газета сообщила:

«После торжественного открытия съезда члены депутаты и члены предварительного комитета устроили в летнем помещении клуба товарищеский обед».

Видимо, именно здесь Е. Ф. Карский смог, наконец, познакомиться и в непринужденной обстановке побеседовать со своим будущим оппонентом Петром Владимировичем Владимировым, а также с хорошо известным ему по публикациям профессором Алексеем Ивановичем Соболевским — с той поры у них установятся дружеские отношения на долгие годы. Несомненно, порадовала Евфимия Федоровича и встреча с профессором М. И. Соколовым: вспомнились годы учебы в Нежине, выпускные экзамены, сбор материала к магистерскому экзамену…

С понедельника началась сосредоточенная работа в отделениях. Е. Ф. Карский был причислен, разумеется, к VI отделению — «Памятники языка и письма». Здесь собрались весьма авторитетные исследователи: кроме упомянутых А. И. Соболевского, М. И. Соколова, П. В. Владимирова видим также профессоров В. А. Богородицкого, А. И. Кирпичникова, Н. И. Петрова. Почетным председателем был избран профессор Новороссийского университета А. А. Кочубинский. Посещал заседания отделения маститый автор учебников истории Д. И. Иловайский.

Особенностью этого съезда было то, что послушать доклады и научные дискуссии могли практически все желающие. Классы 1-й Виленской мужской гимназии, где проходили заседания, заполнились учащейся молодежью, педагогами, просто любопытствующими. Для многих присутствовать при свободном обмене мнениями было в диковинку. Большим успехом пользовалась и открытая при съезде, в помещениях 2-й Виленской гимназии, археологическая выставка. Е. Ф. Карский, разумеется, посетил такую родную для него гимназию, где он проучительствовал семь с половиной лет. Большинство из представленных в экспозиции рукописных книг и древних актов, старопечатных изданий, конечно, были ему давно известны, разбору некоторых из них посвящены страницы его исследования «К истории звуков и форм белорусской речи». В других же разделах он, должно быть, увидел много любопытного, ранее ему неведомого. Привлекли его внимание, разумеется, и новейшие издания по истории и археологии юго-западных и северо-западных губерний Империи, а также последние исследования в области палеографии. Вообще выставка должна была способствовать расширению научного кругозора молодого ученого.

Удалось обнаружить сведения о выступлениях Е. Ф. Карского в прениях. Так, он выдвинул собственные предположения после доклада профессора Кенигсбергского университета Л. Х. Штида «О названиях мехов в ганзейской торговле»:

«Некоторые из этих названий профессор (ошибочно, на самом деле **лектор.** — *А. К.*) Варшавского университета Е. Ф. Карский объяснял из белорусского и малорусского наречий, как, напр., попелица, беран (баран), бугай (бык), первач и проч.».

Выступил он с репликой и после того, как преподаватель Гродненской гимназии Е. Ф. Орловский 7 августа выступил с рефератом «О начале города Гродно». Газета сообщала:

«Референт поставил следующие положения: известия киевской летописи XII-о века о Городне относятся к нынешнему губернскому городу этого имени, а не к Гродне, что ныне в Минской губернии, Пинском уезде… Докладчику были сделаны возражения и замечания со стороны Н. И. Петрова: он не считает решенным вопрос

о начале Гродны в изложении референта; он склоняется к мнениям прежних авторитетных историков, что показания летописи XII века относятся к Городне в Минской области. В том же смысле высказался Е. Ф. Карский, сообщивший несколько устных рассказов, слышанных им при посещении местечка Городны».

Интересная информация! Таким образом, выясняется, что Е. Ф. Карский посетил своих родителей в глуши пинских болот после перевода туда 1890 году его отца, дьякона Федора Новицкого, из Березовца. Скорей всего, был Евфимий Феодорович в Городне летом 1891 года.

Делегаты съезда могли переходить из отделения в отделение, выступать, где сочтут необходимым. Реферат Е. Ф. Орловского читался во II отделении, куда Е. Ф. Карский, видимо, специально пришел, чтобы узнать что-нибудь новое из истории своей малой родины — Гродненщины. Свободного времени у него было достаточно — в его VI отделении выступления начинались с 9 августа.

Кстати, в этот день, в понедельник 9 августа, в Вильну прибыли высокие гости — Их Императорское Высочество Великий Князь Сергей Александрович и его супруга Великая Княжна Елизавета Федоровна.

Великий Князь Сергей Александрович был покровителем археологической науки, и поэтому, естественно, он не мог не почтить своим присутствием съезд. Августейшую чету встречала на вокзале вся местная администрация: губернатор и вице-губернатор, командующий войсками и начальник штаба военного округа, попечитель Виленского учебного округа и его помощник. А в VI отделении («Памятники языка и письма») в 10 часов утра, согласно заранее согласованной повестке дня, начались доклады: сперва выступил варшавский профессор И. П. Созонович («К вопросу о происхождении русских былин»), затем П. В. Владимиров («Новые данные для изучения литературной деятельности князя Курбского») и в заключение А. И. Соболевский («Особенности русских переводов до-монгольского периода»). По окончании утренней программы все участники заседания, надо полагать, отправились во 2-ю Виленскую гимназию, на встречу с Августейшей четой. «В 2 часа Их Высочества осматривали выставку археологическую в здании 2-й гимназии, где им были представлены депутаты съезда, и там же изволили кушать чай». (ВК на 1894. Вильна. 1893. Пребывание в г. Вильна Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергия Александровича и Его Супруги, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.)

«Во дворце генерал-губернатора вечером состоялся блестящий раут в присутствии Их Императорских Высочеств. В 9½ часов в зале дворца, убранном роскошными цветами и наполненном массою света от зажженных люстр, можно было видеть всех высших представителей военной и гражданской администрации, представителей высшего круга местного общества, депутатов и членов Археологического съезда и его председательницу графиню Уварову. Выход Высочайших Особ состоялся в 10 ч. 15 м. Их Высочества изволили сначала милостиво беседовать с членами съезда, депутатами и другими гостями, а затем принимали участие в общем разговоре, к концу вечера принявшем большое оживление в группе лиц, собравшихся около Их Высочеств» (ВК на 1894. Вильна. 1893. Пребывание в г. Вильна Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергия Александровича и Его Супруги, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны).

На следующий день, 10 августа, в актовом зале 1-й мужской гимназии состоялось пленарное заседание, причем «Великий Князь изволил занять председательское место, а Великая Княгиня поместилась в первом ряду кресел. Заседание открылось рефератом председателя Виленской комиссии по разбору древних актов д. с. с. Крачковского «Из истории старой Вильны»…» Вечером того дня великокняжеская чета отбыла из города, и Археологический съезд вновь вошел в деловую колею.

Выступление Е. Ф. Карского было назначено на предпоследний день работы съезда, на утро 13 августа, после профессора М. И. Соколова. Председательствовал А. И. Соболевский, а почетным председателем считался В. А. Богородицкий. Секретарем был Х. П. Ящуржинский. Газета сообщила:

«Е. Ф. Карский прочел реферат: «Что такое древнее западнорусское наречие». Сущность реферата заключает в следующем: 1) старое западнорусское наречие имеет особые, характерные черты, которые выделяют его как самостоятельный организм… 2) Эти черты не случайны, а совпадают с особенностями белорусского наречия, легшего в основу западнорусского языка. 3) Особенности белорусского наречия по своей древности почти не уступают другим наречиям…»

В общем, «Виленский Вестник» довольно подробно и точно изложил тезисы доклада. Газета также сообщала, что в прениях взяли слово Н. И. Петров и А. И. Соболевский, впрочем, их выступления не оспаривали ни одного положения докладчика, а носили скорее характер сообщений о собственных интересных наблюдениях и находках.

14 августа IX Археологический съезд был в торжественной обстановке закрыт. Несомненно, Е. Ф. Карский сразу же поспешил в Варшаву, к семье — к своим двум сыновьям и восстанавливавшейся после родов жене.

Начало нового учебного года

В начале августа в столице вышел из печати очередной номер «Журнала Министерства Народного Просвещения», в котором было опубликовано очень интересное исследование Е. Ф. Карского «Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский катехизис 1562 года и 2) Католический катехизис 1585 года». Видимо, в Вильну журнал поступил в самый разгар Археологического съезда — и это еще больше подняло авторитет Е. Ф. Карского в глазах российских ученых.

Оттиски этой статьи Евфимий Федорович получил уже в Варшаве, вероятно, ближе к концу месяца. Он раздает часть оттисков варшавским профессорам, несколько экземпляров посылает ученым в другие города, в первую очередь, конечно, в Киев. Вскоре пришло письмо от П. В. Владимирова: *«Очень благодарен Вам за высланный оттиск статьи о Двух памятниках. С удовольствием прочел его. Вчера говорил с Флоринским о Вашей диссертации. В начале октября будем Вас ждать в Киеве»* (из письма от 12 сентября 1893 г.).

Тем временем начался учебный год. Лектор Е. Ф. Карский приступил к чтению лекций по русской грамматике для фармацевтов и первокурсников всех факультетов. Вначале он рассказал о крупных ветвях индоевропейских языков (индийской, эллинской, германской, кельтской и т. д.), затем о славянском праязыке и его ответвлениях, наконец, перешел к языку русскому, с его наречиями и диалектами. Уже в этой вводной части своих лекций он немало времени уделил рассмотрению особенностей белорусского языка (по научной терминологии того времени — наречия), выделив его в особую ветвь, наряду с северно-великорусским и южно-великорусским наречиями. Во второй главе лектор приступил к более детальному рассмотрению семьи славянских языков. В конце каждого раздела он приводил солидный список литературы по предмету, куда, разумеется, были включены сочинения Ф. И. Буслаева, А. С. Будиловича, Р. Ф. Брандта, М. А. Колосова, А. А. Потебни, А. И. Соболевского, И. И. Срезневского, Т. Д. Флоринского и других. Указан в этом списке и «Обзор звуков и форм белорусской речи» самого лектора.

Поскольку кафедра церковнославянского и русского языков по-прежнему пустовала, в сентябре на факультетском заседании было принято решение: «Об исходатайствовании разрешения на поручение чтения лекций по вакантной кафедре церковно-славянского и русского языков профессору Ульянову и лектору Карскому, первому по грамматике церковно-славянского языка студентам 2-го курса по 2 часа в неделю, а второму по истории русского языка студентам 3 и 4-го курсов славяно-русского отделения, по 2 часа в неделю, обоим, впредь до замещения означенной кафедры, с вознаграждением по 300 р. за годовой час». Предполагалось лекции по истории русского языка назначить на вторник, с 12 до 14 часов пополудни. Это ходатайство на заседании Совета университета 21 сентября было отправлено на

усмотрение Попечителя. Прошло более месяца, пока было получено разрешение (предложение № 15832 от 28 октября). К этому времени в статусе лектора произошло существенное изменение.

В последних числах сентября вышел из типографии № 3 «РФВ» (дозволен цензурой 24 сентября) с окончанием диссертационной работы Е. Ф. Карского. Но в Киеве Т. Д. Флоринский и П. В. Владимиров уже давно работали над своими отзывами об этой работе. Первоначально, как узнаем из писем, они предполагали представить отзывы в конце сентября, однако в итоге под заключением П. В. Владимирова стоит дата: «12 октября 1893 г.». Профессор уведомил соискателя ученой степени: *«Спешу Вам написать о том, как обстоит Ваше дело. Т. Д. Флоринский получил и раздал членам факультета Вашу диссертацию. 16 октября, в субботу, в заседании факультета будет заслушан мой отзыв о Вашем труде; таким образом диспут может состояться 24 окт., в воскресенье, о чем я уведомлю Вас еще заранее телеграммой…»* (из письма от 8 октября 1893 г.).

Эта телеграмма, к сожалению, не сохранилась. Однако, несомненно, все прошло четко, без препон, и Е. Ф. Карский был своевременно оповещен о выходе на завершающую стадию защиты. Он получил в университете отпуск и, видимо, числа 18 или 19-го выехал в Киев. В его «Формулярном списке» имеется запись: «XII. Был ли в отпусках, когда и насколько… *Был… в 1893 г. 21 день и с 19 по 30 октября…»*.

Защита магистерской диссертации

Неизвестно, где остановился Е. Ф. Карский в этот свой первый приезд в Киев. Любезный профессор П. В. Владимиров писал в начале октября: *«Я бы предложил Вам остановиться у меня, но жена моя сильно расхворалась и лежит… Конечно, мне будет очень приятно видеть Вас у себя всегда за обедом (мы обедаем в 4 часу), так что с первого дня Вашего приезда в Киев прошу ко мне обедать. Не смею рекомендовать вам в Киеве номера, но, если найдете удобным, ближе к Университету — «Метрополь», «Северная гостиница»; только не останавливайтесь на Крещатике…»* (из письма от 8 октября 1893 г.).

Как и положено, в газете «Киевлянин» 21 октября, в четверг, появилось предуведомление о предстоящей защите диссертации:

«**Диспут**. В воскресенье, 24 октября, в 1 час дня в XIV аудитории университета св. Владимира (вход с профессорского подъезда) лектор русского языка Варшавского университета Е. Ф. Карский будет публично защищать представленную в историко-филологический факультет диссертацию, под заглавием: «Обзор звуков и форм белорусской речи» (Москва, 1886 г.) и «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893 г.), для получения степени магистра русского языка и словесности.

Оппонентами назначены ординарные профессора П. В. Владимиров и декан Т. Д. Флоринский. Любители отечественного просвещения приглашаются почтить этот диспут своим присутствием. Лица, желающие возражать г. Карскому, обязаны заявить об этом до начала диспута декану историко-филологического факультета».

Сохранилась рукопись речи, произнесенной Е. Ф. Карским 24 октября. Она никогда прежде не публиковалась, в полном перечне работ академика не значится. Приведу из нее лишь начало:

Милостивые Государи!

Вряд ли кто в настоящее время станет сомневаться в необходимости обстоятельного изучения русских наречий. Не говоря уже о том, что просто из любознательности интересно знать, как говорят в разных местах нашего обширного отечества, можно указать еще и другие, более веские соображения в пользу того, что изучение русской диалектологии вполне необходимо и желательно. Станем ли изучать историю русского языка, везде будем наталкиваться на такие явления, которые без знания диалектологии вполне объяснены быть не могут. О старинных звуках и формах, сохраненных до нашего времени в передаче разных письменных

знаков, мы не всегда сумеем составить более или менее точное понятие, если обратимся только к теперешнему нашему литературному языку, в известной степени искусственному. В другом положении окажется дело, если мы привлечем для сравнения данные живых наречий: сохраняясь в устах простого народа, древний язык менее поддается чуждым влияниям и удерживает больше свежести…

Далее молодой ученый говорит о важности изучения именно белорусского языка (по старой терминологии — наречия), который в старину лежал в основе литературного языка литовско-русского государства, являясь «органом политической, умственной и нравственной жизни народа». Сделав краткий обзор написанного в этой области различными исследователями, он заключает свое выступление перечислением изученных им первоисточников — литовского статута, актов, грамот, катехизисов, а также записей собирателей фольклора. И кроме двух своих книг, посвященных изучению белорусского языка, магистрирующий представляет также и самые последние опубликованные работы — «Два памятника старого западнорусского наречия» и «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия». Короче, для магистерской диссертации — материала с избытком.

Отзывы оппонентов о такой капитальной, основательной работе были, разумеется, одобрительными. Профессор П. В. Владимиров заметил, что «исследование белорусской речи в работах г. Карского опирается не только на трудах, предшествующих и современных, но и на некоторых самостоятельных разысканиях. Автор непосредственно усвоил и изучил на месте своей родины один из белорусских говоров — Новогрудского уезда Минской губернии, почему в предисловии к первому труду автор и назвал себя «природным белорусом»… Таким образом г. Карский не только объединил и свел весь наличный материал по изучению звуков и форм белорусской речи, но и сделал собственный вклад в это изучение, так что рассматриваемое исследование является выдающимся трудом в области изучения русской диалектологии».

Были, конечно, и замечания, и уточнения. О некоторых из них можно узнать из подстрочного примечания в статье «О языке так называемых Литовских летописей», написанного, очевидно, по горячим следам. Говоря в этом примечании о поправках, которые необходимо внести в его работу «К истории звуков и форм белорусской речи», в частности, в толкование отдельных слов в тексте Литовского статута 1588 года, Е. Ф. Карский прямо указывает: «…правильное чтение отмеченного места предложено проф. П. В. Владимировым во время моего диспута».

В целом диспут прошел очень успешно. Спустя месяц Е. Ф. Карский рассказывал в письме к П. В. Шейну: *«В Киеве меня приняли довольно дружелюбно, может быть, и потому, что со многими я уже познакомился на съезде в Вильне, напр., с Антоновичем, Владимировым. Дашкевич мне тоже понравился; с редакторами Киевской Старины я не виделся, т. к. пробыл в Киеве всего 6 дней. Житецкого тоже не видел, т. к. он был болен (паралич)…»* (из письма от 25 ноября 1893 г.).

В письме к А. И. Соболевскому он еще более лаконичен: *«Диспут мой (24 окт.) прошел благополучно: возражения касались больше опечаток и т. п. мелочей»* (из письма от 11 ноября 1893 г.).

А первое, что, видимо, сделал Е. Ф. Карский по приезде в Варшаву, — это отправил уважаемому учителю, профессору Р. Ф. Брандту посылку со своей последней книгой и отпечатанными в Киеве тезисами своей диссертации. Из Москвы скоро пришла открытка:

«Будучи в настоящее время чрезвычайно занят, Евфим Федорович, благодарю Вас только наскоро за добрую память и присылку диссертации. Из прилагаемых тезисов вижу, что она уже защищена в Киеве — примите мое искреннее поздравление.

Как теперь выяснилось, Вы отлично могли бы защитить ее и в Москве: диспута Лаврова, вследствие позднего представления им диссертации, все еще не было…» (открытка от 7 ноября 1893 г.).

В Киевском университете не стали тянуть с формальностями. В «Формулярном списке о службе» Е. Ф. Карского имеется запись: *«…удостоен историко-филологическим факультетом Императорского Университета Св. Владимира степени маги-*

стра русского языка и словесности и утвержден в этой степени Советом того же Университета . . . . 1893 октября 29».

Диплом был прислан в Варшаву во второй половине ноября вместе с отношением ректора Киевского университета (№ 2091 от 18 ноября), которое и было рассмотрено на очередном заседании Совета Варшавского университета. А вопрос о чтении лекций по кафедре церковно-славянского и русского языков лектором Е. Ф. Карским решился еще раньше: как уже указывалось, 28 октября попечитель Варшавского учебного округа разрешил ему преподавание по вакантной кафедре, и Совет на своем заседании 9 ноября принял это к сведению.

Творческий подъем

В конце ноября Е. Ф. Карский, сообщив в письме П. В. Шейну, что магистерский диплом уже получен, рассказывал о своей жизни в Варшаве: *«В настоящее время мы с женой все знакомимся с профессорским составом и понемногу бываем у них… Сегодня собираемся к Гроту вечером впервые. Каковы остальные здесь товарищи — мы еще не успели всмотреться.*

Жалованья я получаю за лектуру 2000 р. (6 часов) и за добавочные лекции по истории русс. яз. на III и IV курсах славистам 600 р. (2 часа). Вследствие указанного жить можно вполне удовлетворительно, если не лучше. Теперь все обзавожусь разными книгами… Слушателей у меня на I курсе всех факультетов около 500 человек, а на III и IV курсах славянорусского отделения всего 3 человека» (из письма от 25 ноября 1893 г.).

Как видим, положение лектора, к тому же магистра, было существенно лучше положения преподавателя гимназии. Суммарный годовой доход вырос, а преподавательская деятельность занимала всего 8 часов в неделю. Наконец-то появилась возможность углубиться в научные исследования! Той осенью на одном дыхании было написано исследование «О языке так называемых Литовских летописей», служившее, по мысли автора, дополнением ко второй части его диссертации. В этой работе Е. Ф. Карский рассматривает список Литовской летописи XVI столетия, хранившийся в Варшаве, в библиотеке графов Красинских. В эту библиотеку исследователей пускали неохотно, древние рукописи старались вообще никому не показывать. Впоследствии П. В. Владимиров удивлялся: *«Но как Вам удалось добиться у Красинского летописи?»* (из письма от 8 февраля 1894 г.). Молодой исследователь смог найти подход — и обогатил науку. В своей работе он скромно напишет: «Благодаря любезности администрации библиотеки гр. Красинских, мы имели возможность пользоваться указанным списком XVI века…».

Конечно, и к лекциям необходимо было серьезно готовиться. Именно тогда, в 1893/94 академическом году, Е. Ф. Карский разработал свой курс русской грамматики, который по какой-то причине так и не был издан. В конце рукописи стоит дата: *1894 г. 10 марта. Варшава.*

Видимо, напряженной работой в библиотеке Красинских и тщательной подготовкой к лекциям объясняются слова из того же письма П. В. Шейну от 25 ноября: *«Что касается III ч. Ваших «Материалов», то я жду их с нетерпением, и Вы можете надеяться, что оценка их будет правильная. Корректурные экземпляры мне, впрочем, не шлите, так как еще недели 2 я не могу приступить к разбору Вашей работы, а как выйдут из Академич. типографии оттиски, тогда пожалуйте ко мне…».*

Только что отпечатанная книга П.В.Шейна была доставлена, видимо, во второй половине декабря. Е. Ф. Карский благодарил: *«Оба Ваши письма я получил и сердечно благодарю как за приятные вести, так и за присылку книги. Представьте, какой случай: Вы мне прислали экземпляр Всеволода Миллера, а ему конечно мой… Сюрприз Алексея Ив. Соболевского мне очень приятен, хоть я в данном случае несколько похож на неверного Фому и буду сомневаться до тех пор, пока не получу официальной бумаги»* (из письма от 30 декабря 1893 г.).

О чем идет речь? Несомненно, П. В. Шейн, будучи в курсе столичных новостей, сообщил (письмо не сохранилось) о возникшей в Этнографическом Отделении Императорского Русского Географического Общества идее присудить Евфимию Федоровичу Карскому большую золотую медаль за труды по белорусской тематике. Как видно, застрельщиком оказался профессор А. И. Соболевский. Председателем Отделения Этнографии был в то время В. И. Ламанский, а вице-председателем ИРГО — академик, известный путешественник П. П. Семенов (Тян-Шанский). *«Мне, вероятно, надо будет благодарить отделение этнографии в лице председателя Ламанского (или Семенова?), а может быть, еще что нужно сделать?»* — спрашивал П. В. Шейна несколько ошеломленный молодой ученый.

В «Формулярном списке о службе» Е. Ф. Карского имеется запись:

За ученые труды в области белорусской этнографии Совет Императорского Русского Географического Общества в заседании 15 января 1894 г. присудил ему большую золотую медаль отделения.

Решение Совета было утверждено годичным собранием ИРГО 26 января 1894 года. На следующий день профессор А. И. Соболевский отправил поздравление: *«Вчера состоялось годичное собрание И. Р. Географического Общества. На нем объявлено, что Вам за труды по белорусской этнографии присуждена большая золотая медаль Этнографич. Отделения. Итак, поздравляю»* (из письма от 27 января 1894 г.).

Официальное извещение пришло в Варшаву, видимо, только в конце января. В последний день месяца Е. Ф. Карский написал два письма. Одно из них — В. И. Ламанскому: *«Узнав о присуждении мне Этнографическим Отделением Императорского Русского Географического Общества большой золотой медали за труды по белорусскому наречию, считаю долгом почтительнейше благодарить Вас и Этнографическое Отделение за оказанную мне честь»* (из письма от 31 января 1894 г). Другое письмо — А. И. Соболевскому: *«Прежде всего сердечно благодарю Вас за сочувственный отзыв о моих работах: мне особенно приятно слышать одобрение со стороны человека, глубоко знающего русский язык и его наречия. Конечно, мои работы, как писанные почти до последнего времени в очень неблагоприятной обстановке, не лишены разных недостатков; но сочувственное отношение к ним людей знающих может приохотить к более серьезной деятельности»* (из письма от 31 января 1894 г.).

Вообще, чувствуется, окончание 1893-го и начало 1894 года прошло на большом эмоциональном подъеме. В этот период была завершена статья «О языке так называемых Литовских летописей», ставшая научной сенсацией, и Совет университета на своем заседании 25 января, разумеется, разрешил напечатать ее в университетских «Известиях» с выдачей автору 100 отдельных оттисков. Тогда же были подготовлены сразу две рецензии на присланный П. В. Шейном очередной том «Материалов»: одна из них, краткая, появится в авторитетной столичной газете «Новое Время», другая, более развернутая, будет послана в «Журнал Министерства Народного Просвещения», где ее опубликуют в апрельской книжке.

После публикации первой небольшой рецензии в «Новом Времени» Е. Ф. Карский пишет П. В. Шейну: *«Я очень рад, если моя заметка принесла Вам некоторую пользу; жаль, что до сих пор еще не появилась моя большая рецензия: я ее послал в редакцию Ж. Мин. Н. Пр. еще 2 февраля; даже корректуры еще не прислали. Вообще отзывы о 2-м томе Ваших «Материалов» появляются быстрее, нежели о 1-м»* (из письма от 7 марта 1894 г.).

Напомню, в этом томе было помещено много фольклорных записей, сделанных родителями и сестрой Евфимия Федоровича, — заглавия сообщенных ими сказок приведены в предыдущей главе. Внес немалый вклад и его дядя, причетник Иван Онуфриевич Карский. Он поставил для сборника огромное количество материала: тут и легенды, и приветствия, и образцы божбы и клятв, и проклятия, и примеры ругани, и заговоры, и сведения о нищих-старцах, и, наконец, несколько духовных стихов. Сказка, правда, всего одна — № 26, «Хитрая наука». Однако вклад скромного псаломщика из глубинки впечатляет!

Несмотря на весомое представительство в этом сборнике ближайших родственников, рецензия Е. Ф. Карского в «ЖМНП» далеко не комплиментарна. Так, он отмечает, что «не все сотрудники г. Шейна были одинаково подготовлены к точным записям… одна… особенность белорусской речи везде нарушена — это передача безударного ***о***…». Но в целом ученый, конечно, высоко оценил вклад П. В. Шейна в изучение белорусской этнографии и народной поэзии.

Тема для докторской диссертации

О необходимости написать в кратчайшие сроки докторскую диссертацию Е. Ф. Карский, вероятно, начал размышлять сразу же после защиты диссертации магистерской. К этому же подводили его и знакомые профессора, например, профессор П. В. Владимиров: *«Желаю от души Вам получить кафедру русского яз. в Варшавском университете. Очень порадовался за Вас, когда узнал о награде, присужденной Вам вполне по заслугам Географическим Обществом… Буду с нетерпением ждать Вашего нового печатного труда. Да собирайтесь писать докторскую диссертацию»* (из письма от 8 февраля 1894 г.).

Но и сам Е. Ф. Карский неделей ранее уже затронул эту тему в письме к А. И. Соболевскому: *«Теперь собираюсь приступить к докторской диссертации, и просил бы на этот счет Вашего совета. Мне хотелось бы держаться той же западно-русской области»* (из письма от 31 января 1894 г.).

Алексей Иванович отвечал с юмором: *«Так как Вы оказываетесь человеком, склонным слушаться чужих советов, то я желаю воспользоваться Вашею слабостью и рекомендую Вам заняться двумя псалтырями Моск. Румянц. Музея — XVI в. № 335 (Румянц. Собрания) и XVII в., № сейчас не помню (из частных поступлений), представляющими отличные западно-русские тексты, независимые друг от друга и восходящие к разным оригиналам. Вы найдете в них много интересного в разных отношениях и, надеюсь, разыщете их оригиналы. На мой взгляд, они заслуживают тщательного исследования не только как памятники языка, но и как литературные произведения. Занимаясь ими, Вы можете натолкнуться на другие сходные тексты, еще не рассмотренные Владимировым»* (из письма от 11 марта 1894 г.).

Интересно, что желание заняться докторской окрепло в Е. Ф. Карском еще до получения этого письма, содержащего первые реальные предложения по будущей диссертации. Так, 7 марта он пишет П. В. Шейну: *«Некоторые материалы, нужные для Вас, я, может быть, представлю после лета, хотя специально думаю заняться докторской диссертацией»*.

Конечно, совет А. И. Соболевского окрылил молодого ученого, его кипучая энергия направилась в указанное русло. С каким жаром он принялся за дело, показывает его переписка марта 1894 года.

Е. Ф. Карский — А. И. Соболевскому: *«За псалтырью Рум. Муз. № 335 уже послано в Москву; собираю разные пособия; польских — здесь масса. Очень буду благодарен Вам за всякие указания; теперь жду № псалт. XVII в. Рум. Муз.»* (из письма от 17 марта 1894 г.).

А. И. Соболевский — Е. Ф. Карскому: *«Очень рад, что Вы решаетесь взяться за псалтыри, и вот Вам № второй псалтыри Моск. Музея — 1017, in 32°, скорописью, половины XVII века, да сверх того вот Вам № Толковой псалтыри СПб Дух. Академии, церк.-слав., но с такими же точно оглавлениями каждого псалма, какие Вы найдете в Рум. псалтыри XVI в. — А 1/136…»* (из письма от 20 марта 1894 г.).

Е. Ф. Карский — А. И. Соболевскому: *«Очень Вам благодарен за указания: всем постараюсь воспользоваться»* (из письма от 23 марта 1894 г.).

К концу лета контуры докторской диссертации начали уже отчетливо вырисовываться. Вот что читаем в письме той поры все к тому же А. И. Соболевскому: *«Псалтырь Рум. Муз. № 335 мною изучена уже всесторонне, даже переписана вся. С соблюдением всех палеографических особенностей; и № 1017 уже у меня, и*

изучение его приходит к концу. Думаю еще сравнить с ними псалтырь в Сборнике Вил. П. биб. (по Добр. № 212) да по одной рукописи библиотеки Красинских… Придется еще просмотреть печатные псалтыри Скорины и Виленские. После этого приступлю к сравнению с польскими и чешскими переводами…» (из письма от 28 августа 1894 г.).

Университетские будни

К весне 1894 года Евфимий Федорович, думается, полностью освоился в Варшавском университете. В круг его знакомых кроме А. И. Смирнова вошли также профессора Г. К. Ульянов и К. Я. Грот, молодой магистрант В. А. Францев.

Лекции шли своим чередом, в однажды установленном ритме. Как уже говорилось, 10 марта была поставлена последняя точка в рукописи общего курса грамматики русского языка. Очевидно, к весне была подготовлена, отдана для переписки каллиграфическим почерком и затем литографирована «Программа по Русскому языку для испытания фармацевтов Императорского Варшавского Университета в 1893/4 а. г.». Работа эта ранее не исследовалась, в число опубликованных работ академика Е. Ф. Карского не включалась. Тираж ее, видимо, был небольшой, по числу слушателей (около 100). Для того времени подобное литографирование учебных «Программ» было делом новым. Хранится она в фонде академика в ПФА РАН.

Кафедра русского языка и словесности по-прежнему оставалась вакантной. Кроме Е. Ф. Карского на нее объявился еще один претендент — магистр В. Н. Мочульский. Момент был острый. Е. Ф. Карский говорит о сложившейся ситуации в письме к А. И. Соболевскому: *«У нас теперь на очереди вопрос о замещении кафедры русского яз. и церковнославянской, вакантной уже целый год, после отказа Лаврова. Главным претендентом является Мочульский, но и я также заявил свои права»* (из письма от 17 марта 1894 г.). Трудно сказать, почему Е. Ф. Карский считал своего конкурента главным претендентом. Большинство на историко-филологическом факультете, познакомившись с его блестящими лекциями и глубокими научными работами, явно склонялось в его пользу. В «Варшавских Университетских Известиях» как раз в это время (февраль — март) печаталась статья «О языке так называемых Литовских летописей». А тут еще подоспел апрельский номер ЖМНП с обстоятельной рецензией на II том «Материалов» П. В. Шейна. И о «Русском Филологическом Вестнике» лектор Карский не забывал: в апреле взялся за разбор только что выпущенной в Одессе «Грамматики древнего церковно-славянского языка сравнительно с русским» А. П. Флерова и в последний день месяца передал его редактору. И так удачно получилось, что рецензия эта успела попасть еще в XXXI книжку журнала (№№ 1 и 2), дозволенную цензурой 11 мая и вскоре увидевшую свет. Следует напомнить, что учебник самого Е. Ф. Карского, с точно таким же названием, успешно выходил с 1888 года в Вильне и в прошлом, 1893 году, был переиздан в четвертый раз. Конечно, все это учли на факультете при выборе профессора на вакантную кафедру.

Утверждение Е. Ф. Карского экстраординарным профессором состоялось летом, во время каникул. Вероятно, он так никуда и не выехал из Варшавы с семьей. В его письме к П. В. Шейну читаем: *«Мы было уже собрались на дачу в Минскую губернию, но получили нерадостное известие, что там страшный дифтерит, и потому не решились туда направиться»* (из письма от 12 мая 1894 г.).

В его «Формулярном списке о службе» имеется запись: *«Утвержден экстраординарным профессором Императорского Варшавского Университета по кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы, с....1894 Июня 26».*

В фонде академика Е. Ф. Карского в ПФА РАН сохранилось официальное письмо, подтвердившее радостное известие Поскольку ректор университета И.П.Щелков

находился в отпуске, подписал письмо исполняющий его должность. Приведу документ полностью:

М. Н. П.
Р Е К Т О Р *Господину Лектору*
ИМПЕРАТОРСКОГО *Е. Ф. Карскому*
ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Июля 15 1894 г.
№ *4244 Вследствие предложения Господина Попечителя Варшавского Учебного Округа от 7 июля сего года за № 10666, имею честь уведомить Ваше Высокородие, что Господин Министр Народного Просвещения предложением от 26 Июня сего года за № 12548, изволил утвердить Вас в звании экстраординарного профессора Императорского Варшавского Университета по кафедре русского и церковнославянского языков и истории русской литературы с 26 Июня сего года.*

И. д. Ректора Университета М. Шалфеев

После этого Совету университета только и оставалось, что принять к сведению состоявшееся утверждение. Это и было сделано на первом же заседании в новом академическом году — 20 сентября.

Тем летом, я предполагаю, Карские не выехали на отдых из Варшавы не только потому, что вокруг свирепствовал дифтерит, не только из-за ожидавшегося со дня на день утверждения в новом звании. В семье ожидалось очередное прибавление. И действительно, 20 августа родилась девочка, которую назвали Наташей. Я хорошо знал Наталью Евфимовну. Для меня она всегда была тетей Наташей, обаятельной, изящной старушкой с налетом варшавского флера. И судьба предоставила мне фантастическую возможность — теперь, работая над этой книгой, я могу охватить внутренним взором всю ее жизнь, с самого рождения, я знаю многие, казалось, совсем забытые обстоятельства, чувствую нерв той ушедшей эпохи. Удивительные ощущения преподносит кропотливое копание в истории!

«Чтение лекций в Варшавском университете начнется 5 сентября», — извещал «Варшавский Дневник». И еще из той же газеты:

«В Варшавский университет зачислено 132 человека, из них на историко-филологический — 13, на физико-математический — 20, на юридический 42 человека и на медицинский 57».

В понедельник, 5 сентября, Евфимий Федорович Карский появился в стенах университета уже в качестве экстраординарного профессора. Новая его должность соответствовала VI классу в тогдашнеё табели о рангах, однако в жаловании он ничего не приобрел — оно осталось прежним, 2000 рублей в год. Зато отныне он становился полноправным членом университетского Совета, мог влиять на его решения. И главное: взойти в 33 на собственную кафедру — это великолепно! Это большой жизненный успех!

Какие курсы лекций поручены были Е. Ф. Карскому в первый год своего профессорства, можно узнать из «Обозрения преподаваемых предметов в Императорском Варшавском Университете в 1894/95 академическом году»:

«1. Историко-филологический факультет. …5. Древнеславянский и русский язык и история русской литературы. …Е. Ф. Карский, экстраординарный профессор, будет читать: а) грамматику церковно-славянского языка студентам 2-го курса по 2 часа в неделю; б) русскую диалектологию (обзор народных говоров великорусских, малорусских и белорусских) студентам 3 и 4-го курсов славяно-русского отделения, совместно, по 2 часа в неделю».

12 октября 1894 года предполагалось отпраздновать 25-летие Императорского Варшавского университета. Однако осторожный министр И. Д. Делянов не разрешил, сославшись на то, что правительственные учреждения, в силу существовавших узаконений, не имели права отмечать четвертьвековые юбилеи. Как выяснилось к середине осени, торжества эти оказались бы неуместными: император Александр III тяжело болел, общество было угнетено

тревожными слухами. 20 октября, в 2 часа 15 минут пополудни царь скончался. Страна погрузилась в траур. Власть перешла к его наследнику, Николаю II. Странным образом сообщения о перевозе тела Александра III в столицу переплетались с известиями о миропомазании над нареченной невестой Николая II. Через неделю после погребения отца (7 ноября) состоялось бракосочетание сына (14 ноября).

В эти наполненные суетой дни в Варшавском университете произошла важная кадровая перемена, 24 октября, на место уволившегося по прошению ректора И. П. Щелкова был назначен бывший декан медицинского факультета Императорского Харьковского университета, действительный статский советник П. И. Ковалевский. А историко-филологический факультет в это же время был озабочен поиском кандидатуры на ставшую вакантной должность лектора русского языка. Вот строки из письма П. В. Владимирова Е. Ф. Карскому: *«Наш ректор и декан получили от Вашего декана Любовича просьбу порекомендовать кого на место лектора русского яз. в Варшавский Университет, так как Вы заняли профессорское место. Если это правда, то позвольте порекомендовать Вам моего хорошего слушателя Андрея Митрофановича Лободу... Человек он молодой, крайне скромный, трудолюбивый».* По какой-то причине кандидатура А. М. Лободы была отклонена факультетом, из-за чего в Киеве, видимо, вспыхнула обида, и в переписке П. В. Владимирова с Е. Ф. Карским возник долгий перерыв. А на место лектора в конце концов был принят магистр Александр Васильевич Михайлов, с которым у Евфимия Федоровича на долгие годы установились искренние дружеские отношения.

Пока решался вопрос о поручении лектуры А. В. Михайлову, русский язык фармацевтам, по 2 часа в неделю, преподавал профессор Иван Петрович Созонович, а лекции для первокурсников всех четырех факультетов, по 4 часа в неделю, пришлось читать Е. Ф. Карскому, с оплатой в 150 рублей за годовой час.

Следствием упорной и успешной деятельности явилась награда: *«За отлично-усердную службу и особые труды Всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 3 ст...1895 января 1».*

Летняя командировка

Работа над докторской диссертацией успешно продвигалась. Материала, казалось бы, вполне хватало. Но Е. Ф. Карский стремился расширить поле поиска, привлечь ранее не исследованные тексты. А для этого ему необходимо было покопаться в крупных хранилищах древних рукописей и книг.

На факультете его поддержали, обратились в Совет с ходатайством о предоставлении оплаченной командировки. Такие вопросы обязательно баллотировались. Вообще, надо заметить, тогдашняя университетская жизнь дает неплохие образцы коллегиального, демократического решения многих вопросов. А благодаря тому, что отчеты и протоколы регулярно публиковались, появляется возможность проследить буквально все этапы прохождения каждого вопроса.

«Представления факультетов.

а) Историко-филологический факультет.

…12. От 20 марта № 20 об исходатайствовании командировок, с учебной целью, в Россию и за границу профессорам: …Карскому — на летнее вакационное время на 28 дней для занятий в библиотеках С.-Петербурга, Москвы и Вильны, с пособием в 250 р...

…44. Результаты баллотировки на выдачу пособий по ученым командировкам: положено шаров… проф. Карскому (250 руб.) — полож. 39, отриц. 6…» ВУИ, 1895, IX. Сокращенные протоколы заседаний Совета Императорского Варшавского Университета за первое полугодие 1895 г. Заседание 23 марта, ст. 12. С. 27. Определение Совета — с. 30. Ст. 44. С. 32— 33.

В середине весны 1895 года Е. Ф. Карский обратился с письмом к А. И. Соболевскому: *«Уже год как я не получаю от Вас писем, и поэтому думаю, что Вы сердитесь на меня за что-либо. Однако, передумав все, не нахожу, чтобы я чем-либо причинил Вам неприятность, и поэтому еще раз решаюсь побеспокоить Вас. — Дело в следующем. Предпринятое мною исследование псалтырей Рум. Муз. почти доведено до конца: отысканы польские источники (Wróbel и Библия 1563 г.), отмечены польские и цслав. влияния, выделены черты белорусского наречия, собран материал для словаря к обоим переводам; даже сделан сводный текст псалтыри на западно-русском наречии. Кроме указанных Вами 2 рукописей Румянц. Музея еще рассмотрена рукопись Вилен. Публ. Библ., 1 рук. библиотеки Красинских… Желательно бы еще открыть какие-либо рукописи. С этой целью в наступающие каникулы я посещу Петербург (весь июнь) и Москву (август и половину сентября). Может быть, где-либо я застану Вас: очень бы хотелось посоветоваться с Вами, тем более, что Вы обещали мне указать кой-какие вещицы, находящиеся в связи с рассматриваемыми псалтырями…»* (из письма от 10 апреля 1895 г.).

Ответ последовал незамедлительно: *«Бог с Вами, Евфимий Федорович! Я вообще отнюдь не сердит, а злобиться долгое время и вовсе не умею; относительно же Вас у меня нет никаких данных, чтоб возыметь гнев. Если я не пишу, или точнее: пишу очень редко, то единственно потому, что писать-то не о чем. События внешней жизни Пб Вы достаточно знаете из газет; а что до событий внутренних, то наш чиновничий мир дает слишком мало материала для интересующихся наукой… Вам может пригодиться из известных мне ркпсей только Толк. псалтырь нач. XVII в б—ке СПб Дух. Ак. А 1/ 136»* (из письма от 18 апреля 1895 г.).

О последней рукописи А. И. Соболевский упоминал и ранее. Именно для знакомства с ней Евфимий Федорович и собирался летом в столицу. Из письма ясно, что других подходящих источников профессор Соболевский не знал.

В «Формулярном списке о службе» отмечено, что 250 рублей командировочного пособия были выплачены 26 апреля. Из Варшавы Е. Ф. Карский отбыл, видимо, сразу же по окончании экзаменационной сессии. Но поехал не прямиком в столицу…

Тут я позволю себе реконструировать события на основе некоторых своих предположений и догадок. Из крохотной, всего на одну страничку «Заметки по русской диалектологии», известно, что тем летом он побывал в местечке Волма Минского уезда, куда в мае 1893 года был переведен псаломщиком его отец, дьякон Феодор Новицкий. Вот выдержка из заметки: «Истекшим летом нам пришлось быть в одном месте Минского уезда — м. Волме, в 40 верстах от губернского г. Минска, к западу от него…». Скорей всего, в начале июня Е. Ф. Карский отвез семью в Волму к родителям. А затем через Минск направился в Вильну, где несколько дней занимался в Публичной библиотеке. Если судить по отчету о командировке, в Вильне изучена была только одна рукописная псалтырь (№ 49). (ВУИ,1896, VI. Извлечения из Отчета о состоянии и деятельности Императорского Варшавского Университета за 1895 г.) Но, кроме сбора материала по переводам псалтыри ученый в этой поездке преследовал еще и другие цели, которые указывает в первом абзаце своего отчета: «…2)…разыскивались и обследовались разные рукописи на западнорусском наречии и 3) собирались материалы для предполагаемого курса кирилловской палеографии». Поэтому в Вильне была еще изучена копия со знаменитой Супрасльской рукописи, и описанию ее в отчете посвящено несколько страниц.

Далее путь Е. Ф. Карского лежал в столицу. Здесь он работал, главным образом, в Публичной библиотеке, где выявил три интересных для себя рукописных псалтыри. О посещении библиотеки Духовной Академии в отчете ничего не говорится, но Толковая псалтырь 1609 года, о которой сообщил А. И. Соболевский, несомненно, именно тогда была тщательно изучена (ей в диссертации уделено 6 страниц).

В Петербурге Евфимий Федорович посетил собирателя фольклора П. В. Шейна. Подробности этой встречи, состоявшейся до 18 июня (19-го П. В. Шейн с семейством был уже на даче, под Ригой), неизвестны. Но ясно, что Евфимий Федорович оставил свой летний деревенский адрес. Письмо от П. В. Шейна пришло,

вероятно, в конце июля и, хотя конверт и не сохранился, из текста видно, что адресат проживал тогда в деревне. Вот что писал маститый этнограф и фольклорист: *«Вы теперь, вероятно, уже успели одолеть и справить основную, более трудную часть своей докторской ученой работы и у Вас более свободного досуга, чем в Питере… Вы, по моему глубокому убеждению, можете, если только захотите, помочь мне… Теперь Вы живете в самой гуще белорусской народности, в самую удачную пору земледельческих работ, подробнейшее описание которых входит в состав печатаемого сборника. Кроме того Вам, я думаю, не составит особо много затруднения заохотить местного батюшку, писаря или школьного учителя, пожалуй, даже землемера, к описанию жилища, пищи, одежды и пр., поверий, суеверий, примет и т. п.»* (из письма от 27 июля 1895 г.). Представляется весьма вероятным, что Е. Ф. Карский из Петербурга направился прямиком в Волму, где и провел полтора месяца.

Ответное письмо П. В. Шейну было отправлено уже из Москвы. Адрес и дата четко указаны на первой странице, вверху:

Москва. Угол Кузнецкого
и Рождественки, д. Гонецкой,
Меблир. комн. Карпенко
10 авг. 1895

Далее читаем: *«…Выехав из Петербурга, я был занят срочной работой — перепиской своей диссертации; и действительно переписано на 9 печатных листов, на что пошло 50 дней. Вследствие этого собирать для Вас материалы, при всем моем желании, я не мог, больше же некому было: жена всегда занята с детьми; остальная деревенская интеллигенция еще не выросла до того, чтобы понимать пользу подобных собираний. Теперь я в Москве: буду рыться в разных библиотеках, не найду ли чего-либо подходящего для меня. Пробуду здесь недели 2—3, а затем в Варшаву — печатать работу, что займет, вероятно, около года, так как вся работа займет листов 35. Больше половины еще придется переписывать»*.

В Москве, как видно из отчета, Е. Ф. Карский работал в Румянцевском музее, в Синодальной и Типографской библиотеках, в Патриаршей ризнице. Дополнительные штрихи вносят ранее никем не исследовавшиеся письма немецкого слависта Василя де Лежюжа, познакомившегося с Е. Ф. Карским в номерах Карпенко. В первом из них читаем:

«Надеюсь, что причина, заставившая Вас летом так неожиданно покинуть Москву, как раз за день перед тем, как Вы собирались съездить в Симоновский единоверческий монастырь, чтобы познакомиться с хранящейся там бывшей Хлудовской библиотекой, была не из тех, которые немцы называют “Hiobsbotschaft”.

Надеюсь, что Вы благополучно и в безмятежном состоянии прибыли в лоно Вашего семейства и могли с чувством полного удовлетворения взглянуть на результаты Вашего каникулярного путешествия…

Wassil de Lejuge, cand. phil. slav.

NB. …Впрочем, не знаю, помните ли Вы вообще Вашего случайного соседа в меблир. комнатах «Карпенко» в Москве?» (из письма от 27/15 ноября 1895 г.).

В диссертации Е. Ф. Карский рассматривает печатные псалтыри (в частности Ф. Скорины 1517 года) из бывшей библиотеки Хлудова, переданной Никольскому единоверческому монастырю. Об этих изданиях к тому времени скопилась уже большая литература, и, скорей всего, ученый воспользовался имевшимися описаниями. Чем был вызван его внезапный отъезд из Белокаменной? Возможно, из Волмы пришло какое-то тревожное известие, может быть, кто-то из детей внезапно заболел… К счастью, все обошлось.

Вернувшись в Варшаву, Карские вселились в другую квартиру. На сохранившихся письмах конца года адрес указывается уже новый — Вспульная, 24. Если судить по старой карте, это угловой дом, сросшийся с их прежним домом, носившим нумерацию по улице Кручей (№ 35). Объяснение простое: семья увеличилась — вот и подыскали поблизости другую квартиру, попросторнее.

Доподлинно неизвестно, состоялась ли в августе, в Москве, намеченная встреча Е. Ф. Карского с А. И. Соболевским. Но интонация писем, которые посылал отправившийся осенью того года в зарубежную командировку Алексей Иванович, создает ощущение, словно это продолжение прерванного разговора.

В конце 1895 года

Собственно, в письмах из-за границы А. И. Соболевского к Е. Ф. Карскому конца 1895 года нет ни слова о псалтырях, словно о них уже все сказано. И из Львова (10 ноября по н. ст.) и из Праги (9 декабря по н. ст.) он сообщает лишь о книжных и журнальных новинках, имевших отношение к белорусской тематике. В частности, им был приобретен V том «Sprawozdania komisji językowej» («Отчеты языковой комиссии»), просмотрены только что набранные первые 12 листов труда М. Федеровского «Lud białoruski». Вывод: *«…кое-что Вам может пригодиться»* (из письма от 10 ноября / 30 октября 1895 г.)

Действительно, профессор Е. Ф. Карский, заканчивая напряженную работу над докторской диссертацией, не упускал из виду и другие вопросы, входившие в круг его научных интересов. О небольшой «Заметке по русской диалектологии», опубликованной под занавес года в «Русском Филологическом Вестнике», уже говорилось. В той же книжке «РФВ» опубликовано небольшое, но очень содержательное палеографическое исследование Мстиславова Евангелия, хранившегося в Патриаршей ризнице. Интересно, что он нашел возможность дать статью и в XV том «Известий Историко-Филологического Института князя Безбородко в Нежине», выпуск которого был приурочен к 75-летию открытия Гимназии Высших Наук и 20-летию Института. Материал для этой работы («Русские наречия **домой**, **долой**»), судя по всему, собирался на протяжении десятка лет, еще со студенческой скамьи. Статья увидела свет в конце того очень плодотворного года.

Служба в университете шла своим чередом. Экстраординарный профессор Е. Ф. Карский читал те же курсы, что и в прошлом году: грамматику церковно-славянского языка и русскую диалектологию. Известно, что со студентами III и IV курсов славяно-русского отделения регулярно проводились практические занятия: «…чтение древнейших памятников церковно-славянского языка с грамматическими объяснениями (проф. Карский)». (6 ВУИ,1896, VI. Извлечения из Отчета о состоянии и деятельности Императорского Варшавского Университета за 1895 г.)

В конце года появилось и еще одно направление деятельности. Все началось с присылки А. А. Шахматовым, видимо, в начале декабря, проекта «Программы для собирания особенностей говоров северно-великорусского народа». В сопроводительном письме, набранном красивым курсивом и отпечатанном в типографии на великолепной бумаге, было следующее обращение:

Милостивый Государь

Второе Отделение Императорской Академии Наук поручило мне составить программы для собирания особенностей русских говоров, указав при этом, что для каждой из главных частей, на которые распалась русская речь, должны быть составлены особые вопросные статьи или особые программы…

Препровождая Вам экземпляр будущей программы в черновом виде, я надеюсь, что Вы не откажетесь просмотреть ее и сообщить мне в течение настоящего месяца приписками на самой программе или отдельным письмом всякие замечания, которые могут вызвать предложенные вопросы, приведенные примеры и т. п..

Е. Ф. Карский ответил незамедлительно: *«Полученная от Вас Программа отличается такою обстоятельностью и полнотой, что прибавить что-либо очень трудно. Впрочем, некоторые мелочи могу указать»* (из письма от 14 декабря 1895 г.). И далее следует несколько замечаний. Это оказалось началом участия Е. Ф. Карского в большом академическом проекте.

Через несколько дней пришло новое письмо от А. А. Шахматова: *«Очень Вас благодарю за Ваши дополнения и за поправки. Ввиду того, что Вы так сочувственно отнеслись к делу, обращаюсь к Вам с следующим предложением. Составьте программу по собиранию белорусских говоров с тем, чтобы в черновом виде она была сообщена интересующимся белор. говорами (напечатается она здесь). Издание программы будет принадлежать Академии, и ответы на разосланные программы должны направляться во II Отделение»* (из письма от 18 декабря 1895 г.).

Это уже было серьезным предложением о долгосрочном сотрудничестве с Академией Наук. Евфимий Федорович, конечно, принял его: *«Я согласен написать программу для собирания сведений по белорусским говорам и пришлю ее Вам для дальнейших распоряжений приблизительно через месяц или недель через 5»* (из письма от 21 декабря 1895 г.).

Во многом инициатива Академии была, по сути, развитием давних идей П. В. Шейна о широком привлечении корреспондентов путем рассылки специальных вопросников. Но все-таки в данном случае основной упор делался не на сборе фольклора, а на фиксировании диалектных особенностей языка. Интересно, что о своем намерении подготовить белорусскую программу Е. Ф. Карский в тот же день сообщил П. В. Шейну: *«На Рождество в Петербург не приеду. Теперь готовлю для Академии Наук программу для собирания особенностей белорусских говоров. Моя диссертация печатается довольно успешно: уже 16-й лист. К концу февраля будет готова»* (из письма от 21 декабря 1895 г.).

Завершение докторской диссертации

Печатание докторской диссертации успешно продвигалось еще и потому, что университет выделил на него средства. В сентябре, едва прибыв из командировки, Е. Ф. Карский представил факультетскому собранию свой отчет и начисто переписанную весомую часть диссертации. Факультет, не медля, вышел в Совет университета с двумя предложениями, которые и были рассмотрены на заседании 28 сентября:

«…9. От 25 сентября № 46 о разрешении экстраординарному профессору Карскому напечатать в Университетских Известиях «Отчет о научных занятиях в течение летних месяцев 1895 г.

10. От 25 сентября № 47 о назначении экстраординарному профессору Карскому пособия в количестве 700 р. из сумм факультета для напечатания сочинения его п. з. «Западно-русские переводы псалтыри в XV—XVII веках».

Последние страницы диссертации, видимо, были переписаны набело и сданы в типографию к началу декабря. Тотчас же в Москву, профессору Р. Ф. Брандту, был направлен запрос: сможет ли он в ближайшее время заняться рассмотрением оконченного труда? Это письмо пока не обнаружено, зато сохранился ответ: *«Любезный Евфимий Федорович. Диссертаций для меня теперь не предвидится, и я с удовольствием могу заняться Вашей, будучи наперед уверен, что она будет, в той или иной степени, достойна одобрения»* (из письма от 13 декабря 1895 г.).

В середине января 1896 года Е. Ф. Карский, не дожидаясь окончательного выхода книги из типографии, отослал Р. Ф. Брандту готовую ее часть, для предварительного ознакомления. Роман Федорович ответил: *«Просмотревши, а отчасти и прочитавши присланные Вами листы (1 — 40), могу сообщить Вам, что труд Ваш произвел на меня весьма хорошее впечатление. Сказать заранее, кто будет другим оппонентом, никак не могу — Вам бы написать и послать по экземпляру обоим предполагаемым оппонентам»* (из письма от 23 января 1896 г.). И далее Р. Ф. Брандт сообщает адреса своих коллег, профессоров М. И. Соколова и В. Ф. Миллера. Вообще это письмо от 23 января полно полезных практических

советов по подготовке к защите, по подаче прошения — не забыто, наверно, ни одно требование, которое необходимо выполнить желающему докторского диспута.

Е. Ф. Карский, очевидно, предполагал защитить докторскую диссертацию уже весной. Но тут вмешались непредвиденные обстоятельства. Всего через полмесяца Р. Ф. Брандт извещал уже совсем в другом тоне: *«К моему величайшему сожалению, любезнейший Евфим Федорыч, как Матвей Иваныч, так и Всеволод Федорыч теперь решительно отказываются (вследствие многочисленных других дел) читать Вашу диссертацию, да и Декан говорит, что ввиду исключительной краткости этого весеннего полугодия нельзя будет двинуть Вашего дела, а пришлось бы отложить его на осень»* (из открытки от 8 февраля 1896 г.).

Ему вторил профессор В. Ф. Миллер: *«Я начал просматривать присланные вами листы Вашей книги «Западно-русские переводы псалтыри в XV—XVII веках» и убедился, что это капитальный труд, вполне заслуживающий искомой Вами степени доктора. Вопрос лишь во времени. В этом отношении текущее полугодие для Московского Университета сложилось очень неблагоприятно. Все занятия должны быть по случаю Коронации прекращены к 1 мая»* (из письма от 10 февраля 1896 г.).

Итак, выходило, что из-за предстоящей коронации Николая II в Москве (намеченной на 14 мая) приходилось переносить докторский диспут на осень. Но Евфимий Федорович попытался бороться с неблагоприятно складывавшимися обстоятельствами — и без промедления направил запрос профессору П. В. Владимирову: есть ли возможность защититься в Киеве еще весной? Послание это не обнаружено, но для уяснения сути происходившего вполне достаточно и сохранившегося ответа: *«Спешу ответить на любезное письмо Ваше от 13 февраля. Хотя я не имею под руками Вашей работы о «Западно-русских переводах Псалтыри XV—XVII вв.» и не знаю о ее характере, тем не менее ни минуты бы не задумался принять ее для диспута, зная Ваши почтенные труды, предшествующие этой новой работе, и теперь вполне готов предложить Вам прислать к нам Ваше исследование, если только Вы согласитесь подождать до сентября. Дело в том, что у меня накопилась масса работы… Возвращаю Вам при этом письма Р. Ф. Брандта и В. Ф. Миллера»* (из письма от 18 февраля 1896 г.).

Приходилось смириться с переносом диспута на осень. Свой выбор Е. Ф. Карский остановил все-таки на Московском университете. Труд вышел в свет в самом конце февраля или, скорее, даже в начале марта (в конце предисловия стоит дата: *Февраль 1896 г.*). Объявление о поступившей в продажу книге Е. Ф. Карского «Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII веках», изданной за счет университета, впервые появилось на тыльной стороне обложки апрельского номера «Варшавских Университетских Известий».

Вероятно, вскоре после выхода книги 15 экземпляров и официальное прошение о допущении к защите были отправлены в Московский университет. Р. Ф. Брандт оповещал в конце апреля:

«Диссертация Ваша получена (уже давно). Однако 15 экземпляров, кажется, мало… Факультетских заседаний у нас за это время не было, и прошение Ваше будет заслушано лишь 3 мая» (из письма от 28 апреля 1896 г.). На следующий день после указанного заседания было отправлено очередное письмо: *«Ваше прошение вчера заслушали в факультете и поручили рецензию книги мне и Матвею Иванычу — диспут д. б. придется назначить в октябре. Экземпляров действительно мало — потрудитесь прислать еще 6»* (из письма от 4 мая 1896 г.).

Удивительное стечение обстоятельств: оппонентами Е. Ф. Карского на предстоящей защите докторской диссертации оказались два профессора, Р. Ф. Брандт и М. И. Соколов, казалось бы, совсем недавно оценивавшие его знания на выпускных экзаменах в Нежинском историко-филологическом институте.

«Программа для собирания особенностей белорусского наречия»

Готовясь к защите докторской диссертации, профессор Е. Ф. Карский не забывал и об обещании, данном А. А. Шахматову. Во второй половине февраля «Программа для собирания особенностей белорусского наречия» была им вчерне подготовлена и 23 февраля отправлена в Санкт-Петербург.

Е. Ф. Карский — А. А. Шахматову: *«Вместе с этим письмом посылаю во II Отд. И. А. Н. составленную мною программу. Вы увидите, что она во многом подражает Вашей, а местами даже буквально воспроизводит ее. Распорядитесь ею по своему усмотрению: делайте поправки и дополнения до печатанья, а также во время корректуры. Одну корректуру хотел бы прочесть и я сам. По отпечатаньи вчерне пришлете мне экземпляр. Остальные рассылайте тем же лицам, что Ваши программы. С своей стороны я просил бы прибавить только Бодуэна-де-Куртенэ, а также Шейна и Романова…»* (из письма от 23 февраля 1896 г.).

Вскоре был получен ответ Алексея Александровича: *«Типография занята в настоящее время набором моей южновеликор. программы. Но она не замедлит приступить к печатанию Вашей — белорусской программы. Вы напишете тогда письмо, подобное моему, и от вашего имени П. К. Симони разошлет ее всем тем, кому Вы укажете… Очень Вас благодарю за сочувствие нашему общему делу»* (из письма от 15 марта 1896 г.).

Предварительный вариант «Программы» был отпечатан, вероятно, в конце мая, тогда же II Отделение и разослало его. Доподлинно известно, что эту «Программу» получили С. К. Булич, В. Н. Добровольский, Б. М. Ляпунов, Е. А. Ляцкий, Н. Я. Никифоровский, Н. К. Рамзевич, Е. Р. Романов, Т. И. Филиппов, М. Г. Халанский. Кроме того, Е. Ф. Карский раздал несколько экземпляров коллегам по университету — А. В. Михайлову, А. И. Смирнову. Именно от этих лиц были получены различные дополнения и уточнения.

Планы Е. Ф. Карского на то лето хорошо известны из его письма П. В. Шейну: *«В скором времени Вы получите из Академии и экземпляр черновой белорусской программы, в которой пожалуйста делайте замечания и поправки… На Археологический съезд в Ригу пока не собираюсь; лето проведу на даче в Белоруссии, и на этот раз уже в Гродненской губ. (г. Соколка, д. Жуки, 7 верст от станции железной дороги)…P. S. На дачу уезжаем 23 мая и будем там до 1 сентября»* (из письма от 21 мая 1896 г.).

Как получилось, что семья Карских на лето поселилась в Сокольском уезде? В биографии ученого, принадлежащей перу его зятя, профессора (а позже академика) В. И. Борковского, промелькнуло: «…в Соколках жил двоюродный брат супруги Евфимия Федоровича — доктор Маркевич, заведовавший больницей)».

Туда, в деревню Жуки, скорей всего, и переправлялась тем летом вся корреспонденция Е. Ф. Карского. Первым пришло письмо от Н. Я. Никифоровского (от 25 мая) с благодарностью за появившийся в майском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» сочувственный отзыв о его сборнике «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности». Сам Е. Ф. Карский был не очень доволен этой своей публикацией под заглавием «Новые труды по белорусской этнографии (за 1895 год)», заключавшей в себе разбор четырех новых книг. Недовольство его было вызвано тем, что на сей раз ему не высылалась корректура и в тексте оказалась масса опечаток. Впоследствии он даже перепечатает, в исправленном виде, одну из рецензий — о польском сборнике Адольфа Черны — в «Русском Филологическом Вестнике».

Как видно из письма Н. Я. Никифоровского от 25 мая, он еще не получил белорусской программы и ничего о ней не знал. А вот письмо Е. Р. Романова, отправленное из Могилева 6 июня, появилось уже после беглого ознакомления с вопросником. Правда, Евдоким Романович понял так, что от него ждут именно ответов на поставленные вопросы, а не замечаний и поправок по тексту. *«Сегодня я получил из Академии Вашу*

программу для исследования белорусских говоров и очень желаю поделиться с Вами моими наблюдениями. Но в настоящее время я завален срочными работами и потому вынужден усердно просить Вас не отказать мне в сообщении, в двух словах, крайнего срока, когда Вы предполагаете начать разработку имеющих поступить материалов, и я постараюсь не опоздать к этому сроку» (из письма от 6 июня 1896 г.).

Затем были получены письма от знатока смоленских диалектов В. Н. Добровольского (от 28 июня) и молодого литературоведа и этнографа Е. А. Ляцкого (от 6 июля). Завязалась оживленная переписка, продолжившаяся и осенью, начался активный обмен книгами. Можно сказать, летом 1896 года белорусоведение получило новый импульс. Установившиеся тогда связи способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию научных исследований.

Тем летом Е. Ф. Карский сам опробовал в действии только что разработанную им «Программу», произведя научные наблюдения над местным говором. Из сделанных им записей появилась небольшая заметка «Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде Гродненской губернии», которая успела попасть в № 2 «РФВ» за тот год. В самом начале сообщается уже известный нам факт: «Минувшим летом нам пришлось быть в Сокольском уезде гродненской губ. (в д. Жуках, в 7 верстах к северу от г. Соколки)». Тут прежде всего внимание привлекли окончания слов женского рода в родительном падеже единственного числа: «…твердое различие вместо *-е* знает *-э*, заменяемое, однако, после задненебных посредством *-е*: од зямле́, из руке́, ху́стка сястрэ, бо́чка водэ, воз травэ и т. п.». Отмечены также и окончания дательного падежа на *-ови* — *-еви*, и некоторые редкие слова и фонетические особенности.

Но, думается, главная многотрудная задача того лета — подготовиться к лекциям по славянской кирилловской палеографии, которые предстояло читать в наступающем академическом году студентам 3 и 4-го курсов славяно-русского и исторического отделений. Этот весьма объемный курс лекций начнет публиковаться в «РФВ» уже осенью и продолжится до конца 1897 года. В том же году он выйдет и отдельным изданием. В лекциях этих Евфимий Федорович постоянно обращается к древним памятникам, изученным им в библиотеках Вильны, Санкт-Петербурга и Москвы во время прошлогодней командировки.

Защита докторской диссертации

Профессор Роман Федорович Брандт 1 октября 1896 года написал открытку: *«Любезный Ефим Федорыч! Отзыв о Вашей диссертации я буду читать в следующем заседании факультета, 9 октября, а затем вскоре можно будет назначить диспут — есть ли у Вас какие-нибудь желания насчет дня? Положения я напечатаю в Университетской Типографии — приехав, Вы за них заплатите. (На казенный счет их печатать не принято.) К сведению. В Москве существует (правда, не всеми соблюдаемый и мне лично не особенно приятный) обычай Doctorschmaus'а для Факультета. (NB. Я никому не скажу, что писал Вам об этом, и буду при случае извинять незнанием обычаев.) Ваш Р. Брандт»*.

После заседания, на котором был заслушан отзыв, Р. Ф. Брандт послал следующую открытку: *«Москва 9/X 96. Диспут Ваш, Ефим Федорыч, назначен на 9 ноября, в 2 часа — сегодня было у нас факультетское заседание. Документов никаких не надо, т. к. Факультету хорошо известно, что Вы магистр. В дополнительных экземплярах диссертации также не предвидится надобности. Тезисы сдам завтра в печать и продержу корректуру. Ваш Р. Брандт»*.

А. И. Соболевский в своем письме из Петербурга вскользь заметил: *«…думал, что Вы уже в Москве или на дороге — туда. Долго однако Вас там тянут»* (из письма от 14 октября 1896 г.).

Еще в начале октября из Вены, от известного слависта, издателя международного славистического журнала «Archiv für Slavische Philologie», действительного члена Императорской Академии Наук И. В. Ягича пришло письмо. Первые строки

его не порадовали: *«Я получил Ваше сочинение и статейку «домой, долой», но не успел к выпуску XVIII 3/4 приготовить Отчет, он явится в XIX 1/2…К сожалению, многие хотели бы читать отзывы, но мало желающих писать отзывы»* (из письма от 9 октября (н. ст.) 1896 г.). Разумеется, Е. Ф. Карский, сам подготовивший к печати немало рецензий, знал, насколько трудоемко это дело, потому и послал свои работы заранее. Видимо, он рассчитывал, что отзыв о книге «Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII веках» подоспеет как раз к защите диссертации. Не вышло… Рецензии И. В. Ягича, действительно, появятся в XIX томе «Архива», но выйдет он уже в середине декабря.

Для поездки в Москву экстраординарный профессор Е. Ф. Карский получил отпуск. В его «Формулярном списке о службе», в графе XII («Был ли в отпусках») записано: *«…в 1896 г. с 23 мая по 1 сентября и с 4 по 19 ноября»*.

Итак, в начале ноября Евфимий Федорович отправился в Москву. В субботу. 9 ноября, в 2 часа по полудни, началась защита диссертации. Сохранилась рукопись произнесенной им тогда речи (прежде она нигде не публиковалась).

Во вступительной части Е. Ф. Карский делает краткий обзор литературы, посвященной различным переводам священных книг. При этом он говорит: *«…отмеченные работы — все рассматривают древнеславянские, точнее — церковнославянские переводы книг св. Писания и творений Отцов церкви… Наша работа только отчасти походит на указанные… В рассматриваемое время (XV—XVII вв.) существовавшие ц. славянские тексты были непонятны для простого народа и отчасти даже для образованного общества… Западная Русь постепенно отчуждалась от языка церковного и мало-помалу теряла к нему чутье. Ее грамотные люди, при переписке старых текстов… вносят в них массу особенностей западнорусских говоров — большею частью прямо в текст, а иногда пишут их на полях в качестве толкований».* Затем выступавший сообщает об одном любопытном наблюдении: *«…псалтырь, очень распространенная книга у последователей разных христианских исповеданий, обыкновенно оставлялась ими без перевода: они довольствовались удержанием старинного церковнославянского текста. Причиной этого, вероятно, было то, что текст псалтыри вследствие постоянного употребления этой книги был очень известен каждому и более или менее понятен: с псалтырью грамотные люди знакомились с детства, так как по ней приходилось учиться читать, и следовательно, привыкали к ее тексту».* Возникает ощущение, что тут Евфимий Федорович вспоминает и о своих первых шагах в постижении азов грамоты: вероятно, отец, причетник Лашанской церкви, обучал его в раннем детстве чтению именно по старой псалтыри. Не отсюда ли его прекрасное знание церковнославянского языка?

И вот теперь Евфимий Карский — профессор, претендующий на степень доктора наук! Он переходит к предмету своего исследования: *«Однако же стремление иметь перевод полного состава библейских книг, а также пример соседей, у которых имелись не только прозаические переводы псалтыри, но и стихотворные, в значительной степени содействовавшие усилению религиозности в народе, — были причиной того, что и в Западной Руси предпринимаются радетелями народного просвещения (а может быть, подчас и пропагандистами новых учений) переводы псалтыри на народный язык».* И далее следует рассказ о двух редакциях переводов псалтыри — рукописях № 335 и № 1017 из Московского Румянцевского музея. Тема, некогда предложенная А. И. Соболевским, у Е. Ф. Карского получила совершенно самостоятельное развитие и освещение: фактически он исследовал церковнославянское и польское влияние на древний язык Западной Руси — белорусский язык. А вывод сделан такой: *«Церковнославянская и польская стихии в языке рассматриваемых переводов псалтыри… не закрывают господствующих особенностей чисто народной западнорусской речи…»*.

В московской газете «Русские Ведомости» через день появилось небольшое сообщение:

«9 ноября в новом здании университета экстраординарный профессор Варшавского университета по кафедре церковно-славянского и русского языка магистр Е. Ф. Карский защищал публично диссертацию, написанную им для соискания степени доктора русской словесности, — «Западно-русские переводы псалтыри в XV—XVII веках». В качестве официальных оппонентов выступили профессора Р. Ф. Брандт и М. И. Соколов, давшие критическую оценку представленного диссертантом труда и признавшие г. Карского достойным искомой степени, а в качестве неофициальных оппонентов — проф. В. Ф. Миллер и оставленный при университете кандидат Погорелов. Постановлением факультета диссертант был признан доктором русской словесности. Многочисленная публика приветствовала г. Карского дружными аплодисментами».

Неизвестно, был ли устроен тем вечером, в полном соответствии с негласной московской традицией, Doctorschmaus (докторская пирушка, или попросту банкет). Никаких свидетельств на этот счет не имеется.

После успешной защиты докторской диссертации последовала череда обычных формальностей. На заседании Совета Варшавского университета 23 января 1897 года была рассмотрена, среди прочих, и статья 23: «Отношение канцелярии Совета Императорского Московского Университета от 31 декабря 1896 г. за № 4023 с препровождением принадлежащего профессору Карскому диплома на степень доктора русской словесности… Определили:… по ст. 23 внести в формулярный список о службе профессора Карского об утверждении его в степени доктора»». Значит, диплом был получен в начале января, еще до окончания Рождественских каникул, а запись в «Формулярном списке о службе» появилась несколько позже, видимо, в конце января:

«По публичном защищении в историко-филологическом факультете Императорского Московского университета написанной им диссертации, под заглавием: «Западно-русские переводы псалтыри в XV — XVII веках», удостоен степени доктора русской словесности и утвержден в сей степени Советом того же Университета....1896 Декабря 14».

На заседании Совета 27 марта было заслушано предложение, поступившее от управляющего Варшавским учебным округом: «…3. От 28 февраля за № 3409 о том, что Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, последовавшим 14 февраля с. г. за № 13, экстраординарный профессор Варшавского Университета, доктор русской словесности, коллежский советник Карский назначен ординарным профессором сего Университета по кафедре русского и церковнославянского языков и истории русской литературы, и что, за Министра Народного Просвещения, Товарищ Министра разрешает производить профессору Карскому добавочное жалованье к получаемому им содержанию, в размере одной тысячи рублей, из специальных средств Университета». Запись аналогичного содержания вскоре появилась и в «Формулярном списке о службе». Но еще раньше, 4 марта, о состоявшемся назначении Е. Ф. Карского поставил в известность письмом (№ 1420) и. д. ректора, декан физико-математического факультета Иван Анатольевич Востоков.

Над Варшавой дули теплые весенние ветры. И настроение у Евфимия Федоровича было весеннее, радостное.

ДМИТРИЙ ВИНОХОДОВ

Загадки Яна Барщевского: «Не назвать ли нам кошку кошкой?»

Осел, Козел, Лиса, Ягненок,
Комар, Собака, Поросенок,
Петух, Пиявка, Соловей,
Червяк, Лягушка, Воробей,
Слон, Бегемот, Жираф, Мокрица,
Мышь, Черепаха, Щука, Львица,
Жук, Стрекоза, Слизняк, Медведь,
Все это люди. Обалдеть!

Анатолий Брагин, «Герои басен»

Ранее[1] мы пришли к выводу о том, что в книге «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях» Ян Барщевский вел с читателями своеобразную «игру», рассчитанную на уроженцев Полоцкого повета. Многочисленные загадки, разбросанные по тексту, были доступны лишь целевой аудитории автора — его землякам, сведущим в истории края, а для людей посторонних они должны были оставаться непонятными. Это было продемонстрировано на примере легенды про великана Княжу и таинственный город на берегу озера Нещердо. Разберем еще один подобный случай.

В главе «Вечер перед Новым годом» имеется непонятный и никак не объясненный фрагмент. Один из гостей Завальни, пан Сивоха, вскользь упоминает о неком происшествии, другой гость, пан Лотышевич, охотно включается в обсуждение, но хозяин резко прерывает разговор и переводит его на другую тему:

— Ах, пан Завальня, — сказал Сивоха, — мы сами виноваты, что дьяволы размножились в наших краях. Причина всему — глупость шляхты, жадность и распри панов. Не буду долго об этом рассуждать, история сия всем известна, до сих пор еще не забыли вирши:

Кошка Цяліцу забіла,
Жук, Жаба Кошку судзіла;
А же справа была кепска,
То прэнесьлі да Вітэбска.

А в Витебске что сделали? Кошка был на стороне панов, ненасытных до богатства и желавших получить еще больше. Защищенный их протекцией, Кошка не прекратил своих дел, а еще больше погряз во вредительстве. Телица умер за правду, и о нем всегда вспоминают как о добром человеке.

— Вечно у нас так, — рассудил пан Лотышевич, — за Двиною в Ушачах собрались на совет.

— Ну довольно уже об этом! Когда я слышу такое, меня охватывает скорбь. Вспоминая минувшие печали, дойдем до того, что встретим Новый год со слезами[2].

На первый взгляд, этот фрагмент ничем не примечателен, едва ли не бессмыслен и даже как будто бы совершенно излишен, поскольку собеседники к данной теме более не возвращаются, да и к сюжету книги он особого отношения как будто не имеет. Тем не менее описанные в нем события представляются нам

принципиально важными, ведь, по мнению Сивохи (и, вероятно, самого автора), именно они явились ярким примером того, как жадность и распри панов стали причиной бедствий Беларуси.

Но о чем же в этом фрагменте говорится? Как следует понимать смысл описанных событий? Проще всего было бы предположить, что мы имеем дело с аллегорией, а Кошка, Телица, Жук и Жаба — это персонажи, подобные героям басен Ивана Андреевича Крылова, и в них сокрыты некие обобщенные типажи. Однако опыт подсказывает, что попытки толкования книги Яна Барщевского через символы, иносказания и умозрительные аллегории далеко не всегда приводят к успеху и часто лишь запутывают исследователей, а потому попробуем отыскать решение этой загадки с помощью «прокуроско-КГБшного», как его назвал один из белорусских литературоведов, подхода. Иначе говоря, попробуем истолковать текст прямо, буквально и непредвзято.

При внимательном рассмотрении этот фрагмент оказывается на удивление информативным. По сути дела он представляет собой концентрированный ряд значимых намеков и напоминает самую настоящую детскую загадку. В нем говорится о событиях, которые: 1) на момент повествования (1816 г.) хорошо известны во всей Полоцкой округе; 2) произошли задолго до момента повествования; 3) стали причиной того, что «дьяволы размножились в наших краях»; 4) имели отношение к местечку Ушачи (в 35 километрах к югу от Полоцка); 5) явились следствием «глупости шляхты, жадности и распрей панов»; 6) вылились в убийство неким Кошкой некого Телицы. Далее произошли: 7) местный суд, ведущую роль в котором играли некие Жук и Жаба, и 8) суд более высокой инстанции в Витебске. Также утверждается, что 9) на этих судах Кошка пользовался покровительством высокопоставленных лиц, «ненасытных до богатства», что привело к вынесению несправедливого, по мнению рассказчика, решения; 10) Телица умер, отстаивая правое дело; 11) после суда Кошка не прекратил бесчинства; 12) история на этом не закончилась, а ее отдаленные последствия в окрестностях Ушачей тянулись и на момент повествования.

Единственный путь для решения данной загадки — обратиться к историческим документам Полоцкой земли Великого княжества Литовского, Полоцкого воеводства Речи Посполитой и Витебской губернии Российской империи, в которых могли быть зафиксированы следы интересующих нас событий. При этом, хотя нам и пришлось ограничиться опубликованными материалами, не углубляясь в архивные изыскания, но найденная информация, как нам кажется, все же дает возможность прийти к верному решению.

Практически сразу выяснилось, что Кошки и Телицы — это хорошо известные в Полоцкой округе фамилии, наиболее ранние упоминания о которых относятся к первой половине XV в.

Оказалось, что Телицы[3] — это боярский род с Полоцкой земли, представители которого исполняли земскую службу (в более поздние времена это сословие стали называть земянами), за что еще до 1412 г. были пожалованы великим князем литовским Витовтом (правил с 1392 по 1430 гг.) землями на реке Ушаче и на озере Солонце. Позже, в период с 1477 по 1484 гг., право на это владение было подтверждено грамотой полоцкого наместника Богдана Андрушковича (т. е. Андреевича) Саковича при условии, что потомок рода, Степан Ганькович Теличинич, и его родственники будут продолжать *«продков своих выслугу, на себе держаны, службу земскую военъную конъную зброино служити нам потому, яко и иные бояре земли Полоцъкое нам служать»*[4]. В этом же документе упоминается, что право Телиц на часть этих земель пытались оспорить подданные Полоцкого замка, крестьяне деревни Завечелье, остававшейся в великокняжеском владении; это обстоятельство позволяет установить, что часть имения Телиц располагалась между правым берегом реки Ушачи и Завечельем, что лежит в 10 километрах к юго-востоку от местечка Ушачи.

Кошки[5] же — старинный и поначалу весьма влиятельный полоцкий мещанский род. Один из его представителей Русан Кожчич в 1440-х гг. «вел крупную оптовую торговлю сукнами, предпринимал далекие поездки в Смоленск, Новгород и Ригу»[6]. В середине XV в. мещанин Евлашко Козчич (Евлампий Федорович Кошка), «один из виднейших политических деятелей Полоцка, неоднократный участник посольств в Ригу»[7] (посольства состоялись в 1439 и в 1478 гг.), «играл ведущую роль в управлении Полоцком и его внешних сношениях»[8]. Среди многочисленных и широко разбросанных земельных владений этого человека было имение в 8 км к северу от Ушачей между левым берегом реки Ушачи и озерами Солонец, Росно и Близница[9]. Пожаловано оно было королем Казимиром[10] (великий князь литовский с 1440 по 1492 гг.), причем в 1458 г. на это имение были распространены льготы в отношении ряда повинностей[11].

На рубеже XV—XVI вв. социальное положение рода Телиц, по-видимому, оказалось нестабильным, и он был вытеснен из боярского сословия. Во всяком случае, в Реестре Полоцкой земли, составленном на Виленском сейме 1528 г., упомянут один представитель этой фамилии — Левон Теличинич, выставляющий одного коня, причем его имя находится в графе полоцких мещан[12]. Обеднение рода произошло, вероятно, вследствие дробления наследного имения между многочисленными родственниками. Об этом можно судить по материалам ревизии Полоцкой земли 1552 г., в которой упомянуты шестеро представителей рода, владеющих небольшими отдельными дворами (дворцами) на реке Ушаче: *«Степан Янкович Теличынич маеть имене, на Ушачы дворец с пашнею. К тому дворцу людей вольных дымов семъ с тых людей ему со всякого збожа с пашенъ своих прыйдеть четьвертая доля.*

Грыдко Иванович Теличынич маеть имене отчызное, двор с пашнею на Ушачы. К тому ж дворцу маеть людей волных дымов тры; с тых людей ему прыходить со всякого збожа четьвертая доля.

Максим Артемович Теличынич маеть имене отчызное, на Ушачы двор с пашнею. К тому дворцу маеть людей вольных дымов чотыры.

Матьфей Теличынич маеть именейцо отчызное, дворец с пашнею. К тому дворцу маеть одного чоловека, который ему четьвертый сноп даеть

Васко Матьфеевич Теличынин маеть имене отчызное, дворец с пашнею. К тому дворцу маеть два чоловеки волных; с тых людей ему со всякого збожа приходить четьвертая доля.

Зенько Матьфеевич маеть землю отчызную на Ушачы, которую сам пашеть.

Тые люди окром тых повинностей, которые пры замку описаны, мостъ на реце Вшачы делницу свою мостять. В тых же именях мають озера и дерево бортное. Ку службе земской два кони ставить»[13].

Характерно имущественное положение рода: вольных крестьян, работающих на них, не очень много, а один член семьи даже пашет землю сам, при этом они продолжают нести земскую службу.

Кошки к этому времени также обеднели. Часть отцовских земельных владений, в том числе одно из сел на Ушаче[14], в 1493 г. был вынужден продать уже Якунца Евлашкович Кожчич. Некоторые представители фамилии перешли в сословие священнослужителей; в уже упомянутой Ревизии 1552 г. их ушачское владение описывается так: *«Андрей, поп дворный, з братом Левоном и з братаничы своими Кожчычы мають именье отчызное на Вшачы, дворцы с пашнями. К тым дворцом мають людей волных дымов семнадцать, которые им с пашень своих всякого збожа четьвертый сноп дають и толоки служать. А огородников осмъ, которые им толоки служать. По той земли борти дворные и озера мають. С того имения ку служъбе земской коня ставить»*[15]. Кроме всего прочего, из документа видно, что Кошки исполняли земскую службу, то есть относились к конным мещанам.

Ливонская война и взятие Полоцка Иваном IV, по всей видимости, создали условия для выдвижения на военном поприще наиболее активных представителей родовитых мещан, панцирных бояр и земян в более высокие социальные слои. Документы свидетельствуют, что к 1571 г. представители двух интересующих нас родов достигли достаточно высокого положения — Богдан Кошка и Богдан Телица получили чин ротмистра. И вот тут-то между ними произошел конфликт, принявший характер междоусобной войны и привлекший внимание первых лиц польско-литовского государства. Получить доступ к оригиналу документа[16], в котором описываются эти события, нам пока не удалось, потому приведем имеющееся в литературе[17] краткое его описание с избранными цитатами: *«31 октября 1571 года была дана в Варшаве кашталяну Полоцкому, старосте Чечерскому, Лепельскому и Пропойскому, пану Юрию Зеновьевичу, и Дисенскому старосте, пану Баркулабу Ивановичу Корсаку, грамота Сигизмунда Августа следующего содержания. Зеновьевич и Корсак писали к королю о том, что «в небытности» их в замках королевских «украиных»; в то время, когда они находились в Вильне при панах-радах, ротмистр королевский Воронецкий, Богдан Кошчич,* ***«одержавши на роту и взявши отправу от пана Виленского, гетмана»*** *наивысшего Литовского, стоял в Воронецком королевском замке, а «потом до копъца Веченского, которий перво сего ротмистр» королевский* ***«козацкий Богдан Телица под неприятелем убег, и там на нем замочок будовати почал, ехавши, а менуючи то был отчизною своею, его осел и с моцы Теличыны взял».*** *Телица на этот поступок Кошчича жаловался тогда же в Вильне панам-радам, но затем, не ожидая,* ***«росправы скутечьное»*** *со своим обидчиком,* ***«помочь собе, яко против неприятеля»*** *государева, «собрал и, з многими людьми, также з стрельбою тот конец Вечельский облегши а недбаючи на упоминанье врадника» Лепельского, пана кашталяна Зеновьевича, который официально «гамовал» его в том, чтобы* ***«бурды и замешанья, яко на украине не чинил»,*** *взял спорный копец* ***«под Кошкою моцъю непристойне».*** *Овладев Веченским копцом, Телица,* ***«там вшодшы, Кошчича самого и хто при нем был, яко людей неприятельских, бить и иные неслушные збытки чинити велел, и в замешанью там вся маетность Кошчина роспрошона, жоне, девкам и служебницам его бои, зраненье и легкость великая учинена».***

Данный документ мы истолковываем следующим образом. Вечельский (или Веченский) копец — это холм, находящийся между озерами Вечелье и Волчово на земле, принадлежащей роду Телиц с конца XIV — начала XV вв. После взятия Полоцка Иваном IV в 1563 г. военные действия практически не прекращались, даже перемирие 1570 г. не принесло спокойствия на окрестные земли. Местечко Ушачи занимало важное положение на торговом пути между реками Ушачей и Березиною, а следовательно, между Западной Двиной и Днепром, потому интерес Московского государства к этой местности понятен. Во время одного из нападений московских войск казацкий ротмистр Богдан Телица был вынужден отступить из родовых земель. Но вскоре из замка Воронеч, который находился в 17 километрах к северу от Ушачей, пришла подмога — ротмистр Богдан Кошка со своей ротой. Отбив нападение московских войск, Кошка решил укрепить перешеек между озерами и построил на Вечельском холме замок, после чего стал считать окрестные земли своею собственностью. Телица пожаловался на это беззаконие в Вильню, но рассмотрение дела, как видно, затянулось, и тогда Телица решил сам захватить спорный замок. Несмотря на прямой запрет полоцкого кастеляна, во главе большого отряда с пушками он подступил к замку, обложил его и взял штурмом. Ворвавшись в замок, Телица приказал относиться к оборонявшимся как к врагам, в результате чего Кошка и его люди были избиты, многим нанесены ранения, а имущество разграблено, не были пощажены и женщины. Известие об этом наезде достигло Сигизмунда Августа, результатом чего и стала процитированная грамота. Король поручил разобрать это дело виленско-

му епископу Валериану, виленскому воеводе и канцлеру Николаю Радзивиллу, виленскому кастеляну и гетману наивысшему Григорию Ходкевичу, троцкому кастеляну и подканцлеру Евстафию Воловичу и земскому подскарбию Николаю Нарушевичу[18]. К сожалению, не имея полного текста грамоты и последующих документов, связанных с этой историей, невозможно узнать, какое развитие она получила и чем закончилась, однако ярким топонимическим свидетельством описанных событий является место, обозначенное на карте 1867 г. как Кошкин Городок (ныне — д. Городок).

В конце XVI в. род Телиц занял еще более весомое положение — известно, что в 1599 г. Стефан Телица был возным Полоцкого воеводства[19].

Последующие сведения об интересующих нас родах встретились нам лишь в документах второй половины XVII в. Среди земских актов Полоцкого воеводства за 1668 г. содержится жалоба земянина Григория Погоского на земян Ивана Ждановича и Федора Ивановича Телиц, в которой подвергалась сомнению законность присвоения ими новых земель: *«иж они, пнове Телицы, мешкаючи в маетности их сполной, делом вечистым не поделеной, названой Ушачи, и прикупили от продка их в Овчу, у Теличиничах и на иншых всяких урочищах и назвисках, у воеводстве Полоцкой лежачой, дедизной и материстой, правом вечистым ему, пну Погоскому, з братю и сестрами служачое; которую то выш помененую маетност з давных часов и в року теперешнем 1668, розных месяцей и дней, нет ведома, за яким правом, кгрунты неделеные забравши, розным особом позоставляли, поарендовали и сами держат и вшелякие попытки особе прывлащают»*[20]. Теличиничи (ныне — Теличино, деревня в двух километрах к северо-западу от Ушачей), по-видимому, достались Телицам по наследству от семейства Эпимахов, с которым они состояли в родстве, — об этом можно судить по грамоте от 1506 г. короля польского и великого князя литовского Александра Казимировича, в которой он жалует дворянину Петру Семеновичу Эпимаховичу, ездившему с посольством к хану Ногайской орды, два села — Теличиничи и Тоболчиничи, а также по документу, составленному в высшем земском суде Полоцкого наместничества в 1780 г., где Петр Семенович Эпимахович назван предком панов Телиц[21].

Также в земских актах Полоцкого воеводства имеется закладная, данная около 1681 г. неизвестно кем Осипу Кошке, на несколько волок земли с крестьянами в имении Городок на Ушаче, возле озера Вечелье[22].

Среди церковных инвентарей имеется упоминание о том, что в 1711 г. Телицы продали две волоки земли в имении Волча (в трех километрах к востоку от Ушачей) земянину Яну Рыпинскому, который передал их во владение униатской Иоанно-Крестительской церкви, построенной им в Ореховно[23].

В документах Ушачской магдебургии середины XVIII в. также встречаем интересные сведения. К 1760 г. относится купчая, по которой Матвей Коцка совместно с Теодорой Блонской продал часть имения Волче семейству Бузыцких[24], но уже в 1764 г. это же имение было продано семейством Новицких Андрею Телице[25].

В Реестре Полоцкого воеводства 1765 г. в хоругви Полоцкой парафии упоминаются четверо представителей рода Кошек: владелец деревни Липово Михаил, владелец неназванной деревни Юрий, а также Викентий и Иосиф, арендующие участки земли. Также там перечислены четверо представителей рода Телиц: владельцы деревни Волча Иосиф и Францишек, владелец неназванной деревни Андрей и арендатор Александр[26].

После первого раздела Речи Посполитой Телицы упоминаются в документе высшего земского суда Полоцкого наместничества от 1780 г., речь о котором шла выше[27].

Среди документов конца XVIII — первой половины XIX вв., попавших в поле нашего зрения, нам не удалось отыскать сведения о дальнейшей судьбе этих родов, лишь в списках землевладельцев Витебской губернии конца XIX — начала XX вв. обнаружились данные о Кошках, которые продолжали владеть

землями неподалеку от Ушачей. По данным 1878 г., Иосиф, Николай, Франц, Норберт и Иустин Казимирович Кошки владели имением Липовец, Викентий Кошко — имением Замостье, Александр Кошко — имением Узречье, Михаил Кошко — имением Голубщина, а Марья Кошко — имениями Нача, Отровщизна, Злотковщизна, Боровка[28]. По данным 1905 г., Александр Норбертович Кошко владел имением Узречье, Викентий Иосиф, Норберт и Матвей Антоновичи Кошки — имением Замошье, Викентий и Станислав Иосифовичи, Николай Антонович, Устин Казимирович, Франц и Николай Антоновичи Кошки — имением Липовец[29]. По вероисповеданию все они относились к римо-католикам, а в социальном отношении — к мещанам, участки земли, принадлежащие им, не превышали 10—20 десятин. Интересно, что представители рода Телиц в этих документах уже не упоминаются, хотя фамилия эта не прекратила существования в Беларуси до сих пор. Вероятно, они продолжали жить в Лепельском уезде, но потеряли собственность на землю и перешли в категорию арендаторов или иные социальные слои.

Мы видим, что два рода — Кошки и Телицы — жили бок о бок в окрестностях Ушачей более четырех столетий. Среди происшествий, имеющих сугубо местное значение, в изученных документах особое внимание привлекает громкий конфликт 1571 г. Мог ли Барщевский в своей книге говорить именно об этих событиях? Попробуем сопоставить их с текстом «Шляхтича Завальни».

1) Были ли эти события известны в Полоцкой округе на момент повествования? Вполне вероятно, ведь они нашли отражение не только в исторических документах, но и в топонимике края.

2) Были ли эти события достаточно давними? Да, к моменту повествования прошел немалый срок — 245 лет.

3) Оказали ли эти события негативное влияние на судьбу края? Трудно сказать однозначно, но очевидно, что междоусобная война вряд ли могла способствовать победе Речи Посполитой в борьбе за Полоцк.

4) Какое отношение эти события имели к местечку Ушачи? Они произошли в непосредственной близости от него.

5) Были ли эти события следствием «глупости шляхты, жадности и распрей панов»? Вне всяких сомнений, так оно и есть.

6) Имело ли место убийство Богданом Кошкой Богдана Телицы? Такими сведениями мы не располагаем, поскольку грамота Сигизмунда Августа была составлена в самый разгар конфликта, тем не менее, предположить подобное развитие событий вполне возможно.

7) Мог ли по данному делу проводиться суд? По вышеназванной причине утверждать этого мы не можем, но это было бы логично; в числе судей вполне могли фигурировать Жук и Жаба. Франциск Бартошевич Жук в 1569 г. был назначен Сигизмундом Августом писарем польным Великого княжества Литовского, именно в его ведении находились ротмистры и подчиненные им войска, расположенные по окраинным замкам княжества и в поле[30]; во время военных действий 1579 г. он командовал казаками и после взятия Полоцка был назначен его городничим[31]. Ротмистр казацкий Жаба был известен тем, что в 1578 г. взял Дюнембург[32], кроме того Рейнгольд Гейденштейн упоминает о неком Жабе, который в 1581 г. во время осады Пскова перешел на сторону Ивана IV и передал московским воеводам важные документы[33].

8) Могло ли это дело повторно рассматриваться в Витебске? Поскольку центральный город воеводства — Полоцк — с 1563 по 1579 гг. принадлежал Московскому государству, а до Вильни путь неблизкий, суд более высокой инстанции мог быть проведен в Витебске.

9) Мог ли Богдан Кошка пользоваться на этих гипотетических судах протекцией высокопоставленных лиц? Несомненно: во-первых, полоцкий кастелян и лепельский урядник Юрий Зеновьевич прямо запретил Богдану Телице нападать

на замок, построенный в его землях Кошкой, во-вторых, текст документа явно носит обвинительный по отношению к Телице характер.

10) Был ли Телица прав в этом конфликте? Раз спорные земли были пожалованы его предкам еще Витовтом, его род владел ими уже полтора века, а действия Кошки описаны в документе правильно, то логично было бы заключить, что закон был на стороне Телицы, хотя его поспешные насильственные действия и противоречили государственным интересам.

11) Продолжал ли Богдан Кошка свои бесчинства после суда? Информации об этом мы пока не обнаружили.

12) Что можно сказать о продолжении этой истории два с половиной столетия спустя? Представители родов Кошек и Телиц еще долгое время жили в окрестностях Ушачей, документы свидетельствуют о постоянной перепродаже имений междуместными земянами и мещанами, а также о частых тяжбах, возникавших между ними по земельным спорам. Наконец, во второй половине XIX в. Телицы вовсе исчезают из числа местных землевладельцев.

Итак, в результате сопоставления текстов книги Яна Барщевского и грамоты Сигизмунда Августа мы наблюдаем вполне приемлемое соответствие. Особенно весомым представляется соответствие по пункту 8, позволяющее привязать события, которые имел в виду Барщевский, к относительно узкому историческому периоду. В самом деле, повторный суд в Витебске мог состояться лишь при невозможности провести его в Полоцке; с 1563 по 1579 гг. это было именно так. В иное время проведение в Витебске суда по делу, произошедшему в окрестностях Ушачей, представляется маловероятным. Вновь подобная ситуация возникла лишь после взятия Полоцка Алексеем Михайловичем в 1654 г. и длилась до 1667 г., однако Витебск в этот период также находился в составе Московского государства, стало быть, и суд там состояться не мог. Лишь после образования Витебской губернии в 1802 г. Ушачи (в составе Лепельского уезда) становятся административно подчинены Витебску. Существует еще одно обстоятельство: Барщевский мог знать об описанном в грамоте конфликте не только от потомков участников событий и других своих земляков. Проживая в Санкт-Петербурге приблизительно с 1820-х по 1847 гг., он, скорее всего, был знаком со свояком Адама Мицкевича — Франтишеком Малевским, который занимал должность директора Метрики Литовской и имел доступ к указанному документу.

И все же, не располагая сведениями о продолжении описанных событий, мы не можем сделать однозначного окончательного заключения о том, что Барщевский в своей книге говорил именно о них. Остается вероятным, что Барщевский подразумевал какое-то происшествие, относящееся к первым двум десятилетиям XIX в., сведения о котором просто не попали в поле нашего зрения. Кошки и Телицы в это время по-прежнему жили на своих насиженных местах в окрестностях Ушачей. Жуки и Жабы были их близкими соседями: Жуки издавна владели местечком Гомель, в 15 километрах к северо-востоку от Ушачей[34], Жабы же с 1721 г. являлись владельцами самих Ушачей[35]; кроме того представители рода Жаб занимали различные посты в судебных органах губернии, например, Якуб Жаба являлся асессором Первого департамента Главного суда Витебской губернии, а Нарцисс Жаба — асессором Нижнего земского суда Витебского повета[36]. Однако от образования Витебской губернии до времени действия книги прошло всего 14 лет, что, по нашему мнению, противоречит пункту 2 в вышеприведенном сопоставлении.

Как бы то ни было, мы вновь видим, что Ян Барщевский ведет в своей книге игру, рассчитанную исключительно на его земляков. Более того, из вышеизложенного следует, что читатели должны были знать не только историю полоцкой округи, но и местное общество. И это понятно: как отмечает полоцкий историк Сергей Олегович Шидловский, в XIX в. общественный престиж даже от самого

мелкого шляхтича требовал *«арыентацыі ў генеалагічнай гісторыі не толькі сваіх, але і суседскіх сямей. Гісторыя краю набывала сямейную афаброўку праз веды аб удзеле продкаў у гістарычных падзеях»*[37]. Ныне же, полтора века спустя, загадки писателя с первого взгляда едва заметны, не каждый обратит на них внимание, и тем не менее, они по-прежнему занимают важное положение в книге. В этот раз нам не удалось найти бесспорный ответ на вопрос, какое именно происшествие имел в виду писатель, но оно, несомненно, находится в общем русле очерченных выше событий.

---

[1]Виноходов Д. О. Загадки Яна Барщевского: «Памяць Няшчарды не стыне...» (Доклад на XVIII конференции «Санкт-Петербург и белорусская культура», 15 июня 2010 г.).

[2] Барщевския Я. Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастичных повествованиях. — СПб: Амфора, 2010. — С. 250.

[3]В документах имеются различные варианты написания этой фамилии — Телица, Целицо, а также с патронимическим суффиксом — Теличинич, Телечинич, Телитчинич, Теличыник.

[4]Пересказ данной подтвердительной грамоты наместнику полоцкого Богдана Андреевича боярам Оскерчичам и Теличиничам на земли на р. Ушачи и оз. Солонце // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. II. — М, 1978. — С. 62—63.

[5]В документах имеются различные варианты написания этой фамилии — Кошка, Кошко, а также с патронимическим суффиксом — Кошчич, Кощич, Кожчич, Козчич. Этот род следует отличать от известных позднее в Витебской губернии Кошчицев герба Порай, ведущих свой род от Никифора де-Косьцина, приехавшего в Литву в 1479 г. (см. Гербовник Витебского дворянства // Heraldiica: Исторический сборник. — Т. 1. — СПб, 1900. — С. 154—155).

[6] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. IV. — М., 1982. — С. 20.

[7] Там же. — С. 42—43.

[8] Там же. — С. 31.

[9]Купчая грамота мещанина полоцкого Якунцы Евлашковича Кожчича Орине Петровой Меницкой и ее сыновьям Григорию и Николаю села на реке Ушачи // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. II. — М., 1978. — С. 129—132.

[10]Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. IV. — М, 1982. — С. 122. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. V. — М., 1985. — С. 112.

[11] Указная грамота великого князя литовского и короля польского Казимира наместнику полоцкому Андрею Саковичу об освобождении сел полоцкого мещанина Евлашки Кожчича в Ушачи и Лодыжыничах от станции и подвод // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. I. — М., 1977. — С. 190.

[12] Литовская Метрика. Отдел Первый. Ч. III: Книги публичных дел. Переписи войска Литовского. (Русская историческая библиотека. Т. XXXIII). — Петроград, 1915. — Стб. 195—196.

[13]Лаппо И. И. Полоцкая ревизия 1552 года. — М.: 1905. — С. 38—39.

[14] Купчая грамота мещанина полоцкого Якунцы Ерлашковича Кожчича Орине Петровой Меницкой и ее сыновьям Григорию и Николаю села на реке Ушачи // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. II. — М, 1978. — С. 129—132.

[15]Там же. — С. 160.

[16] Отпись до кашталяна Полоцкого пана Зеновьевича и до пана Баркулаба Корсака о Телицу и Кощича // Литовская Метрика. Книга 56(56/132). Отписы короля Жикгимонта Августа до розных станов, справы поточные, данины и привиля Короля Стефана. — 1571, 1576—1578. — Л. 3-4 об. // РГАДА, фонд 389, опись 1, часть 1, книга 56 (56/132).

[17]Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586): Опыт исследования политического и общественного строя. Т. I. — СПб, 1901. — С. 433—434.

[18]Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... — С. 709.

[19] Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Вып. 22. — Витебск, 1891. — С. 272.

[20]Историко-юридические материалы… Вып. 25. — Витебск, 1894. — С. 373—374.

[21] Историко-юридические материалы... Вып. 29. — Витебск, 1901. — С. 101.

[22] Историко-юридические материалы... Вып. 22. — Витебск, 1891 — С. 490.

[23] Историко-юридические материалы... Вып. 29. — Витебск, 1901. — С. 27—28.

[24] Историко-юридические материалы... Вып. 27. — Витебск, 1891. С. XXXVI.

[25] Историко-юридические материалы... Вып. 27. — Витебск, 1898. — С. XL.

[26] Mienicki R. Rejestr popisowy wojewodztwa Połockiego z dn. 30 IX. 1765 r. // Ateneum Wileńskie, 1936, R. XI. — Str. 303—342.

[27] Историко-юридические материалы... Вып. 29. — Витебск, 1901. — С. 101.

[28] Алфавитный поуездный список землевладельцев Витебской губернии, кроме крестьян, с показанием их вероисповедания, наименования и пространства принадлежащих им имений. // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. — Витебск, 1878. — С. 306—307.

[29] Землевладение и землевладельцы в Витебской губернии в 1905 году. — Витебск, 1907. С.266.

[30] Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... — С. 437—439. Первоисточники: Лист Фронца Жука на писарство польное // Литовская Метрика. Книга III А/10. — Л. 57—57 об. Лист до ротмистров украиных, Жуку данный, ижъбы о том ведали и почты свои перед ним пописовали // Там же. — Л. 57 об.-58.

[31] Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). — СПб, 1889. — С. 52, 62, 76.

[32] Wijuk-Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego: Tak zwany Compendium. — Krakow, 1897. — Str.187.

[33] Гейденштейн Р. Указ. соч. — С. 226.

[34] Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. III. — Warszawa, 1882. — Str. 118.

[35] Там же. T. XII. — Warszawa, 1892. — Str. 852.

[36] Kalendarz Połocki na rok Panski 1807. – [Połock].

[37] Шыдлоўскі С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі 1795—1864 гг. — Мінск, 2011. — С. 69.

ОЛЬГА ПОПКО

Лицо белорусского женского романа

Классическая литература значительно утратила свои позиции: увлечение книгой уже не такое, как раньше. Еще совсем недавно она была вездесуща (яркими картинками мелькают кадры советских кинофильмов): на работе, в школе, дома, в метро или в автобусе. Однако ситуация изменилась. Каким образом произошло исчезновение литературы из нашей жизни? Как появилось высказывание «есть хороший подарок, а есть подарок книга»? На этот вопрос ответить сложно. Можно строить общие предположения об уровне культуры или постепенной деградации общества. К сожалению, это ни к чему не приведет. Факт налицо: литература (в ее классическом понимании) перестает быть интересной и привлекательной. Что же пришло на смену и пришло ли? Безусловно, кино, светские тусовки, глянец (имеются в виду журналы, желтая пресса и бесконечное зомбирование по телевидению) и Интернет, бесспорный фаворит XXI века. Во всем — тенденция к упрощению: человек начинает лениться, ему сложно думать.

Время и нравы спровоцировали активизацию массовой литературы, явления в своем роде уникального. Это некий консенсус между авторами и обывателями, продукт, который хорошо продается и хорошо покупается. Основные черты — легкость и доступность восприятия, тиражность, мода, что позволяет завоевывать массы и зарабатывать деньги. Если раньше писатель — это одиночка, человек непонятный и загадочный, откровенно равнодушный к мнению общества, тот, кто несет идею, то сейчас писатель — это публичная и модная профессия, основная миссия которой — потакать современным нравам и не формировать вкус, а подчиняться ему. Массовая литература сродни листовкам, отпечатанным к празднику, — праздники проходят, листовки не актуальны. Прочтешь такую книгу — вряд ли захочется к ней вернуться, зато будет ощущение удовлетворения и отдыха. Тем не менее явление имеет место быть, как бы ни сокрушались наши авторы, а подобного рода книги печатаются дополнительными тиражами и переиздаются. И совсем не случайно в названии заложено понятие «массовая» — значит, выбираемая большим количеством людей.

Что же несет массовая литература и почему ее выбирают? Автор этой статьи попыталась разобраться на примере белорусской литературы. Ведь проблема писателя и читателя была всегда актуальна.

Для начала немного систематизации. Полки книжных магазинов (или скорее, лотки киосков) пестрят разноцветными обложками, эта литература действительно имеет товарный и привлекательный вид. Борьба чувств: сердце или разум, справедливость или ложь, жизнь или смерть — то, что привлекает людей, уставших от круговорота обыденности и проблем быта. Поэтому женщины погружаются в мир ярких страстей и красивой жизни, а мужчины в истории о комиссарах Каттани и победе справедливости. Отсюда можно предположить несколько примитивную систему жанров: женские романы и мужские детективы, хотя, безусловно, границы нивелируются и предпочтения у каждого свои. Что касается белорусской литературы, то у нас скорее монополия женского романа. Детектив как жанр пока

не прижился, это же относится и к классической белорусской литературе (за исключением разве что Короткевича). В отличие от России, где из плеяды писателей-детективщиков каждому известны имена Марининой, Устиновой, Донцовой, Дашковой и других, у нас этот жанр практически отсутствует. И то ли оттого, что нет криминала (то, что называется, по словам очевидцев), то ли по причине невостребованности, но белорусу роман ближе. Думаю, что при выборе срабатывают национальные черты — та самая толерантность, стремление к простоте, любви и счастью. Итак, каковы же они, наши женские романы?

Национальные особенности

Женский роман в системе жанров белорусской литературы четко не выделен. Однако каждый второй, если вообще не каждый, вне зависимости от того, читал ли, четко определит его специфику. «Женский» в данном случае означает читаемый женщинами, предназначенный для них. Очень близок к любовному роману, поэтому часто понятия используются как взаимозаменяемые. Хотя, безусловно, есть определенные отличия. В частности по отношению к белорусскому женскому роману, который в чистом виде предполагает четкую схему построения сюжета. Есть Он и Она, прекрасные во всех смыслах (или хотя бы, если не внешне, то обязательно душой), и обстоятельства, злые люди, чинящие всяческие препятствия на их пути к счастью. Однако все к концу трехсот (пятисот, семисот) страниц разрешается хорошо: злодеи наказаны, а главные герои живут долго и счастливо. Конечно, возможны декорации и вариации на тему, но схема одна, под которую идеально подходят сказки про Золушек и истории о встрече двух заблудших душ и двух разбитых сердец. В любовных романах все предельно просто и довольно четко: положительный герой положителен во всех смыслах, он может сомневаться, что-то не сделать или отказаться от любви, но обязательно во имя ее же. Плохого героя читатель чувствует сразу, к середине романа он обязательно раскрывается и показывает свое истинное лицо. Это разделение и четкая полярность «плохой—хороший» упрощает восприятие и идеализирует мир. Роман уходит от реальности в идеальный мир вечных идей и образов, где добро побеждает зло. Отсюда и одна из причин предпочтения жанра. Даже взрослые хотят верить в сказку.

Действие, как правило, развивается линейно, возможно с небольшими элементами ретроспективы для более детального представления героя. Повествование сконцентрировано на поступках и действиях главных персонажей, изредка прерываясь на описание интерьера или внешнего облика их, опять-таки, для более полного раскрытия характера. То есть, как в идее, так и в ее выражении автор стремится к максимальной доступности и легкости восприятия. Поэтому любовный роман выбирают не только домохозяйки, так как он позволяет отдохнуть.

Активизация в создании женских романов на постсоветском пространстве наметилась во второй половине 90-х, что связано в первую очередь с изменением политической ситуации: развал Советского Союза принес большую свободу для творчества, значительно расширил рынок переводной литературы. Появились многочисленные серии книг (многие, пожалуй, помнят картинку «Алой розы»), хотя стопроцентно доказать их «зарубежность» вряд ли получится — для некоторых писателей создание таких произведений являлось способом зарабатывания денег. Появились сериалы (бразильские, мексиканские, аргентинские) и книги из разряда «по мотиву» или же бесконечные «продолжения» для тех, кто упорно не хотел расставаться с любимыми героями.

На этой общей волне всплыли и свои писатели, свои идеи и понятные реалии, что, естественно, захватывает больше. Кажется, счастье где-то рядом, а не там, в далеких теплых странах. Создание такого рода литературы — хобби для авторов, которые просто излагают свои мысли и мечты на бумаге. Книги для народа: прочтешь красивую сказку — жить легче. Так определяют свою мис-

сию эти авторы. Еще один вариант — «я пишу для себя». Быть писателем стало модно. И ими становятся военные, инженеры, журналисты, что приводит к преобразованию литературы в чтиво. Это ни хорошо ни плохо, просто новое время порождает новых «героев». Каковы лица «героев», попробуем разобраться на примере некоторых романов белорусских авторов.

Счастье — это любовь, а любовь — это двое

Наталья Батракова — автор романов «Территория души» и «Площадь согласия», которые знает и любит читатель. Автору удалось достичь массовости для своих произведений: в частности, первый из этих романов несколько раз переиздавался, что само по себе весьма показательно.

«Территория души» — роман о сложных взаимоотношениях мужчины и женщины. Конфликт базируется на сложности характеров и непростой судьбе обоих героев. География романа довольно обширная: от Минска (город и пригород) до США, а также Прага, Москва, Киев. Параллельно с главными персонажами показана история любви их друзей со своими драмами и радостями. Название «Территория души» обретает глубокий смысл — главные герои пытаются достучаться и попасть на территорию другого. Батракова подчеркивает, насколько сложно, но в то же время необходимо научиться верить. Ведь вера — фундамент отношений.

Роман-дилогия «Площадь согласия» продолжает заданную ранее тему взаимоотношений. Параллельно развиваются две истории любви и дружбы. Действие в романе развивается под девизом «у каждого в душе должна быть площадь Согласия», что определяется на первых страницах. Герои избавляются от накопившейся за годы злости и непонимания. При более близком рассмотрении оказывается, что ничего не забыто, а настоящее чувство, культ Любви, который провозгласила Батракова, остается.

Главное, что бросается в глаза при прочтении романов, это образ сильной женщины (Анна, Тамара, Инна). Этой женщине все по плечу, она из разряда «коня на скаку остановит…», причем почти буквально (Анна на ходу вскакивает в машину, у которой отказали тормоза). Такая женщина легко добивается поставленной цели, если уж решает что-либо сделать — обязательно достигнет своего. Она делает карьеру, и даже если у нее нет образования — есть хватка. Готова работать без отдыха, не обращая внимания на то, что трудовой день давно закончился. Ее работа вызывает восхищение и даже зависть, порой она даже обходит мужчину, что, безусловно, осложняет отношения. При этом она — лучшая мать. Она бесстрашна и прекрасна. В любой ситуации выглядит безупречно и достойно. Чисто по-женски Батракова часто акцентирует внимание на том или другом предмете одежды или аксессуаров, подчеркивая безупречный вкус своей героини. Она романтична. Как у любой женщины, у нее хорошая память на даты и слова. Может быть ранимой и чувствительной. С одинаковым успехом управляет компанией и выращивает розы. Но принципиальна и горда, что во многом мешает ей в жизни. Часто, чтобы не выглядеть глупо, совершает выбор не в свою пользу, отчего много страдает.

Сильной женщине нужен сильный мужчина. Это второй главный образ. Этот мужчина, безусловно, также успешен и удачлив в карьере. Он понимает, что Она ему нужна, но, к сожалению, не сразу способен ее удержать. Она настолько ловка (или просто ослеплена чувством, или обижена), что умеет сыграть равнодушие, а он, борясь с собой, боится показаться слабым и выбирает бездействие, вместо того чтобы решиться на безумие. Также переживает, возможно, даже сильнее, но об этом знает только сам. Извечная проблема поиска компромисса между мужчиной и женщиной.

Как мать Батракова в своих романах много рассказывает о взаимоотношениях родителей и детей… Тамары со взрослым сыном Сергеем, Артема с дочерью.

Наталья Батракова создает своими романами красивую и яркую картинку. Картинок много, они меняются как слайды. Это получается, во-первых, за счет «географии», что уже отмечалось. Она много путешествует — что также находит отражение в повествовании. Если герои расстаются, — то масштабно, со сменой места жительства. Во-вторых, картинка идеализируется и за счет внешнего благополучия. Как в американском семейном кино, читателя не травмируют сцены насилия или убийства. Герои думают, чувствуют, переживают, однако проблемы не касаются их материального достатка. Действие романов можно отнести к уже, наверное, надоевшему высказыванию «богатые тоже плачут…». Читатель хочет сказку и отдых — автор предоставляет.

Искательница приключений Анна Лощинина

Если имя Батраковой давно известно читателю, то об Анне Ольховской заговорили только в конце 2007 года, когда в издательстве «Кавалер» вышла ее первая книга «Ребро Каина». О себе Анна говорит скромно: «Познакомившись с материалами моего первого романа, в «Кавалере» все же решились со мной сотрудничать». Однако уже к моменту выхода романа созрела и, видимо, была на стадии завершения идея его продолжения. Издано еще два романа — «Неясыть» и «Аниматор». Всех их условно можно объединить названием «Невероятные истории об искательнице приключений Анне Лощининой».

Анна Лощинина — главная героиня и связующее звено всех трех романов, повествование ведется от первого лица, она же и автор. Читатель влюбляется в героиню, его привлекает ее невероятно живой характер и неиссякаемый оптимизм. Благодаря авторским ремаркам и лирическим отступлениям, вне зависимости от последовательности прочтения романов, сюжет понятен, но срабатывает эффект сериала, когда есть желание прочесть /просмотреть все. Здесь Ольховская идет по следам российских коллег. Вспоминаются героини Донцовой (забавная Лампа, изящная Дарья с Рублевки), Марининой (кто не знает Настю Каменскую?). Безусловно, речь не идет о копировании. Анна Лощинина — это ведь еще и Анна Ольховская в той или иной степени. В любом случае образ — это частичка автора. Плюс авторство, которое Ольховская перепоручила Лощининой, говорит о близости характеров. Ну и конечно, неповторимый стиль письма — живой, емкий, лаконичный.

Роман не превращается в слезливую мелодраму, но определенное место чувству отводится. Перед нами еще одна разновидность любви в видении белорусских авторов. Спокойствие, доверие, забота и нежность — основа настоящих отношений с точки зрения Ольховской. Любовь по Ольховской — чувство скромное, но, тем не менее, вызывающее зависть. Кто-то занимается выяснением отношений, ее же герои как-то сразу определяют, что вот оно, то самое важное, главное — уберечь его.

Прочитав три романа, особенно учитывая то, что они пока единственные в творческой копилке автора, думаю, можно говорить о некоторых закономерностях в построении сюжета. Нельзя не отметить, что злодей определяется не сразу, а открывается в самый неожиданный момент, хотя до этого считался положительным героем. Так происходит и с Жанной, и, что более показательно, с Илоной. Абсолютно непредсказуемо было ее появление в Египте и роль злодейки. Главные герои определились еще в первой книге. Безусловно, это Алексей, Анна, семья Левандовских, Таньский, однако это не значит, что повествование сконцентрировано на них. В этом плане роман открыт и каждая книга представляет все новых персоналий. Они, как актеры в эпизодах, — отыграв свою роль, исчезают. Характеры прописаны неглубоко, односторонне и схематично, за счет чего и не запоминаются вовсе.

К слабостям романа можно отнести также некоторую надуманность. Для того, чтобы выйти из той или иной ситуации, автор дает волю воображению,

и создаются невероятные истории. Ольховская настолько увлекается сюжетом, что не всегда совпадают обстоятельства, возникают неточности. Вот поэтому ее романы — скорее для любительниц авантюрных историй, чем для тех, кого привлекают утонченные серьезные детективы. Это как раз пример синтезированного жанра в белорусской массовой литературе, когда абсолютно гармонично детективная история вплетается в «правильный» любовный роман.

Разрез современного общества

Романы Тамары Лисицкой также можем отнести к своеобразной разновидности женского романа. Своеобразие их в том, что прослеживается жизнь многих героев. За счет этого получается определенная широта и также представляется автору свобода в создании ряда образов, непохожих, а иногда и полярных по социальной принадлежности, характеру, образу жизни и даже по состоянию здоровья. Белорусскому читателю знакомы два произведения Лисицкой — «Идиотки» и «Тихий центр» (ее книги ранее издавались в России), абсолютно разные и по своей структуре, и по замыслу.

Если «Идиотки» — своего рода исторический срез о жизни трех человек, то «Тихий центр» — рассказ о маленьком социуме, жителях одного дома «в условной столице небольшого государства».

Таким образом расширяются границы жанра женского романа. Параллельно развивается несколько историй любви в различных вариациях, и порой сложно определить доминанту. Что касается главных героев, то в первом романе их три, во втором — четыре. Лисицкая, как видим, раскрывает не одну сторону любви, а целый разворот, иногда определяя свою позицию («Тихий центр»), а иногда сохраняя нейтралитет, давая свою версию определения любви, указывая на то, что декорации (мишура жизни) не имеют значения.

Герои Лисицкой не идеальны. Их жизнь не красивая сказка, а реальность. Они принадлежат к различным социальным группам, начиная от «новых» белорусов и заканчивая «убогими и несчастными».

Совсем не похожие и девочки из романа «Идиотки». Семьи абсолютно разного достатка: богатые Ирочкины родители, не жалеющие для дочери ничего; Ленина мама, которая стремится дотянуться до уровня «как у всех», и Наташина семья, где дети рождаются, а достаток не увеличивается. Однако жизнь удивительна, и к концу романа, спустя двадцать лет, каждая обретает свое счастье.

Решая проблемы любви, Лисицкая приходит к проблеме поиска счастья. Любовь — основа счастья, но не только любовь мужчины и женщины; любовь к детям не менее важна. Показательны образы Лилии Степановны и Ирины Павловны. Первая из них — мама Алешеньки, пример добродетели и терпения. Единственная ее мечта — чтобы сыну было хорошо. Всю жизнь посвятила ему, а он так и не «повзрослеет». Ирина же Павловна, имея дочь, которой следует гордиться, уходит в запои. Перед нами классический образ женщины-алкоголика, причиняющей лишь хлопоты окружающим и являющейся настоящей проблемой для дочери, которая и так лишена материнского внимания и участия.

Как одно из важных человеческих качеств в своих персонажах Лисицкая отмечает доброту — основу взаимоотношений. Именно доброта Тани, человека абсолютно чужого и постороннего, возрождает у Светланы Марковны желание жить и помогает бороться с болезнью. Доброта помогает Наташе не озлобиться, сохранить веру в людей и надежду на счастье. Доброта лежит в основе отношений Алешеньки и Насти Второй. Доброта рождает чудо.

Созданы специфические образы героев (по крайней мере, исходя из двух представленных романов). Если в произведениях Ольховской и Батраковой образы были носителями каких-то особенных, специфических качеств, в чем-то автобиографичные, то у Лисицкой они имеют обобщенный характер. Есть

основания говорить об их типичности, что и подчеркивает автор. Лисицкая старается нарисовать картину жизни переходного периода (развал Союза и кардинальное изменение жизни после этого) с разных точек зрения. Так и в «Тихом центре» — разрез современного общества. Поэтому и говорилось выше о доме как о некоем социуме. Представлен и класс «новых», богатых и одиноких умирающих пенсионеров, и неблагополучная семья с алкоголиком-наркоманом, и студентки-провинциалки, и представители самого среднего класса, и стареющая мать-одиночка с душевнобольным сыном. Однако такая обобщенность создает некоторую искусственность и неправдоподобность образов, они лишены индивидуальности. Предсказуемы и созданы на базе стереотипов. Так, если жена нового белоруса — то длинноногая блондинка, если алкоголичка — то пьет одеколон.

Однако, как бы там ни было, романы Лисицкой — одни из самых читаемых и обсуждаемых на форумах. Ей удалось добиться и признания, и популярности.

Книги о жизни

Еще один автор, на которого хотелось бы обратить внимание, — Сергей Климкович. Уникальный писатель хотя бы потому, что мужчина, который пишет дамские романы. Уже вышло несколько его книг: «Шаг в никуда», «Танцует осень», «Одиночество в раю», «Обитель неспящих», «Три строки о радости, три строки о грусти». Наиболее популярны «Три строки о радости, три строки о грусти» и «Танцует осень».

В романе «Танцует осень» объединено и переплетено несколько абсолютно разных сюжетных линий. Прежде всего это история любви, доверия и терпения Кристины и Тимофея. Отношения Димки и Дашки — лишь начало самого высокого чувства, однако верность и искренность героев, безусловно, подкупают читателя. Зоя и Анжелика Федоровна — любовница и жена одного и того же мужчины, вынуждены жить вместе. За видимым раздражением и злостью скрываются привычка, уважение и благодарность друг к другу. Когда-то они были в центре внимания поклонников, детей, а теперь всего лишь две престарелые дамы. Единственное, что у них осталось, — воспоминания о былом и счастливом. Жизнь совсем еще мальчика Вити — грустная, но поучительная. Ребенок, который отчетливо понимает, чего он хочет, и осознанно берет на себя ответственность за другого человека, противопоставлен Зойкиному сыну, который в погоне за деньгами теряет человечность. В романе действительно танцует осень, навевая счастливые воспоминания, погружая в счастливое прошлое; помогает забыть грустное, чтобы начать заново.

Несмотря на принадлежность к одному, казалось бы, жанру, абсолютно другой по своему характеру роман «Три строки о радости, три строки о грусти». В первую очередь следует подчеркнуть многоплановость повествования. Сначала автор говорит о реальном времени. Тома и Слава взрослые, самостоятельные и удивительно одинокие, несмотря на присутствие рядом близких людей. Они встречаются, и это рождает надежду и веру в возможность счастья и для себя. Ко второму плану можно отнести сюжет романа, который пишет Вячеслав Павлович, рассказывая романтическую историю жизни крестьянки Марыси и пана Шевлацкого. История далеких предков — красивая и печальная. Пан женится на крестьянке вопреки общественному мнению, ибо это действительно была любовь, которая, к сожалению, закончилась трагически — оба были убиты.

Еще один сюжет, представленный воспоминаниями Славы, — рассказ о жене Ксюше, их встреча, женитьба, болезнь и смерть ее.

Кроме главных можно выделить и ряд других персонажей: подруги Томы Алиса и Лиля, каждая со своей судьбой, стареющий профессор Игорь Иванович, безнадежно влюбленный в Тому, дети Вячеслава, сын Томы и другие. «Три строки о радости, три строки о грусти» — роман, к которому автор относится по-особенному и выделяет его среди прочих.

Все это судьбы обычных людей. Герои Климковича не делают карьеру, не катаются на «тойотах» и не находят волшебных принцев, живут в коммуналках и работают в детском саду, в социальной службе, программистом или пробуют себя на литературном поприще. Они не идеальны. Писатель уходит от создания эстетически приятной картинки, если сравнивать его с предыдущими авторами. Так Кристина — вовсе не икона стиля, она нелюдима и недоверчива. Анжелика Федоровна — милая, остроумная и в целом положительная, умирает вопреки канонам легкого жанра. Не радует глаз и рассказ о детдомовском мальчике, который скитается по заброшенным подвалам. Но это просто разные стороны или вариации жизни, на которые писатель не закрывает глаза, а выносит на обозрение. Рассказывая о маленьких людях, он ничуть не умаляет их способностей и достоинств.

Несмотря на реалистичность, к которой стремится Климкович, в романе присутствует чудо любви и чудо добра человеческих взаимоотношений. Автор не отрицает черствость, эгоизм, корысть, но доброту и сочувствие выносит отдельным пунктом, показывая, что все возвращается.

Многоплановость романов Климковича — большой шаг вперед, с одной стороны, к развитию жанра, а с другой — к читателю (автор пытается быть ближе к нему, рассказывая истории обычных людей). Хотя, что касается жанра, то сам писатель определяет его весьма условно — «книги о жизни» и старательно «отгораживается» от массовой (в значении «бульварной») литературы. Чтобы объяснить причину выбора автором жанра хотелось бы привести его слова: «На мой взгляд, внутренний мир женщины богаче, чем мужчины, жизнь она воспринимает ярче, эмоциональнее», а также высказывание о том, что женщины — самая благодарная аудитория.

* * *

Как видим, женский роман в белорусской литературе есть. Такая литература читается и переиздается. Несомненно, она будет развиваться и в дальнейшем. В статье представлены лишь некоторые авторы (их, конечно, больше), нашедшие своих читателей и заявляющие о намерениях продолжать работу.

Специфика белорусского романа прежде всего в искренности авторов, о которой уже говорилось. В отсутствии пошлости и эротики. Писатели целомудренно опускают интимные детали, чтобы не портить заданный тон повествования о любви, которая рисуется как нечто очень серьезное и неповторимое. В отсутствии сцен убийств и насилия. А еще в том, что характеры и реалии понятны, потому что свои. Поэтому у него (романа) есть свое лицо, и даже если оно нечеткое и не совсем понятно, как его классифицировать, его читают и обсуждают на форумах. Белорусский женский роман — в массах.

Для большинства эта самая литература — не просто способ убить время, а возможность на время уйти от действительности в мир нереализованных желаний. Так ли это ужасно (возвращаясь к критическому отношению к романам)? Думаю, нет, ведь каждый ищет то, что ему необходимо. Массовая литература, женские романы, несмотря ни на что, являются частью современной культуры, продуктом, порожденным потребностями общества.

АНДРЕЙ ТЯВЛОВСКИЙ

О рифмах и не только[1]

То, что белорусская поэзия переживает не лучшие времена, приходится слышать почти постоянно. Одни говорят, что не появляется достойных произведений, другие жалуются, что их не издают, и при этом и те и другие сетуют, что не читают. Не только поэзию, а вообще. Не являясь ни литературоведом, ни профессиональным литератором, я не претендую на всеобъемлющий анализ проблем нашей литературы. Однако вопрос стоит, и дать оценку ситуации «со своей колокольни», исходя из своего круга общения и литературных интересов, наверное, имеет смысл. Да простят меня те, чьи имена я упомяну (или не упомяну), — это не попытка литературной критики конкретных авторов или их произведений, это просто мое видение, в чем-то ограниченное, нынешнего положения в целом. Так сказать, мысли вслух.

Первое впечатление, возникающее при чтении наших литературных журналов (не только у меня), — это ощущение некой стагнации. Парадоксальным образом поэзия, являющаяся наиболее мобильным литературным жанром, у нас, в Беларуси, отличается изрядной консервативностью. Речь не идет о консервативности форм — в этом плане мы следуем в русле общемировых тенденций. Которые, кстати, тоже отнюдь не бесспорны, поскольку выражаются прежде всего в упрощении ритмического строя, все более массовом переходе к верлибрам и белым стихам. Причины этого понятны — темп жизни нынче таков, что на подбор рифм просто не остается времени. Успеть бы хоть образ зафиксировать на бумаге. В западной, по крайней мере, в англоязычной (и английской в частности) поэзии это проявляется особенно резко. Что неудивительно — Запад раньше вступил на путь индустриализации и урбанизации. Несколько лет назад, благодаря одному хорошему человеку, мне в руки попал современный сборник английской поэзии, изданный в Великобритании. Вообще-то речь в разговоре тогда зашла о *современной* британской поэзии, но неожиданно оказалось, что в самой же Британии найти издание таковой не так-то просто. Стихотворные сборники, как продукция принципиально неприбыльная, там издаются почти исключительно за счет авторов (если речь не идет о признанных классиках прошлых столетий) и мизерными тиражами. Человек в Лондоне потратил больше месяца, чтобы найти требуемое. Так что у нас в этом плане ситуация далеко не самая худшая. Книга, о которой идет речь, — 500-страничная антология английской поэзии XIV—XX веков (к слову, в мягкой обложке!), включающая, как следует из аннотации, лучшее из написанного на английском языке до настоящего времени. Лучшее отбиралось по вкусу самих издателей (Seamus Heaney и Ted Hughes) — вполне правомерный, на мой взгляд, подход. Наряду с Шекспиром, Байроном, Уитменом, Джойсом достаточно широко представлены в сборнике и ныне живущие поэты. Так что выборка выглядит вполне представительной, и тенденция в ней прослеживается одно-

[1] Продолжение разговора о современной поэзии, начатого в № 1, 2012 г. статьей Г. Киселева «Кирпичом по Пушкину».

значная — уже с начала XX века из всех поэтических форм начинает преобладать верлибр. Мы в этом плане, можно сказать, отстаем — верлибры в белорусской поэзии утвердились на полвека позже и до сих пор не стали основной формой, хотя их популярность (у авторов, не у читателей) с каждым годом растет. Белым стихом пишет Алесь Рязанов, немало свободных и белых стихов у Василя Жуковича, Змитрока Морозова, Аксаны Спринчан…

И все же, при всем уважении к упомянутым авторам, я не считаю нерифмованные стихи органическим явлением в нашей литературе. Можно понять англичан: они связаны жестким порядком слов в английской грамматике. Хотя это не мешало ни Шекспиру с его классическими сонетами, ни Киплингу, ни Эдгару По… Видно, не зря говорят — мастер познается в ограничениях. Но в русском языке с его свободным построением предложений, богатейшими словарным запасом и синонимическим рядом — кто мешает зарифмовать строчки? Кроме собственной лени, конечно. Давным-давно подмечено: корни русской (и вообще славянской) поэзии лежат в песне. А народная песня органически связана с особенностями земли, на которой мы живем. Здесь нет никакой мистики. Климат и почва у нас такие, что пахать и сеять, жать и косить приходится в очень сжатые сроки, не успеешь — хлеб пропал. Потому на полевые работы наши предки выходили всем селом и трудились от темна до темна. В такой работе важно поддерживать общий ритм, чтобы никто не отставал и не сбивал темпа. Вот и пели хором песни длинные, протяжные — но обязательно ритмичные, в такт работе! А поскольку работа тяжелая, и главное — однообразная, то в песне должны быть толковые слова и смысл, дабы ум от этого однообразия не мутнел… То же и с военными походами, ведь война во все времена — не столько сражения, сколько долгие дороги. Можно задавать ритм строевого шага барабаном, а можно — и песней. Русскому войску, в основе своей крестьянскому, песня была привычнее. Со временем слова, оторвавшись от музыки, стали стихами — но четкий ритм сохраняли еще долгое время, фактически (в русской поэзии) — до начала XX века с его увлечением футуризмом, модернизмом и прочими -измами. Характерно, что имена футуристов сейчас с ходу вспомнят многие (не всех, конечно, ну так и «классиков» не всех помнят), а процитировать большинство сможет разве что Маяковского. И процитируют наверняка рифмованные строчки. Глубинную связь поэзии с песней наши — и русские, и белорусские, и украинские — классики ощущали всегда: вспомним «Песні жальбы», «Песню про купца Калашникова», «Песни западных славян» (тоже, кстати, интересный пример, когда гений Пушкина превратил мистификацию в реальное произведение искусства)… Сейчас эта связь стала как-то забываться — но, по счастью, не всеми. Дело не в том, чтобы стихи ложились на музыку. Сейчас на музыку часто кладут то, что к поэзии вообще никаким боком не относится. Стихи сами должны содержать музыку. Причем и основы этого как будто не сложны. Это мелодичность строчек, четкая ритмика и обязательно — рифмовка. Плюс можно использовать такие традиционные средства, как повторы, рефрены, «замыкание» стихотворения повторением первой строки в его концовке. Прекрасные примеры такой мелодики можно найти в стихах Михася Башлакова, Виктора Гордея, Змитрока Морозова, Владимира Максимовича, из русскоязычных — Юрия Фатнева… Наверняка я перечислил не всех. Вот четыре строчки Виктора Гордея:

Водар сосен гаркавы.
Памаўчу каля іх.
Веку мчацца саставы
Па крутой каляі…

Читаешь — и сразу слышится ритм, возникает настроение. Короткие простые слова, ясные образы. Лексика современная, но принципы построения — от той самой древней славянской песни. Обратите внимание, за счет чего еще достигается напевность: во всех четырех строчках гласные и согласные звуки чередуются

равномерно, нигде не встречается более двух согласных подряд. Вот наглядное подтверждение того, каким богатством мы, белорусы, владеем. Белорусский язык — один из самых мелодичных в мире. Эта мелодичность оценивается по совершенно объективному критерию — относительному содержанию гласных в тексте. Так вот, по этому показателю белорусский язык уступает только итальянскому, превосходя в том числе и русский. Мне напрямую приходилось сталкиваться с этим фактором: при переводе белорусской поэзии на русский язык приходится предпринимать много усилий, чтобы не «покорежить» музыкальный ритм. Лезут те самые лишние согласные (сравните на слух, например, «сонца» и «солнце» или «радок» и «строка»), «не те» ударения… С русского на белорусский переводить оказалось заметно легче, при том что сам я пишу и говорю в основном на русском. Однако в белорусском богаче синонимический ряд, больше созвучий в окончаниях слов, а отсюда легче рифмовка, да и та самая напевность, благодаря которой согласные легко «разводятся» друг от друга по тексту. Поэтому мне странно видеть, как, обладая столь совершенным инструментом, белорусские поэты отказываются от большей части его возможностей и слагают белые стихи. Это и есть то самое забивание гвоздей микроскопом (или колка орехов Большой Королевской печатью). Я еще могу понять, когда автор сформулировал одну важную мысль, один исключительный образ и хочет выразить его в нескольких строчках без добавления лишних слов. Хотя это и ближе к афоризмам, чем к поэзии. Но зачем разворачивать прозаическую «простыню» на полстраницы и при этом называть ее стихами? Вряд ли кто-то, кроме отдельных эстетов, станет слушать такие «стихи» на поэтическом вечере, а уж тем более запоминать их наизусть. Я для себя использую такой субъективный критерий: то, из чего с первого раза не запоминается наизусть хотя бы пара строчек, — не стихи. Есенин запоминается, Кулешов запоминается, «В этой роще березовой» Николая Заболоцкого я до сих пор целиком помню наизусть, хоть его и не было в школьной программе. Десятки и сотни запоминаются. Верлибров не помню ни одного…

К слову, о Николае Заболоцком. В упомянутом английском сборнике помимо стихов самих английских поэтов присутствовали и их же переводы с иностранных языков. Среди переводов с русского оказались и три стихотворения Заболоцкого. Но, увы, все они были переведены верлибром, по сути — просто подстрочником. От великолепной лирики остался только голый пересказ содержания. Для того, чтобы показать, насколько стихи теряют из-за отказа от рифмы и ритма (и сколько выигрывают от их привнесения), приведу только один короткий пример. Мне надо было перевести с английского на русский стихотворение Филипа Ларкина (Philip Larkin) «The Wedding Wind» («Венчальный ветер»). Стихотворение, как и большая часть творчества Ларкина (немало у него и классических рифмованных стихов) было написано в форме верлибра, и первые строчки звучали на английском так:

The wind blew all my wedding-day,
And my wedding-night was the night of the high wind…

Попробуйте проговорить это. Первая и вторая строчки имеют абсолютно разный ритм, в них нет мелодии. Мне просто претило переводить это так, как есть. Поэт говорит о торжественном (и трагическом — дальше в поэме речь идет о наводнении) дне, о венчании, неужели он не чувствует, что в строчках должна звучать музыка? Я не выдержал и постарался подобрать эту музыку:

В день нашего венчанья ветер выл,
Подобно зверю. Ночь была не легче…

Кто знает язык, может убедиться — суть сохранена. А теперь сравните звучание. И это на русском языке. Зачем же, слагая стихи на белорусском, отказываться от его великолепной мелодики? Чтобы «европеизировать» свою поэзию?

Но поэзия — явление глубоко национальное, факт существования переводов этого не отменяет. Напевность — это то, что выделяет нашу поэзию, что другие не могут перенести на свою почву, как, скажем, не приживаются на белорусской или английской почве японские танку, для которых важно не только смысловое содержание, но и красота иероглифического рисунка стихотворения. Так давайте же ценить богатство нашего языка!

И да, любой разговор о белорусской поэзии рано или поздно неизбежно приводит к вопросу о сосуществовании русского и белорусского языков в литературе и обществе в целом. Вопрос этот действительно сложный и болезненный, но вовсе не потому, что он якобы завязан на какие-то политические или идеологические моменты. Проблема взаимодействия родственных культур и вытеснения родного языка меньшего по численности народа вовсе не уникальна для Беларуси. Распространенная ошибка — связывание вопроса о белорусском языке с вопросом независимости страны. Многочисленные примеры из современной Европы показывают, что эти сущности вообще не пересекаются. Скажем, в независимой Ирландии по-ирландски говорит гораздо меньшее число людей, чем по-белорусски в Беларуси. А вот фламандцы говорят на фламандском и при этом живут в едином государстве с валлонами (а государство и вовсе называется Бельгия). Или взять австрийцев. Суверенная и независимая Австрия есть, австрийцы есть, а вот австрийского языка нет. Вообще нет. У нас усугубляет ситуацию именно та упомянутая особенность, поэтичность белорусского языка. Крайне печально — для всего мира — было бы его утратить. Но тут не мне давать рецепты по его сохранению. Опыт тех же ирландцев, ничуть не менее «национально-гордых», чем белорусы, показывает, что принудительными мерами проблему не решить. И все же я надеюсь. Хоть и пишу эту статью по-русски.

Но довольно о формах, пора поговорить и о содержании. В отличие от формы, здесь сравнения с Западом проводить сложно. Очень уж разное у нас с Западом понимание роли поэта в обществе. Там поэт чаще выступает как наблюдатель — хронист или бытописатель, просто следующий за событиями. По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня от чтения современных «англичан» как в переводах, так и в оригинале. Интересно, брюзжат ли там, что не появляется новых Джойсов, Байронов, Шекспиров?.. Но как бы то ни было — поэт в Европе фигура скорее камерная, чем общественная.

В России же поэт, как известно, — больше, чем поэт. Да и на всем советском, а ныне постсоветском, пространстве фигуры Поэта и Писателя всегда привлекали к себе особое внимание, выступая в роли совести нации. И, кстати, недавние митинги в Москве (отвлечемся пока от политических оценок) показали, что такое отношение существует и сегодня. Посмотрите, кто чаще мелькает на трибунах? Писатель Борис Акунин, певец Юрий Шевчук, поэт Дмитрий Быков. Выходит, их слово по-прежнему авторитетно, к ним прислушиваются, за ними хотят идти — да, отнюдь не все население, только определенная его часть, но ведь и эта часть — народ. Способна ли повести за собой нынешняя белорусская поэзия?

Нет, я не призываю к тому, чтобы поэты шли на площади и звали на баррикады. Более того, уважая творчество Шевчука (и в меньшей степени — Дмитрия Быкова), я крайне негативно отношусь к их политической деятельности. История на многочисленных примерах учит, что романтик у руля государства — это худшее, что можно себе представить. Нам важнее понять, почему их поэтическое слово находит такой широкий отклик, а наши поэты скулят, что их никто не читает?

А ведь полистай любой из наших литературных журналов — полно хороших стихов. И темы вечные. Любовная лирика, поиск смысла жизни, родное село, Великая Отечественная, Чернобыль (уже и период полураспада стронция прошел, а все скорбим), Купала, Колас, Кастусь Калиновский… Все как и двадцать, и тридцать лет назад. Некоторые ухитряются писать даже штампами шестидесятых. И люди все хорошие, со многими из них я знаком лично, потому и не называю фамилий. И словом владеют отлично. Пишут «под Бородулина»,

«под Янищиц». Знаю минимум двоих, кто пишет под Пушкина. Причем отлично пишут. Беда только в том, что как бы талантливы ни были эпигоны, история все равно запоминает лишь имена аргонавтов. Они уже добыли свое золотое руно, и второй раз плыть их путем бессмысленно. Пушкин, Бородулин, Янищиц уже существуют в литературе. Они пришли в девятнадцатом, двадцатом веке и остались с нами. А мы живем в веке двадцать первом.

Конечно, эпигонствуют далеко не все, и даже не большинство. Но действительно свежие и оригинальные стихи встречаются еще реже. И что самое печальное, даже появившись в журнале или книге, они обречены остаться незамеченными «широкими массами читателей».

Ведь того же Дмитрия Быкова большинство знает вовсе не по печатным публикациям. Мир изменился, а мы упорно пытаемся убедить себя, что эти изменения лишь косметические. Что мир одумается, вернутся большие тиражи, вернутся полные залы и высокие гонорары… А мир общается в социальных сетях, читает и пишет на форумах и в блогах, и все меньше обращает внимания на бумажную литературу. Она неудобна, неоперативна и неинтерактивна. В России уже есть поэты, которых знают и цитируют по всей стране и даже за ее пределами, но которые не издали на бумаге вообще ни строчки. Да, психологически это поначалу непросто. Отказаться от привычной схемы с издательствами и редакторами. Быть готовым к тому, что пока блог не «раскручен», даже самое гениальное произведение обречено остаться незамеченным. Знать, что твое творение никогда не обретет материального воплощения, навсегда оставшись лишь виртуальным образом в недрах Всемирной паутины. Одно время я полагал, что простота создания виртуальной публикации, принципиальное отсутствие в Интернете института редакторов приведет к падению уровня сетевой литературы относительно «оффлайна». Однако этого не произошло. Нет, конечно, плагиаторов и графоманов в Сети пруд пруди, но они ведь не могут заставить себя читать. Это не классический журнал, где, образно говоря, под одной обложкой могут соседствовать Лев Толстой и Вася Пупкин. И журнал приходится покупать целиком, в равной платя за произведения обоих. А в Интернете графоманские блоги просто никто, кроме таких же графоманов, не читает. Если же автор способен прислушиваться к чужому мнению и не закрывает свою страничку для комментариев, он получает себе бесплатного коллективного редактора. А вместе с тем — и уникальные возможности для совершенствования.

Чем берут российские блоггеры? Оперативностью. Когда написал — тогда произведение и дошло до читателя. Газеты еще не успели сообщить о событии, а в Сети оно уже вовсю комментируется. Злободневностью. Я не зря в начале говорил о консервативности белорусской поэзии. За последнее десятилетие в мире возникли не то что новые культурные явления, а целые пласты, которых многие у нас не только не осознали, а даже и не заметили! Взять хотя бы пресловутые «твиттерные революции». Мы всё отмахивались от виртуального мира, считая его чем-то вроде игры, развлечения на досуге. А потом грянул 2011 год, и «неожиданно» оказалось что «игрушечные» социальные сети по мощи не уступают атомной бомбе, сметая правительства и страны. Наш мир стал более постмодернистским. Подача события сплошь и рядом оказывается важнее самого события. Последнего может даже вообще не быть. Блеф, мистификация, *фейк* уже стали предметами реальной политики, влияющими на судьбы не только отдельных групп населения, но и целых государств. Это должно стать и уже становится предметом осмысления для литературы, и поэзии в том числе, но всё как-то не у нас. Классические средства для описания нынешнего неклассического мира малопригодны, а традиции постмодернизма у нас, по сути, даже еще не заложены.

Мало того. Чтобы быть успешным поэтом, писателем в измененном Интернетом мире, надо знать его сленг, его культурную среду. Легкость поиска любой информации в Сети (при наличии определенных интеллектуальных способностей) наложила свой отпечаток и на стиль «виртуальной» литературы. Кстати,

по этому признаку легко отличить сетевого писателя от «бумажного». В Сети не принято пояснять вводимые в текст специфические термины, понятия, отсылки к историческим событиям или другим литературным произведениям. Кто не знает — сам найдет, откуда взято понятие или цитата. А кто знает — поймет и так, без перегрузки текста лишними пояснениями. В результате сам текст становится компактнее, насыщеннее и в то же время легче для восприятия. Особенно это идет на пользу стихам.

В то же время частые перекрестные отсылки к другим произведениям, фактам, даже просто фразам, породили такое интернет-явление, как «мемы», или медиавирусы. Честно говоря, даже сложно пояснить, что это такое, тем, кто с этим не сталкивался. Речь идет о символах, фразах, иногда даже просто отдельных словах, которые в сознании человека «сцепляются» с неким образом или событием (реальным или вымышленным, вплоть до анекдотов) и могут использоваться в тексте как намек или отсылка к этому событию. Мемы никто специально не сочиняет, если символ удачен, он распространяется по Сети сам. И выходит в реальный мир. Бывает, что и наоборот. Например, известная фраза «Хотели как лучше, а получилось как всегда», ошибочно приписываемая Черномырдину (на самом деле он лишь процитировал слова С. Ю. Витте, относившиеся к итогам Русско-японской войны) является мемом. Вообще, это вещи вполне литературные, которыми надо пользоваться, а не отмахиваться, как от бесовского наваждения. Известнейшие (в Сети) мемы «боевые хомячки», «офисный планктон», «сферический конь в вакууме», «тема не раскрыта» уже взяты на вооружение российскими писателями и журналистами, а вот у нас, ввернув такое, рискуешь остаться непонятым.

Можно, конечно, долго говорить о риске злоупотребления жаргоном в литературе, деградации литературного языка и так далее. Но не думаю, что это надо. Поэзия (не путать с графоманством!) по определению требует мастерского владения словом, грамотной речью, словарным запасом, наконец. Если все это есть, то поэт и сам сумеет оценить меру использования жаргона в своих произведениях и вставить слова «новояза» к месту. Ну, а если нет, то, конечно, могут полезть «превед медвед» и «плюсадин» во все строчки — но ведь и без «олбанского» это поэзией не было бы, и с ним не станет. Кстати, я теперь стал спокойнее относиться к такому явлению, как нарочитое коверканье слов в сетевом общении. Конечно, серьезное обсуждение на таком языке вести нельзя, но это и отнюдь не признак неграмотности, как многие думают. Наоборот. Мне кажется, это своего рода защитная реакция русского языка на массовое внедрение чужих и непонятных слов. Ведь иностранец «олбанского словаря» не сочинит, для того, чтобы исковеркать слово, сохранив понятным его смысл, надо чувствовать звучание родной речи, правила словообразования в ней. Можно сказать, что все эти «преведы» — своего рода антитела, вырабатываемые русским языком, как любым живым организмом, в ответ на чужеродное вмешательство. Естественно, это определяет их вторичность, литературу на них строить нельзя и не нужно, однако и клеймить не разбираясь — тоже непродуктивно. И у стебового жаргона есть своя роль. Нам может не нравиться повышенная температура при простуде, но ведь это означает, что организм борется против болезни, и глупо гневаться на него за это.

Конечно, многое в современной российской литературе (и поэзии в частности), идущей «от Интернета», происходит на грани фола. Опустившийся до нуля порог входа в Сеть — Интернет доступен сейчас практически любому — дал массовый приток контингента с низким уровнем культуры. С одной стороны, это вызвало ситуацию противостояния «интеллектуального меньшинства» (опять-таки, Интернет-мем, проистекающий из сказанной кем-то в сердцах фразы о том, что «95 % населения — идиоты») и «Интернет-быдла», а с другой — язык этого самого «меньшинства» стал более резким, не редкость в русскоязычной сетевой литературе использование нецензурных выражений — милиции/полиции в Интернете-то нет. Причем порой авторы, явно немалого интеллекта, так удачно вписывают нецензурщину в текст, что глядишь в растерянности: черт возьми, и

ведь вроде как к месту, слова из песни не выкинешь, — но и на людях это читать нельзя… Хотя Пелевин или Беркем Аль-Атоми такое и в бумажных изданиях проворачивали. Но здесь я все же встану на сторону наших «консерваторов». Наш язык, что русский, что белорусский, достаточно богат, чтобы выражать свою мысль без непотребных слов.

Мир, в том числе и литературный, к началу двадцать первого века поляризовался. С одной стороны — политкорректность, права сексуальных меньшинств и защита авторских прав. А с другой, как реакция на это — ирония на грани издевки, словесное хулиганство, провоцирование — то, что теперь называется словом «троллинг». Жизнь бурлит. А мы как будто где-то посередине, в точке равновесия.

Один из самых цитируемых сегодня в среде российской интеллигенции стихотворцев — Лео (Леонид) Каганов. Хулиган, матерщинник, провокатор. И да, цитируют его по сетевым публикациям. Лично я не люблю то, что пишет Каганов, и стараюсь его не читать. Он очень много передергивает, не скрывает презрения к своей Родине и чуть ли не в каждом своем произведении явно или чуть прикрыто призывает «валить из этой страны». Но вместе с тем он ухитряется быть поразительно оперативным, мгновенно реагирует на события общественной жизни и дает им свой язвительный комментарий. При этом он умеет вычленить главное, то, что наиболее выпукло отражает сегодняшнее состояние общества. Яркие образы, правильная речь (при этом не чуждая современного сленга и насыщенная постмодернистскими отсылками), четкая ритмика и рифмовка. Он не чурается брать за основу для своих провокаций известные произведения — у Каганова то и дело всплывают то есенинские, то некрасовские строчки, буквально вывернутые наизнанку. Это уже не пародия, и уж тем более не плагиат, — автор сознательно обостряет конфликт диссонансом мелодичной формы и резкого содержания. Неудивительно, что его читают и цитируют:

…поплывет внизу благоговейный и такой родной калейдоскоп: школьники с бутылками портвейна, задранными вверх, как телескоп. Видит модуль, сверху пролетая, милый край березовый, родной — рынки с дребеденью из Китая и текстиль турецкий привозной… […] *«Фобос-грунт», лети, ты нам не нужен, мы привыкли верить в чудеса. Даже если мы ложимся в лужу — нам она как божия роса. Заржавеешь, модуль, долетишь ли — все равно мы первые во всем: первыми когда-то в космос вышли, первыми из космоса уйдем («Прощай, «Фобос-грунт»!»).*

Появилось в блоге спустя три дня после нашумевшего неудачного запуска. Раздражает, что при такой оперативности, цепкости и несомненном таланте этот самый свой талант автор тратит на поливание грязью родной страны. Пусть иногда и по делу, хотя как раз здесь передергиваний море, начиная с ударной финальной фразы. «Первой из космоса уйти» Россия не сможет хотя бы по той простой причине, что это малопочетное первое место еще в двадцатом веке успела занять Великобритания. Интересующиеся могут почитать об истории запуска первого (и последнего) британского спутника Prospero в Интернете. Но речь не об этом. Не меньше, чем демонстративный нигилизм Каганова, раздражает то, что я даже не представляю, кто из наших поэтов мог бы так же оперативно и цепко отреагировать на события в Беларуси. Иногда мне кажется, что у нас просто не знают, что можно *так* реагировать.

Я не хочу сказать, что у нас все печально. Есть темы, о которых надо писать, острые, больные, никем еще толком не затронутые. Состояние нашего образования, которое мне кажется перманентной катастрофой, кризис всеобщего дилетантизма… Да даже «просто» осознание нашего места в изменившемся мире, не на основе избитых штампов то двадцатого, то девятнадцатого века. И есть кому писать. Молодые, несмотря ни на что, идут в поэзию. У них есть проблемы — мало читают, мало знают… это уже возвращаясь к вопросу о катастрофе в образовании. Но есть и желание взглянуть на этот мир по-новому. Примеры у меня перед глазами. В нашем университетском литобъединении есть такой поэт Семен Исаев. Студент-пятикурсник, строитель. Молодой, горячий. Он любит

пышные слова, любит играть со словом, и эта игра увлекает его, порой уводя в неожиданную сторону:

Немига Невечности
Под солнцем журчит,
Не то, чтоб услышанной
Быть речке хотелось.
Хотя в скоротечности
Мы ловим лучи,
Но только Всевышнему
Доступна Всецелость.

Он читает стихи прохожим на перекрестках и публикует их в социальной сети. Он издал в Москве сборник за свой счет и раздавал его бесплатно всем желающим, говоря: «А что не разберут — сожгу, раз это лишнее». Он мечтает уехать в горы, чтобы жить там, а под Новый год загремел в реанимацию с обезвоживанием и истощением — ради познания истины сам устроил себе сухую голодовку и не рассчитал силы, чтобы вовремя остановиться. Вышел из больницы и снова в двадцатиградусный мороз читает стихи на площади возле книжной ярмарки. Его постоянно заносит, пока что не он управляет словом, а слово им. Как почти все молодые, он пишет длинно, не сознавая, что стих тогда дойдет до слушателя, когда в нем не будет ничего лишнего. Но, думаю, мы еще услышим о нем.

Семен пишет на русском. Как и большинство молодых нынче. Еще одна ловушка Интернета — белорусскоязычный сегмент в нем слишком узок, даже если и удастся собрать вокруг себя кучку единомышленников — какие из единомышленников критики? Проще уйти в куда более обширный Рунет… Сложно давать прогнозы. Возможно, модернизация белорусской поэзии и приведет к вытеснению из нее белорусского языка. А возможно, и нет. Очень хочется надеяться на последнее. Но с моей колокольни видно недостаточно далеко.

Я понимаю, что мой взгляд на белорусскую поэзию узок. Более того, я надеюсь, что меня убедят, что я неправ, что я мало читаю и что у нас ***есть*** острые, современные, глубокие стихи, которые прозвучат и останутся в веках. Хорошо, если будет так. Наша поэзия должна стать агрессивнее в этом агрессивном мире. И разговор о ней должен быть не набором монологов, а дискуссией, форумом. А я на этом пока заканчиваю — с надеждой на продолжение.

ВАЛЕРИЙ ЕРМОЛЕНКО

Поэма о Вишневской

Начало пути

Она родилась 25 декабря 1930 года в Старой Белице Гомельского района. В 1955 году окончила Витебский медицинский институт. Как лучшей студентке ей предлагали продолжить учебу в аспирантуре, но она выбрала новую сельскую участковую больницу, что в селе Рудня Добрушского района, справедливо решив, что там будет более всего полезной. А это уже характер! Глядя на фото студентки 1-го курса ВГМУ отчетливо видно: Катя Вишневская нацелена на великие дела.

Сейчас, когда Екатерина Ефимовна достигла мировой известности, она оглядывается на начало своего служения медицине и вспоминает, что ничто в жизни легко ей не давалось.

* * *

Молодой врач приехала в небольшую деревушку, в «лесную глушь», к вечеру, когда солнце клонилось к лесу, роняя на землю косые лучи. У дома, особняком стоящего в зелени, ее приветливо встретила девушка в белом халате и повела знакомить с хозяйством. На месте представилась совершенно иная картина, чем та, о которой писали в газетах и говорили в Гомельском облздравотделе. Так называемая сельская больница, построенная на средства колхоза, была принята комиссией с множеством недоделок. Это был… сруб, без пола и потолка, только крыша, и никакого оборудования. К ней примыкала функционирующая амбулатория из трех комнат и квартира врача. Отец, сопровождавший ее, пришел в ужас от увиденного, потерял сон и аппетит. Для благоустройства быта дочки-врача купил в Добруше занавески на окна, чтобы «не светиться» на весь мир, и кухонную утварь. Чувствовался безгласный упрек в правильности выбора дочери. На четвертый день она уговорила отца ехать домой.

Из медицинского персонала в штате больницы находились зубной врач, акушерка, завхоз и две санитарки; через две недели приехало около десятка медсестер. Все ожидали от «главврача» Вишневской разумных решений по достройке больницы, а она в растерянности не знала, что делать.

Через шесть дней состоялось первое знакомство с председателем колхоза. Молодая хрупкая девушка, видимо, не внушила ему доверия, а даже неприязнь, так как сразу же пошла в наступление: «Почему не достроена больница? В районной и областной газетах сообщалось, что колхоз-миллионер для своих работников построил отдельное, светлое здание. А на деле этого нет!»

Сложность положения усугубилась, когда через месяц медицинские сестры не получили зарплату, поскольку отсутствовал коечный фонд и не велась госпита-

лизация больных; положение кое-как спасла первая зарплата Вишневской. Походы в правление колхоза ничего не давали. Председатель на повышенных тонах говорил, что у него уборочная кампания в голове, что денег на больницу нет, намекал на весну-лето, добавляя при этом «может быть».

Тем не менее Вишневская работала (а что делать?). Медсестры составили списки всех колхозников и неработающих, осуществили подворный обход, определяя лежачих больных, уточнили список больных туберкулезом, выявили больных с гипертонической, язвенной болезнями, уточнили число беременных и нуждающихся во врачебной помощи. Вместе с медсестрами Вишневская стала навещать колхозные дома.

Екатерина Вишневская (1950 год).

Не получив у председателя колхоза добро на строительство больницы, Вишневская начала штурмовать главврача Добрушской районной больницы, но он тоже не желал вникать в сложившуюся историю с сельской больницей. А чтобы связаться с ним по телефону, надо было бежать через лес в сельсовет, в соседнюю деревню Круговку, за три километра от ее «больницы».

Досталось ей и тогда, когда ее вызвали к больному туберкулезом, у которого из горла хлестала кровь; болезнь была запущена, и вскоре после ее прихода он умер. Как было тяжело Вишневской после этого бежать в сельсовет для вызова из Добруша «скорой помощи» в целях дезинфекции квартиры и обследования всех родных умершего, поскольку у него была открытая форма туберкулеза. Напуганная смертью, понявшая свою беспомощность, она плакала в лесу, присев на пенечек.

Вишневская обратилась в райфинотдел за выделением средств на больницу. И поняла, что пробить брешь вряд ли удастся — главный финансовый «магнат» района на ее слезные просьбы сказал: «Молодо-зелено. Поработаешь, будешь знать, как деньги выбивать в IV квартале, когда все средства уже давно истрачены». Тогда она обратилась в райздравотдел и рассказала там о всех бедах на селе, о необходимости срочно достроить больницу. Ее внимательно выслушали, обещали помочь, но шло время, а положение не улучшалось. И тогда она решила обратиться в райком партии.

Были теплые октябрьские дни, напоминающие лето. В цветастом платьице, в босоножках она зашла в приемную первого секретаря райкома партии. Ее предупредили, что из-за большой занятости первого секретаря И. Т. Карпова на прием к нему, видимо, не попадет. К партийному руководителю шли и шли люди, а Вишневская все сидела и сидела — голодная, но… с еще теплившейся надеждой. На прием в тот день она так и не попала. Кое-как переночевала в районной больнице. Правда, убитая бесчувствием и безразличием людей, наделенных властью, почти не уснула.

Ранним утром она уже была на крыльце райкома... Опять заняла очередь в приемной. Наконец, где-то около 15 часов дня, когда уже не было надежды прорваться к самому высокому районному начальнику, ей предложили зайти в кабинет.

Обессиленная молодая врач зашла в кабинет и… начала плакать. От пережитого толком ничего не могла сказать, кроме, мол, и вы меня отправите ни с чем. Успокоившись, рассказала, что медсестры уже два месяца не получают зарплату и что она впервые увидела настоящее вранье по поводу больницы в Рудне...

Карпов распорядился создать комиссию, которая на месте смогла бы разобраться во всех неполадках и составить смету. И потом, когда уже шли работы, когда стоял вопрос об оснащении лечебного учреждения, он постоянно оказывал содействие,

интересовался судьбой маленького коллектива больницы. Благодаря ему в больнице появился телефон. Уже к концу декабря, накануне Нового года, здание было достроено, все недоделки устранены.

А далее быстро наладилась лечебная работа. Приходили люди с заболеваниями уха, горла, носа, оказывалась неврологическая, терапевтическая и хирургическая помощь. Со всеми пациентами молодой врач находила общий язык. Среди местных жителей Вишневская стала пользоваться большим уважением. Она не только лечила людей, но и заботилась об улучшении условий труда, быта, оберегала от заболеваний.

И пошла слава о Руднянской больнице как о самой образцовой в районе. Стали приезжать корреспонденты из районной и даже областной газет. К этому времени больница оказывала малую хирургическую помощь не только своим больным, но и из ближайших сельских больниц; простые хирургические операции Вишневская умела делать сама, не посылая больных в райцентр.

За большие организационные способности и постановку на должный уровень лечебной и профилактической работы на селе Вишневская была делегирована на Всесоюзный съезд врачей в Москве. С этим событием ее пришел поздравить председатель колхоза. У него была просьба — «пробить» генератор для ночного освещения больницы; в то время по ночам пользовались керосиновыми лампами.

В Москве Вишневская выступила с докладом «О состоянии медицинской помощи сельскому населению», в котором подвергла критике несостоятельность медицинской помощи жителям села на должном уровне, чем обратила на себя внимание столичных журналистов. И вместе с ректором Витебского медицинского института и академиком АН БССР Прокопчуком была сфотографирована на Красной площади; снимок был помещен на первой странице газеты «Правда».

В Москве ее беспокоил вопрос, как в последний день на встрече врачей с членами Советского правительства обратиться к К. Е. Ворошилову по поводу генератора для больницы. Появление высочайшего начальства было встречено бурными аплодисментами. На последнем, заключительном заседании место Вишневской было с краю в 22-м ряду. Она заметила, как заседание покинул один делегат, сидевший с краю во втором ряду, и быстренько перебралась на его место, чтобы быть ближе к Ворошилову во время перерыва, и видимо, этим привлекла внимание у стоявших в каждой двери стражей порядка.

Прозвучал звонок, и Вишневская, не раздумывая, устремилась к возвышению, на котором сидели члены Президиума ЦК КПСС. Ее сразу же задержали: «Что вам надо?» — «К Ворошилову». — «Зачем?» — «Просить у него генератор». — «Какой еще генератор?» И повели ее… в особый отдел, где допросили о месте работы, о родителях. Далее они звонили в Гомель и Добруш. Отпустили ее лишь на следующий день. Праздник был испорчен, и она, расстроенная, уехала домой. Но когда приехала на ближайшую от своей больницы железнодорожную станцию, то увидела, что половина перрона занята односельчанами во главе с председателем колхоза. Они уже увидели тот «исторический» снимок в газете «Правда» и всем миром пришли ее встречать. Радость была неописуема… А следом за ней уже «ехал» генератор!

Как с делегатом съезда врачей в Москве и специалистом с ней стали считаться и в райцентре. Руководство Гомельской области оценило ее организаторские способности, умение правильно ставить диагнозы, в том числе хирургические, которые потом подтверждались в районной больнице, и Вишневской предложили возглавить поликлинику стекольного завода имени Ломоносова в Гомеле.

И как теперь она понимает, задатки научного работника проявились у нее здесь, на стеклозаводе. Она стала доискиваться, почему так часто болеют женщины. Снова и снова шла в цехи, на тяжелые участки стекольного производства, смотрела, в каких условиях они работают, а потом обращалась в администрацию завода со своими претензиями и предложениями. Ее первая научная статья по этим проблемам была опубликована в журнале «Здравоохранение».

Летом 1967 года в Гомеле проводилось Всесоюзное совещание врачей-гигиенистов, а на базе стеклозавода имени Ломоносова был организован «День открытых дверей». Профилактическая медицинская работа на заводе в смотре союзных промышленных предприятий получила 1-е место! В центральных изданиях — «Труд» и «Медицинской газете» — появились статьи, в которых была дана высокая оценка работе врачебного коллектива Гомельского стеклозавода во главе с Вишневской, рассказывалось о высокой организации медицинской помощи женщинам и об образцовой «Комнате гигиены» на этом производстве. Екатерина Ефимовна была избрана депутатом Гомельского городского Совета и награждена почетным знаком «Отличник здравоохранения СССР»; позже получила почетное звание «Отличник санитарной службы СССР». Но… явно не хватало специализации. За этим и приехала в Минск — в ординатуру Минского медицинского института.

Перемены в профессии и личной жизни

В Минском медицинском институте, на базе клинической больницы уже формировался Республиканский НИИ онкологии и медицинской радиологии. И Вишневская, закончив заочную ординатуру, окончательно переезжает в Минск. Поступает на работу в этот НИИ уже в Боровлянах в качестве младшего научного сотрудника, выбрав тему кандидатской диссертации по использованию лимфографии в клинической практике. Гомель требовал ее возвращения, но она уже жила проблемами онкологии.

В период 1970—1980 годов в институте было 30 отделений и столько же руководителей.

— Мы были дружны между собою, — вспоминает Вишневская, — нас объединяло стремление искать свои пути развития отрасли.

Все было для Вишневской новым, требующим в первую очередь освоения практической онкологии. Пугали «толстые» истории болезней, свидетельствующие о длительности стационарного лечения больных, сомнения в возможности их излечения от рака и страшная скученность в палатах (по 10 и более больных).

Деятельность директора института Н. Н. Александрова была направлена на новую организацию противораковой борьбы в связи с низкой эффективностью проводившихся в тот период профилактических осмотров, недостаточной результативностью диспансеризации больных раком, его несвоевременной диагностики врачами по причине недостаточной онкологической подготовки. Это касалось не только врачей районных центров, но и столичного профессорско-преподавательского состава, с чем Александров повел непримиримую войну. И поэтому с 1967 года в республике началось его… уничтожение. Вначале злобными, не знающими проблем онкологии людьми он был лишен партийного билета, а в последующем его должны были развенчать великие корифеи-онкологи.

В Боровляны прибыли профессора из Ленинграда: Онкологического института имени Герцена, Всесоюзного онкологического института и Военно-медицинской академии. Профессионалы-академики должны были дать окончательное заключение о профпригодности Александрова, об организационных и методологических методах его работы и руководимого им Республиканского института в целом. Но проверяющие были удивлены современной оснащенностью белорусского учреждения и новейшими направлениями научных исследований. В завершение проверки они посетили институтскую четверговую конференцию, где заведующие отделениями отчитывались за работу прошедшей недели и оценивались сложные клинические наблюдения. На ней выступила Вишневская с сообщением о девочке, страдающей саркомой. Ранее она была оперирована одним из членов комиссии — директором Ленинградского института онкологии, Героем Социалистического Труда Р-вым. При этом были продемонстрированы выполненные этой девочке рентгенограммы легких,

на которых были метастазы, показаны ее лимфограммы. Доклад оказался ярким и очень интересным. Проверяющие были всем довольны.

Вечером того же дня в институтской столовой состоялась встреча проверяющих с сотрудниками института. Вначале все было как-то натянуто и не ладилось. Но заиграла музыка. Вишневская стала первой отплясывать «Летку-енку». Глядя на нее, не удержался и ленинградец — академик А. С. Павлов, за ним директор института имени Герцена... Этой неформальной встречей завершилась государственная проверка работы руководителя Белорусского НИИ онкологии Н. Н. Александрова, под руководством которого институт стал известен всему миру; впоследствии этому учреждению было присвоено имя академика Александрова.

Вишневская начала основательно изучать методы диагностики и хирургического лечения рака. Начала сама разрабатывать рентгенологические методы диагностики злокачественных опухолей. В 1968 году защитила кандидатскую диссертацию по рентгенодиагностике «Возможности лимфографии в распознавании регионарных метастазов и выбора методов лечения рака шейки матки». Позднее эта тема была положена в основу первой в Советском Союзе монографии «Лимфография в онкогинекологии».

Научные исследования затрагивали многие аспекты: разработок, касающихся поиска новых методов комбинированного лечения; разработки новых методов, снижающих частоту и тяжесть радиационных и хирургических осложнений; консультаций больных с целью уточнения у них диагноза и выбора метода лечения, особенно в случаях возникновения осложнений в процессе лечения; подготовки научных докладов для выступления на международных и всесоюзных конференциях и съездах, подготовки научных статей и книг, поскольку в Беларуси специализированной литературы по онкологии не было.

Результаты исследований нашли отражение в первой фундаментальной монографии «Клинико-рентгенологический Атлас опухолей: Лимфография в онкогинекологии».

Самым главным для работы над докторской диссертацией было изготовление незамысловатого аппарата, который следовало сделать диссертанту. Далее предстояло освоить методику исследования, проводимую в операционной. Но так как операционная к 10.00 должна быть готова к производству хирургических операций, ее исследование должно было завершаться не позднее 8.30. Весь процесс от введения красителя и введения жирорастворимого контрастного вещества занимал по времени не менее двух часов. Процедура начиналась в 6.00 утра, поэтому она должна была прийти на работу не позднее 5.30.

Первый этап научно-исследовательской работы (НИР) по снижению лучевой нагрузки на медицинский персонал состоял в разработке средств радиационной защиты медицинского персонала при проведении внутриполостной гамма-терапии. Было также достигнуто увеличение процента излечения опухоли в первичном очаге, снижение частоты лучевых реакций и осложнений. Первые годы НИР увенчались созданием ПЗЛ — защитного комплекса для оснащения блока закрытых изотопов. Эта работа выполнялась в содружестве с КБ БПИ.

ПЗЛ была внедрена на всех онкодиспансерах Беларуси и 11 онкологических диспансерах СССР (в дальнейшем они получили еще более широкое распространение в Советском Союзе). Тем не менее новое по тем временам оборудование в виде ПЗЛ не создавало условий для оптимизации процесса лучевого лечения и не полностью устраняло радиационные нагрузки на персонал. Но главное, оно было весьма громоздким и дорогостоящим.

В связи с этим на втором этапе исследований Вишневская начала разработку метода внутриполостной гамма-терапии по принципу поэтапного последовательного введения аппликаторов и радиоактивных источников, способного устранить ряд радиационно опасных циклов и усилить повреждающий эффект на опухоль от строго фиксированного расположения радионуклидов. По рекомендации главного радиолога Советского Союза академика А. С. Павлова, этот раздел работы завер-

шился изготовлением впервые в СССР специального оборудования, состоящего из аппликаторов для радионуклидов, транспортного защитного средства и малогабаритного сейфа. Методика дала возможность снижения частоты поздних лучевых осложнений до полного исчезновения свищей и повышения показателей пятилетней выживаемости больных. В 1975 году эта методика была внедрена в работу всех онкологических диспансеров Беларуси. Негативным в этом виде лечения была значительная по времени длительность сеанса облучения (24—48 часов; в сумме шесть сеансов лечения) и не полностью устраненные радиационно опасные циклы работ, что предопределило третий этап исследований Вишневской по усовершенствованию метода внутриполостной гамма-терапии.

Этот этап научных исследований предусматривал разработку автоматизированных методов и средств радикальной лучевой терапии рака (под руководством академика А. С. Павлова). Участниками разработки были ученые Москвы, а также НПО «Нарва» и «Маяк». Автоматизация процесса облучения позволила использовать радионуклиды высокой дозовой мощности, что привело к сокращению продолжительности сеанса облучения в 20—40 раз, повышению комфортности лечения, устранению лучевых нагрузок на медперсонал и улучшению результатов лечения...

В это время к Вишневской пришла и первая настоящая любовь, она вышла замуж и вскоре оставила работу в институте, уехав к месту службы мужа, полковника С. А. Свиридова, в ГДР. В Берлине Вишневская набралась «зарубежного» опыта, освоила немецкий язык. По возвращении из-за рубежа была принята на прежнее место работы, в НИИ онкологии, на должность старшего научного сотрудника. А с 1972 года возглавила Отделение онкогинекологии, и в этой должности проработала 30 лет.

С 1975 года, по указанию Н. Н. Александрова, Вишневской пришлось участвовать в Московских научных разработках. Эта команда включала математиков, физиков, изготовителей радионуклидов высокой активности из Челябинска, медиков и военных из Нарвы по изготовлению защитного устройства для нового автоматизированного аппарата АГАТ-В, предназначенного для лечения рака в гинекологии.

Автоматическая подача источников излучения позволяла многократно уменьшить облучение медицинского персонала при проведении внутриполостной гамма-терапии — полностью устранялся контакт персонала с радиоактивными препаратами. Вишневскую включили в команду потому, что в Беларуси были наработки по изготовлению кольпометрастатов — устройств, куда «укладывались» радиоактивные источники. При автоматизированной гамма-терапии они в 100 раз были выше, чем при общепринятой методике. Вишневской часто приходилось ездить в Москву и на месте решать различные вопросы.

В 1980 году гамма-терапевтический аппарат АГАТ-В был уже в Боровлянах. Сотрудники и врачи быстро его освоили и сразу же высоко оценили. Директор Александров этим гордился и требовал от Вишневской незамедлительно оснастить все областные диспансеры такой же техникой. И вскоре помог случай осуществить задуманное — для проверки оснащенности института в Боровляны прибыла заместитель председателя Совета Министров БССР Н. Л. Снежкова в сопровождении министра здравоохранения Н. Е. Савченко. Александров подсказал Вишневской: «Катя, попроси у проверяющих денег на аппараты АГАТ-В для всех областных диспансеров республики». И Вишневская стала рассказывать Снежковой о преимуществах АГАТ-В и недостатках общепринятой методики внутриполостной гамма-терапии, сеанс которой длится до 48 часов; в связи с возможностью смещения изотопов за такое длительное время не всегда облучалась опухоль, но зато переоблучались мочевой пузырь и прямая кишка. Тут на Вишневскую набросился министр Савченко: «Кто Вам дал право сообщать представителю Советской власти о сложности онкологического лечения! Кто Вас обязал так поступать?» И ушел. Александров убежал за министром, а Вишневская осталась. Снежкова спросила, сколько нужно денег в рублях, чтобы обеспечить все диспансеры новой аппаратурой.

Доктор медицинских наук Екатерина Ефимовна Вишневская.

В Министерстве здравоохранения СССР были удивлены — по указанию Совмина БССР в Москву были переведены деньги для оплаты шести аппаратов АГАТ-В для обеспечения всех областных диспансеров республики.

Новый усовершенствованный аппарат АГАТ-В, который радикально решал важную социальную радиационно-гигиеническую проблему защиты медицинского персонала от поражающего действия ионизирующих излучений, что явилось крупным достижением науки и серьезным вкладом в практическое здравоохранение, демонстрировался на ВДНХ СССР (1980, 1984) и в Риме на международной выставке «Атомная техника для медицины» (1981).

Для больных раком 1-й стадии был разработан консервативный метод лучевого лечения. Метод давал возможность без риска ранних и поздних лучевых повреждений подвести канцерицидные дозы облучения к очагу и достичь 100% выживаемости больных без рецидива и метастазирования опухолевого процесса в сроки наблюдения 10 и более лет.

В 1990 году за «Разработку и внедрение в клиническую практику комплекса автоматизированных методов и средств радикальной лучевой терапии злокачественных опухолей» Вишневской была присуждена Премия Совета Министров СССР; разработанные новые методы лучевого лечения злокачественных опухолей принципиально отличались от применявшихся ранее методических подходов, была достигнута высокая их терапевтическая эффективность.

Впервые в СССР была изучена частота и тяжесть интра- и послеоперационных осложнений при таком хирургическом вмешательстве, как операция Вертгейма. При этом были выявлены не описанные в отечественной литературе послеоперационные забрюшинные лимфатические кисты, которые ошибочно принимались за параметральные рецидивы опухоли, воспалительные инфильтраты, параметральные гематомы, рецидивы заболевания и другие неправильно истолкованные осложнения. А незнание характера этих осложнений определяло ошибочный метод лечения, и в том числе облучения, что отрицательно сказывалось на результатах лечения.

Методом прямой рентгеноконтрастной лимфографии был раскрыт механизм этих осложнений, изучены клиническая картина, диагностика, дифференциальная диагностика, разработаны способы консервативного или хирургического лечения.

В 1983 году Вишневской по всем своим материалам была защищена докторская диссертация «Клинические обоснования усовершенствования комбинированного лучевого лечения…». Защищалась она в специализированном Ученом Совете Ленинградского института онкологии им. Петрова. Тогда ей казалось, что защита диссертации — это завершение тяжелого многолетнего труда и раскрепощение от бремени вечной занятости — работала без выходных. Но не тут-то было.

Не успел Совет института подготовить отправление документов защиты в ВАК (Москва), как последовало сообщение о том, что в Контрольную Комиссию при ЦК КПСС поступила жалоба анонима. В ней указывалось, что над решением вопросов, изложенных в докторской диссертации Вишневской, трудилась не она, а ее… младшие научные сотрудники (?). А ведь Контрольная Комиссия ЦК КПСС — это самая жесткая и непримиримая инстанция.

Аноним нанес тяжелый и глубокий удар по репутации Вишневской. Сама же она, анализируя причины грязного сочинительства, пришла к выводу, что суть действий анонима — в зависти к ее труду, успехам и авторитету.

По проверке «жалобы» в Институт онкологии Минска прибыли три профессора из Москвы и Ленинграда. Не успели они уехать в столицу для своего доклада (в пользу Вишневской), как в ЦК КПСС вновь поступила уже дополнительная «жалоба» о том, что проверяющие — хорошо знакомые Вишневской, которые вместо выяснения обстоятельств дела пили с ней кофе, и поэтому их справка не будет достоверной.

Потянулись мучительные дни, ночи и месяцы в ожидании новой комиссии. За это время Вишневскую дважды вызывали в ВАК, диссертацию передали «черному рецензенту». А в своем институте обстановка осложнялась тем, что новым директором института И. Г. Жаковым было сделано объявление о нахождении в институте комиссии по «делу Вишневской» и целесообразности предоставления членам комиссии сведений о ней.

Екатерина Ефимовна чувствовала себя униженной и растоптанной. Тревожная обстановка усугублялась патологической реакцией ее мужа на все случившееся. Бессонные ночи по причине его сердечных аритмий с вызовом «скорой» и нарастания у него хронической почечной недостаточности, абсолютно выбивали из равновесия. Время ожидания новой комиссии представлялось бесконечно долгим, драматичным и… бесперспективным.

Только через полтора года (!) с момента защиты докторской диссертации повторно прибыли пятеро новых проверяющих: двое из них — профессора по хирургии, двое — профессора по радиологии и ученый секретарь Академии медицинских наук СССР. Последний — для проверки работы Ученого совета Белорусского НИИ онкологии за последние 15 лет, в течение которых проводились научные изыскания Вишневской.

Ученая не имела права встречаться с членами комиссии, что-то уточнять, пояснять, дополнять. Общение велось только через третьих лиц, которые по их запросу поднимали из архива истории болезни, протоколы операций и амбулаторные карты больных, закодированных в диссертации Вишневской. К несчастью, из ее усовершенствованного гамма-терапевтического аппарата кем-то была изъята важная деталь, без которой его демонстрация была неосуществимой. Напряженная обстановка подавляла и угнетала, лишала сна и покоя из-за невозможности отмыться от грязных наветов.

Черный оппонент — главный радиолог СССР А. С. Павлов — дал хвалебный отзыв на обе диссертации Е. Е. Вишневской, отметив при этом, что «сведения» анонима абсолютно ничем не подтверждаются и беспочвенны.

Мудрые говорят: «Сколь долго ни длится ночь — утро наступит». Оно наступило, когда из Московского ВАКа позвонили домой Вишневской о положительном решении Экспертной комиссии и Бюро ВАКа относительно присуждения ей ученой степени доктора медицинских наук. Но представив себе всю нервотрепку, связанную с защитой и утверждением докторской диссертации Вишневской, ее трудовой путь невозможно назвать безоблачным, устланным розами.

Так откуда же взялся аноним? Автору этих строк довелось в 1880-х познакомиться со статистикой поступления анонимок в ВАК СССР. Она весьма любопытна. Оказывается, самое большое количество анонимок поступало в те годы из… Белоруссии. При этом из всех белорусских «документов» на первом месте (более 50%) стояли анонимки по медицинским наукам. Спрашивается, а как же это согласуется с клятвой Гиппократа?..

Разные аспекты научных познаний — хирургия, рентгенодиагностика и радиология — расширяли практические возможности Вишневской, заведующей гинекологическим отделением в Боровлянах. В одной из своих монографий она опровергла результаты английских профессоров-рентгенологов, корифеев мировой науки Кинмонса и Тейлора — разработчиков методики лимфографии. Они исключали возможность рентгеноконтрастности обтураторных лимфатических узлов, что шло вразрез с обоснованными и всесторонними результатами Вишневской. Она все сделала lege artis, английские знаменитости были развенчаны!

Говорят, степень цивилизованности государства определяется отношением общества к женщине, детям и больным. Вишневская всю свою жизнь, свои усилия

и знания отдает без остатка для повышения этой цивилизованности. Параллельно с диагностическими проблемами разрабатывались вопросы лечения злокачественных опухолей. Онкологическая служба БССР, возглавляемая Е. Е. Вишневской, в 1979 и 1984 годах Министерством здравоохранения СССР дважды оценивалась как лучшая в Советском Союзе.

Внедрение в клиническую практику областных диспансеров разработанных Вишневской методов лечения рака позволило обеспечить высокий уровень излечения больных от этого заболевания по всей республике и иметь наиболее низкие показатели смертности по сравнению с аналогичным показателем в странах социалистического лагеря, а позже и СНГ.

По данным журнала «A Cancer J. For Clinicians», из 48 стран мира, при одинаковой заболеваемости населения стандартизованный показатель смертности составил: в Румынии — 10,2; Польше — 7,7; Латвии — 7,4; Литве и Эстонии — по 6,8; Венгрии и России — по 6,5; в Беларуси — 4,4.

За годы существования специализированной онкогинекологической службы в Беларуси была налажена система консультативной и методической помощи субординированным учреждениям, направленная на повышение профессионального уровня врачей. Определенную роль в этом сыграли книги Вишневской, основанные на фактическом материале Института онкологии и впервые изданные в странах социалистического лагеря и СССР. А всего Вишневской опубликовано: 13 капитальных монографий, 18 методических пособий и более 400 научных статей в журналах «Вопросы онкологии», «Российский онкологический журнал», «Здравоохранение», «Медицинские новости» и «Медицинская панорама»; около 70 статей опубликованы в изданиях СНГ и европейских журналах — переведены на английский язык. Профессором Вишневской защищено 6 авторских свидетельств на изобретение; получено 35 удостоверений на рацпредложения. А еще участие во многих международных научных конгрессах.

В период с 1970 года Е. Е. Вишневская — участник исследований по программе стран-членов СЭВ, эксперт Совета по онкологии при АМН СССР, член Всесоюзной проблемной комиссии СССР по хирургическому лечению рака, член Президиума правления Всесоюзного общества онкологов, член правления Белорусского общества онкологов.

Президиумом Российской академии медицинских наук она удостоена именной премии имени Петрова.

В 1998 году за работу «Решение проблемы повышения эффективности лечения онкологических больных путем разработки и внедрения в практику новых способов лучевой терапии» Е. Е. Вишневской присуждена высшая награда страны — Государственная премия Беларуси.

Помимо научной работы деятельность Вишневской проявлялась в организации противораковой борьбы. С 1973 года под ее руководством в нашей стране были проведены десятки семинаров и конференций с онкогинекологами и акушерами-гинекологами областей по вопросам эффективности новых методов лечения и внедрения их в работу всех республиканских диспансеров.

В последние годы, когда Е. Е. Вишневская по болезни ушла с руководящей работы (2001), она продолжала через спонсоров оказывать различные виды помощи. По вопросу санитарного просвещения женского населения в Беларуси, касающемуся онкологии, Вишневской опубликованы десятки статей в центральных изданиях: в газетах «Республика», «Советская Белоруссия», «Комсомольская правда», «АиФ», «Ваше здоровье», в журнале «Алеся».

Всемирное признание

Многими женщинами-врачами гордится современная Беларусь. И на правом фланге — врач высшей категории, доктор медицинских наук, профессор Екатерина

Ефимовна Вишневская. Она — академик Петровской академии наук и искусств, лауреат Государственных премий СССР, БССР и Республики Беларусь; награждена медалями ВДНХ СССР.

Доктор медицинских наук, профессор Е. Е. Вишневская по праву считается основателем школы белорусских онкогинекологов. Среди ее многочисленных зарубежных почетных званий:

— лауреат Золотого Диска с внесением фамилии в летопись достижений XX века (1995) с поздравлением на ее имя английской королевы Елизаветы;

— лауреат Платиновой награды Американского биографического института за выдающиеся успехи в профессии (1998) с поздравлением на ее имя Президента США Билла Клинтона.

Эти награды являются признанными во всем мире как доказательство самого высокого уровня успеха в профессиональном деле.

Кроме того, она награждена: серебряными медалями «Международная женщина года» (1995, 1996); дипломами — «За достижения в 20-м веке» (Американский биографический институт), «Человек года» (1995) Кембриджского биографического института...

За вклад в развитие мировой науки биографические данные Е. Е. Вишневской внесены в такие всемирно известные издания, как «Fifth of 5000 personalizes of Word», «500 влиятельных лидеров мира — 1995», «Кто есть кто в медицине» (1995), «2000 выдающихся лидеров XX столетия», Справочник международных биографий (Лондон, 1996), «Кто есть кто в мире» (США), в Британские энциклопедии: «Знаменитые врачи мира» (всех времен и народов); «100 лучших врачей мира за 2000 год».

Основатель и руководитель научной школы, развивающей новые направления в лучевой терапии раковых заболеваний, Е. Е. Вишневская, усвоив опыт предшественников, шагнула за грань познанного до нее. Сейчас школа онкогинекологов в Беларуси, закончив первопроходческий период, стала признанной, авторитетной. На горизонте — новые проблемы — проблемы поиска более эффективных и более действенных способов организации противораковой борьбы. Все это — удел нового поколения врачей, и надо надеяться, что оно пойдет по своему пути с таким же энтузиазмом, с каким шла их предшественница — врач с мировым именем Екатерина Ефимовна Вишневская, подготовившая 10 кандидатов и одного доктора медицинских наук.

Выше мы задали вопрос нашим генералам от медицины по части соблюдения клятвы Гиппократа. А, собственно говоря, зачем? Если те же генералы забаллотировали Екатерину Ефимовну при избрании ее в академики Национальной академии наук. Надо полагать в связи с этим, что женщинам в медицине всегда было сложнее жить и работать, чем мужчинам…

Храм на погосте

Особый вклад Е. Е. Вишневская внесла в развитие духовного наследия нашей страны. По ее инициативе и на личные сбережения в Михановичах, близ Минска, построена часовня в честь Сергия Радонежского.

…1990 год — год тяжелых переживаний, связанных с неизлечимой болезнью ее мужа, а впоследствии и его скоропостижной кончиной. Умер он отчасти и от переживаний за ее несправедливые страдания, связанные с пересмотром в ВАК(е) защиты докторской диссертации.

Доктор медицинских наук, знаменитый на весь мир онколог — и рядом самый дорогой человек, тяжело больной, в безнадежном состоянии. А она бессильна оказать ему помощь, продлить жизнь...

О том, что значил Сергей Алексеевич для Екатерины Ефимовны и она для него, можно писать роман. Это не пустые слова. На кладбище в Михановичах, где

Храм Сергия Радонежского.

похоронили Сергея Алексеевича по его завещанию, пожалуй, нет больше такой могилы, где было бы столько цветов; постоянно, в любую пору года.

В области онкологии сострадание Вишневской к людям несет на себе печать характера врача и ученого: оно решительное, действенное, наступательное. Ради безнадежно несчастных — от неизлечимой ли болезни, по горькой ли судьбе, по собственной ли вине — Вишневская решила строить храм на погосте. Церковь она считает тем последним пределом, где человек может найти последнее утешение — уже за гранью сострадания и милосердия, которые либо оказываются недостаточными для безысходно несчастных, либо вовсе отсутствуют. Можно лишь приблизительно представить, как формировалось у Вишневской это убеждение: в основе его и опыт общения с обреченными, и собственное перед болезнью века бессилие, и изначальные, детские впечатления. Кстати или некстати, но дом в деревне Старая Белица на Гомельщине, в котором она росла, стоял метрах в двадцати от Свято-Никольской церкви. Туда издалека приходили, как ей помнится, «обиженные, униженные, растоптанные, лишенные прав, безнадежно больные». В доме Вишневских паломников принимали, поили чаем, и она девочкой еще уяснила: для людей, отчаявшихся в земной справедливости, должно быть святое место. Убежище. Спасительная сень…

Вишневская воссоздала два святых места. Часовня в Михановичах вознеслась на месте неприглядной свалки при въезде на кладбище — где первоначально при закладке погоста она и планировалась, да так и не была заложена. В 2000 году она организовала ремонт и реставрацию Свято-Никольской церкви — храма ее детства, которому 300 лет, но который последние 50 лет ветшал и разрушался. Как она организовала реализацию проектов — это отдельная история. Одно следует сказать: увлеченно и самозабвенно строила, вкладывая в уникальное деяние неистовый свой темперамент.

Вероятно, кладбищенская часовня, ее внутреннее убранство и прилегающая территория с газонами и деревцами взросли на силе жалости Екатерины Ефимовны к людям. Нарастающее в обществе пренебрежение великим даром жизни, всеобщая моральная расхлябанность, бессердечие по отношению друг к другу, тем более к слабым и больным, вызывают у нее — и это буквально — вспышки ярости.

Грехи равнодушия и черствости, интеллектуальной и физической лености, неблагодарности и беспамятства ей хотелось бы выжечь — проникновенным словом, парящим над часовней крестом, примером собственного подвижничества. Это характер, гармоничный в своей противоречивости… И страсть к делу духовного возрождения у нее двойственная: ненавидя грехи, она бесконечно терпима к человеку — носителю пороков. Ее милосердие распространяется и на пациентку старушку-мать, и на ее сына — алкоголика: оба несчастны, потому что во тьме, потому что не прозрели, потому что не причастились к нравственности. И если по-человечески нельзя просветить слепых, то пусть прозреют через Бога. И в проповедях Вишнев-

ской вставал ее Бог — как жажда добра и справедливости между людьми. Ее призыв «Возлюби Бога!» звучит как «Будь человеком!».

— Религии я не знаю, — откровенно признает она, — но у меня есть свои представления, и я делаю свое дело, которое обращено к Богу.

Храм на погосте, в который она вложила личные средства, — это православное культовое сооружение, в котором теперь молодой батюшка Константин совершает отпевание новопреставленных (чин погребения) и панихиды (богослужение об упокоении души). Церковь высоко оценила поступок Вишневской. При освящении часовни Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси, подчеркнул, что благодаря духовному подвигу именитого хирурга-онколога впервые за последние 100 лет возведено за частные средства строение богоугодного заведения на скорбном месте Беларуси.

Семь десятилетий безбожных лет, начиная с Октября 1917-го, терялись этические нормы долга перед ушедшими из жизни и местом их погребения. Между тем, переход от атеизма к религии породил и разнообразие, и путаницу, и… лицемерие: автор, например, не верит в то, что верит в Бога записной политик, напоказ стоящий со свечкой у иконы. Но в искренности чувствований Екатерины Ефимовны сомнений нет ни на секунду: они подкреплены делами, она щедро дарит и многим жертвует во благо ближних. Более того: если на волне «перестройки» возник ряд разновидностей веры, то автор выбрал бы «высшее благо» в том же значении, как его понимает Вишневская.

Часовня Сергия Радонежского в Михановичах возведена на кладбище, где вечным сном спит ее незабвенный Сергей Алексеевич, — это еще один подвиг. Подвиг любящей женской души. Мудрой, возвышенной, стойкой. Митрополит Филарет тогда понял ее и благословил на святое дело. И пока строительство началось, были долгие хождения по инстанциям — убеждала, просила, требовала, а случалось, и до отчаяния доходила. Давалось все это нелегко. Два года и семь месяцев (!) ушло на согласования с государственными представителями. Пришлось обращаться в 10 инстанций, даже в геологическую и пожарную (?). Но самым трудным был вопрос об уплате 250 миллионов рублей налога в казну государства. И только за то, что за свои средства (а не государственные) она взялась благоустроить покаянное место, возвести на погосте храм и привести в надлежащий вид захламленный участок земли.

Собственных средств, известно ж, не хватало. Всю родню подключила к святому делу — все равно мало, мало… Бросилась искать спонсоров. Теперь уверена, что и сам Бог помогал во всем — посылал на помощь добрых и отзывчивых людей. В 1991 году, как раз в день смерти Сергея Алексеевича, начали копать котлован, а через два дня, 8 октября — в день его похорон — Православная церковь отметила очередную годовщину со дня смерти преподобного отца Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Какое совпадение! Вот почему в честь и в память преподобного Сергия Радонежского и названа часовня. Когда все формальности были улажены, строительство развернулось в таком темпе, на который способна только Вишневская. 16 октября 1998 года Митрополит Филарет освятил закладку фундамента, а 4 сентября 1999 года — уже и сам храм.

Жаль, что Сергей Алексеевич так и не открыл для себя в ее личности новые грани — архитектора, зодчего, художника. Сколько спорила с профессионалами, настаивала на своем, заставляя переделать то одно, то другое. А сколько художественного вкуса (невзирая на средства) в ее требованиях по внутренней отделке храма...

И какой взволнованной была Екатерина Ефимовна, когда на освещение ее детища съехались родные, друзья, знакомые и незнакомые люди, официальные и духовные лица. И это событие чудесным образом совпало с 1000-летием Рождества Христова.

Мемориальная доска, установленная на северной стене храма, свидетельствует: построен по инициативе и на личные средства профессора онколога-хирурга Екатерины Ефимовны Вишневской; проектировали и организовали строительство:

вице-президент ПК «Минскстрой» Кресик Федор Федорович, генеральный директор «Жилкоммунтехники» Баженов Валерий Александрович, архитектор Аристович Валентина Ивановна, начальник управления стройтреста № 3 СУ-200 Каравацкий Александр Васильевич.

Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет принимал самое заинтересованное участие — согласовывал с участниками все вопросы строительства, участвовал в закладке первого камня и капсулы на месте возведения храма. На этапе проектирования храма Владыка неоднократно встречался с архитектором и строителями, вносил свои коррективы в объемы сооружения, его форму и содержание. Много раз в холод и жару выезжал на объект, чтобы самолично убедиться в соблюдении норм культового строительства и точности его выполнения. Он же решал вопросы приобретения икон и их изготовления по должной форме, с их последующим размещением в соответствии с рангом святых. Торжественным моментом стало освящение и воздвижение Креста, венчающего каноническое здание Часовни в честь преподобного Сергия Радонежского и последующая расстановка аналоев, подсвечников и других церковных принадлежностей. В общей сложности Владыка посетил святой объект около 20 раз, и благодаря его постоянному вниманию к стройке возведение Храма завершилось в удивительно короткий срок — за 7 месяцев. А во время финансовых издержек Вишневской Владыка делился средствами Епархии для своевременного ввода в строй святого объекта. Благодаря этой помощи все этапы строительства осуществлялись без задержек и без переделок.

Много хороших слов было сказано в день торжественного открытия Часовни Екатерине Ефимовне. В 2000 году Часовне Сергия Радонежского придан статус Храма. В нем служатся акафисты, заздравные молебны, литургии, панихиды, заочные погребения; изредка осуществляются и крещения.

Кроме постройки храма Сергия Радонежского Екатерина Ефимовна спонсировала средства на капитальный ремонт и благоустройство территории Свято-Никольской церкви в Старой Белице. За это благое дело архиепископ Гомельской и Жлобинской Епархии Аристарх прислал Вишневской благодарственное письмо:

«Уважаемая Екатерина Ефимовна! Примите сердечную благодарность за то святое дело, которое Вы совершили во славу Церкви Свято-Никольской, что в деревне Старая Белица Гомельского района. Вашими неустанными стараниями, при Вашей финансовой помощи произведен полный наружный и внутренний ремонт Церкви, укреплен фундамент, подведено электричество. Это сохранит трехвековую церковь еще на многие лета. Ваша забота о Храме — это отражение Вашей великой души и добрый пример потомкам. Примите поздравления с наступлением Нового тысячелетия, со светлым праздником Рождества Христова и пожелания крепкого здоровья и благополучия. 2000/2001. Гомель».

За построение Храма в Михановичах и реставрацию церкви в Старой Белице Е. Е. Вишневская награждена лично Патриархом Московским и всея Руси Алексием II Патриаршей грамотой Русской Православной церкви и орденом Преподобного Сергия Радонежского.

В 2008 году Белорусской Православной церковью, Митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим Экзархом всея Беларуси Филаретом Екатерина Ефимовна награждена медалью святой преподобной Евфросинии Полоцкой. В день 80-летия Вишневской Владыка Филарет направил ей свое поздравительное послание, в котором говорится:

«Сердечно приветствую Вас и всерадостно поздравляю со знаменательным Днем рождения! Это воистину торжественное событие для всех, кто имеет честь знать Вас, трудиться с Вами на одном поприще и возносить молитвы Богу о Вашем здравии, спасении и благом споспешении во всех делах и намерениях.

Сколь бы ни было число прожитых Вами лет, их никогда не будет достаточно для полного и всемерного раскрытия Ваших дарований и Богом данных талантов! Ибо Ваше любящее и многоопытное сердце каждый день и каждый час жизни открывает для людей свои сокровищницы, а могучий и неизменно изящный разум

изыскивает все новые и новые пути развития творческой мысли к пользе людей и во славу Бога.

Белорусская земля может искренне благодарить Творца за то, что Вы пребываете ее любящей дочерью. С вдохновенной радостью Белорусская Православная Церковь свидетельствует о высокой жизнеутверждающей силе Вашей веры и Вашего личного примера жизни по вере, — жизни, которая была и остается непрерывной проповедью христианской чести и гражданского достоинства, подвижнического труда и самоотверженной любви, искреннего сострадания и повседневного доброделания, научного гения и необыкновенной скромности…

Молитвенно вспоминая за богослужением Ваше святое имя и размышляя о подвиге Вашей жизни, мне всегда вспоминаются слова Писания, которые укрепляют нас как во времена благоденствия, так и в годину испытаний: «*Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей*» (Пс. 113:9).

Вновь и вновь приветствую Вас с достопамятной годовщиной Вашего рождения, благодарю Господа и Ваших родителей за дарование Вам жизни, из которой Вы сотворили чудо, призванное укреплять соотечественников и назидать современников.

Господь да благословит Вас, дорогая Екатерина Ефимовна, крепостью сил и бодростью духа на многие годы благоденственного и мирного жития!

С любовью о Христе Иисусе, Господе нашем, и с глубоким почтением
Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси
Филарет».

…Сейчас храму в Михановичах более 12 лет. В нем отпевают усопших, ставят свечи в их память. За прошедшие годы набрал силу высаженный на прилегающей территории парк — березки, дубы, клены, ясени, красавицы рябины, сирень и ивы, склонившие до земли свои плакучие ветви. Темно-зеленые ели соседствуют с экзотическими голубыми, а рядом подрастают серебристые дугласии. По периметру парка растут пышные магонии с желтыми соцветиями летом, гроздьями голубых ягод осенью, темно-бордовые зимой. Летом здесь буйствуют бархатцы, георгины…

* * *

Сколько надежд, порой самых последних, у больных было связано с именем Вишневской. Какой мобилизованной входила она в операционную, какой сосредоточенной была на консультации в радиогинекологическом отделении Республиканского института онкологии, с каким участием подходила к каждой пациентке во время обхода. Одна из спасенных ею женщин сказала о Вишневской: «Неоценимо ее сострадание несчастным, что у смерти на краю».

Глядя на интеллигентную и красивую Екатерину Ефимовну Вишневскую — патриарха мировой онкологии, никогда не подумаешь, что она способна бросить вызов косности и заурядности, что у нее достаточно сил пойти наперекор официальной позиции и даже на дерзкий поступок. Она всегда говорит то, что считает нужным. И хотя сегодня она уже на пенсии и не занимает высоких постов — имеет столь высокий нравственный авторитет, что к ее мнению по общественно важным вопросам прислушиваются люди разных сословий и убеждений, а специалисты постоянно обращаются к ней за профессиональными консультациями.

Екатерина Ефимовна Вишневская навсегда вошла в историю мировой медицины как признанный авторитет в области онкологии. Такие, как она, сеют сегодня разумное, доброе, вечное!

О партиях, гастролях и красном BMW

Диалог с оперной певицей Еленой Синявской

Творческая судьба этой артистки достаточно типичная. С одной стороны, перед нами бесспорный талант. Елена Синявская — сопрано, лауреат Национального конкурса вокалистов им. С. Монюшко (2000). С 2005 года — солистка Белорусской оперы. На ее сцене исполняла и исполняет многие ведущие партии — среди них Царица ночи и Сюзанна («Волшебная флейта», «Свадьба Фигаро» В.-А. Моцарта), Принцесса («Волшебная музыка» М. Минкова), Седьмая жена («Синяя Борода и его жены» В. Копытько), Лиса («Терем-Теремок» И. Польского). Певица с успехом гастролировала во многих странах — Германии, Испании, Франции и Германии, Польше, Литве, России, Испании. Но с другой стороны, пока что она чаще реализует себя за пределами театра. Почему молодому солисту так сложно пробиваться к партиям и признанию — именно об этом наш разговор.

— Елена, жизнь оперных артистов достаточно насыщенная. Мы разговариваем с Вами в театре утром, в одной из гримерок, Вы — за фортепиано, раскрыты ноты, значит, учите… А вчера вечером состоялся спектакль «Свадьба Фигаро» Моцарта, где Вы пели одну из ведущих партий — партию Сюзанны. Мне кажется, что это очень точное попадание. В вашем характере тоже есть такое народное восприятие действительности, сочетание лукавства, озорства, превосходного чувства юмора. И вдобавок — умения радоваться жизни во всех ее проявлениях…

— И мы, исполнители, получили от «Свадьбы Фигаро» огромное удовольствие еще и благодаря великолепной работе молодого талантливого дирижера нашего театра Ивана Костяхина. Он впервые дирижировал «Свадьбой», и на мой взгляд, очень успешно. Это был спектакль, в котором и дирижер, и солисты, и хор — все были единым целым, работали на одном дыхании. Что касается солистов, то мы импровизировали, дурачились, находили все новые и новые краски в спектакле, который каждый из нас исполнял уже далеко не в первый раз. Я получила огромное удовольствие от работы, и зрители, судя по аплодисментам, — тоже. Фигаро пел Сергей Лазаревич, графа Альмавиву — Владимир Громов, Графиню — Инна Русиновская.

— Да, в каждом из этих певцов есть те черты, которые и необходимы образам. У Громова и Русиновской всегда присутствует, скажем так, врожденный аристократизм, и тогда артисту не надо никого убеждать, что его герой из оперы XVIII века действительно принадлежит к элите общества. Сергей Лазаревич великолепно чувствует природу комического. «Свадьба» в нашем театре идет на русском языке?

— ...И я считаю, это правильно. Комические постановки должны исполняться на понятном зрителю языке, иначе у них нет будущего. Наш зритель в большинстве своем не подготовлен к восприятию оперной музыки, ведь опера — сложный жанр. Как заставить зрителя вновь и вновь возвращаться в

театр? На мой взгляд, здесь главный фактор — понятный сюжет и хорошая актерская игра.

— Елена, в спектакле страсти кипят в основном вокруг Вашей героини, Сюзанны. Фигаро ее любит и хочет на ней жениться, граф — тоже любит, но в большей степени домогается служанки своей жены. Интересно, на сцене артисты обнимаются и целуются по-настоящему или «понарошку»?

— *(Смеется.)* Но ведь за кулисами или в театральном коридоре не будешь целоваться! А на сцене — все можно, даже то, что в повседневной жизни не принято.

Елена Синявская в партии Сюзанны. Фигаро — Александр Краснодубский. «Свадьба Фигаро» В.-А. Моцарта. (Фото из архива артистки.)

— Если уж мы затронули музыку австрийского гения, то хотелось бы поговорить еще об одной партии, которую Вы исполняете в опере Моцарта, это Царица ночи в «Волшебной флейте». Знаю, партия виртуознейшая! Мало кто из солисток за нее берется (в нашем театре таких только двое — Елена Шведова и Вы). Двум достаточно протяженным во времени ариям царицы свойственна до невозможности высокая тесситура…

— Таких партий не боюсь. Для колоратурного сопрано это нормальная рабочая тесситура и не считается чем-то особенным. Для меня нет проблем исполнять самые сложные технические элементы, этому способствует и природная подвижность голоса.

— Да, необычайно высокий верхний регистр — это, конечно, подарок судьбы. Вообще каждый певец интересен прежде всего своим голосом, его выразительными возможностями. В тембре Вашего голоса я всегда ощущаю таинственность и загадочность ночной тьмы. Или холодноватую прохладу непрерывного водного потока. Может, потому такие партии, как Царица ночи или ария Русалки из одноименной оперы А. Дворжака, Вам очень подходят…

— Царица ночи проходит, можно сказать, через все мое творчество. Пела ее и в нашей постановке. Довелось исполнять в рок-обработке, вместе с Президентским оркестром Республики Беларусь, художественным руководителем которого является Виктор Бабарикин. Участвовала и в современном воплощении оперы — в международном проекте, в котором были собраны певцы из разных стран. Возможно, этот период — один из самых ярких впечатлений моей артистической карьеры. Работу над партией вместе с немецкими дирижерами считаю очень плодотворной для себя. Постановка готовилась на языке оригинала (на немецком), и шлифовалась буквально каждая нота. В чем заключалось современное прочтение «Волшебной флейты»? Во время репетиций выяснилось, что действие ее будет происходить… на пляже. А потому всем нам выдали… широкополые шляпы и купальные костюмы.

— Да, Моцарт и купальники — это, конечно, круто! Но возможно, классика потому вечная и актуальная, что выдерживает и такие неожиданные, экстравагантные интерпретации? Поскольку Вы — артистка стройная и высокая, что для колоратурных сопрано редкость (обычно они миниатюрные, как Дюймовочки), то думаю, что смотрелись в купальнике достойно…

В партии Царицы ночи. «Волшебная флейта» В.-А. Моцарта. (Фото Игоря Кузнецова.)

— Опера была показана в 24 городах Франции, в том числе — в Лионе, Марселе, Каннах, Париже, Орлеане. Конечно, такой проект — нелегкое испытание (и физическое, и эмоциональное). Вернувшись домой, поняла, что нужно какое-то время для восстановления — и вокального, и психологического. Но редко кто из молодых артистов отказывается от участия в международных музыкальных проектах. Один раз откажешься, а потом могут и не пригласить…

— *Насколько я понимаю, сейчас Вы тоже заняты подготовкой к очередным гастролям?*

— Вы правы. Через две недели уезжаю в гастрольный тур по Испании и Португалии. Там я буду исполнять произведения Штрауса с симфоническим оркестром из Днепропетровска. Времени почти нет, а выучить нужно еще четыре новых произведения на немецком языке, которого не знаю. Моя коллега, солистка нашего театра Наталья Акинина, посоветовала мне класть ноты под подушку. Я так и сделаю, это моя последняя надежда…

— *Хорошо, Вы выучили ноты, а как с тонкостями произношения и ударений?*

— У музыкантов, как правило, хорошая музыкальная память. Ищу в Интернете немецких вокалистов, которые поют те же произведения. И слушаю...

— *Чего певцы больше всего боятся на гастролях?*

— Наверное, больше всего мне не хотелось бы простудиться. Гастрольный режим очень жесткий — бесконечные переезды, перелеты, концерты каждый день. Это утомительно, и нужно уметь четко распределить свои силы. Даже в здоровом состоянии иногда, скажу по секрету, сдают нервы, а если заболел — собирай чемодан, гастроли окончены.

— *В каких странах вы уже гастролировали?*

— Во Франции и Германии, где исполняли «Волшебную флейту», а также в Польше, Литве, России, Испании. На лето 2012 года запланированы гастроли в Германии.

— *Любопытно, у вас есть свой агент или концертный директор?*

— Что касается концертов по Беларуси, то есть. А вопросы, связанные с зарубежными поездками, пока решаю сама…

— Расскажите, пожалуйста, о вокальном проекте «Голоса без границ», с которым Вы периодически выступаете...

— В нем заняты Григорий Полищук, тенор, в прошлом солист нашего театра, а теперь приглашенный солист Венской государственной оперы, Олег Гордынец, бас, солист Белорусской оперы, лауреат 10 международных конкурсов, и я. В рамках проекта в прошлом году у нас состоялось около 10 сольных концертов в Минске, Гомеле, Бресте, Бобруйске, дважды выступали в Москве.

Конечно, у каждого насыщенные творческие планы, свое расписание, поэтому объединиться в одном концерте непросто. В нашем репертуаре обычно популярная классика, высокая эстрада (преимущественно итальянская), а также джаз и рок. С Григорием Полищуком поем, например, знаменитый дуэт из мюзикла «Призрак оперы». В начале 2012 года будем записывать с ним совместный диск (точнее, диск будет мой, но в него войдут и наши совместные дуэты). Должна сказать, что сотрудничество с ним для меня — огромный опыт. Григорий — замечательный певец, в совершенстве владеющий своим голосом. Часто обращаюсь к нему за советом как к вокальному педагогу и всегда прислушиваюсь к его критике. Замечания от такого профессионала дорогого стоят.

— Хорошо помню свои впечатления от Вашего «сольника», который состоялся несколько лет назад в зале имени Г. Ширмы Белорусской государственной филармонии. Он назывался «Музыка — наша жизнь!» и представлял творчество Михаила Дружины, одного из старейших солистов театра, заслуженного артиста Беларуси, и лауреата национального конкурса Елены Синявской. Отличительной чертой проекта была свежесть репертуара. Помню, что Вы продемонстрировали невероятную энергетику, завидную раскрепощенность, исключительные комедийные способности, богатую палитру красок, где могут соединяться драма и комедия, лирика и юмор. Пели на чешском, немецком, итальянском, английском, украинском языках. Танцевали, свободно обходились и с кастаньетами. Представали в разных обликах: загадочной русалки, темпераментной испанской танцовщицы, великосветской барышни, влюбленной женщины и даже... до невозможности раскрепощенного молодого морячка с пустой, к сожалению, бутылочкой (в миниатюре «Медовая булочка»).

— Для меня это была интересная работа, и я получала от нее огромное удовольствие. Зритель это почувствовал, и концерт прошел очень успешно. Хочу отметить, что во многом это была заслуга Татьяны Ивановны Ивановой, одного из ведущих концертмейстеров театра. Это профессионал высочайшего класса, великолепный музыкант, знающий несколько языков. А главное, она очень точно указывает певцу на его ошибки и может объяснить, как их исправить. Бесконечно люблю и уважаю этого человека.

— Какие партии должны появиться в Вашем репертуаре в ближайшее время?

— Надеюсь, это будет Розина в новой версии «Севильского цирюльника» и Мюзетта в «Богеме».

— Елена, когда расспрашиваешь Вас о проектах, которые Вы реализуете за пределами театра, то виден и размах, и масштаб, и признание. Но на нашей академической сцене, в самом театре Вы поете немного. Переживаете по этому поводу?

— Раньше переживала, теперь воспринимаю спокойнее.

— А как рано Вы поняли, что нужно учиться именно пению?

— Петь начала лет с пяти-шести, можно сказать, с детского садика. Училась в школе с хоровым уклоном, мы много выступали, ездили на концерты и фестивали. Может, поэтому и поступила в Минское музыкальное училище им. Глинки, на хоровое отделение. Но в какой-то момент поняла: дирижирование — это не мое. Поэтому встал вопрос: а что же дальше? Мне посоветовали пойти прослушаться в Академию музыки к Людмиле Яковлевне Колас.

— Кстати, в ее классе учились многие известные солистки нашей оперы — Татьяна Третьяк, Анастасия Москвина, Татьяна Гаврилова...

— На следующий день после прослушивания я бросила курить. А выкуривала по пачке сигарет в день, как и многие студенты. И часто посещала ночные дискотеки. Сейчас об этом не жалею: артисту необходимы самые разные жизненные впечатления. Я понравилась Колас, и она согласилась давать мне уроки пения. Потом поступила на подготовительное отделение Академии музыки, дальше — на основной курс. Потом окончила магистратуру и в 2005-м пришла в театр...

— В Вашей творческой биографии был и такой интересный эпизод, как выступление на стадионе. Перед началом международного футбольного матча…

— Да, в ноябре 2007 года мы вместе с Олегом Гордынцом исполняли на стадионе «Динамо» гимны Беларуси и Голландии перед футбольным матчем сборных этих стран. Но если с нашим гимном все понятно, то не наш гимн надо было петь именно на голландском языке. Матч должен был транслироваться на многие страны, поэтому хотелось подготовиться очень тщательно. За день до матча нашли настоящего голландца. Объяснили на английском, кто мы и чего хотим, а потом попросили, чтобы он спел нам свой гимн (пусть он не профессиональный исполнитель, но гимн своей страны и фонетику он же знает!). Наши футболисты в тот вечер неожиданно для всех выиграли, причем со счетом 2:1. Назавтра после матча телефон в моей квартире не умолкал. Все мои знакомые были убеждены: именно наше участие обеспечило белорусским футболистам нужную энергетику!

— Когда артистка выходит на сцену, зрители не только настраиваются ее слушать, а первым делом оценивают концертный наряд. Стильное и эффектное платье всегда влияет на сценический облик певицы, степень ее воздействия на публику. Можно чисто женский вопрос? Концертные платья шьете сами или их Вам презентует театр?

— В основном сами. Конечно, удовольствие это не из дешевых. Большинство концертных платьев, а также повседневную одежду шью у известного белорусского дизайнера Жанны Колтаковой. В жизни предпочитаю одеваться просто и удобно.

Кстати, о платьях… Был в моей биографии такой интересный эпизод. В апреле 2007 года в Минске проходил показ коллекции суперизвестного модельера Валентина Юдашкина. А я своим выступлением открывала музыкальную программу, посвященную этому событию. Познакомилась с Юдашкиным за кулисами и получила ценные консультации насчет своих концертных нарядов. Он даже сделал для меня кое-какие наброски концертных платьев, и в прошлом году благодаря средствам, выделенным театром, я сшила наряд, учитывая все советы знаменитого модельера.

— Интересно, сколько весит концертное платье?

— Если закрытое, с рукавами, с обручами, нижней юбкой, то килограммов четыре-пять. Когда собираешься на гастроли, положишь наряд в чемодан, и уже половина его занята…

— Артист всегда интересен не только тем, каков он на сцене, но и тем, какой он вне сцены. Знаю, что у Вас растет сын, ему уже три года. Как рождение ребенка повлияло на Вас — как человека и певицу?

— После рождения сына изменился голос. Стал более мягким, сильным. В нем появилось больше обертонов. Сейчас он мне нравится больше. С другой стороны, ребенок — это еще и сильная усталость. После репетиции или спектакля не могу переключиться и спокойно полежать в тишине. Сын — мальчик активный, не любит одиночества, ему все время нужны собеседники. А после пения хочется тишины. Например, вчера спектакль закончился в половине одиннадцатого. Пока разгримировалась, доехала домой… Сразу уснуть не можешь, потому что музыка еще звучит в сознании. А в половине седьмого подъем: надо собирать ребенка в детский садик. Поэтому гастроли воспринимаю еще и как форму отдыха. После репетиции или спектакля можно прийти в гостиницу, лечь, отдохнуть, переключиться…

Елена Синявская.
(Фото из архива артистки.)

— Елена, обычно вижу Вас веселой, жизнерадостной, в хорошем настроении. Это от природы или, скажем так, одна из ролей под названием «я — оптимистка»?

— Всегда стараюсь быть душой компании. Меня считают человеком радостным. Но наедине с собой часто думаю о вещах достаточно грустных. Но, скажите, кому интересны чужие проблемы?..

— Знаю, Вы давно водите машину…

— Да, за рулем уже двенадцать лет. Помню, получила права 30 декабря 1999 года. Сделала себе такой новогодний подарок. Это был один из самых счастливых дней моей жизни. Никто из близких (в том числе и отец) не поверил, что я сдала на права с первого раза! Папа у меня — летчик гражданской авиации. В 2005 году разбился в Африке, в Танзании. Его Ил-76 упал в озеро Виктория. После этого долго не могла прийти в себя. Почти три года не спала, мы с отцом были душевно очень близки, понимали друг друга без слов. Я и сейчас всегда чувствую его незримое присутствие. Рождение ребенка помогло и мне, и маме выжить и восстановиться, снова почувствовать смысл жизни.

Так вот, когда я еще только получила права, мы ездили с отцом месяца два: я — за рулем, он — рядом. Он меня учил водить, иногда ругал, тогда я бросала руль и выбегала из машины, а на следующий день все начиналось сначала… Зато теперь уверенно чувствую себя за рулем и бываю страшно недовольна, когда сажусь к кому-то в машину, а человек не очень хорошо водит. Сейчас у меня полуспортивный автомобиль. Вообще, машина — это моя страсть. Люблю скорость...

— Это естественно, если отец был летчиком! Интересно, о чем мечтает Елена Синявская?

— Конечно, о сцене. Новых партиях…. И красном BMW.

Беседовала Татьяна МУШИНСКАЯ.

«Господь в моей невинности меня защитит...»

Увидеть в далеком прошлом человека не только интересного, но и понятного, близкого по мыслям и чувствам, не столь уж частый случай. Конечно, люди мало изменились за обозримые тысячелетия, но постоянно менялись их интересы, взгляды, верования, иной раз мы уже не понимаем: что за поступки совершали, зачем и почему? И потому, узнав в человеке, жившем, скажем, пятьсот лет назад, современника по мыслям и чувствам, испытываем радость, словно встретили старого знакомого, с которым не виделись много лет. Тем более, если он жил на нашей земле. Именно такой человек живет в книге Зинаиды Дудюк «Лев».

Речь в ней идет о политическом, общественном деятеле Великого княжества Литовского Льве Сапеге. Однако, чтобы заинтересовать уважаемых читателей, сперва несколько слов об авторе книги, об издательстве, выпустившем ее в Божий свет, об эпохе, породившей ее героя.

Зинаида Дудюк отнюдь не историк по образованию, она из так называемой «технической интеллигенции», но, кроме того, довольно известная белорусская поэтесса, автор нескольких книг стихов, сказок для детей, пьес. История Беларуси — ее последнее увлечение и любовь. Книга о Льве Сапеге — первый опыт, на наш взгляд, чрезвычайно удачный.

Вышла она в издательстве «Літаратура і Мастацтва» в серии «Святло мінуўшчыны» — серии, начатой в 2009 г. За три года в ней вышло пять книг, в большинстве своем получивших одобрение читателей.

Что касается эпохи, в которой жил и действовал Лев Сапега, — в двух словах сказать о ней не удастся. Чтобы понять ее, пробежимся по страницам книги Зинаиды Дудюк.

Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Московское государство, Швеция, Австрия, Турция, Германия, Инфлянты (нынешние страны Балтии) — интересы этих стран сплелись в тугой узел, время от времени затягивающийся до такого напряжения, когда разрешить противоречия могло только оружие. В таких событиях всегда принимали участие сколько-нибудь заметные политические фигуры этих государств, и конечно, человек, столь подробно о котором рассказывает Зинаида Дудюк, один из главных фигурантов ВКЛ и Речи Посполитой первой четверти 17-го века.

Лев Сапега родился в селе Островно на Витебщине в семье богатой и влиятельной, выходцы из которой занимали издавна высокие посты в государстве, служили писарями и воеводами, состояли в родстве с князьями Друцкими-Соколинскими. Но для успешной карьеры этого было недостаточно. Нужно было получить хорошее образование, проявить необходимые для государственного человека способности и, разумеется, продемонстрировать верность государству и власти. Нужен и благоприятный случай, как во все времена. Что ж, образование Лев получил в лучшей — Несвижской — школе того времени, способности проявились сами собой, а случай — это хорошее общество, в котором Лев Сапега провел несколько школьных лет — сыновья Радзивилла Черного: Альберт Войцех, Юрий и Станислав. Не забудем и учителей Несвижской школы, и богатую библиотеку с трудами многих европей-

ских мыслителей, в том числе Сымона Будного «Оправдание грешного человека перед Богом», «О светской власти» и др. Да и вообще в Несвижской школе царил дух Реформации, сам канцлер ВКЛ Николай Радзивилл Черный, в доме которого пришлось жить в школьные годы Льву Сапеге, примкнул сперва к лютеранству, а затем и к более радикальному кальвинизму. При этом учителя и авторитеты Несвижской школы отстаивали принципы веротерпимости.

Напомним, что Сымон Будный и Лаврен Кришковский издавали книги на старобелорусском языке, что несомненно сыграло определенную роль в воззрениях Льва Сапеги и особенно ярко проявилось позже, когда, уже будучи канцлером, он отстаивал перед королем право составлять Статут ВКЛ на родном языке.

Дипломатические способности Льва Сапеги были замечены скоро. Уже в 1584 году он был отправлен королем Стефаном Баторием на переговоры в Москву во главе большого посольства (275 человек). Было ему тогда двадцать восемь лет, а задача стояла совсем не простая: подписать мирный договор, возвратить на родину пленных. И что весьма существенно: с кем предстояло вести переговоры? С Иваном Грозным! С правителем, не признававшим права на жизнь ни своих подданных, ни чужих. Однако случилось так, что аудиенция не состоялась: во время приезда делегации Иван Грозный ушел в мир иной. Прожил в Москве Лев Сапега несколько месяцев, и как все дипломаты во все времена, имел не только конкретное официальное задание, но и негласное — сообщать королю о положении в Москве, о настроениях людей, о крепости и авторитете власти. Зинаида Дудюк приводит послания Льва Сапеги, в которых он пишет о противоречиях в кругу придворных московского царя, да и о новом царе Федоре Иоанновиче, не впечатлившем его ни словом, ни жестом: «…Когда он во время моей аудиенции сидел на троне во всех своих царских регалиях, то, глядя на скипетр и державу, все смеялся». Интерес Стефана Батория к Москве объяснялся тем, что он намеревался отвоевать Смоленское и Северское княжества, а также имел виды на московский трон, что оказалось напрасным.

Миссия Льва Сапеги была оценена достаточно высоко, в качестве награды он получил назначение на должность подканцлера, а несколько лет спустя — канцлера ВКЛ.

Важной и для карьеры Льва Сапеги, и для стабильности Великого княжества Литовского была его поездка в Ливонию, в Ригу, в 1589 году. Нарушения свободы традиционного вероисповедания, возмущение введением грегорианского календаря, конфликты с иезуитами — все это вызвало в вольном городе большие волнения. Миссия Льва Сапеги состояла в том, чтобы успокоить людей, принудить присягнуть на верность Речи Посполитой. Судя по сохранившимся документам, Сапега был человеком добрым и великодушным, однако случались ситуации, когда нужно было проявить твердость. Руководители восстания были казнены, рижане присягнули на верность Речи Посполитой…

В служебные обязанности канцлера входили и зарубежные, и, конечно, внутренние проблемы государства. И здесь самое время заметить, что Лев Сапега всегда оставался патриотом Великого княжества Литовского.

Благодаря его усилиям король Сигизмунд III Ваза утвердил Статут ВКЛ в третьей редакции. (Статут, изданный Сапегой на свои средства, был переведен на польский язык и выдержал семь изданий. Трижды переводился на русский, а также немецкий.) Юридически польская шляхта теперь выступала как соседи и чужеземцы и не имела права приобретать земли на территории ВКЛ и занимать государственные должности. Особенно важно было и то, что написан он был на старобелорусском — государственном — языке.

Порой возникали ситуации, когда Лев Сапега, чтобы отстоять положения Статута, вынужден был проявлять настойчивость и принципиальность. Например, когда епископом на вилен-

скую кафедру был назначен поляк Бернад Матиевский, Сапега отказался поставить печать ВКЛ на его назначении. Сигизмунду пришлось смириться. Теперь все королевские бумаги приходили в канцелярию для предварительного согласования. Без подписи канцлера и печати они были недействительными.

Дипломатический дар Льва Сапеги был общепризнан и в совсем иных ситуациях, так сказать, вполне интимных. Ему пришлось участвовать в семейных проблемах Радзивиллов (когда его шурин Януш враждовал с Геронимом Ходкевичем из-за руки Софии Олелькович. Конфликт между двумя магнатами грозил перерасти в гражданскую войну, и лишь участие Льва Сапеги остановило спор, и Януш Радзивилл смог получить руку прекрасной Софии). А в 1605 году король Сигизмунд III Ваза обратился к нему за поддержкой в вопросе тоже сугубо личном: после смерти жены Анны Габсбургской он хотел заключить брак с ее сестрой Констанцией, дочерью эрцгерцога Карла, дабы укрепить связи с Австрией. Но польские магнаты во главе с коронным канцлером Яном Замойским не поддержали его, опасаясь усиления иностранцев.

На каждом сейме шляхта обвиняла короля в святотатстве и в иных грехах, от алхимии до игр в карты, причем молодой король вынужден был стоя выслушивать претензии к нему людей ниже званием — такова была шляхетская вольность.

Сигизмунд «терпеливый и молчаливый, временами не выдерживал и хватался то за саблю, то за платок, чтобы вытереть слезы обиды». В конце концов он обратился ко Льву Сапеге за поддержкой, и Сапега смог помочь своему королю, брак состоялся.

Сложных положений в жизни Льва Сапеги было много. Можно сказать, что в жизни государственного чиновника высокого уровня такие положения — явление постоянное. Спокойные дни в кругу семьи выдавались редко. Но как есть мужчины, главные интересы которых далеки от семейной жизни, так есть и изначально настроенные семейно. По-видимому, таков был Лев Сапега. Он женился на Дороте Збаражской 29 лет от роду, но брак их длился всего лишь пять лет: в 1591 году Дорота умерла, оставив дочь Басю, сына Яна Станислава и завещание, полное любви к своей семье, к мужу. Восемь лет он прожил в одиночестве.

Второй брак Льва Сапеги (с 16-летней Гальшкой Радзивилл) в плане духовном и душевном тоже был удачным. Юная жена оказалась достойной супруга — государственного человека, об этом свидетельствуют письма ее мужа, в которых они обсуждали всевозможные и личные, и государственные дела. Да и характер отношений говорит о многом. Не было дня, чтобы Сапега не написал ей хотя бы короткое письмо, а порой и два, три… «Даст Бог, вернусь к тебе, моя милая, мое сердце, в добром здравии…» — это строки его письма из Смоленска во время военных действий. «О, если бы дал мне Господь Бог тебя, мое утешение, увидеть, окружил бы я тебя нежностью…» Размышляя о браках литовских и польских магнатов, Зинаида Дудюк высказывает мнение, что в те времена браки заключались преимущественно из экономических, династических, политических соображений, а не по взаимной любви. Однако, как всегда, были в этом правиле счастливые исключения. О чем же говорят нежные признания Льва, если не о любви? К сожалению, личная жизнь Сапеги не была счастливой: вскоре после окончания войны с Московией Гальшка умерла.

Перманентные войны со Швецией и Московией требовали больших расходов, разоряя и шляхту ВКЛ, и крестьянство. Лев Сапега мечтал объединить три государства — Речь Посполитую, Московию и Швецию — в одно, отдав общую корону Московскому государю Федору Иоанновичу. Однако эллекционный сейм не поддержал такую идею, предложив на престол шведского королевича Сигизмунда Вазу, внука по материнской линии Сигизмунда Старого. В конце концов Лев Сапега присоединился к решению сейма. «История делается разными людьми одновременно, — пишет Зинаида Дудюк. — Каждый идет со своими намерениями, которые пере-

секаются, опровергают одно другое, или же объединяются и усиливают действие в одном направлении».

Непростые отношения Речи Посполитой и Московского княжества известны. Но особой страницей в жизни Сапеги стала война с Московией, начавшаяся походом Лжедмитрия. Еще в 1590 году, когда на сейме обсуждалась возможность войны с Москвой, Лев Сапега, понимая, какие человеческие жертвы она вызовет, какие поборы падут на плечи крестьян ВКЛ, высказался против. Не поддерживал он и кампанию по воцарению в Москве Лжедмитрия. Лев Сапега был мирным политиком, не стремился решать проблемы оружием. Например, он решительно высказывался против намерения своего двоюродного брата Яна Петра Сапеги присоединиться к Лжедмитрию. «…Противно слушать, заранее ясно, что на плохое дело повел войско», — писал он.

Однако на сейме 1609 года Сапега произнес фразу, которая дала основание считать его едва ли не вдохновителем новой войны: «Никогда Речь Посполитая не имела лучших условий для восстановления старых границ коронных». Мысль свою он аргументировал примерами из истории, подтверждая ее титульным списком Великого княжества Литовского. Он не ставил задачи завоевания чужих территорий и мечтал лишь о возвращении утраченных Смоленских и Северских земель. Но не только позднейшие историки, а и современники Сапеги назвали его виноватым, когда польские войска начали терпеть поражения.

Приведем строки из его письма жене, написанного в дни, когда стало ясно, что Смоленск не намерен сложить оружие, и в придворных кругах началось брожение умов и взглядов: «…Знаю одно, что теперь на меня будут возлагать вину всякую, но сам Господь Бог в моей невинности меня защитит…» А вот и ироническая строка: «Выбрались на эту войну, как из Кракова в Лондон!»

Значительно обогащают книгу рассказы о людях и событиях, имевших то или иное отношение к жизни Льва Сапеги. Это Николай Радзивилл Черный, король Стефан Баторий, Сигизмунд III Ваза, канцлер ВКЛ Астафий Волович и многие иные. Это и обстоятельный рассказ о «смутном времени» в Москве, о событиях, связанных с Лжедмитрием и прочно вошедшей в историческую литературу Мариной Мнишек. Хочется заметить, что обыкновенно в массовой литературе об этом периоде истории Марина запечатлена одной краской, хранится в памяти едва ли не как аферистка. Зинаида Дудюк рисует образ женщины сложной, с драматической судьбой. Судите сами: венчание на царство, затем изгнание, рождение ребенка от нелюбимого мужчины-авантюриста, смерть ребенка, попытка самоубийства и, наконец, гибель в тюрьме в возрасте 26 лет.

Судя по книге Зинаиды Дудюк, Лев Сапега был одним из наиболее образованных людей своего времени. Многие ли из нас, сегодняшних, вспоминают в личной переписке (или дружеском разговоре) такие имена, как Гай Светоний Транквилл, Квинт Гораций Флакк, Публий Вергилий Марон? Или хотя бы имена более популярных Демосфена, Еврипида, Плутарха?..

Как говорится, были в Великом княжестве люди не хуже нас.

Прежде чем читатель приобретет книгу Зинаиды Дудюк, нельзя не напомнить, что Лев Сапега был известен и благотворительностью: более двадцати храмов построены в ВКЛ на его средства.

Понятно, что материалы, которыми пользуется автор книги, не могут быть добыты в архивах и библиотеках одним человеком, и Зинаида Дудюк ссылается на своих предшественников: полный двухстраничный список авторов и исследователей разных времен и народов.

Историю России мы знаем лучше, чем собственную. Что у нас?! Вот там! Кровь рекой — вот это история! Чтобы избавиться от чувства исторической зависимости и неполноценности, нам придется узнать свою историю, своих героев — не обязательно полководцев. Узнаем — полюбим. Тогда у наших детей и внуков и вовсе не будет такой проблемы.

Книга Зинаиды Дудюк — хороший к этому шаг.

Олег ЖДАН

Душа осталась в Витебске...

Когда выходят книги после смерти автора, всегда относишься к ним как-то по-другому, более внимательно. Пытаешься определить новую ценностную позицию, которую занимает или должно занимать то или другое издание в видении читателя сегодня. Вот и книга Михаила Рывкина (1931—2010 гг.) «Краеведческие очерки и статьи» (Витебск: Витеб. обл. тип., 2011 г.), названная несколько прямолинейно, наталкивает на многие размышления, выходящие за рамки непосредственно содержания... Но об этом несколько позже.

Для начала давайте познакомимся с самим автором. Родился Михаил Степанович в Витебске в 1931 году. Великую Отечественную Рывкины пережили в эвакуации. В родной город вернулись в 1945 году. Михаил закончил школу в 1949-м, поступил на исторический факультет Витебского пединститута им. С. М. Кирова. После окончания один год проработал в Старосельской школе Витебского района, затем 18 лет преподавал в Витебской СШ № 3. Вот что пишет автор обстоятельного предисловия «Бессрочная командировка Михаила Рывкина», известный витебский краевед Аркадий Подлипский: «Уже тогда он увлекся краеведением. Да так, что посвятил ему всю оставшуюся жизнь. И будь такое звание — «Заслуженный краевед республики» — Михаил Степанович первым бы в Витебске по праву его заслужил. И одним из первых в Беларуси». И далее: «Все, кто знал Михаила Степановича в эти годы, отлично понимали, что ему уже стали тесны рамки школьной педагогики и что пребывание в качестве школьного учителя — явление временное. Так оно и получилось. После одного из выступлений в Москве М. С. Рывкину предложили поступить в аспирантуру Научно-исследовательского института содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР, которую он успешно закончил год спустя (1968 г.). Тогда и началась работа над диссертацией. Научным руководителем его был известный историк-методист П. С. Лейбенгруб». Прежде чем защитить диссертацию «Преподавание истории союзной республики в школьном курсе истории СССР (на материале VII—VIII классов школ Белорусской ССР)», М. Рывкин подготовил и издал учебные пособия «Из опыта внеклассной краеведческой работы по истории» (Москва, 1961 г.), «Эстэтычнае выхаванне вучняў у краязнаўчай рабоце па гісторыі» (Мінск, 1963 г.), «Методика обучения истории в средней школе» (Москва, 1965 г.), «Скарыстанне краязнаўчага матэрыялу на ўроках гісторыі» (Мінск, 1967 г.), «Вывучэнне гісторыі БССР у VII—VIII класах (Мінск, 1968 г.). Последнее из пособий и стало основой диссертации на звание кандидата педагогических наук, которую витебский краевед защитил в 1971 году. Великий трудяга, Михаил Степанович с первых лет работы в школе был примером настоящего педагога, которому всегда тесно в рамках просто школьного урока и для которых пересказывать учебник и щеголять знанием чужих комментариев к нему из союзного

и республиканского методических журналов было лишь малой толикой учительского призвания. Потому и горел желанием вырваться за рамки школьной программы, стремился расширить и информационную составляющую учебника и создать новую, лишь только ему открывшуюся методику преподавания истории. У меня есть небольшая по объему книжечка «Эстэтычнае выхаванне вучняў у краязнаўчай рабоце па гісторыі», подаренная мне в свое время кандидатом исторических наук известным архивистом Виталием Владимировичем Скалабаном. Преподавая краеведение в университете культуры, минский историк рекомендовал работу М. Рывкина будущим музейщикам как источниковедческую базу для прорыва краеведения и истории в смежные дисциплины или даже наоборот — для осмысления комплексных подходов в историко-исследовательской деятельности. Замечательный педагог, грамотный методист, Михаил Степанович в этой и других книгах сумел выстроить целостную систему осмысления значимости историко-краеведческого поиска в программе школьного обучения.

Будучи страстно увлеченным разработкой педагогической теории, автор книги «Краеведческие статьи и очерки» реализовывал свои научно-практические амбиции на фоне многогранного и широкомасштабного краеведческого поиска. Сборник открывают статьи, опубликованные в свое время в областной газете «Віцебскі рабочы»: «Два мнения о витебской ратуше» (1972 г.), «Улиц каменная книга» (1973 г.), «У истоков древнего Витебска» (1972 г.). Эти и другие материалы убеждают: автор детально знал предмет, обладал четко выраженной гражданской позицией, мог и в те непростые с идеологической точки зрения времена высказать актуальные предложения по сохранению в городе памятников, по разным историческим вопросам. К сожалению, голос краеведа не всегда бывал услышан. Потому и в 1990 году Михаил Степанович был вынужден писать о том, что и раньше, в прежние десятилетия, его тревожило: «Сегодня все чаще звучит обеспокоенный голос общественности за судьбу памятников и уникальных исторических территорий, всего многовекового материального и духовного наследия, которое оставили нам былые поколения. И в самом деле, необходимо самим, не ожидая некоторых общих решений, всем вместе позаботиться о том, чтобы остановить пагубный поток неуважения к памятникам истории и культуры. В связи с этим необходимо как можно быстрее взять под охрану государства все то лучшее, что можно еще сохранить, — от названий улиц до замечательных мест; отметить памятники архитектуры, которые имеют потребность в неотложных противоаварийных работах, и отыскать для этого необходимые средства; отметить зоны охраны и составить соответствующие охранные документы, если они того требуют; разработать детальный план реставрации и реконструкции старой застройки Задвинья; создать на кооперативных основах при отделе культуры Витебского горисполкома проектные и ремонтные реставрационные коллективы и оказывать им всяческую поддержку; создать при президиуме горсовета экспертно-консультационный совет по проблемам исторического наследия Витебска; возродить в области работу краеведческого общества во всем его разнообразии; объединить силы всех заинтересованных — формалов и неформалов — в сбережении памятников истории и культуры Витебщины...» И далее из той же статьи 1990 года: «Давно пришло время понять, что мы приблизились к той черте, за которой сохранить и сберечь историческое наследие уже будет нельзя. Сегодня возвращается не только память, но и чувство вины перед прошлым и ответственности перед современным и будущим. Потому мы и люди, что нам наказано жить не хлебом единым». Заметьте, мысли эти высказывал человек, который кроме научной деятельности, преподавательской работы в Витебском пединститу-

те много лет трудился в Белорусском обществе охраны памятников истории и культуры. Кстати, первый устав этой республиканской организации именно М. Рывкиным написан совместно с такими известными учеными-археологами, как Г. Штыхов, П. Лысенко, Л. Поболь. Активность, желание восстанавливать историческую справедливость привели Михаила Степановича ко многим общественно-краеведческим инициативам. Рассказывает автор предисловия А. Подлипский: «Конец 1980-х годов ознаменовался борьбой жителей Витебска за возвращение на родину имени тогда опального художника Марка Шагала. М. С. Рывкин был одним из тех, кто принимал активное в этом участие. Недоброжелатели художника распускали слухи, что домик, в котором предполагалось создать музей, вовсе не принадлежал семье Шагалов, что подлинный, дескать, не сохранился. Свидетельства людей, знавших семью художника и даже бывавших в этом домике, таких не убеждали. Да и можно ли было убедить тех, кто не слушал никаких доводов? Тогда свое слово сказал Михаил Степанович. Он обратился к архивам, в которых нашел документы, подтверждающие подлинность дома на Покровской улице. Итогом этой поездки стала небольшая заметка «О родительском доме М. Шагала. Из к архивам источников», опубликованная в газете «Віцебскі рабочы» от 15 января 1991 года. Вторая часть заглавия была сделана, конечно, не случайно: она должна была раз и навсегда закончить разговоры о подлинности дома, хотя, вообще говоря, никакого сомнения в этом ни у кого из непредвзятых людей и не было. Несколько позже, 19 июля 1992 года, в той же газете была опубликована уже обстоятельная статья «Родительский дом Шагала», положившая конец этой дискуссии.

Наряду с шагаловской темой М. Рывкин активно занимался и историей и сохранением единственного в Витебске еврейского кладбища. Совместно с А. Подлипским написал книгу «Наш вечный дом. (Из истории еврейских кладбищ в Витебске)». На протяжении нескольких лет краевед в архивах Минска, Витебска, Москвы выявлял документы, связанные с витебским гетто. В соавторстве с журналистом А. Шульманом издал книгу «Хроника страшных дней. Трагедия витебского гетто». Жаль, что тираж ее — всего 300 экземпляров.

Особый раздел книги «Краеведческие очерки и статьи» — «Встречи с незаурядными людьми». М. Рывкина интересовали судьбы многих деятелей культуры, он искал тех, кто мог рассказать что-то интересное о любимом им Витебске и его уроженцах. Потому познакомился с И. Андрониковым, хорошо знавшим И. Соллертинского, помогал в написании книги «Витьбичи» писательнице Лидии Обуховой, дружил с одним из последних могикан еврейской литературы Григорием Релесом...

И все-таки что касается размышлений о встрече с автором уже после его ухода из жизни. Замечательный, образованнейший витебский краевед Михаил Рывкин буквально во всех своих работах, написанных в разные годы, поставил удивительно актуальные и интересные и для нынешнего времени вопросы. Получилось так, наверное, еще и потому, что исследователь очень серьезно подходил к разработке темы, не боялся затрагивать острые вопросы, особенно — о сохранении историко-культурного наследия. Видно, что в краеведческое, духовное постижение окружающего его мира Михаил Степанович вкладывал все свои силы. Любовь к родине, к Витебску, в статьях автора «Краеведческих очерков и статей» обретает едва ли не физические параметры, становится, если хотите, отдельным симпатичным персонажем, вызывающим внимание и уважение читателя. Сборник произведений витебского педагога и краеведа — яркий пример настойчивой работы по созданию историко-просветительской атмосферы в городе на Двине. На мой субъективный взгляд, книгу М. Рывкина следовало бы включить в

рекомендательные списки литературы для внеклассного чтения в школах Витебска и Витебской области. Иным псевдоисследователям далекой и близкой витебской истории стоит поучиться у человека, который многое пережил сам, другие темы раскрыл благодаря внимательному и основательному изучению архивных источников, свидетельств предыдущих поколений наших соотечественников.

Отдельное слово благодарности следует адресовать составителю сборника, автору предисловия к книге и автору примечаний, известному витебскому краеведу Аркадию Подлипскому. Он в очередной раз засвидетельствовал, как важно в истории ничего не упустить, обо всем подробно рассказать, отметить каждый штрих. Наследие Михаила Степановича Рывкина крайне важно для следующих поколений. Не случайно журналист М. Нордтейн писал о Михаиле Степановиче следующее: «...Трудно свыкнуться с мыслью, что теперь применительно к нему приходится употреблять горькое слово «был». Но в жизни все относительно. У памяти, воссоздающей картины прошлого, нет прошедшего времени. Есть только настоящее. Михаил Степанович Рывкин — уже неотъемлемая частица Витебска, прописанная в этом замечательном городе навечно». И его книга «Краеведческие статьи и очерки» — тоже неотъемлемая часть витебской исторической библиотеки.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Признание в любви

Кто не слышал о нашем национальном достоянии — Беловежской пуще! К сожалению, не всем посчастливилось побывать в этом заповедном, в чем-то и первобытном уголке не только Беларуси, но и всей Европы.

…Осенью 2009 года в Беловежской пуще торжественно отмечалось 6000-летие введения заповедного режима. Кульминацией праздника стало выступление Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко. Он, в частности, сказал: «Овеянная легендами Беловежская пуща — последний большой лес Европы, удивительный памятник природы, который многие называют одним из чудес света. И это в самом деле так! Но это больше, чем чудо света. Пущей можно не только любоваться. Этот исконный мир, уникальный по своей биологической разновидности, можно использовать для здоровья людей. Это один из национальных символов Беларуси, самое большое приобретение и гордость народа».

Своеобразным гимном этому святому месту стала книга Алеся Мартиновича «Серенада под сенью столетий» («Признание в любви Беловежской пуще»), которая вышла в 2011 году в Минске, в издательстве «Беларуская навука». Автор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь и многих других престижных литературных премий, подчеркивает, что Беловежская пуща — место уникальное, так как она сохранила свою первозданность, позволяет видеть редких зверей в естественной для них среде обитания.

Книга состоит из своеобразных очерков, отображающих историю Беловежской пущи с древних времен до наших дней. Начинается повествование с ледникового периода, когда в центре Европы после отступления ледника на огромной территории изменился климат, создались предпосылки для появления новых видов животных и растений. Если раньше в этих краях обитали пещерные медведи, мускусные быки, северные олени и даже, есть предположение, жили мамонты, то на смену им пришли зубры, туры, бурые медведи, росомахи, бобры, дикие низкорослые лошади и другие животные. Вся территория покрылась дремучим лесом, которая стала идеальным местом для растительного и животного мира. Писатель увлекательно повествует о тех древних временах, когда эти территории осваивались людьми, как пуща помогала выжить им и многочисленным животным. Особое внимание автор уделяет зубру.

А. Мартинович отмечает, что в те времена были два вида похожих животных: тур и зубр, только судьба у них разная. «Если последняя на земле турица была убита в 1627 году, то судьба зубра оказалась счастливой. Хотя во Франции он исчез еще в пятом веке, а в степной зоне Восточной Европы был уничтожен в 16—17 столетиях, то на западном Кавказе и в Беловежской пуще сумел дожить до 20-го века, когда человек наконец-то понял, что надо предпринять все усилия для того, чтобы спасти это крупнейшее европейское млекопитающее». По количеству поголовья зубров Беларусь занимает второе место в мире после Польши: там — около 800 особей, у нас — около 400. В сохранении и увеличении популяции немалую роль сыграла национальная программа «Зубр». Иначе и нельзя, ведь зубр занесен в Красную книгу Республики Беларусь и в Международную Красную книгу.

Перед читателем встают яркие картины жизни животных в Беловежской пуще, а также картины освоения человеком прилегающих территорий. Автор показывает позитивную и негативную деятельность в отношении пущи правителей разных времен и народов: кня-

зей Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, российских императоров, деятелей советской эпохи, которые приезжали сюда поохотиться. Была и забота о сохранении и приумножении богатств пущи, было и их разбазаривание, бесчеловечное отношение к обитателям заповедных мест. Значительное внимание в книге уделено отображению жизни Беловежской пущи и ее обитателей в классических произведениях литературы («Пан Тадеуш» Адама Мицкевича, «Песня о зубре» Миколы Гусовского, серия корреспонденций «Из одного дорожного дневника», романы «Некуда» и «На ножах» Николая Лескова), в изобразительном искусстве (картины художников Ивана Шишкина, Евгения Вишнякова, Андрея Шильдера).

Особая страница в истории Беловежской пущи — войны. И боевые действия в древности, и Отечественная война 1812 года, и Первая мировая, и Великая Отечественная… Пуща всегда была на пути оккупантов, которые не щадили ее живой мир, хотя она служила и укрытием, и источником пропитания. Она всегда выручала человека в трудный час. Наиболее яркие моменты — помощь пущи, родной земли, белорусским партизанам.

Из книги Алеся Мартиновича можно узнать очень много интереснейших и малоизвестных даже в литературе сведений о необычных явлениях, которые наблюдаются в Беловежской пуще. Это и пророчество дуба о развале СССР, и своеобразное сердцебиение этого дерева, и спасение местных жителей во время войны, и рассказ о лечебных источниках и травах. А взять дубы-великаны! Самый старый из них здесь имеет возраст более 600 лет. Высота этого дерева-старейшины 32 метра, а диаметр его ствола составляет 220 сантиметров. Наиболее старая сосна в пуще прожила около 459, липа — 400 лет. Даже по сравнению с ними ясень и ель еще юные — их возраст примерно в пределах 300 лет. Зато сосна и пихта обогнали старожила в высоте, притом значительно: их «рост» около 40 метров.

А сколько в пуще озер, болот, разнообразных растений, грибов! К примеру, в первозданном виде сохранилось болото Дикое, площадь которого составляет более 20 тысяч гектаров, а возраст, по мнению ученых, более 6 тысяч лет. Одних только растений в нем — около 700 видов.

Неслучайно ЮНЕСКО включило лес Беловежской пущи в список Мирового природного значения человечества.

Алесь Мартинович подчеркивает, что в настоящее время в Беловежской пуще ведется надлежащая работа по сохранению и приумножению ее богатств для последующих поколений. Этому благоприятствует Указ Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2004 года «О Национальном парке «Беловежская пуща». Утверждено Положение о Государственном природоохранном учреждении «Национальный парк «Беловежская пуща», определены его границы, а также состав земель, заповедная зона, зона регулируемого использования и охранная зона. На Втором международном форуме Лидеров (профессиональный конкурс «Бренд года») в 2006 году Национальный парк «Беловежская пуща» получил золотую медаль в номинации «Наследие».

Рассказывается в книге и о научной работе, проводимой в пуще, о создании музея, об организации приема отечественных и зарубежных туристов, о белорусском Деде Морозе и о многом другом. Даже приведены пущанские рецепты оригинальных белорусских блюд и целебных напитков.

Книга написана хорошим языком, поэтому ее материалы будут интересны и понятны читателям всех возрастов. Обилие малоизвестных фактов, разнообразной информации делает книгу уникальной. Писатель не скрывает свою любовь к этому заповедному уголку Земли. Он пишет увлеченно, захватывающе, и его чувства и эмоции передаются читателям.

Закончил читать книгу Алеся Мартиновича — и очень-очень захотелось побывать в Беловежской пуще. Увидеть хотя бы частичку того, о чем узнал из прекрасной книги талантливого писателя-публициста.

Михаил КОВАЛЕВ

Алесь БАДАК.

Невероятные истории из жизни волшебников. Сказочные повести. Перевод на русский язык Ирины Шевляковой.

Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

В книге «Невероятные истории из жизни волшебников» Алеся Бадака помещены две сказочные повести — «Необычайное путешествие в Страну Ведьм» и «В темном лесу за синей речкой», которые позволят мальчишкам и девчонкам совершить невероятные путешествия. Одна из этих загадочных стран, в которую предлагает отправиться юным читателям А. Бадак, примечательна тем, что в ней живут только лентяи. Другая также по-своему оригинальна — в ней живут одни ведьмы. Хотя чему особенно удивляться, если в третьей стране и вовсе господствует Белая Ворона. «Невероятные истории из жизни волшебников» — для тех, кто любит хорошую книгу, кто сам не прочь на время стать волшебником.

Васіль БЫКАЎ: вядомы і невядомы.

Літаратуразнаўчае эсэ, успаміны. Укладальнік Мікола Мінзер.

Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

У этой книги два автора. Оба не требуют представления, ибо своим творчеством давно заняли в современной литературе достойное место. Тем более, что оба произносят свое слово о творчестве писателя, чье имя на слуху не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. Тема литературоведческого исследования Валентины Локун уже видна из названия ее эссе «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры». Творчество писателя она рассматривает в сравнении и сопоставлении с литературой «утерянного поколения» — произведениями Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, Р. Олдингтона, У. Фолкнера и других. Неслучайно и вторая часть книги названа именно так: «Василь Быков. Комбат. Писатель. Друг». У автора этих воспоминаний, Анатолия Сульянова, были дружеские отношения с Василем Владимировичем, хорошо он знает и его творчество, да и военную биографию. Поэтому в его рассуждениях можно встретить не только уже знакомого Быкова, но и неизвестного, такого, каким его знал А. Сульянов. Несомненно, эта книга будет с интересом встречена почитателями таланта В. Быкова. Кстати, до этого вышли книги, помогающие увидеть «вядомымі і невядомымі» Владимира Короткевича, Ивана Шамякина, Максима Богдановича.

Навум ГАЛЬПЯРОВІЧ.

На трапяткім агні. Навелы, эсэ, публіцыстыка.

Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2012.

Вышла новая книга прозы и эссеистики известного поэта и прозаика Наума Гальперовича «На трапяткім агні». В ней автор затрагивает реалии сегодняшней жизни, с нежностью пишет о любви к отчей земле. Интересен раздел «Адлюстраванні», в котором представлены мини-эссе о некоторых деятелях литературы и искусства Беларуси. В них Н. Гальперович очень лаконичен, но всегда умеет подметить что-то особенное. Как, например, в этой миниатюре: «Вадзім Спрынчан знешне нечым падобны на Барыса Пастарнака. Такі ж строгі, засяроджаны ў сябе твар, такая ж стромкая хударлявая постаць... Я назваў бы яго сапраўдным рыцарам паэзіі. Свае і чужыя радкі ён не прамаўляе, ён іх нібы спявае, як малітву...»

Георгий КОБЗАРЬ, Виктор СКАЧКО.

Виноград на приусадебном участке. Советы и рекомендации практиков.

Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Успешно возделывая, образно говоря, сад литературный, издательство «Мастацкая літаратура» решило

помочь и тем, кто занимается выращиванием виноградного сада. В «Слове к читателю» авторы этой книги говорят: «В душе человека всегда горит стремление к красоте. Как свидетельствует история, в период нестабильности и кризисов это желание, как рефлекс самозащиты, резко возрастает. А виноградное растение, его плоды — это и есть один из ярких символов доброты, красоты и высокой человеческой культуры. В этом, очевидно, заключается причина возросшей популярности виноградарства, как в Беларуси, Украине, так и других странах». Кстати, Г. Кобзарь проживает в Украине, а В. Скачко — в Беларуси. Безусловно, сблизил их виноград, как, несомненно, сблизит и тех, кто благодаря этой полезной книге возьмется за его выращивание.

Уладзімір ЛІПСКІ.
Мужык. Дакументальная аповесць.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Автором предисловия к этой книге является летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Петр Климук, который во вступительной статье пишет: «У вашых руках, можна сказаць, — касмічная кніга. Яна пра беларуса-мужыка, але не пра таго цярплівага і забітага працай пана сахі і касы, за якога некалі заступіўся народны паэт Беларусі Янка Купала. Кніга Уладзіміра Ліпскага «Мужык» — пра нашага сучаснага мужыка, які навукай і самай перадавой тэхнікай здабывае хлеб. Аповесць гэта пра знакамітага беларускага аграрніка Аляксея Сцяпанавіча Скакуна, які ў сваёй гаспадарцы «Астрамечава» зрабіў казку быллю, пераўтварыў адвечныя мары нашых продкаў-сялян у зямны рай». Впрочем, эту повесть о, говоря словами Бориса Полевого, настоящем человеке, многие уже прочитали в журнале «Полымя», в котором она печаталась в прошлом году в нескольких номерах, и смогли убедиться, насколько талантливо рассказал В. Липский об одном из самых замечательных наших современников, который сделал СПК «Остромечево» Брестского района одним из лучших в стране.

Літаратура XI—XVI стагоддзяў. Укладанне і каментарыі А. Бразгунова, І. Будзько, Л. Ляўшун.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Это первый том новой серии «Залатая калекцыя беларускай літаратуры» в 50 томах. В книге помещены неизвестные или малоизвестные шедевры отечественного письменного наследия, относящиеся к тому периоду, когда происходило формирование белорусской литературы. Впервые на современном белорусском языке представлена популярная в средневековье своеобразная энциклопедия жизни — Пролог. Также можно познакомиться с произведениями Кирилла Туровского, древними житиями белорусских святых, «Летапісам вялікіх князёў літоўскіх». В томе читатель встретит и такие знакомые имена, как Франциск Скорина, Сымон Будный, Василь Тяпинский, Ян Вислицкий, Микола Родван, Андрей Рымша и другие. Путь, пройденный белорусской литературой, прослеживается во вступительной статье Владимира Гниломедова «За тысячу гадоў».

Іван МУРАВЕЙКА.
Растуць дзеці. Вершы, апавяданні, казкі, загадкі.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

В прошлом году известному детскому писателю Ивану Муравейко исполнилось 90 лет. За это время им создано немало книг. В сборнике «Растуць дзеці» собрано лучшее из написанного этим мастером. О том, насколько многогранен его талант, свидетельствует то, что И. Муравейко успешно выступает в разных жанрах: в книге представлены его стихи, рассказы, сказки, загадки, написанные на протяжении 1955—2006 годов. В произведениях воспевается красота белорусской природы, звучат проникновенные патриотические стро-

ки. И. Муравейко с теплотой пишет о мальчишках и девчонках, тонко раскрывая их внутренний мир. Иногда делает это с юмором, а иногда так, чтобы развивать их образное мышление, смекалистость.

Виталий РОДИОНОВ.
Великая — нежная. 2500 высказываний о любви и счастье.
Гродно: Местный литературный фонд Союза писателей Беларуси, 2011.

Любопытное издание. Пожалуй, столько высказываний о любви под одной обложкой встречать еще не доводилось. Оригинальность книги «Великая — нежная», однако, не только в этом. Неповторимость ей придает и то, что собственные высказывания автора — гродненского педагога, композитора, знатока музыки и литературы Виталия Родионова — органически сочетаются с высказываниями о любви великих людей. Как, например: «Женщина — это хорошо накрытый стол, — заметил как-то Оноре де Бальзак, — на который мужчина по-разному смотрит до еды и после нее». Великий романист ошибается. Обаятельная женщина, ставшая верной супругой, — скатерть-самобранка, где вина и яства не наскучат до глубокой старости. Один из разделов, кстати, так и называется — «Из жизни великих людей». Представлены в книге и такие разделы, как «Женщина», «Магия женственности», «Мужчина», «Гармония между мужчиной и женщиной», «В зеркале природы», «В мире литературы» и другие.

Дмитрий СТРУКОВ.
Альбом рисунков. 1864—1867. На белорусском, русском и английском языках.
Мн.: Белорусская Энциклопедия им. Петруся Бровки, 2011.

Русский художник, археолог и педагог Дмитрий Струков в 1864 году совершил экспедицию по Беларуси, результатом которой стали зарисовки памятников архитектуры и пейзажей Могилева, Молодечно, Минска, Несвижа, Полоцка и других населенных пунктов, а также фрагментов отдельных строений, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В альбоме, являющемся факсимильным изданием, представлены изображения около 200 храмов, утерянных в наше время предметов старины, церковной утвари, икон, надгробий, а также фрагменты дневниковых записей Д. Струкова. Большинство из запечатленных строений и предметов, к сожалению, не сохранилось. Тем более интересно увидеть, как они выглядели. Но есть и такие, которые по-прежнему радуют нас, как, например, архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии и Свято-Петро-Павловский в Минске. «Альбом рисунков» Д. Струкова — подарок истинным ценителям национальной старины.

Василь СЛУЦКИЙ

Почтовая открытка как средство дипломатии

В США с успехом прошла презентация филокартического альбома постоянного автора газеты «СБ. Беларусь сегодня», известного белорусского коллекционера Владимира Лиходедова. Не единожды репродукции почтовых открыток из его коллекции украшали страницы литературно-художественных изданий. В РИУ «Литература и Искусство» увидели свет книги «У пошуках страчанага» и «Знічкі Айчыны».

А в газете «СБ. Беларусь сегодня» репродукции старых открыток долгое время открывали читателям страны далекие и близкие тайны отечественной истории, рассказывали о больших городах и маленьких местечках. Субботние, а затем пятничные страницы газеты с устоявшимся брендом «В поисках утраченного» обрели тысячи и тысячи поклонников. Газетная рубрика стала основой многих филокартических книг. В стране прошли выставки старых открыток, были организованы международные научно-практические конференции коллекционеров. В Марьиной Горке, Жировичах, Полоцке, Глубоком и других городах работают постоянно действующие экспозиции репродукций из филокартического собрания Владимира Лиходедова, который и представил для газеты и ее читателей уникальную возможность открывать мир истории через старую открытку. Не случайно в свое время Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко отметил творческий проект «В поисках утраченного» премией «За духовное возрождение».

А недавно в США, в Вашингтоне, американская еврейская организация «Национальная конференция в поддержку евреев в России, Украине, Балтийских государствах и Евразии» презентовала книгу Владимира Лиходедова «Синагоги» из серии «В поисках утраченного». Под одной обложкой представительного издания, выпущенного в Минске издательством «Рифтур», собрано множество видов синагог разных стран. В основе книги, конечно же, — белорусский материал. Коллекционер сумел отыскать и те открытки, которые являются единственным документальным свидетельством существования многих островков еврейской духовной жизни. Особый интерес, разумеется, книга вызывает у людей, знающих о судьбе отдельных культовых объектов, о том, как сложилась жизнь евреев, которые приходили молиться в синагоги Слонима, Ракова, Новогрудка, Браслава… Презентация в Вашингтоне, в которой принял участие и белорусский коллекционер, привлекла внимание самой широкой общественности. Познакомиться с уникальной книгой, рассказывающей о памяти, боли, духовных взлетах и страданиях, пришли бизнесмены, рядовые американцы, представители влиятельных организаций США, руководители Библиотеки Конгресса США, было немало и эмигрантов. Точнее — их детей и внуков. В семьях выходцев из Беларуси, конечно же, знают о своих родовых корнях, о тех трагедиях, что связаны с родиной их родителей, их дедов-прадедов.

— И для меня новая презентация книги «Синагоги» стала значимым событием эмоционального характера, — делится своими впечатлениями Владимир Алексеевич Лиходедов. — Собирая материал для альбома, я совершил немало историко-краеведческих открытий, побывал в самых разных уголках Беларуси. Появился багаж знаний о синагогах

и еврейской духовной жизни в других странах. Иногда даже кажется, что вместе с найдениными старыми открытками побывал в Харбине и Хельсинки, Баку и Таллине, Петропавловске и Ташкенте… Но и на презентации в Вашингтоне добавилось и эмоций, и знаний. Появились новые знакомства. Меня порадовало, что многие из гостей, участников встречи, хорошо знают Беларусь. Были и бизнесмены, работающие с нашей страной, были и те люди, которые интересуются белорусскими инициативами и проектами.

Тон разговору на презентации, эмоциональный настрой задал в приветственном слове исполнительный директор организациии «Национальная конференция в поддержку евреев в России, Украине, Балтийских государствах и Евразии» Марк Левин. Содержательным было выступление главного раввина религиозного иудейского объединения в Республике Беларусь А. Бененсона. Общественный и религиозный деятель, которого хорошо знают в Беларуси, отметил особую значимость коллекционерских устремлений Владимира Алексеевича Лиходедова, подчеркнул весомость той работы, которую проводит белорусский собиратель. Открытка, совершив свое путешествие во времени, не просто будоражит память, тревожит сердце, она становится реальной опорой в общении людей.

— Меня впечатляют масштабы проведенного Владимиром Алексеевичем исследования, собранная автором книги коллекция, — сказал Временный Поверенный в делах Республики Беларусь в США Олег Кравченко, много сделавший для организациии поездки Владимира Лиходедова в США. — Не думаю, что до Владимира Алексеевича кем-либо было осуществлено столь глубокое и всестороннее исследование, результатом которого стало уникальное собрание редчайших, зачастую сохранившихся в единичном экземпляре, оригинальных изображений святых для евреев мест. И конечно же, настоящий фурор вызвало выступление самого коллекционера. Точнее — его беседа с участниками презентации. Рассказывая о судьбе найденных открыток, о своих поисках, Владимир Алексеевич вызвал людей на откровенный, задушевный разговор. Многие интересовались другими работами, публикациями, книгами филокартиста, расспрашивали о масштабах коллекции. Подсказывали, каким хотели бы увидеть продолжение книги. Например, в виде собрания рукописных посланий на обратной стороне открыток, посланий, которые еще более полно отражают дух и события прошедшей эпохи. Очень увлекательными оказались рассказы американцев, которые в коллекции Владимира Лиходедова находили старинные открытки с видами городов, откуда более 100 лет назад по разным причинам прибыли в Америку их предки. По результатам встречи и презентациии книги в Вашингтоне у Владимира Алексеевича появились не только «наказы» заинтересованной аудитории, но и предложения об осуществлении совместных проектов в исследовании, поиске новых филокартических материалов. …История почтовой открытки не такая уже и большая. Первая карточка была выпущена в Австро-Венгрии 1 октября 1869 года. Еще семь лет — и будем праздновать 150-летие почтовой открытки… Во время франко-прусской войны 1870—1871 годов в действующих армиях Франции и Германии карточки снабдили иллюстрациями. А некоторые из солдат, отправляя их родным, что-то еще дорисовывали. Коммерсанты идею подхватили и стали выпускать иллюстрированные почтовые открытки. В России первая открытка увидела свет в 1874 году. Открытки, которые собирает Владимир Алексеевич, в основном связаны с фотографическими изображениями… Но и у них на обратной стороне всегда есть место для почтового сообщения. И рассматривая книги белорусского коллекционера, многие американцы, особенно — представители старшего поколения, задавали вопросы: а что же было на обратной стороне открыток, не занимался ли Владимир Алексеевич поиском адресатов, корреспондентов…

Презентация альбома «Синагоги» привлекла большое внимание к визиту белорусского коллекционера в США. Владимира Лиходедова пригласили на встречу в Библиотеку Конгресса США. Напомним, что летом 2011 года именно здесь прошла презентация другой

филокартической книги из серии «В поисках утраченного» — «Тадеуш Костюшко на старых открытках и в графике». Правда, это мероприятие прошло без участия коллекционера. Книгу представлял Помощник Президента Республики Беларусь по внешней политике Валентин Борисович Рыбаков. Кстати, в Библиотеке Конгресса США есть почти все книги серии «В поисках утраченного». Об интересе к собранию белорусского коллекционера, его историко-краеведческой работе говорила и руководитель по Европейскому Дивизиону (Восточной Европе) Библиотеки Конгресса США Раина Фрацковяк. Она, в частности, отметила следующее: «Филокартические издания Владимира Лиходедова замечены и в нашей библиотеке, и американскими историками Беларуси, Польши, Украины, России в целом. Настоящих исследователей всегда интересуют конкретные факты. А старая открытка во многом позволяет их восстановить».

Еще один адрес американского вояжа белорусского коллекционера — американский Фонд Тадеуша Костюшко. Герою, объединяющему три страны — Беларусь, Польшу, США, Владимир Лиходедов посвятил многие месяцы и даже годы своих филокартических поисков. Книга «Тадеуш Костюшко на старых открытках и в графике», высокую оценку которой дали многие исследователи, хорошо известна в США. Вице-президент американского Фонда Тадеуша Костюшко Магда Мазурек заметила: «Нас очень заинтересовала эта книга. Она не просто чрезвычайно интересна в историческом аспекте. В такое время, как сейчас, это произведение будет служить объединяющим фактором для народов, которым дорого имя Тадеуша Костюшко».

Американские поляки пригласили Владимира Лиходедова и в Филадельфию, где в доме, который помнит самого Костюшко, существует национальный мемориальный музей нашего земляка. Там состоялись встречи с руководителем службы национальных парков США в Филадельфии С. Маклеод и куратором музея, ведущим американским исследователем жизни Т. Костюшко Р. Джаннини. Белорусский и американский костюшковеды обменялись своими мнениями о хронологии событий в жизни американского и польского генерала. Роберт Джаннини показал Владимиру Алексеевичу комнату, в которой жил Костюшко, позволил зайти в нее, хотя обычно это не позволяется никому. Комната защищена усиленным стеклом. Раньше нарушить установленное правило — и тоже про личному разрешению Р. Джаннини — было позволено только Леху Валенсе.

Я обратился к Владимиру Лиходедову с вопросом: о чем думал он, покидая Америку? И вот что сказал коллекционер:

— И в фонде Костюшко в Нью-Йорке, и в музее в Филадельфии, и еще в Мемориальном музее Холокоста США — везде я ощутил искреннюю заинтересованность результатами моих поисков, той коллекцией старых открыток, которой я посвятил всю жизнь. А ведь и собирал, и продолжаю собирать ради того, чтобы не канули в Лету многие факты исторической правды, чтобы мы, сохраняя память о предках, о прошлом, были более разумными, мудрыми. И непременно с уважением и пониманием относились друг к другу…

А мне кажется, что один из прочных мостов дружбы и взаимопонимания между народами уже проложен и укрепляется именно Владимиром Лиходедовым и его коллекцией старых открыток, которую знает теперь весь мир.

В книжных магазинах Минска еще и сегодня можно отыскать филокартические альбомы Владимира Лиходедова. Перелистайте их страницы — и, поверьте, вы совершите уникальное путешествие по самым разным историческим адресам. В недавно изданных книгах В. Лиходедов рассказал о том, какие места связаны с жизнью и творчеством Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого. Два ярких польских поэта, два классика, чей жизненный путь так или иначе связан и с Беларусью. А еще я верю, что в скором времени коллекционер подготовит альбом, посвященный адресам, жизни и творчеству Янки Купалы, Якуба Коласа…

Игнат ШИЧКО

БИРЧЕНКО Татьяна Ефимовна. Родилась в 1948 г. в Бобруйске. Окончила Белорусский политехнический институт. Автор поэтических сборников «Запоздалый гость», «Голубка», «И веточка качается, и дудочка свистит», «Нескончаема дней вереница». Живет в Минске.

МАТЮШКО Юрий Всеволодович. Родился в 1944 г. в г. Барановичи. Окончил Витебский медицинский институт. Поэт. Автор нескольких сборников стихов. Живет в г. Барановичи Брестской области.

ПАРХИМОВИЧ Наталья Альбертовна. Родилась в Хабаровске (Россия). Окончила Белорусский государственный университет. Много лет проработала в редакции журнала «Нёман». В настоящее время — заведующая отделом литературного редактирования РИУ «Литература и Искусство». Живет в Минске.

ИЛЬЮШИНА Наталья Ивановна. Родилась в Минске в 1942 или 1943 году. В 1966 году окончила Минский государственный институт иностранных языков. Работала преподавателем английского языка. Автор стихотворных сборников «Забытые качели», «Сквозь призму ночи» и сборника стихов для детей «Сказки Бабушки Ежихи». Живет в Минске.

МАРЧУК Георгий Васильевич. Родился в 1947 г. в Давид-Городке Столинского района Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик, драматург. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

КОТЛЯРОВ Изяслав Григорьевич. Родился в 1938 г. в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии и многочисленных публикаций в изданиях Беларуси и России. Работал в редакции светлогорской районной газеты, теперь — директор картинной галереи. Живет в Светлогорске.

КРАСНЕВСКАЯ Зинаида Яковлевна. Родилась в 1947 г. в Риге (Латвия). Окончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Переводчик, автор нескольких книг по проблематике перевода. Живет в Минске.

СИПАКОВ Янка (Иван Данилович). Родился в 1936 году в д. Зубревичи Оршанского района Витебской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Государственной премии БССР, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Умер в 2011 году.

ХАЙМ Штефан (ФЛИГ Хельмут). Родился в 1913 г. в г. Чемнитц (Германия). Немецкий журналист, писатель и политик. Окончил Чикагский университет. Автор романов «Заложники», «Агасфер», «Черная гора» и др. Лауреат нескольких национальных премий ГДР. Умер в 2001 году.

ВОМАН Габриэль. Родилась в 1939 г. в г. Дармштадт (Германия). Немецкая писательница. Изучала во Франкфурте-на-Майне германистику, романистику, музыку и философию. Автор более 90 книг, среди которых романы «Теперь и никогда», «Прогулка с матерью», сборники рассказов «Русское лето», «Он сидел в автобусе, который переехал его жену» и др. Живет в Германии.

ДЁРРИ Дорис. Родилась в 1955 г. в Ганновере (Германия). Немецкий кинорежиссер, сценарист, прозаик. Окончила двухгодичные курсы драматического отделения University of the Pacific в Стоктоне (Калифорния), училась в Нью-Йорке в Новой школе социальных исследований и в Университете телевидения и кинематографии в Мюнхене. Автор семи книг коротких рассказов, которые переведены на пятнадцать языков мира. Живет в Германии.

КАПУСТИНСКИЙ Рышард. Родился в 1932г. в Пинске. Польский писатель и журналист. Окончил Варшавский университет. Автор многих книг. Лауреат премии Болеслава Пруса, Международной премии журналистов, Премии Гете и др., почетный доктор многих польских и зарубежных университетов. Умер в 2007 году в Варшаве.